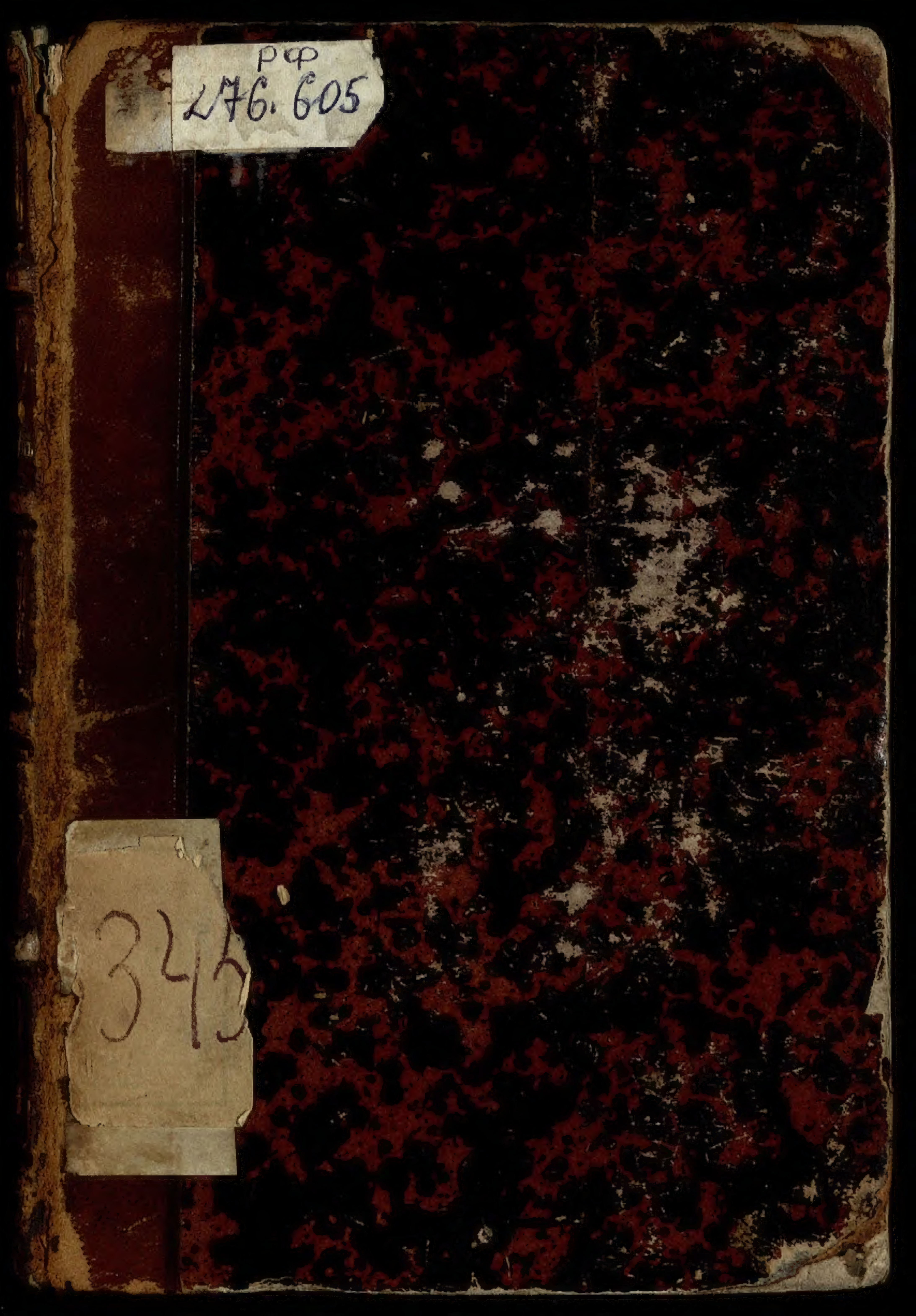
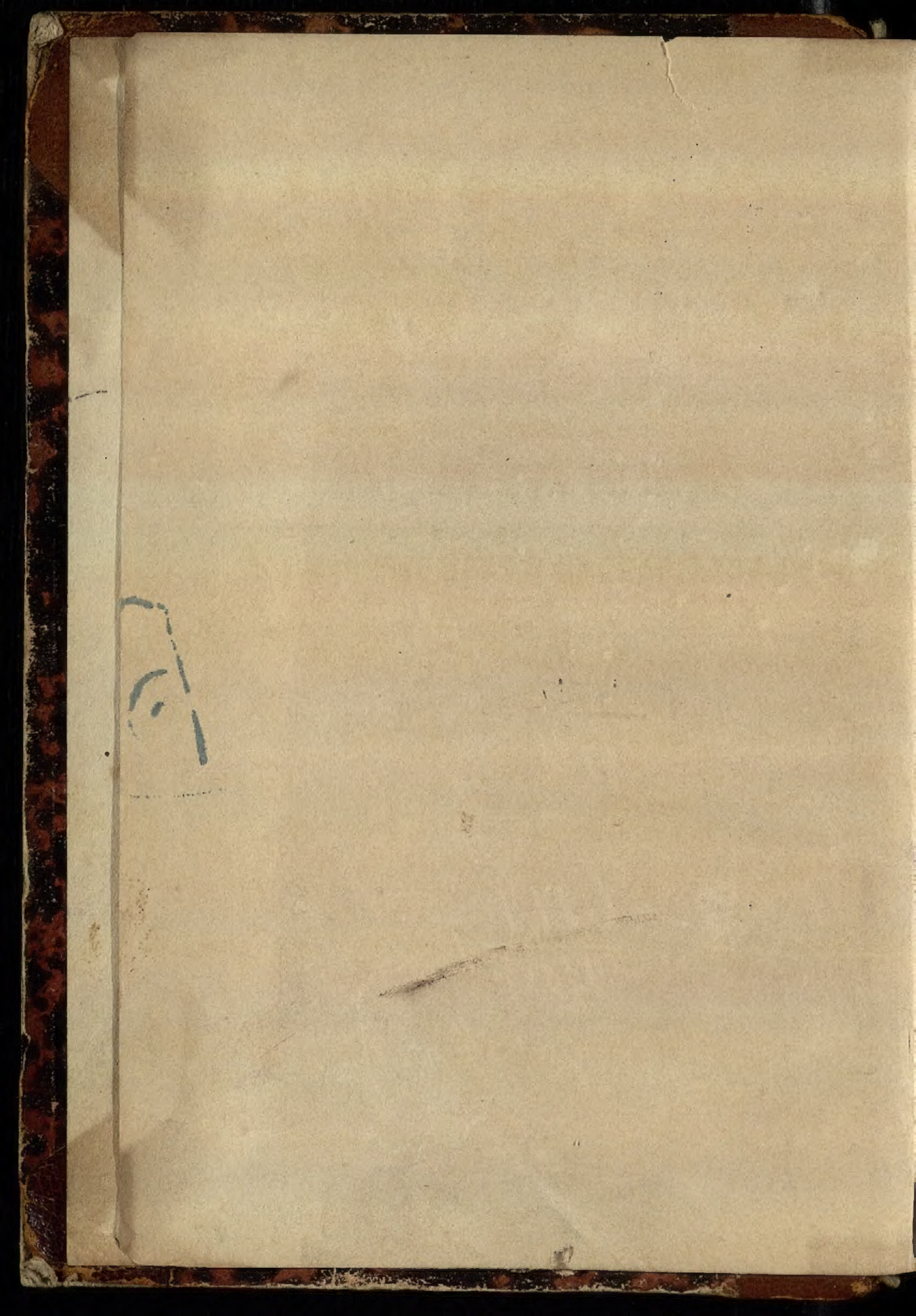

РФ
276.605
345



верке́ровъ и для ѣздовыхъ канонировъ въ гвардейской пѣшей артиллеріи. 29573 *а*. — Производство столовыхъ денегъ Командующимъ гвардейскими резервными легкими пѣшими батареями. 30067. — Срокъ лѣтнимъ панталонамъ Лейбъ-Гвардіи въ конной артиллеріи. 30080.—Форма перевязей для трубачей гвардейской пѣшей артиллеріи. 30159.— Отпускъ денегъ на канцелярскіе расходы въ Штабы Командующихъ гвардейскою резервною пѣшею артиллеріею, 1, 2 и 3 сводными гвардейскими резервными артиллерійскими бригадами и резервными батареями гвардейской артиллеріи. 30191.—Форма одежды генераламъ, числящимся въ гвардейской конной и пѣшей артиллеріи. 30201.—Перемѣна галуна у фейерверкеровъ Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской бригады. 30321, *ст. 3*.—Порядокъ производства Казначеевъ гвардейской артиллеріи въ слѣдующіе чины на ваканціи. 30517.—Форма шараваръ генераламъ и офицерамъ гвардейской пѣшей артиллеріи на балахъ въ Высочайшемъ присутствіи. 30727. — Отпускъ фуража лошадямъ уносныхъ фейерверкеровъ и штабъ—трубачей гвардейской пѣшей артиллеріи. 31055.—Форма воротниковъ и плечевыхъ погоновъ плаща и шинелей у офицеровъ и нижнихъ чиновъ Лейбъ-Гвардіи 2-й и 3 Гвардейской и Гренадерской артиллерійскихъ бригадъ. 31336.— *См. также:* Артиллерія, *ст. II*.

VI. Гвардейскіе Инженеры.

Срокъ лѣтнимъ панталонамъ Лейбъ-Гвардіи въ конно-піонерахъ. 30080. — Порядокъ производства инспекторскихъ смотровъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонерному дивизіону. 30179.—Форма одежды генераламъ, числящимся Лейбъ-Гвардіи въ Конно-Піонерномъ дивизіонѣ и Саперномъ баталіонѣ. 30201.—Распространеніе права производства въ слѣдующіе чины, на ваканціи, со старшими фронтовыми офицерами, и на Казначеевъ Лейбъ-Гвардіи: Конно-Піонернаго дивизіона и Сапернаго баталіона. 30560. — Права Начальника Инженеровъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса. 31153.

VII. Гвардейскіе жандармы. — *См.* Военная полиція.

VIII. Гвардейская инвалидная бригада.

Сформированіе по ¼ гвардейской инвалидной роты для Лейбъ-Гвардіи 1 и 2 Стрѣлковыхъ баталіоновъ. 30796.—Права офицеровъ, поступающихъ въ гвардейскую инвалидную бригаду. 30935.

IX. Гвардейская Фурштатская бригада.—*См.* Фурштаты.

ГЕНЕРАЛИТЕТЪ.

Генераламъ, присутствующимъ при погребеніяхъ въ парадной городской формѣ, надѣвать шаравары красныя съ галуномъ. 30017. — Генераламъ, имѣющимъ полковые мундиры, быть передъ войскомъ въ строю въ общемъ генеральскомъ полукафтанѣ. 30019. — Назначеніе особыхъ генераловъ, для командованія бригадами запасной дивизіи 6 пѣхотнаго корпуса, и учрежденіе при нихъ Бригадныхъ Управленій. 30050. — Дополнительныя правила о формѣ обмундированія генераловъ Межеваго Корпуса. 30153.—Форма одежды для генераловъ морскаго вѣдомства. 30155. — Когда слѣдуетъ носить эполеты и прежнее шитье и петлицы генераламъ войскъ гвардіи. 30200. — Форма одежды генераламъ, числящимся въ гвардейской конной и пѣшей артиллеріи, Лейбъ-Гвардіи: въ Конно-піонерномъ дивизіонѣ и Саперномъ баталіонѣ, а также инженернымъ генераламъ. 30201. — Форма шараваръ для генераловъ, состоящихъ по кавалеріи и пѣхотѣ, при мундирѣ Военнаго Министерства. 30207.—Дозволеніе представлять къ пенсіямъ изъ инвалиднаго капитала семейства генераловъ сухопутныхъ войскъ и флота, убитыхъ или умершихъ отъ послѣдствій увѣчья, полученнаго ими при исполненіи служебныхъ обязанностей, на смотрахъ, ученьяхъ, маневрахъ и т. п. 30296.—Производство квартирнаго довольствія генераламъ, увольняемымъ въ отпуски для леченія ранъ и контузій. 30432. — Число деньщиковъ, присвоенныхъ генераламъ 1-й Арміи. 30505.—Нѣкоторыя измѣненія въ формѣ обмундированія генераловъ гвардейской кирасирской дивизіи. 30700.—Форма шараваръ генераламъ гвардейской пѣхоты и гвардейской пѣшей артиллеріи на балахъ въ Высочайшемъ присутствіи. 30727.—О томъ, чтобы никто изъ генераловъ, не занимая должностей, не состоялъ по гвардейской и армейской пѣхотѣ и кавалеріи, по гвардейской конной и пѣшей, а также по полевой и гарнизонной артиллеріи, по сапернымъ баталіонамъ, по Инженерному Корпусу и по Внутренней Стражѣ. 30731. — Подтвержденіе генераламъ имѣть, въ зимнее время, у плащей теплые воротники только изъ черныхъ смушекъ. 30754.— Порядокъ назначенія деньщиковъ генераламъ. 30777.—Назначеніе деньщиковъ генераламъ управленій гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. 30820, *шт.*, *примѣч.* — Бальная форма генераламъ морскаго вѣдомства. 30823. — Генераламъ морскаго вѣдомства имѣть, въ зимнее время, у плащей воротники изъ черныхъ смушекъ. 30828.—Сохраненіе дѣтямъ генераловъ, воспитывающимся въ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ суммъ Комитета 18 Августа 1814 года, права на полученіе пенсій изъ государственнаго казначейства. 30833.—Дозволеніе генераламъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса изъ туземцевъ, числящимся по милиціи, носить на своей народной одеждѣ соотвѣтствующіе чину эполеты. 30916.—Внесеніе въ формулярные списки походовъ и дѣйствій на берегахъ Балтійскаго моря противъ соединенныхъ флотовъ и войскъ Англіи и Франціи въ минувшую войну. 30925.—Нѣкоторыя перемѣны въ формѣ обмундированія генераловъ, числящихся по арміи, кавалеріи, полевой артиллеріи и полевымъ инженерамъ. 30977.—Нѣкоторыя измѣненія въ формѣ обмундированія генераловъ. 31098. — Наложеніе трехдневнаго траура на войска военно-сухопутнаго вѣдомства, по случаю кончины Генералъ-Фельдмаршала Князя Воронцова. 31125.—Генераламъ вьючный суконный чемоданъ на сѣдлѣ имѣть сѣраго цвѣта. 31169.—Порядокъ представленія на будущее время формулярныхъ списковъ генераламъ. 31246.—Форма погончика для пристегиванія эполетъ генераламъ военно - сухопутнаго вѣдомства. 31261.—Предоставленіе генераламъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія имѣть по три казенныхъ деньщика. 31297.—Форма погончика для пристегиванія эполетъ генераламъ морскаго вѣдомства. 31298.—Допущеніе генераловъ къ слушанію лекцій въ Императорской Военной Академіи безъ предварительнаго экзамена и безъ предоставленія за сіе особыхъ правъ и преимуществъ. 31304. — Порядокъ увольненія генераловъ въ отпускъ, въ ожиданіи разрѣшенія по просьбамъ, поданнымъ объ увольненіи отъ службы. 31311. — Порядокъ увольненія въ 1857 году генераловъ въ отпускъ и въ отставку. 31312.—Форма обмундированія генераловъ вѣдомства Путей Сообщенія. 31317. — Нѣкоторыя измѣненія въ формѣ обмундированія генераловъ Гвардейскаго Генеральнаго и Генеральнаго Штабовъ. 31337.

ИНДІЯ

ПОДЪ
АНГЛІЙСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Барона Барчу де Паноэна.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

по порученію П. В. Голубкова,

Русскаго Географическаго Общества Дѣйствительнаго Члена и Члена Соревнователя.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 19-го Августа, 1848 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

Предисловіе.

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, представивши публикѣ исторію завоеванія Индіи Англіею, я рѣшаюсь теперь предложить ей новый трудъ, служащій въ нѣкоторомъ отношеніи продолженіемъ и пополненіемъ перваго, но въ другихъ отношеніяхъ совершенно отъ него различный и отдѣльный; трудъ этотъ — *Индія подъ англійскимъ владычествомъ*.

Задачею перваго изъ моихъ сочиненій было изложить въ связи событія, которыя повели

къ основанію Британской имперіи въ Индіи; въ этомъ, я предпринимаю изслѣдованіе и изложеніе политическихъ, правительственныхъ и административныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ Англія для сохраненія и упроченія своего дѣла. Мнѣ удалось уже и прежде (*) указать на всю важность предмета, важность еще увеличившуюся вслѣдствіе послѣднихъ событій, которыхъ Востокъ былъ театромъ. Я не стану слѣдственно повторять этого въ настоящую минуту и ограничусь только указаніемъ причинъ, заставившихъ меня разсматривать это великое событіе съ двухъ различныхъ сторонъ. Планъ и цѣль моихъ двухъ трудовъ, посвященныхъ на это, объяснятся такимъ образомъ сами собою.

Когда одинъ народъ покоряетъ другой, завоеваніе и окончательное утвержденіе, упроченіе завоеванія, принадлежатъ къ двумъ, совершенно различнымъ порядкамъ вещей и фактовъ. Когда оканчивается дѣло оружія, другая задача предлежитъ побѣдителю. Двѣ расы, которыя впослѣдствіе должны жить на одной

(*) См. Histoire de la conquête. — *Вступленіе.*

и той же землѣ, не могутъ остаться одна другой чуждыми; если бы было такъ, побѣда была бы безплодна для побѣдителей. Съ этой минуты необходимо, слѣдовательно, извѣстнаго рода сліяніе между побѣдителями и побѣжденными; нуженъ новый правительственный и административный механизмъ, который бы привелъ ихъ въ извѣстное отношеніе и поддержалъ это отношеніе. — Извѣстнаго рода борьба начинается тогда между вѣрованіями, правами и обычаями двухъ народовъ, и въ этой борьбѣ, побѣда не всегда остается вѣрна одной сторонѣ. Испанцы насадили свою европейскую цивилизацію въ Перу и Мехикѣ, — но Китай, завоеванный татарами, самъ тотчасъ же подчинилъ ихъ своей цивилизаціи. Отсюда цѣлый рядъ философскихъ и политическихъ причинъ, различныхъ отъ тѣхъ, которыя относятся къ совершенію самаго завоеванія, равныхъ съ ними по интересу, если еще не болѣе интересныхъ.

Англичане, прибывши въ Индію, преимущественно заняты были единственнымъ интересомъ: коммерціею, — предполагали миръ единственною цѣлью своей политики. Но война

обыкновенно порождаетъ другія войны, завоеванія прибавляются къ завоеваніямъ. Едва англичане перестали находиться подъ покровительствомъ своихъ пушекъ въ Мадрасѣ и Калькуттѣ, какъ главною заботою ихъ стало не распространять, а сжимать напротивъ свои завоеванія, и между тѣмъ, какая то необоримая сила влечетъ ихъ, толкаетъ, заставляетъ перейти положенную ими границу. Дѣло въ томъ, что на этой землѣ духъ англійскій нашелъ такія благопріятныя пособія своему развитію, что не могъ ни остановить, ни даже замедлить этого развитія. Западъ и Востокъ вошли въ столкновеніе подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій — и невозможно было, чтобы первый не восторжествовалъ надъ послѣднимъ. Онъ долженъ былъ поглотить его въ себѣ, вслѣдствіе простой силы притяженія. Государи Востока, со всей своей недальновидностью, дѣтствомъ, не могли не сокрушиться при столкновеніи съ британскимъ упорствомъ и постоянствомъ; это было все равно, что стекло въ столкновеніи съ мѣдью.

Англичане, хотя и въ обратномъ смыслѣ, равно обмануты въ своихъ условіяхъ отно-

сительно упроченія своего владычества. Лучшимъ или точнѣе сказать единственно возможнымъ основаніемъ этого владычества, было бы счастіе подчиненныхъ ему народовъ: до сихъ же поръ оно было виною ихъ бѣдности, раззоренія, разрушенія. Англія обманывается во всѣхъ своихъ расчетахъ, во всѣхъ своихъ предположеніяхъ; чего она ни захочетъ, выходитъ совершенно противное. Она предположитъ себѣ, напримѣръ, реформу судебной организаціи, противной ея европейскимъ понятіямъ, и кончитъ тѣмъ, что истребитъ, уничтожитъ всякое правосудіе, предастъ цѣлые милліоны людей произволу, насилію, угнетенію. Она предположитъ себѣ подобную же реформу въ финансовой администраціи и отниметъ у народонаселенія, и такъ уже бѣднаго, его послѣдній кусокъ хлѣба, послѣднюю горсть риса. Вздумаетъ ли Англія создать въ Бенгаліи территоріальную аристократію, она исторгнетъ съ корнемъ вонъ аристократію уже существующую и скоро обратитъ ее въ бѣдную, раззоренную толпу. Попытается ли она завести въ Мадрасѣ владѣльческую демократію, — она породитъ аристократію и притомъ насильственную

угнетающую, грубую. Хочетъ ли она ввести въ индобританскую армію эту же самую дисциплину, которой она обязана была столькими побѣдами, она уничтожитъ прежде отличавшій ее воинственный духъ, не замѣнивши новымъ. Привязанность солдатъ къ ихъ начальникамъ была до тѣхъ поръ духомъ, душею, связью этой арміи — Англія какъ будто нарочно оскорбляетъ и уничтожаетъ эго чувство: она создастъ себѣ множество враговъ, тайныхъ, но сильныхъ, изъ этихъ индійскихъ воиновъ, которые въ продолженіе цѣлаго вѣка расточали за нее свою кровь въ безчисленныхъ битвахъ. Отличительныя качества англійскаго духа всѣ обращены противъ дѣла Англіи. Упорство, постоянство, до конца сопровождающія англичанина на томъ пути, которымъ онъ пошелъ, здѣсь становятся ему пагубны. Невѣжество и народные предразсудки поставили его въ такое положеніе, что онъ не можетъ не докончить раззоренія завоеванныхъ народовъ.

Противуположности двухъ сторонъ одного и того же событія, т. е., утвержденія англійскаго владычества въ Индіи, неисчислимы. Мы

не будемъ слѣдить ихъ въ подробностяхъ, мы попытаемся скорѣе искать разрѣшенія ихъ въ причинахъ высшаго разряда, почерпнутыхъ изъ философіи исторіи. И такимъ образомъ, не будетъ, можетъ быть, невозможнымъ отдать себѣ отчетъ въ различіи результатовъ, полученныхъ Англіею отъ двухъ родовъ фактовъ, на которые мы указали.

Съ первыхъ временъ исторіи два великія движенія совершаются въ мірѣ: одно влекло нѣкогда родъ человѣческій съ Востока на Западъ, другое возвращаетъ его съ Запада на Востокъ. Первое изъ этихъ движеній, съ которымъ связаны великія переселенія, наполнившія народами западъ Азіи и Европы, — началось за долго до историческихъ временъ. Второе, открывающееся Троянскою войною, продолжаемое государствомъ Александра, имперіею Римскою, крестовыми походами, открытіемъ мыса Доброй Надежды, европейскими поселеніями на Востокѣ, бывшими его слѣдствіемъ, — существуетъ до нашихъ временъ, Въ этой постоянной послѣдовательности различныхъ движеній, усилій, направленныхъ къ одной цѣли,—

нельзя не признать извѣстнаго рода провидѣнія, управляющаго судьбами міра. Изъ этого можно заключить, что движеніе не остановится, пока не достигнетъ цѣли, что пространства, отдѣляющія до сихъ поръ различные народы другъ отъ друга, исчезнутъ, что Западъ и Востокъ наконецъ обнимутся другъ съ другомъ. Люди, до сихъ поръ чуждые другъ другу, снова придутъ въ сближеніе, — человѣчество возстановится въ своемъ величественномъ единствѣ.

Итакъ Англія, въ первой части своихъ отношеній къ Индіи, т. е., тогда, когда она оружіемъ и политикою проникала въ нее со всѣхъ сторонъ, участвовала въ этомъ общемъ движеніи Запада къ Востоку. Она вспомоществовала естественному стремленію событій, ей одной поручено было совершеніе этого новаго подвига человѣчества. По основаніи въ Индіи имперію, исключительно ей принадлежащую, она вдругъ стала дѣйствовать въ совершенно противуположномъ смыслѣ. Она перестала быть представителемъ, такъ сказать, передовымъ полкомъ Европы, она заняла мѣсто Европы; она стремится поставить свой частный интерессъ на мѣсто общаго

интереса. Отсюда — легкость, съ которою совершила она первую часть своего подвига, и препятствія, останавливающія ее во второй. Въ первомъ случаѣ, казалось, какая то невидимая рука исправляла самыя грубыя ея ошибки, самыя ненавистныя ея дѣйствія, равно направляя ихъ къ таинственной цѣли, которой дано ей было достигнуть. Во второмъ же случаѣ непонятный рокъ препятствуетъ самымъ справедливымъ ея намѣреніямъ, смѣется надъ самыми мудрыми ея предположеніями, обманываетъ ее въ самыхъ расчитанныхъ, по видимому, планахъ.

Изъ этой постоянной противуположности двухъ сторонъ великаго историческаго событія, которымъ я занимался, я заключилъ о возможности изложить ихъ отдѣльно одно отъ другого. Я предположилъ слѣдственно разсказать сперва о завоеваніи Индіи Англіею, объ утвержденіи ея владычества въ обширныхъ странахъ, которыми она теперь владѣетъ; потомъ изложить, взявши за точку отправленія этотъ совершившійся фактъ, — совокупность политическихъ или административ-

ныхъ учрежденій, посредствомъ которыхъ Англія усиливалась упрочить и увѣковѣчить свое владычество, другими словами, разсмотрѣть, чѣмъ можетъ сдѣлаться Индія подъ англійскимъ владычествомъ. Производящія, основныя идеи того и другого труда, должны были существенно разниться другъ отъ друга. *Необходимость* — вотъ то слово, — которое составляетъ фронтиспись перваго; — *невозможность* — слово втораго. Таково, покрайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, впечатлѣніе каждаго изъ нихъ на душу читателя; между тѣмъ, сущность вещей, скажу я смѣло, того требовала; я убѣжденъ твердо, что для достиженія этого вывода, я не уклонялся ни разу отъ самаго строгаго безпристрастія.

Я желалъ бы, сказать правду, въ болѣе сокращенной формѣ представить публикѣ цѣлость моихъ изслѣдованій. Я знаю все неудобство, сопряженное съ представленіемъ современнымъ читателямъ восьми томовъ историческихъ ли разсказовъ или политическихъ разсужденій. Обществу, читающему десятитомные романы, непремѣнно нужно, чтобы исторія, хотя бы даже

всеобщая, была сжата какъ можно болѣе, сокращена въ учебникъ, занимала бы, однимъ словомъ, какъ можно менѣе мѣста подъ солнцемъ, если только она терпима. Между тѣмъ, я немогу не засвидѣтельствовать, что я старался по возможности удовлетворить требованiямъ времени.

Трудъ, который теперь мною оконченъ, былъ дѣйствительно огроменъ. Въ предъидущемъ сочиненiи, задачею моей было разсказать одинъ изъ запутаннѣйшихъ историческихъ перiодовъ, обнимающiй въ продолженiи цѣлаго вѣка событiя Англiи, Европы и Азiи — перiодъ, въ который прямо или не прямо рѣшилась судьба народонаселенiя въ 200 миллiоновъ человѣкъ, въ который накопилось безмѣрно много политическихъ, военныхъ, административныхъ фактовъ. Въ настоящемъ моемъ сочиненiи излагается, какъ изъ всего этого вышло самое странное, самое удивительное, самое сложное устройство, какое когда либо было на свѣтѣ.

И потому скажу смѣло, что въ глазахъ всякаго, кто взвѣситъ эти причины, кто сравнитъ

объемъ двухъ этихъ сочиненій съ объемомъ другихъ имъ подобныхъ, я подвергнусь упреку не за обширность изложенія, а скорѣе, за его чрезмѣрную краткость.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Развитіе политической и территоріальной силы англичанъ въ Индіи.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ сочиненій, мы старались, по мѣрѣ силъ нашихъ, изложить завоеваніе Индіи Англіею, основаніе этою послѣднею въ свою пользу имперіи, простирающейся отъ Цейлона до подошвы Гиммалайя, отъ устьевъ Гангеса до устьевъ Инда.

Но не одинъ этотъ предметъ, какъ ни обширенъ былъ онъ, занималъ насъ съ этой минуты. „Результатъ, всѣхъ политическихъ, военныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, предшествовавшихъ основанію этой имперіи; средства, при помощи которыхъ, Англія небольшимъ количествомъ европейцевъ управляетъ обширными землями, ею завоеванными; состояніе ея армій, ея финансовъ, подробности ея администраціи, все это составляетъ другую, не менѣе важную сторону предмета, имѣющую для насъ интересъ, можетъ быть,

болѣе положительный и болѣе непосредственный. Потому, это будетъ предметомъ другого сочиненія, составленнаго изъ тѣхъ же матеріаловъ, которое, какъ я надѣюсь, послѣдуетъ вскорѣ за этимъ. Въ немъ я попытаюсь изложить, какими средствами, какими учрежденіями, Англія властвуетъ и управляетъ своимъ завоеваніемъ, попытаюсь показать, какъ нѣсколько сотенъ гражданскихъ чиновниковъ и три или четыре тысячи военныхъ, за три тысячи миль отъ отечества, эксплуатируютъ въ его пользу имперію, равняющуюся пространствомъ и народонаселеніемъ тремъ четвертямъ цѣлой Европы (*).“

Эту-то вторую часть предположеннаго нами въ то время труда, мы и осмѣливаемся теперь представить на судъ читателей.

И прежде всего, мы остановимся на главной мысли, обладающей этимъ обширнымъ предметомъ. Мы попытаемся отдать отчетъ въ томъ, какъ Англія овладѣла огромными землями на берегу Инда; объяснить, какъ простыя коммерческія учрежденія преобразовались въ учрежденіе политическое, какъ они образовали одну изъ территоріальныхъ силъ, составляющихъ политическую систему Индіи. Это превращеніе простой компаніи купцовъ въ власте-

(*) Histoire de la conquête de l'Inde par l'Angleterre. *Introd.*

линовъ обширныхъ, огромныхъ областей, есть дѣйствительно первое кольцо цѣпи необыкновенныхъ происшествій, которыя мы взялись разсказать. Это тотъ узелъ, которымъ порядокъ вещей, установленный могольскимъ завоеваніемъ, связывается съ порядкомъ, основаннымъ завоеваніемъ англійскимъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Коммерческій періодъ исторіи компаніи.

Португальцы, проѣхавши мысъ Доброй Надежды, какъ бы нашли снова древній міръ Востока; испанцы въ ту же самую эпоху, открывали новый міръ на Западѣ.

Англія, будущая царица океана, долгое время оставалась чуждою этихъ великихъ событій. Въ замѣну того, родилось въ ней учрежденіе новое, неизвѣстное въ древности и долженствовавшее играть огромную роль въ новомъ мірѣ. Она, въ то же самое время, какъ и Голландія, породила эти великія коммерческія компаніи, которыя суть одно изъ важнѣйшихъ приложеній могущественнаго начала ассоціаціи, предназначеннаго, можетъ быть, измѣнить видъ міра. Задача Англіи, въ эту эпоху ея исторіи, менѣе блестящая, нежели задача Испаніи и Португаліи, должна была повести къ результатамъ,

можетъ быть, болѣе важнымъ или по крайней мѣрѣ болѣе прочнымъ. Провидѣніе, казалось, поручало ей выковать оружіе для упроченія Европѣ этихъ новыхъ завоеваній.

Въ теченіе XVI-го вѣка, множество морскихъ предпріятій сдѣлано было англичанами. Одинъ купецъ, по имени Робертъ Тёрнъ, пытался открыть проходъ на сѣверо западѣ. Англичане въ случаѣ успѣха попытки владѣли бы для достиженія Индіи своею собственной, исключительно имъ принадлежащей дорогою. Проѣхавши Магеллановъ проливъ, Дрэкъ возымѣлъ мысль возвратиться въ Европу мимо мыса Доброй Надежды; далекій и опасный путь, на которомъ предшественникомъ его былъ только Магелланъ! Быстро слѣдовали другъ за другомъ еще многія искусныя и смѣлыя предпріятія, но они были плодомъ частныхъ усилій. Результаты ихъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ ихъ начинателей. Этимъ попыткамъ недоставало той послѣдовательности, того постоянства усилій, которыми одними только обезпечиваются и увѣковѣчиваются важныя послѣдствія.

Но пришла минута, когда всѣ эти прежде раздѣльныя усилія, соединившись группами, направились къ одной и той же цѣли. Англійскіе купцы, въ концѣ XVI столѣтія возымѣли мысль соединиться для эксплуатаціи торговли въ Ин-

діи. Получивши отъ казны монополію этой торговли, они учредили систему администраціи для веденія ихъ дѣлъ. Это товарищество стало компаніею Восточной Индіи, предназначенною къ великой славѣ подъ этимъ послѣднимъ именемъ. Система администраціи, изобрѣтенная тогда ею наскоро, для управленія ея собственными интересами, управляетъ теперь областями и государствами. Мы вкратцѣ разскажемъ ея усилія съ одной стороны для утвержденія на индійской почвѣ, съ другой — для борьбы въ Европѣ съ многочисленными препятствіями.

Съ начала учрежденія компаніи, множество негоціаторовъ слѣдуютъ другъ за другомъ при дворѣ великаго Могола. Нужно было установить дипломатическія сношенія между Индіею и Англіею, испросить для англійскихъ купцовъ позволеніе поселиться на берегахъ полуострова. Изъ этихъ посланныхъ, нѣкоторые были простые торговцы, простые купцы; другіе имѣли оффиціальный характеръ, являлись представителями англійскаго короля. Въ числѣ этихъ послѣднихъ, съ самаго начала встрѣчаются имена Джона Майльденголля и сэра Томаса Бестъ. Было гдѣ выказаться англійскому постоянству на этомъ обманчивомъ морѣ дипломатіи, столько же, какъ посреди утесовъ и бурь океана. Ничто не утомляло его, ничто не останавливало ни препятствія, ни презрѣніе, ни уни-

женія. Одинъ изъ дипломатовъ, котораго посольство привело за собою самыя важныя послѣдствія, былъ сэръ Томасъ Роё. Совершенно мирный духъ совѣтовъ, которые даетъ онъ компаніи, сообщаетъ имъ особливый характеръ, замѣчательный для всякаго, кто сравнитъ ихъ съ ихъ послѣдствіями. Онъ писалъ, что »нисколько не совѣтуетъ компаніи принимать воинственныхъ намѣреній.« »По прибытіи моемъ, говорилъ онъ также, я слышалъ о необходимости крѣпости, но опытъ показалъ мнѣ потомъ, что отказъ, сдѣланный намъ въ этомъ, послужитъ намъ къ лучшему; предложи мнѣ теперь десять крѣпостей, я бы ихъ не взялъ.« Компанія должна была еще, такъ сказать, прокрадываться, а не властвовать.

Голландцы, одушевленные тѣмъ же самымъ жаромъ, какъ и Англія, къ коммерческимъ и морскимъ предпріятіямъ, прибѣгли для удовлетворенія его къ тому же самому средству. Индійская компанія образовалась въ Голландіи по тому же самому образцу, какъ и компанія англійская. Встрѣтившись на Моллукскихъ островахъ, они вступили въ споръ за богатую торговлю пряностями. „Мы выгнали португальцевъ, говорили голландцы, слѣдственно, мы здѣсь господа.“ Англичане не оставили этого безъ отвѣта; но во всѣхъ этихъ спорахъ не упоминалось даже имени самыхъ оби-

тателей островов, туземныхъ расъ. Странная сдѣлка согласила на нѣсколько времени интересы двухъ соперничествующихъ компаній; онѣ рѣшились эксплуатировать торговлю, соединивши вмѣстѣ издержки и выгоды. Скоро голландцы захотѣли избавиться отъ соперничества; они воспользовались минутою, когда силы ихъ были значительно больше. Подъ предлогомъ заговора или, можетъ быть, вслѣдствіе его, — ибо дѣло до сихъ поръ осталось загадочнымъ и темнымъ,—десять человѣкъ англичанъ и столько же японцевъ были отданы въ пытку и осуждены потомъ на смертную казнь. Долго это происшествіе оставалось славнымъ въ исторіи компаніи, подъ именемъ Амбоинскаго убійства. Но въ рукахъ коммерческаго народа эта кровь стала письменнымъ долговымъ документомъ на Голландію и по этому документу необходимо должна была воспослѣдовать уплата въ рукахъ такого кредитора, каковъ былъ Кромвелль. Большимъ количествомъ золота было заплачено за пролитую кровь и дѣла приняли свое обыкновенное теченіе.

Великія политическія событія, которыхъ Англія была тогда центромъ, не препятствуютъ нисколько возрастающему благоденствію компаніи. Она энергически защищается отъ частныхъ лицъ, хотящихъ переступить границы, которыми законодатель обезпечилъ ея приви-

легіи; не менѣе сильно борется она и съ соперничествомъ другой, вдругъ и неожиданно явившейся, компаніи; укрощаетъ мятежъ своихъ войскъ въ Бомбеѣ, прибѣгаетъ къ оружію для защищенія, противъ туземныхъ владѣльцевъ, уступокъ, ею прежде полученныхъ, чаще же всего для обороны смѣлыхъ похищеній. Во всякомъ случаѣ, съ этой стороны, ея первыя смѣлыя дѣйствія были не всегда счастливы. Въ 1687 году, десять кораблей различной величины, съ отрядомъ пѣхотнаго войска, прибыли въ Бенгалію. Коммандующему экспедиціей предписано было въ его инструкціи занять Читтагонгъ, какъ мѣсто необходимое для безопасности на будущее время. Экспедиція неудалась. Отрядъ, вышедши на берегъ, тщетно бомбардировалъ Гугли и принужденъ былъ спасаться въ Сётта Нётти, мѣстечкѣ, которое было еще тогда деревней и изъ котораго впослѣдствіи образовалась Калькутта. На этомъ наскоро укрѣпленномъ постѣ англичане долгое время отражаютъ нападенія набобовъ. Но факторіи, съ этой эпохи учрежденныя въ Патнѣ, и Коссимбузаръ — взяты и разграблены. Эта первая война нѣсколько времени продолжается съ перемѣннымъ успѣхомъ; окончательный результатъ ея въ высшей степени неблагопріятенъ для англичанъ. Ихъ изгоняютъ на время изъ Бенгаліи и имъ грозятъ въ Бомбеѣ,

Бенгальскія происшествія дѣйствительно раздражили царствовавшаго тогда Оуренгзеба: Монгольскій левъ поднялъ косматую гриву и страшную лапу на честолюбивыхъ и безпокойныхъ чужеземцевъ, поселившихся посреди его владѣній. Оуренгзебъ овладѣваетъ вдругъ факторіями Сурата, Мазулипатнама, Визигапатнама (1690). Въ этой послѣдней факторіи, главный агентъ компаніи и нѣсколько ея чиновниковъ, погибаютъ, мужественно защищая свой постъ. Островъ Бомбей взятъ частію вслѣдствіе жаркой осады. Губернаторъ, сэръ Джонъ Чайльдъ, человѣкъ чрезвычайной энергіи, осажденъ въ замкѣ, въ которомъ онъ искалъ убѣжища. Чиновниковъ компаніи побѣдители водятъ по бомбейскимъ улицамъ съ цѣпями на ногахъ, съ желѣзными кольцами на шеѣ. Компаніи остается только единственная надежда спасенія, милосердіе императора. Предоставимъ говорить историку почти современному (*).

„Плохой успѣхъ войны заставилъ англичанъ искать мира и прощенія у императора Оуренгзеба. Для этого они отправили изъ Сурата въ Дели двухъ своихъ факторовъ подъ именемъ посланниковъ. Одинъ былъ мэстеръ Джорджъ Уэльдонъ, которому ввѣрено было

(*) *Александра Гемильтона:* Account of the east India; *Больтса* Consideration on Indian affairs.

Это выраженіе переводчика или автора?

главное порученіе; другой мэстеръ Абрагамъ Новаэръ, <u>жидъ</u>. Ихъ допустили къ Оуренгзебу съ церемоніаломъ, совершенно новымъ для посланниковъ; т. е. ввели, связавши имъ руки напереди веревкою, и заставили упасть во прахъ. Послѣ строгаго выговора, императоръ спросилъ ихъ, чего они хотятъ. Они начали принесеніемъ повинной въ дѣйствіяхъ компаніи и смиренно просили прощенія; потомъ они просили о возвращеніи отнятыхъ у нихъ фирмановъ, очищеніи императорскими войсками острова Бомбея и проч.“

Добрый государь въ этомъ случаѣ, Оуренгзебъ удовольствовался такимъ изъявленіемъ покорности; онъ великодушно объявилъ прощеніе компаніи, возвратилъ ей прежнія ея привиллегіи, подтвержденныя новыми фирманами. Онъ положилъ только два условія за свое великодушіе: одно, чтобы сэръ Джонъ Чайльдъ, котораго упорный характеръ выразился особенно ярко, оставилъ Индію въ теченіи девяти мѣсяцевъ и никогда туда не возвращался; другое, чтобы всѣмъ его подданнымъ были заплачены суммы, должныя имъ англичанами; чтобы они тотчасъ же были вознаграждены въ Бомбеѣ или въ Бенгаліи за всѣ воровства, потери и убытки, которымъ они подверглись. Прежнія сношенія съ той же минуты возстановились между делійскимъ дворомъ и англичанами.

Компанія, правда, и не желала ихъ разрыва и прекращенія. Результатъ ея первыхъ дипломатическихъ попытокъ не привелъ ее въ отчаяніе. Она скоро забыла странный церемоніалъ, которому принуждены были подвергнуться ея посланники и надъ которымъ смѣялся приведенный нами писатель. Въ 1726 году, она отправила къ императорскому двору двухъ новыхъ посланниковъ, избранныхъ, какъ и прежде, изъ числа ея служителей и такъ же облеченныхъ ею этимъ великолѣпнымъ титуломъ.

Джонъ Сёрменъ и Эдуардъ Стифенсонъ, на которыхъ палъ этотъ выборъ, отправляются къ императорскому двору. Одинъ армянскій купецъ присоединяется къ нимъ и дѣлается ихъ проводникомъ. Множество подарковъ придано было, разумѣется, въ помощь ихъ дипломатическому искусству, — подарковъ состоявшихъ въ стеклянныхъ издѣліяхъ, часахъ, драгоцѣнностяхъ, великолѣпныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканяхъ; всего этого было на нѣсколько сотенъ фунтовъ стерлинговъ; въ донесеніяхъ своихъ директорамъ, англичане преувеличили это число до нѣсколькихъ тысячъ. Болѣе привыкшій къ восточному языку и употребляя его гораздо смѣлѣе, армянинъ возвышалъ его до сотни тысячъ. Въ своихъ депешахъ къ великимъ сановникамъ делійскаго двора, онъ истощалъ, описывая эти сокровища, всю ро-

скою, все великолѣпіе своей реторики. Восхищенный заранѣе, императоръ ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ привоза такихъ чудесъ; намѣстники провинцій получили приказы сопровождать собственной своей особою англійскихъ посланниковъ съ ихъ обозомъ, въ путешествіи по ихъ намѣстничествамъ — и въ самомъ дѣлѣ, что же другое въ сущности могли быть эти такъ бережно сопровождаемые ящики и бочки, какъ не условная цѣна продававшаго само себя государства?

Подробности посольства, разсказанныя въ письмахъ двухъ посланниковъ, разсказъ о сдѣлкахъ ихъ, полудипломатическихъ, полу-торговыхъ, — составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ картинъ нравовъ, какія только можно себѣ представить. Всѣ честолюбія, всѣ корыстолюбія двора приведены въ движеніе, волнуются. Сёрменъ и Стифенсонъ являются искусными полководцами, дающими сраженіе; смотря по своей позиціи и по роду противниковъ, съ которыми предстоитъ имъ бороться, они употребляютъ то инфантерію, то кавалерію, то алтиллерію. Посланники даютъ подарки, смотря по личному нетерпѣнію, положенію при дворѣ, характеру тѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Впереди идутъ чернилицы, фарфоръ, лаковыя японскія кожи, огнестрѣльныя оружія, кожи, потомъ слѣдуютъ четыреста штукъ сукна ба-

грянаго цвѣта и шестдесятъ желтаго; за тѣмъ сукна алаго цвѣта высшаго достоинства; наконецъ пять стѣнныхъ часовъ; двѣнадцать зеркалъ глобусъ и проч. (*) Всего этого было довольно, чтобы взволновать весь дворъ великаго Могола съ нимъ самимъ включительно; эти европейскія игрушки, благодаря новости, получали странную, фантастическую цѣну въ глазахъ людей, которые горстями гребли серебро, золото и алмазы.

Дѣло находилось между тѣмъ въ нерѣшительномъ положеніи. Соперничество покровителей англичанъ грозило имъ такою же гибельною опасностью, какою могло грозить неблагорасположеніе могущественныхъ враговъ. Но событіе, повидимому совершенно чуждое посольства, вдругъ и неожиданно дало ему успѣхъ.

Стѣны сераля, какъ ни высоки и ни толсты они были, не защитили его однако отъ вторженія одной болѣзни, тогда повсемѣстной и чрезвычайно опасной въ Европѣ. Императоръ заболѣлъ ею самъ. Его болѣзнь давно уже приводила къ недоумѣніе и отчаяніе всю агрскую и делійскую медицину. Нетерпѣніе его

(*) Корреспонденція Стифенсона. 4 Авг. 1713.

выходило изъ границъ. Влюбленный въ молодую и прекрасную принцессу, дочь раджи джудпурскаго, онъ ждалъ только исцѣленія для торжествованія своей сватьбы. Наскучивши безполезностію или плохимъ дѣйствіемъ туземныхъ лѣкарствъ, онъ вздумалъ попробовать европейскихъ. Онъ ввѣрился нѣкоторому Гемильтону, морскому хирургу компаніи, состоявшему тогда при посольствѣ. Этотъ послѣдній, болѣе искусный или болѣе опытный въ лѣченіи этого рода болѣзней, нежели могольскіе медики, скоро избавилъ отъ хлопотъ императора, который предоставилъ ему самому назначить цѣну за эту услугу. Отложивши благородно всякій личный интересъ, Гемильтонъ ограничился просьбою о выдачѣ привилегіи, просимой его соотечественниками, и получилъ ее.

Начиная съ этой минуты, компанія стала увеличиваться и расширяться, если не спокойно, то по крайней мѣрѣ правильно. Она утвердилась въ трехъ главныхъ пунктахъ: въ Бомбеѣ, Калькуттѣ и Мадрасѣ. Но между тѣмъ, ничто еще не предвѣщало великой политической судьбы, которая для нея должна была скоро начаться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Борьба между Франціей и Англіей.

Война, начавшаяся между Франціей и Англіею въ 1743 году, была предвѣстіемъ новаго періода въ исторіи компаніи.

Франція и Англія, въ полной силѣ своего соперничества, сражались тогда точно такъ же на поляхъ Индіи, какъ и на поляхъ Европы.

Въ началѣ войны, два необыкновенныхъ человѣка Дюпле (Dupleix) и Лабурдонне, стояли во главѣ французскихъ поселеній на востокѣ. Человѣкъ геніальный, слишкомъ опередившій свой вѣкъ, Дюпле, управлявшій прежде Шандернагоромъ и возведшій его на высокую степень благосостоянія, былъ призванъ къ управленію Пондишери. Лабурдонне, губернаторъ острововъ Иль де Франса и Бурбона, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и творцемъ этихъ тогда цвѣтущихъ колоній. Командованіе французскими эскадрами, было вручено ему съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій.

Съ большими трудами, силою терпѣнія и и искуства, Лабурдонне успѣваетъ снарядить въ море довольно значительную эскадру. Едва

только выбрался онъ на море, какъ страшная буря поглощаетъ нѣсколько его кораблей и повреждаетъ бо̀льшую часть ихъ. Онъ принужденъ сызнова начинать свое дѣло, дѣлать новыя издержки — въ негостепріимномъ заливѣ Антигонильскомъ. Работы, совершенныя имъ въ этихъ обстоятельствахъ, способны испугать воображеніе; исправивши корабли, онъ снова пустился къ Коромандельскому берегу. Побѣда, одержанная имъ надъ коммодоромъ Пейтономъ, открываетъ ему путь въ Мадрасъ; тогда, это было главное изъ англійскихъ поселеній. Столь же искусный инженеръ, какъ смѣлый морякъ и превосходный администраторъ, онъ овладѣваетъ имъ послѣ нѣсколькихъ дней осады. Недовольный этимъ огромнымъ успѣхомъ, онъ только сильнѣе поощренъ имъ къ тому, чтобы занять такъ же и Калькутту. Но раздоръ начинается съ этой минуты между покорителемъ Мадраса и губернаторомъ Пондишери. Этотъ послѣдній отказывается утвердить капитуляцію, заключенную Лабурдоне и за которую была порукою честь его. Это заставляетъ Лабурдоне продлить свое пребываніе въ Мадрасѣ. Это же обстоятельство спасаетъ и Калькутту, которая получаетъ между тѣмъ сильное подкрѣпленіе.

Дюпле властвуетъ съ тѣхъ поръ безъ соперничества на Коромандельскомъ берегу. Бѣлое знамя развѣвается въ одно и тоже время

въ Мадрасѣ и въ Пондишери. Но заключается Ахенскій договоръ; дѣла въ Индіи приходятъ въ прежній порядокъ; приказывается возвратить Мадрасъ Англіи. Между тѣмъ, обѣ компаніи, не смотря на миръ, заключенный ихъ отечествами, не замедлили вновь взяться за оружіе и вступить въ битву. Ахенскій договоръ былъ уничтоженъ ими, почти въ самую минуту его заключенія.

Соперничествующія компаніи, во время войны, бывшей между ними, выставили подъ ружье гораздо больше войска, нежели сколько они могли содержать. Они освобождаютъ себя отъ этого бремени на счетъ туземныхъ владѣльцевъ, — отдаютъ имъ въ помощь свои войска подъ условіемъ содержанія, выдачи жалованья и проч. Обѣ компаніи заключили такіе договоры съ князьями, спорившими за свои интересы, спорившими за власть другъ съ другомъ. Отъ этого-то, едва только объявленъ былъ миръ, какъ онѣ снова вступали въ битву, но на этотъ разъ подъ чужеземнымъ знаменемъ; обѣ дѣйствительно приняли сторону двухъ претендентовъ на престолъ карнатикскій. Претендентъ, поддерживаемый французской компаніей, назывался Чунгахъ Сагебомъ; соперникъ его Магометомъ Али. Счастіе благопріятствовало сперва первому. Престолъ Субагдара или вицекороля декканскаго, отъ котораго за-

висѣлъ по вассальному отношенію престолъ карнатикскій, находился тогда въ особенно революціонномъ состояніи. Новый субагдаръ Мурзафа Джунгъ, поддерживыемый знаменитымъ Бюсси, тогда всемогущимъ при гайдерабадскомъ дворѣ, вступилъ на него. Возвышеніе его влекло за собою торжество французовъ.

Новый государь отправляется въ Пондишери. Одѣтый въ великолѣпный восточный костюмъ, Дюпле приноситъ ему присягу. Въ замѣну этого, субагдаръ назначаетъ его самаго карнатикскимъ набобомъ, давши ему въ помощники или намѣстники Чундахъ Сагеба. Дюпле кромѣ того добивается еще уступки четырехъ большихъ и богатыхъ областей (называемыхъ сѣверными Чиркарами), которыя дѣлаютъ французовъ господами короманделькаго и орисскаго берега, на пространствѣ 600 миль. Дюпле властвовалъ въ эту эпоху надъ цѣлымъ Декканомъ. Маркизъ де Бюсси, человѣкъ ума гибкаго, легкаго и ловкаго, воинъ искусный и смѣлый, опытный придворный, безконечно изворотливый дипломатъ, былъ достоинъ понять и, въ случаѣ нужды, принять мысли Дюпле. Всемогущій тогда при дворѣ субагдара, онъ умѣлъ сохранить эту власть среди самыхъ критическихъ и неожиданныхъ обстоятельствъ. Въ Пондишери, три этихъ человѣка рѣшаютъ въ одну минуту судьбу Деккана. Странное и чу-

десное зрѣлище, достойный прологъ другихъ, еще болѣе страшныхъ и чудесныхъ зрѣлищъ, которыхъ Индія должна была сдѣлаться театромъ!

Дюпле находится тогда въ возможности съ полною свободою преслѣдовать планы, зачавшіеся и созрѣвшіе въ немъ уже давно. Вспомоществуемый маркизомъ де Бюсси, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждаетъ французское вліяніе при гайдерабадскомъ дворѣ. Онъ распространяетъ его и далѣе; скоро весь югъ полуострова долженъ повиноваться этой обладающей имъ политикѣ. Тогда эта политика изгонитъ оттуда англичанъ и притомъ изгонитъ незамѣтно, естественно. Слѣдствіе было вѣрно, было даже ясно видимо въ близкомъ будущемъ, но прежде всего, оно предполагало совершенное согласіе между Лабурдоние и Дюпле. Къ несчастію Франціи, не было этого согласія. Притомъ же, раздоръ этихъ двухъ человѣкъ — мы должны прежде всего сказать это — не происходилъ, какъ говорили часто, изъ обыкновеннаго чувства низкой зависти, но проистекалъ прямо изъ противуположной основы ихъ идей. Чуждый политическому міру Индіи, Лабурдоние, можетъ быть, не былъ, способенъ обнять всей обширности плана Дюпле; единственными средствами казались ему мечь и огонь.

При видѣ того, что происходило въ Пондишери, англичане были поражены изумленіемъ, — мало этого, — какимъ то отупѣніемъ. Это была драма на иностранномъ языкѣ, загадка, которой ключа онѣ не имѣютъ, и тѣмъ не менѣе между тѣмъ, англійское постоянство не измѣняетъ себѣ ни на минуту. Губернаторъ Мадраса, не смотря на то, что не имѣетъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ, продолжаетъ сражаться съ неутомимымъ упорствомъ. Точно какъ будто онъ взялъ себѣ за правило девизъ одного полка англійской арміи: „мы нескоро умремъ“ т. е. что̀ ничто не погибло еще для Англіи.

Дюпле, чтобы свободнѣе предаться своимъ обширнымъ планамъ внутреннимъ, соглашается вступить въ переговоры съ мадрасскимъ президенствомъ. Назначаются свиданія представителей двухъ компаній, свиданія эти происходятъ въ Сандрасъ, голландской колоніи между Мадрасомъ и Пондишери. Англичане упорно требуютъ признанія Магомета Али, — французы признанія субагдара декканскаго (Салабутъ Джунга), который имъ преданъ, которому помогли они вступить на престолъ. Каждый требовалъ, чтобы соперникъ его отдался ему, связавши себя по рукамъ и по ногамъ. Богъ знаетъ, какъ развязались бы всѣ эти трудности. Но въ то время, какъ каждая сторона заботилась о развязкѣ въ свою пользу, Дюпле былъ

отозванъ. Его замѣнилъ одинъ чиновникъ компаніи, по имени Годеё; онъ разрѣшилъ узелъ по александровски, только въ пользу своихъ противниковъ. Онъ заключилъ договоръ, о которомъ одинъ англійскій историкъ выразился такъ: „вслѣдствіе этого договора, французы потеряли всѣ полученныя ими до тѣхъ поръ выгоды; англичане же получили все то, за что они сражались (*).“

Окончивши такой знаменитый дипломатическій подвигъ, Годеё поспѣшилъ возвратиться во Францію. Всеобщее уваженіе, слава, народность вознаградили его за подъятые имъ труды. Въ это же время, Дюпле, которому онъ былъ долженъ около 13 милліоновъ, страдалъ отъ бѣдности и терзаемъ былъ клеветою; можетъ быть, онъ умеръ бы даже съ голоду, если бъ горе отъ несправедливости и униженій не предупредило такой печальной развязки.

Разрывъ мира въ 1757 году, снова открылъ непріязненныя дѣйствія между Франціею и Англіею. Министерство французское съ самаго начала войны было готово къ рѣшительнымъ ударамъ. Рѣшена была больная экспедиція для уничтоженія англійскаго могущества въ Индіи. Графъ де Лалли, потомокъ одной изъ тѣхъ

(*) Уайлькес.

ирландскихъ фамилій, которыхъ вѣрность къ Стюартамъ привела въ чужую землю, назначенъ былъ главноначальствующимъ. Экспедиція пустилась въ море 4 мая; заразительная болѣзнь опустошала тогда брестскій портъ, — корабли не избѣгли ея, напротивъ увезли съ собою; она жестоко свирѣпствовала во время путешествія. Когда флотъ приплылъ къ Пондишери, баттареи стали ему салютовать; нѣкоторыя изъ пушекъ, съ давнихъ поръ были заряжены и многія ядра попали въ корабль на которомъ находился самъ Лалли. Дурныя предвѣстія и дѣйствительныя несчастія, казалось, порождались подъ его стопами.

Послѣдующія событія имъ соотвѣтствовали; солдатъ съ отроческихъ лѣтъ, Лалли рано отличался блестящею и неистовою смѣлостью. Но чуждый новой сценѣ, на которой призванъ былъ онъ дѣйствовать, достигши того возраста, когда ученіе не можетъ исправить уже невѣжества, онъ скоро начинаетъ дѣлать ошибки за ошибками. Въ первыхъ принятыхъ имъ мѣрахъ проглядываетъ какъ будто явное желаніе уязвить, оскорбить туземныхъ жителей Пондишери во всемъ, что они имѣли драгоцѣннѣйшаго и лучшаго, въ ихъ религіозныхъ и кастическихъ предразсудкахъ, Вмѣстѣ съ этимъ необузданность его характера дѣлаетъ его отъявленными врагами чиновниковъ французскаго

правительства. Наконецъ, какъ бы въ довершеніе всѣхъ нелѣпостей имъ сдѣланныхъ, онъ отзываетъ Бюсси отъ двора субагдара. Французское вліяніе на югѣ полуострова уничтожено; французы предоставлены самимъ себѣ въ чужой землѣ; трудъ Дюпле разрушенъ.

Ведя сначала войну съ нѣкоторою дѣятельностью, Лалли идетъ осаждать Мадрасъ. Уже англійская столица Карнатика готова ему сдаться; онъ едва не возобновляетъ дѣла Лабурдоние; но расточивши понапрасну безполезную храбрость, Лалли въ послѣднюю, рѣшительную минуту не имѣетъ спокойной и разсудительной энергіи. Нѣсколько дней, потерянныхъ на занятіе неприступнаго или, можетъ быть, худо разсмотрѣннаго пролома, даютъ время приблизиться англійскому флоту. Съ яростію въ сердцѣ, съ богохульствомъ на устахъ, Лалли видитъ себя вынужденнымъ снять осаду; онъ отступаетъ съ лишенною духа арміею. Во время своего отступленія, онъ съ живостію преслѣдуется съ тылу корпусомъ англійской арміи, съ фланговъ долженъ выдерживать нападенія туземной конницы. Новыя ошибки, между прочимъ сраженіе уандеевагское, данное противъ всѣхъ правилъ, не только стратегіи, но даже здраваго смысла, доводятъ англичанъ до самыхъ стѣнъ Пондишери: они осаждаютъ городъ. При вѣсти объ освобожденіи своей соперницы, сто-

лицы карнатикской, этотъ городъ былъ иллюминованъ; ненависть къ Лалли заставила позабыть даже патріотическую ненависть къ англичанамъ. Скоро онъ поплатился впрочемъ за эту постыдную радость; англійское знамя развѣвается на его собственныхъ стѣнахъ — слѣдствіе роковое и ставшее совершенно неизбѣжнымъ! Лалли дѣлалъ всѣ ошибки, возможныя для невѣжества, упрямаго самоослѣпленія, неукротимаго характера, невниманія ко всѣмъ совѣтамъ; показалъ всѣ качества, которыя должны навсегда удалить человѣка отъ высокаго мѣста; но былъ невиненъ впрочемъ въ робости или измѣнѣ; тѣмъ не менѣе онъ, на Гревской площади, палъ жертвою рока, поставившаго его во главѣ французскихъ владѣній въ Индіи. Въ могилу онъ унесъ съ собою послѣдніе остатки государства, основаннаго Дюпле.

Соперничество Франціи и Англіи, перенесенное на поля Индіи, самая драматическая часть излагаемой нами исторіи. Это минута, когда Франція является въ наибольшемъ блескѣ. На сценѣ три человѣка, принадлежащіе ей и ни мало не уступающіе тѣмъ, которыхъ Англія послала позднѣе на этотъ столь славный для нея театръ. Прежде всего Лабурдоне — творецъ острововъ Иль де Франса и Бурбона, побѣждавшій нѣсколько разъ англичанъ съ силами несравненно меньшими ихъ силъ и на ихъ

собственной стихіи, — Лабурдоние, о которомъ говорили, что онъ собственными руками могъ выстроить корабль, повести его туда, гдѣ онъ вѣрнѣе всего могъ обогатиться, дать ему побѣду надъ всѣми встрѣчающимися непріятелями; потомъ Бюсси въ столь же высокой степени способный къ занятію своего поста, сколько несчастный Лалли былъ не на мѣстѣ на своемъ; наконецъ Дюпле, человѣкъ выше ихъ обоихъ. Объ этомъ послѣднемъ мы сказали въ другомъ сочиненіи: „Имперія индо-британская, такова, какова она создана преемственнымъ искуствомъ Клейва, Уарренъ Гестингса и Уильсли, существовала уже прежде въ геніальномъ умѣ Дюпле.“ Похвала эта, кажется, полна, но къ ней можно присовокупить еще, что англійскіе историки никогда не упускаютъ случая сравнить его какимъ либо образомъ съ Наполеономъ. Имъ кажется несомнѣннымъ тайное сходство этихъ двухъ человѣкъ, не смотря на различіе ихъ эпохъ и ихъ сферъ дѣйствія.

Но что могли здѣсь и Дюпле и Лабурдоние и Бюсси? Самъ рокъ произнесъ, казалось, приговоръ Франціи. Французское вліяніе было уничтожено въ Карнатикѣ, всякая надежда на обладаніе этими прекрасными странами погибла навѣки. Пондишери былъ, правда, окончательно возвращенъ Франціи, но возвращенъ какъ какое то семейственное владѣніе, незавидное чужезем-

цамъ, драгоцѣнное только воспоминаніями, соединяющимися съ нимъ для наслѣдниковъ. Все французское вліяніе должно было замкнуться въ стѣнахъ этого города. Франція живетъ тамъ только по волѣ Англіи. Можетъ быть, она засыпала проломъ и отверстіе, сдѣланныя куттскими ядрами, но и деньги и трудъ были употреблены въ этомъ случаѣ по пустому.

Претендентъ, поддерживаемый французами, Чундахъ Сагебъ исчезъ со сцены еще до взятія Пондишери. Магометъ Али, претендентъ англичанъ, вступилъ на престолъ. Именемъ его англійское вліяніе овладѣло Карнатикомъ и простерлось на дворъ гайдерабадскій, гдѣ и утвердилось окончательно.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Пріобрѣтеніе компаніею государственной власти надъ тремя провинціями: Бенгалией, Багаромъ и Ориссей.

Коромандельскій берегъ былъ театромъ предшествующихъ событій. Въ Бенгаліи, компанія сдѣлала не менѣе успѣховъ въ своемъ стремленіи къ обладанію Индіей.

Англичане въ Бенгаліи больше, чѣмъ въ Карнатикѣ, вмѣшивались во всѣ дѣла туземныхъ князей. Аливерди, набобъ, царствовавшій въ эпоху, которой мы достигли, постоянно имъ покровительствовалъ; при концѣ своей жизни, онъ назначилъ преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. Множество партій вооружились для оспориванія этого наслѣдства. Вся Бенгалія взялась за оружіе. Глава одной изъ партій съ корпусомъ войскъ занялъ позицію въ окрестностяхъ Калькутты. Важное лице тойже самой партіи искало въ эту минуту убѣжища въ этомъ послѣднемъ городѣ, желая скрыть отъ переворотовъ войны свое золото, серебро и драгоцѣнности Сураджа-Доулахъ требуетъ выдачи бѣглеца, требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ англичанъ разрушенія нѣкоторыхъ укрѣпленій, недавно сооруженныхъ ими вокругъ Калькутты. Аливерди былъ еще живъ, когда начинались переговоры; онъ не видалъ конца ихъ, ибо смерть его застигла. Едва новый набобъ вступилъ на его престолъ, какъ онъ спѣшитъ идти на Калькутту и овладѣваетъ ей. Губернаторъ и гарнизонъ запираются въ цитадели. Неожиданное нападеніе и пьянство англійскихъ солдатъ отдаютъ ее въ руки врагамъ. Владычество англійское подавлено, повидимому, въ самомъ зародышѣ въ Бенгаліи, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, было оно, повидимому, уничтожено въ Мадрасѣ.

Мадрасское президенство взволновалось при вѣсти о бѣдствіи, постигшемъ Калькутту. Нàскоро собираетъ оно изо всѣхъ стоящихъ подъ ружьемъ войскъ походный корпусъ; коммандованіе имъ поручаетъ оно Клейву, помня, что этотъ послѣдній смѣлымъ совѣтомъ спасъ его недавно отъ совершенной гибели. Въ своемъ новомъ и болѣе опасномъ положеніи, Клейвъ не измѣняетъ возложеннымъ на него надеждамъ; счастіе такъ же ему неизмѣнно; столица Бенгаліи отворила свои ворота счастливому побѣдителю, не менѣе счастливому защитнику Аркота. Англичане остались владѣльцемъ территоріи сосѣдственной съ городомъ, хотя и уступленнымъ имъ по договору 1617 г., но тѣмъ не менѣе постоянно у нихъ оспориваемымъ. Они получили возможность сдѣлать сколько имъ угодно и нужно фортификаціонныхъ построекъ, заставили дать себѣ множество привилегій, выгодныхъ для ихъ торговли получили право чеканить монету. Они прогнали всѣхъ европейцевъ, находившихся въ службѣ набоба, пріобрѣли, однимъ словомъ, подтвержденіе или распространеніе всѣхъ выгодъ, полученныхъ ими, со времени появленія ихъ въ Бенгаліи.

Но, подъ личиною этого вновь заключеннаго мира, ненависть и жажда мести жили въ душахъ. Сураджа Доулахъ имѣлъ множество враговъ въ народѣ и въ войскѣ. Претендентъ на

наслѣдство престола, по имени Джаффиръ, садился уже на его ступени, жадными очами смотрѣлъ на вѣнецъ набоба и простиралъ къ нему хищную руку. Зная всѣ эти интриги, англичане искусно и скоро употребили ихъ въ свою пользу. Скоро они вступаютъ въ сношенія съ Джаффиромъ; они побуждаютъ его къ скорѣйшему выполненію намѣреній, обѣщаютъ ему содѣйствіе, съ тѣмъ условіемъ, разумѣется, чтобы за него было заплачено какъ слѣдуетъ. Заключаютъ договоръ, состоящій изъ условій торга. Омицундъ, богатый индусскій купецъ, былъ посредникомъ договаривающихся сторонъ; онъ грозитъ открыть тайну, которой владѣетъ, для того чтобы получить богатое вознагражденіе за свои услуги. Подложный договоръ съ прописаніемъ его новыхъ требованій, по внушенію англичанъ, передается ему Джаффиромъ. Адмиралъ Уатсонъ, подписавшій первый договоръ, отказывается подписать второй. Клейвъ разрѣшаетъ затруднительный вопросъ, съ потерею впрочемъ отчасти собственной чести; онъ подделывается подъ руку адмирала и подписываетъ его именемъ.

Приготовивши эту военную машину, англичане ждутъ только случая обратить ее въ дѣйствіе. Дѣйствіе ея проявилось въ сраженіи плассейскомъ. Англичане заняли позиціи прежде арміи набоба. Они рѣшаются сдѣлать напа-

деніе; послѣ нѣкотораго колебанія, Джаффиръ присоединяется къ нимъ. Сураджа Доулахъ, оставленный всѣми, покинутый рокомъ, оставляетъ поле битвы и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Переодѣтый простымъ поселяниномъ, онъ скитается долго по разнымъ мѣстамъ. Одна изъ любимыхъ женщинъ и одинъ евнухъ, всегдашній его повѣренный, — единственные его товарищи. Узнанный вскорѣ, онъ приведенъ къ Джаффиру, видитъ его сидящимъ на его собственномъ тронѣ, узнаетъ кругомъ на обычныхъ мѣстахъ старыхъ своихъ придворныхъ; его увлекаютъ и убиваютъ саблями и кинжалами солдаты. Клейвъ въ это время торжественно приноситъ присягу новому набобу трехъ провинцій: Бенгаліи, Багара и Оренсы— церемоніялъ совершенно излишній, ибо именемъ и въ лицѣ Джаффира, на престолъ вступала сама Англія.

Англичане, за свое содѣйствіе, наложили на него условія, которыя ему трудно было выполнить. Съ самыхъ первыхъ дней, необходимо было измѣнить ихъ. Только половина условленной суммы была заплачена тотчасъ же; другая разсрочена на неопредѣленное время. Сокровища прежняго набоба истощились даже прежде уплаты первой половины. Доходовъ правительства едва ставало на обыкновенныя издержки, а издержки эти чрезмѣрно увеличи-

лись вслѣдствіе послѣднихъ обстоятельствъ. На уплату второй половины джаффирова долга, не было слѣдовательно никакой надежды; тѣмъ не менѣе, этотъ долгъ отдавалъ набоба, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, въ руки англичанъ. Они имѣли право, съ документами въ рукахъ, требовать отъ него больше, нежели сколько онъ былъ въ состояніи дать. Государь бенгальскій былъ неоплатный должникъ въ рукахъ корыстолюбивыхъ и всемогущихъ кредиторовъ. Джаффиръ чувствовалъ всю горечь, все униженіе своего положенія. Для выхода изъ него онъ прибѣгаетъ ко всему, что онъ можетъ придумать, къ займамъ, сборамъ, грабежу, конфискаціямъ — Богъ знаетъ къ чему! Но эти сильныя мѣры всегда самыя недѣйствительныя. Набобъ, истощивши всѣ средства, незнаетъ наконецъ, какъ ему справиться съ опутавшими его трудностями, Англичане хорошо понимаютъ это; этотъ набобъ, ихъ недавнее созданіе, является имъ обветшалымъ орудіемъ; близка минута, когда они объявятъ его неспособнымъ служить имъ.

Но средство, употребленное ими противъ прежняго набоба, оставалось въ распоряженіи ихъ и противъ новаго. Подлѣ Джаффира находился такой же претендентъ на наслѣдство, какъ и подлѣ Сураджа Доулаха; это былъ Миръ Коуссимъ, его зять. Новый договоръ, для котораго старый былъ вѣроятно образцемъ,

заключенъ былъ между этимъ послѣднимъ и англичанами. Онъ обязался выполнить условія Джаффира и прибавилъ еще новыя собственныя. Съ опустошенной казною, съ войсками безъ жалованья и готовыми всегда къ бунту,— Джаффиръ никакъ не могъ противиться; онъ уступилъ мѣсто Коуссиму.

Положеніе бенгальскаго набоба въ отношеніи къ Англіи, очертилось наконецъ ясно и рѣзко. Коуссимъ понялъ, что правленію его остается одна только опора—англичане,—одна только надежда на успѣхъ—продолженіе ихъ благорасположенія; единственное же средство сохранить это благорасположеніе состояло въ платежѣ денегъ. Слѣдствіемъ этого была рѣшимость доставать деньги, какими бы то ни было средствами, то есть, жертвуя для этого въ случаѣ нужды всѣмъ возможнымъ. Это былъ притомъ человѣкъ съ умомъ и энергіею, столь же искусный правитель, сколько мало искусенъ былъ Джаффиръ, способный, однимъ словомъ, бороться сколько есть силъ со всѣми трудностями своего положенія. Посредствомъ насилія и угнетенія, грабежей всякаго рода, — показывая себя способнымъ находить повсюду золото, серебро и драгоцѣнности, отнимая у торговца послѣдній рупій его прибытка, у земледѣльца его послѣдній колосъ, посредствомъ наконецъ безжалостности къ другимъ,

онъ успѣлъ наконецъ заплатить свой собственный долгъ и долгъ своего предшественника. Кромѣ того, чему по всей справедливости удивляются современные историки, онъ возстановилъ даже нѣкоторый порядокъ, успѣлъ озарить какимъ нибудь лучемъ свѣта темный хаосъ джаффирова правленія.

Англичане воспользовались усиліями и искусствомъ Коуссима, но доброе согласіе не могло быть между ними продолжительно: требованія первыхъ, ихъ ненасытимое корыстолюбіе не могли заключиться въ границахъ возможнаго. Торговля дѣлилась на двѣ вѣтви: одну, торговлю внѣшнюю, производимую самой компаніей, другую — торговлю внутреннюю по первымъ условіямъ между англичанами и бенгальскими набобами, предоставленную единственно туземцамъ. Она была подвержена многообразнымъ таможеннымъ пошлинамъ, тогда какъ торговля внѣшняя съ самаго начала была освобождена компаніею посредствомъ выкупа отъ всѣхъ пошлинъ. Когда на престолѣ былъ Джаффиръ, англійскіе купцы чувствовали себя истинными господами Бенгаліи и перестали совершенно подчиняться прежнимъ ограниченіямъ. Каждый изъ нихъ считалъ себя въ правѣ заниматься внутреннею торговлею. Выгоды отъ этого, по свидѣтельству историковъ, были безмѣрны; поэтому, въ продолженіе нѣкотораго

времени, они и подчинялись платѣ пошлинъ. Но этихъ выгодъ скоро стало имъ мало. Къ этой торговлѣ, насильственно похищенной, они вздумали приложить изъятія, пріобрѣтенныя компаніею для торговли внѣшней. Легко угадать слѣдствіе подобнаго состоянія дѣлъ. Удрученные одни пошлинами, отъ которыхъ такъ неожиданно освободили себя англичане, туземцы немогли выдерживать соперничества; раззореніе ихъ было общее, полное, неисправимое. Торговля вся перешла въ руки европейцевъ.

Такое состояніе дѣлъ было также невыгодно и набобу, какъ его подданнымъ. Одна изъ главныхъ вѣтвей его дохода состояла въ таможенныхъ взысканіяхъ. Онъ былъ вдругъ лишенъ ихъ и притомъ въ ту самую минуту, когда долги его англичанамъ дѣлали ихъ ему болѣе, чѣмъ когда либо необходимыми. Съ одной стороны, эти послѣдніе требовали у него денегъ; съ другой они истощали источникъ, изъ котораго онъ могъ ихъ доставать. Въ разныя времена и въ различныхъ письмахъ, набобъ излагалъ всѣ трудности своего положенія. Но члены англійскаго правительства всѣ занимались торговлею изъ своихъ частныхъ видовъ; чиновникъ боялся уменьшить выгоды торговца. Просьбы набоба были отвергнуты съ энергическимъ единодушіемъ. Приведенный въ отчаяніе отказомъ англичанъ, этотъ послѣдній рѣ-

шается на величайшую крайность; онъ уничтожаетъ въ своемъ государствѣ всѣ пошлины. Свобода торговли сдѣлалась единственнымъ средствомъ для возстановленія совмѣстничества между туземцами и англичанами.

Здѣсь должно удивляться одной изъ невѣроятно чудовищныхъ крайностей, до которыхъ доводитъ людей корыстолюбіе. При первомъ прибытіи въ Бенгалію, англичане объявили себя противъ всякихъ таможенныхъ правъ и достигли наконецъ того, что отъ нихъ освободились. Но этой свободы торговли хотѣли они въ свою пользу и единственно только въ свою пользу. При извѣстіи объ уничтоженіи таможенъ, величайшее раздраженіе начинается въ Калькуттѣ. Двое депутатовъ отправлены къ набобу: имъ дано порученіе съ одной стороны, требовать возстановленія торговыхъ пошлинъ въ отношеніи къ туземнымъ торговцамъ, съ другой стороны удержанія отмѣны ихъ въ отношеніи къ англійскимъ купцамъ.

Коуссимъ долго противится; умы раздражаются болѣе и болѣе; приходитъ минута, когда раздраженіе превращается въ открытую вражду. Посадивши Коуссима на тронъ, англичане считаютъ себя въ правѣ и свести его съ трона. При первомъ слухѣ о происходящемъ, Джаффиръ, котораго страсть честолюбія не по-

кидала цѣлую жизнь, оставляетъ свое уединеніе. Онъ скоро занимаетъ мѣсто того, кто занялъ его мѣсто, но съ такими условіями, которыя могли быть приняты только при величайшемъ ослѣпленіи. Онъ передаетъ англичанамъ доходы съ цѣлыхъ провинцій (*), онъ уничтожаетъ торговые налоги въ отношеніи къ нимъ и возстановляетъ въ отношеніи къ туземцамъ; обязуется содержать многочисленные корпуса войскъ и платить компаніи огромныя суммы по разнымъ частямъ. Однимъ словомъ, онъ отдаетъ себя въ руки всѣхъ и каждаго (**). При самой искусной администраціи нельзя было получить съ этихъ провинцій дохода, который бы только равнялся долгамъ принятымъ на себя набобомъ; затрудненія, разумѣется, увеличивались день отъ дня все болѣе и болѣе; Джаффиръ пытался нѣсколько времени бороться съ неодолимыми трудностями. Наконецъ онъ умеръ, удрученный печалію и болѣзнями.

Назначеніе набобовъ принадлежало до тѣхъ поръ делійскому двору. На этотъ разъ его даже и не спрашивали. Старшій изъ сыновей Джаффира былъ назначенъ компаніею наслѣ-

---

(*) Бёрдвана, Майднапора и Читтагонга.

(**) Каждый, по выраженію Клейва, могъ расчитывать на набоба какъ на собственнаго банкира.

довать отцу. На него наложены были условія еще худшія, если только было это возможно, еще болѣе уничтожавшія даже тѣнь предоставленной ему власти. Начальство надъ арміею было у него отнято; правительство британское предоставило его себѣ. Администрація поручена была чиновнику, выбранному англичанами (*). Наконецъ вслѣдствіе происшествій, не входящихъ въ планъ нашего разсказа, главное управленіе доходами трехъ провинцій перешло въ руки компаніи; дѣло чрезвычайной важности, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, по отношенію къ состоянію собственности подъ могольскимъ правленіемъ.

Компанія пріобрѣла мало по малу всѣ права, составляющія верховную власть. Она занимала мѣсто и набоба и даже самаго императора, въ обладаніи тремя провинціями: Бенгаліей, Багаромъ и Ориссой. Но положеніе компаніи, хотя и казалось наслѣдственно перешедшимъ отъ ея предшественниковъ, различалось отъ ихъ положенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Власть императора и его представителя была дѣйствительно неограничена въ теоріи, но собственная слабость полагала ей на дѣлѣ безпрестанныя границы. Что касается до

(*) Наибъ-набобу, т. е. вице-набобу, помощнику набеба.

англичанъ, это было совершенно напротивъ, они могли дѣлать все, что только хотѣли. Восточный деспотизмъ соединялся въ ихъ пользу съ относительнымъ всемогуществомъ европейской цивилизаціи.

Три періода исторіи компаніи, которые очертили мы вкратцѣ, имѣли каждый свой особенный характеръ.

Въ продолженіе перваго, отъ 1600 до 1745, компанія сохраняетъ совершенно коммерческій характеръ; она подвергается различнымъ измѣненіямъ, какъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи, такъ и въ сношеніяхъ своихъ съ властителями Индіи.

Во второй, съ 1745 до 1763, она вдругъ получаетъ политическій характеръ своею борьбою съ Франціею, которой главнымъ театромъ служитъ коромандельскій берегъ.

Въ началѣ борьбы французское знамя развѣвается на стѣнахъ Мадраса; наконецъ, оно падаетъ на стѣнахъ Пондишери и подымается только съ позволенія и согласія Англіи. Съ этихъ поръ, Англія спокойно можетъ дѣйствовать на индійской почвѣ; никакая другая европейская держава не мѣшаетъ ей болѣе своимъ

соперничествомъ. Она—представитель европейскаго духа, побо署овшаго на этой землѣ стараго генія Востока.

Третій періодъ, своимъ продолженіемъ почти современный второму, но отличающійся отъ него особенными, свойственными ему чертами, имѣетъ главнымъ театромъ своимъ Бенгалію.

Тамъ, англійское владычество пускаетъ съ самаго начала еще болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Карнатикѣ. Оно не довольствуется пріобрѣтеніемъ тамъ политическаго перевѣса, посадивши на тронъ государя по своему выбору; оно постепенно, такъ сказать поштучно, овладѣваетъ правами верховной власти, конфискуетъ ее въ свою пользу.

Тогда начинается эра, совершенно новая для англійскаго владычества. Компанія обладаетъ огромными територіями, образуетъ государство съ тремя столицами: Бомбеемъ, Калькуттою, Мадрасомъ. Двѣ первыя, посредствомъ Инда и Гангеса, открываютъ своей торговлѣ и своей политикѣ дорогу до середины Азіи; третья даетъ компаніи возможность господствовать на югѣ полуострова, проносить свое оружіе повсюду, гдѣ это будетъ необходимо. Она занимаетъ свое мѣсто среди главныхъ государствъ Индіи становится одной изъ основныхъ стихій поли-

тической системы полуострова. Она наконецъ, оружіемъ или политикою, въ открытомъ полѣ или въ кабинетѣ, будетъ бороться съ другими государствами, составляющими эту систему.

Изъ этихъ государствъ три главныхъ, съ которыми она войдетъ непосредственно въ сношеніе: имперія гайдерабадская, союзъ маратскій и имперія мисорская всѣ три, родившіяся на политическій свѣтъ почти въ одну эпоху, т. е. между вторженіемъ Надиръ Шаха въ 1739 и сраженіемъ при Панипутѣ въ 1763 (*). Надиръ Шахъ своимъ страшнымъ мечемъ разрубилъ всѣ, давно уже распадавшіяся звенья, составлявшія могольскую имперію. На равнинѣ Панипутской, афганы остановили на серединѣ поприща до тѣхъ поръ побѣдоносныхъ мараттовъ, стремившихся къ обладанію Индіею: событія породившія то политическое состояніе, въ которомъ мы будемъ слѣдить дѣятельность Англіи.

(*) См. прилож. 1 и 2 въ концѣ 1-го тома.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Индія подъ индо-мусульманскимъ правленіемъ.

ГЛАВА I.

Взаимное положеніе индусовъ и мусульманъ.

Исторія, сказали мы въ одномъ изъ прежнихъ сочиненій, не есть произведеніе индійскаго духа. Свѣдѣній объ исторіи Индіи должно искать въ исторіи ея завоевателей.

Должно ограничиться только нѣсколькими предположеніями въ отношеніи къ общественному состоянію Индіи до прибытія мусульманскихъ завоевателей. Болѣе ничего неизвѣстно; еще менѣе извѣстно что нибудь о политической системѣ, которая ею управляла. Составляла ли она первоначально одну великую монархію и повиновалась ли одному государю? Разбилась ли

она потомъ съ теченіемъ времени на множество другихъ, менѣе важныхъ государствъ? Начала ли она напротивъ тѣмъ, что состояла изъ большаго числа небольшихъ государствъ, которыя подъ вліяніемъ историческихъ событій сплачивались потомъ въ болѣе значительныя, по мѣрѣ того, какъ тамъ или сямъ являлся государь искуснѣе и воинственнѣе другихъ, сосѣднихъ съ нимъ? Эти государства раздробились ли потомъ снова, когда могущественная рука, на минуту сплотившая ихъ, перестала ихъ держать? Наконецъ эти царства, эти княжества были ли соединены феодальною связію и эта связь расширялась ли и суживалась по волѣ обстоятельствъ? Ничего этого мы незнаемъ. Ничего также неизвѣстно и о происхожденіи племенъ, которыя мы называемъ индусами и театромъ исторіи которыхъ былъ полуостровъ, простирающійся отъ подошвы Гиммалайя до береговъ, лежащихъ противъ Цейлана.

Индусы по всей вѣроятности, родились не на этомъ полуостровѣ. Общее мнѣніе ученыхъ, или лучше сказать вѣроятнѣйшая историческая догадка выводитъ ихъ съ сѣверозапада или съ сѣвера (*), и временемъ этого событія считаетъ

(*) Тибетцы имѣютъ азбуку, весьма сходную съ санскритскою. См. *Брайса*, стр. 20.

XII-й вѣкъ до христіанскаго эры (*). Съ этой эпохи, они владѣли уже всѣмъ сѣверомъ полуострова отъ западной оконечности Гузерата до покрытыхъ снѣгами горъ, составляющихъ восточную границу провинцій Бенгаліи и Багара. Нѣкоторыя мѣста законовъ Мену заставляютъ предполагать, что въ эту эпоху они не подымались дальше горъ Виндіа (**). Перейдя потомъ эти границы и продолжая идти на югъ, они наконецъ заняли весь полуостровъ.

Идя такимъ образомъ постоянно отъ сѣвера къ югу, индусы несли съ собою свою собственную, особенную цивилизацію; они распространяли ее, вмѣстѣ съ распространеніемъ своего владычества. Полуостровъ хотя и раздѣлившійся впослѣдствіи на безконечное почти число небольшихъ государствъ, независимыхъ одно отъ другаго, былъ такимъ образомъ подъ властію сходныхъ, даже одинаковыхъ учрежденій. Впрочемъ, собственно такъ называемыя индусскія, учрежденія (***) или по крайней мѣрѣ

(*) Бентли, Тодъ, Уайльсонъ дошли до этого разультата совершенно различными исчисленіями. См. *Брайггсъ*. Land-tax in India, стр. 20.

(**) Брайггсъ, — стран. 20.

(***) Какъ напримѣръ учрежденія деревень.

учрежденія городскія, наиболѣе важныя въ политическомъ порядкѣ, имѣли гораздо менѣе значенія на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Съ другой стороны, общій духъ всего народонаселенія не одинаковъ во всей Индіи. Низшіе классы на югѣ полуострова, съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ обращено было на нихъ вниманіе европейскими путешественниками, (*) до нашихъ временъ, являются всегда съ своими особенными, отличительными свойствами; они и очертаніемъ лица и цвѣтомъ кожи равно отличаются съ одной стороны отъ расъ сѣверныхъ, съ другой отъ высшихъ классовъ, состоящихъ по всей вѣроятности изъ собственно такъ называемой индусской расы. Индійское общество, какъ всѣмъ не безъизвѣстно, раздѣляется на четыре великихъ касты, которыя сами имѣютъ еще подраздѣленія; ниже всѣхъ этихъ четырехъ большихъ кастъ, стоитъ еще пятая: паріи, такъ же подраздѣляющіеся на безконечное множество колѣнъ. Паріи же, о которыхъ безпрестанно упоминается въ законахъ Мену, паріи, составляющіе собственно большинство этихъ низшихъ классовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, паріи, въ отношеніи къ которыхъ обиды, презрѣніе, насилія были не толь-

---

(*) Смотри переписку первыхъ миссіонеровъ: *Lettres édifiantes et curieuses.*

ко терпимы, но даже, такъ сказать, предписаны и повелѣны, эти парiи гораздо многочисленнѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ: въ нѣкоторыхъ округахъ Деккана, напримѣръ, óни составляютъ не менѣе двухъ третей народонаселенiя.

Казалось, побѣжденные отодвигались все дальше и дальше передъ побѣдоносными новыми пришельцами, которые отталкиваютъ ихъ, не даютъ имъ никакого мѣста въ своихъ рядахъ, запрещаютъ имъ самый входъ въ общественное зданiе, воздвигаемое ими на завоеванной ими почвѣ! И погибла вся эта несчастная раса, погибла не оставивши даже имени; нѣсколько предположенiй нами высказанныхъ — вотъ все, что о нихъ извѣстно: индусы являются одни на обширномъ театрѣ полуострова, въ ту минуту, когда начинаются историческiя времена.

Съ этой же минуты, полуостровъ уже подверженъ набѣгамъ и завоеванiямъ народовъ, сосѣднихъ съ нимъ на сѣверозападѣ. Часть Индiи была одной изъ 24-хъ сатрапiй, составлявшихъ государство Дарiя Гистаспа и простиравшихся до Дели, включительно съ Пенджабомъ, Кабуломъ, Кандагаромъ и всей странною, лежащею между Индомъ и моремъ. Властители Бактрiаны, одни изъ наслѣдниковъ великаго государства Александра, не разъ вели

войну съ Индіею; во внутренности страны, они простерли свои завоеванія до границъ, оставшихся неизвѣстными. Династія Сассанидовъ пріобрѣла власть, хотя власть только по имени, надъ одною частію полуострова. Исламизмъ, объявшій скоро всю Персію, для котораго завоеванія была единственною цѣлью, единственнымъ предметомъ, не могъ не придать новой силы этому стремленію въ Индію сѣверо-западныхъ народовъ полуострова.

Магмудъ, царствовавшій около 1000 года по Р. Х. въ Персіи и сосѣднихъ странахъ, по выраженію одного персидскаго историка (*), „обратилъ взоръ лица своего на Индію." Магмудъ двѣнадцать разъ проходилъ, т. е. опустошалъ вдоль и поперегъ сѣверную часть ея. Сокровища, принесенныя имъ оттуда, огромны, даже если не вѣрить преувеличеніямъ историка. Преемники его устремились на этотъ недавно и широко проложенный путь; князья афгановъ, народа, обитавшаго въ горной странѣ, лежащей между Хорасаномъ и Бактріаною, смѣнили ихъ въ этихъ завоеваніяхъ. Чингисъ Ханъ, во главѣ монгольскихъ племенъ, собравшихся впервые подъ его могучей властью, грозилъ наводнить ими полуостровъ. По разливъ волнъ направилъ

(*) *Феришта.*

въ иную сторону свое разрушительное теченіе. Тимуръ прошелъ Индостанъ, оставивши послѣ себя страшное имя „царя разрушенія." Афганы снова воцарились на полуостровѣ, но Баберъ, другой могольскій государь, отнялъ у нихъ власть, передалъ ее сыну своему Гюмайуну; этотъ послѣдній потерялъ было ее, но умѣлъ завоевать снова, потомъ оставилъ въ наслѣдство своему семейству, которое и хранило ее. Имперія могольская при сынѣ его Акбарѣ, достигла высшей точки славы и могущества.

Династія могольская, едва утвердившись въ Индостанѣ, начала думать о расширеніи владѣній на югѣ, т. е. къ Деккану; тамъ, вслѣдствіе первыхъ завоеваній афгановъ, образовались мусульманскія царства, которыя, покоренныя одно за другимъ, окончательно подчинились скиптру императоровъ делійскихъ, что воспослѣдовало при Оуренгзебѣ и соединило подъ могольскою властію весь полуостровъ индійскій.

Исламизмъ, идя на югъ полуострова, пріобрѣталъ себѣ болѣе или менѣе послѣдователей. Мусульманское племя, увлекаемое духомъ завоеваній, шло сжатыми рядами, посреди племенъ индусскаго происхожденія. Мусульманскіе завоеватели влекли за собою огромныя восточныя арміи, которыя по множеству сопровож-

дающихъ ихъ купцовъ, рабовъ, женщинъ и дѣтей кажутся цѣлыми народами. По окончаніи завоеванія, арабы, афганы, моголы, персы бросились на Индостанъ и Декканъ. Индія стала главнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ мусульманскихъ искателей приключеній, воиновъ или торговцевъ, желавшихъ обогатиться или прославиться. Народонаселеніе чисто мусульманское возрасло тамъ до 10, до 15 или по нѣкоторымъ источникамъ до 20 милліоновъ, т. е. пришло въ пропорцію 1: 5 или 15 къ 20 относительно народонаселенія туземнаго. Это былъ цѣлый народъ, волнами завоеваній брошенный на новыя поля и поглотившій первобытныхъ жителей, но самъ сохранившій свои вѣрованія, законы, нравы, политическія учрежденія.

Два народонаселенія, слѣдственно два общества, которыя не должны были ни сливаться, ни сталкиваться, существовали другъ подлѣ друга, существовали вмѣстѣ на одной и той же почвѣ. Великій моголъ былъ главою; - Коранъ основнымъ закономъ. Власть военная, судебная, политическая основывалась въ этомъ обществѣ на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и вездѣ, гдѣ царствовалъ исламизмъ. Но подлѣ, или лучше сказать, ниже этого народонаселенія, этого мусульманскаго общества, находилось другое, состоящее изъ индусовъ; это общество, съ бра-

минскими вѣрованіями, крѣпко стояло въ своихъ религіозныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, такъ что завоеватель былъ въ необходимости уважать ихъ и удовольствовался для собственныхъ выгодъ тѣмъ, что овладѣлъ совершенно всѣми пружинами правительственнаго механизма, вращая ихъ по своему произволу и въ свою пользу.

Отсюда необходимо происходили извѣстныя точки соприкосновенія между двумя этими народонаселеніями, двумя этими обществами.

То и другое сохраняли безъ сомнѣнія свои собственныя учрежденія; но и самыя эти учрежденія должны были соприкасаться въ извѣстныхъ пунктахъ, входить другъ въ друга. Весь механизмъ окончательно былъ въ рукахъ великаго Могола; отъ него исходили толчокъ и движеніе.

Эти точки соприкосновенія, это сцѣпленіе колесъ (да позволятъ мнѣ это многозначительное здѣсь выраженіе) двухъ системъ учрежденій, различныхъ, раздѣльныхъ, въ другихъ отношеніяхъ другъ отъ друга независимыхъ, составляютъ сущность индо-мусульманскаго общества. Этому то правленію повиновалась Ин-

дія, прежде чѣмъ перешла подъ иго Англіи; оно то дѣлало великаго Могола государемъ и обладателемъ по праву и на дѣлѣ, въ дѣйствительности равно какъ и по имени, огромной имперіи подчиненной его власти.

Но, чтобы понять взаимныя отношенія этихъ двухъ родовъ учрежденій, т. е. говоря другими словами, самое могольское правленіе, мы необходимо должны разсмотрѣть въ отдѣльности то и другое, изучить нѣсколько ихъ отличительныя черты. Познаніе ихъ внутренней сущности одно можетъ намъ уяснить эти случайныя отношенія, о которыхъ мы говорили.

ГЛАВА II.

Объ основномъ началѣ индійскихъ учрежденій.

Индусы имѣютъ одно учрежденіе, на которомъ всего болѣе должно остановиться, когда хочешь изучить народный духъ, проникнуть въ глубину ихъ исторіи; это учрежденіе кастъ. Въ немъ ключь и отъ купола и отъ основанія этого страшнаго зданія, которое со-

временнымъ путешественникамъ является такимъ же, какимъ явилось оно воинамъ Александра.

Творческое начало, существенная причина цивилизаціи какого бы то ни было народа, есть его религія. Проявленіе этого начала, дѣятельность этой причины часто загромождены закрывающими ихъ, по крайней мѣрѣ частію, внѣшними формами. Въ Индіи нѣтъ ничего подобнаго. Религіозное начало является безъ покрова въ устройствѣ государственномъ.

Изъ трехъ исповѣданій, раздѣлившихъ между собою восточный міръ, каждый по своему разрѣшилъ великую задачу отношеній Бога къ міру и міра къ Богу, задачу таинственную, которая есть не что иное, какъ страшная загадка судьбы человѣческой. Іудеи, между Богомъ и міромъ представляли себѣ безграничную и безконечную бездну. Персы истолковали видимый міръ борьбою двухъ противуположныхъ началъ, уравновѣшивающихся другъ съ другомъ; это значило продолжить въ теченіе временъ родъ сопротивленія или силы, которую проявляло матеріальное начало въ отношеніи къ всемогущей рукѣ, взявшейся за него для обработки и обдѣлки. Индійскій духъ напротивъ искалъ объясненія великой загадки въ тождествѣ творящей причины и ея дѣйствія т. е.

Бога и міра. Какъ персы, индійцы такъ же продолжили во время то, что мысль человѣческая находится въ обязанности представить себѣ до начала временъ, т. е. связь, соприкосновеніе причины и дѣйствія, Бога и міра. Вмѣсто того чтобы предположить связь эту разорванною, они видѣли въ мірѣ продолженное проявленіе дѣятельности, постепенное раскрытіе божественной сущности.

Общественныя установленія іудеевъ и персовъ отразили на себѣ свою основную космогоническую мысль. Такъ напр. Исторія Персіи проходитъ фазисы упорной, продолжительной борьбы. Политическое устройство Индіи основывается на тождествѣ Бога и человѣка. Оно видитъ въ общественномъ тѣлѣ продолженіе божественной сущности, которая проявилась въ немъ и образовала его по четыремъ подчиненнымъ одна другой формамъ, получившимъ на политическомъ языкѣ имя кастъ (*).

По основной космогонической мысли индусовъ, проявленія божественной сущности воспослѣдовали не произвольно и не случайно;

(*) Одна вышла изъ головы Бога, другая изъ груди, третья изъ чрева, четвертая изъ ногъ. Ихъ называли Браминами, Шактріями, Ваисіами и Судрами.

напротивъ онѣ строго связаны одна съ другою, строго произведены одна другою. Отсюда необходимая связь въ пространствѣ и времени между всѣми частями этой вселенной, составляющей только видимую оболочку; отсюда всякая вещь является прикованною къ своему мѣсту узами неумолимой необходимости, отъ миріадъ міровъ, катящихся въ безконечныхъ пространствахъ, до песчинки, попираемой нашими ногами; отсюда и въ общественномъ порядкѣ, тоже строгое подчиненіе, таже необходимая связь всѣхъ вещей; отсюда запрещеніе человѣку измѣнять что бы то ни было въ этомъ общественномъ мірѣ, равно какъ въ мірѣ матеріальномъ и видимомъ; отсюда назначеніе, данное каждому случаемъ рожденія, назначеніе, полученное отъ отцовъ для передачи потомкамъ; отсюда наконецъ невозможность измѣнить что либо, не только въ природѣ, въ сущности вещей, но въ самыхъ отношеніяхъ вещей между собою.

Индійское понятіе, выводившее изъ единой и тождественной сущности четыре касты, назначенныя для образованія общества, не останавливалось на этомъ. Оно налагало на каждую изъ этихъ кастъ общественныя отправленія, имъ собственно принадлежащія, и эти отправленія сохраняли, такъ сказать, между собою относительное подчиненіе различныхъ частей тѣла Брамы, откуда они изошли. Брамины, самымъ фактомъ рожденія, предназначаемы

были наукѣ, шактріи войнѣ, вайсіи трудамъ торговли, судры полевымъ работамъ. Неравенство происхожденія было такимъ образомъ безконечно продолжено въ неравенствѣ общественномъ; оно было свято, священно, изъято отъ всякаго смягченія, отъ всякаго измѣненія, и дѣйствительно было только выраженіемъ основной идеи индійскаго мышленія объ отношеніи Бога къ міру и міра къ Богу; неравенство тѣмъ болѣе неумолимое, тѣмъ болѣе странное, что источникъ его былъ въ этомъ самомъ тождествѣ. Четыре касты выходили изъ четырехъ различныхъ частей тѣла Брамы, но всѣ четыре были тѣмъ не менѣе созданы изъ самой сущности Брамы.

Учрежденіе кастъ было слѣдственно космогоническое понятіе Индіи, перенесенное на общественный порядокъ. Слѣдствія были странны, изумительны! Общественный порядокъ получилъ отъ этого постоянство, неизмѣнность, вѣчность, которая во всякой другой странѣ была удѣломъ вещей порядка религіознаго. Касты, вслѣдствіе религіозной идеи, которой служили онѣ проявленіемъ, продолженіемъ, такъ сказать божественной сущности, остались неизмѣнны въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и сохранили тѣ взаимныя отношенія, которыя были имъ первоначально приданы. Различіе, установленное между ними въ началѣ, стало бездною, которую время не заравняло, но на-

противъ увеличило и расширило. Обычаи, предразсудки, служившіе къ раздѣленію, къ различенію кастъ одна отъ другой, были защищаемы и сохраняемы индусами съ величайшею крайностью, съ истиннымъ фанатизмомъ. Въ каждомъ изъ этихъ обычаевъ, въ каждомъ изъ этихъ предразсудковъ, какъ мелки они ни были, религіозная идея Индіи проявлялась дѣйствительно всецѣло. Пить, ѣсть, ходить, отправлять однимъ словомъ самыя незначительныя и самыя обыкновенныя дѣйствія матеріальной жизни, значило совершать обрядъ богослуженія, исповѣдывать вѣру; удаляться въ чемъ бы то ни было отъ правилъ, было святотатствомъ и клятвопреступленіемъ.

Каста есть необходимая стихія индійскаго общества въ общественномъ порядкѣ Индіи. Въ Индіи, индивидуальность человѣческая исчезаетъ въ кастѣ, точно также, какъ по индійскому мышленію, поглощаются всѣ виды, всякое конечное бытіе въ сущности, вездѣ единой, вездѣ тождественной. Такимъ образомъ, индійскій законодатель кастою, посредствомъ касты, совершаетъ все; каста, это средство, орудіе, которымъ выполняется всякое общественное дѣло. Обработываніе науки, труды войны, торговли и земледѣлія, всѣ ремесла, всѣ общественныя занятія, въ Индіи становятся удѣломъ кастъ. Еще болѣе, все разнообразіе на-

клонностей, дѣйствія и мышленія, добродѣтели, пороки, изъ которыхъ одни создаютъ святаго Венсана де Поль, другіе разбойника, все, что у насъ составляетъ индивидуальность, проявляясь въ Индіи въ гигантскихъ размѣрахъ, производитъ тамъ касты.

Законодатель, предназначая первыя касты къ однимъ занятіямъ первобытныхъ обществъ, къ наукѣ и культу, къ войнѣ, къ торговлѣ, къ земледѣлію, самымъ дѣломъ установилъ правило, что всякое занятіе, всякое ремесло должно быть исправляемо извѣстнымъ классомъ людей, исключительно на него себя посвятившихъ. По разсказу легенды, касты занялись сперва назначенными имъ дѣлами; но потомъ новыя занятія, новыя ремесла родились изъ развитія цивилизаціи, изъ проявленія человѣческой дѣятельности. Въ свою очередь эти занятія, эти ремесла породили новыя касты, и касты эти составились изъ тѣхъ людей, которые первые занялись ремеслами и передали ихъ своимъ потомкамъ.

. Священныя книги разсказываютъ въ подробности, какъ все это происходило. Бракъ не былъ позволенъ между лицами различныхъ кастъ; но отъ слабости, отъ плохаго надзора правителей, инстинкты природы восторжествовали въ этомъ случаѣ надъ законодателемъ.

Смѣшеніе половъ презрѣло границы, положенныя закономъ, и отъ него произошли дѣти, непринадлежавшіе ни къ какой кастѣ, обреченные отчужденію и позору самымъ своимъ рожденіемъ. Безпрестанно увеличивался безпорядокъ; люди безъ касты размножались безпрестанно. Но явился мудрый царь, который положилъ конецъ злу. Нѣкоторыя искусства, нѣкоторыя ремесла, нѣкоторые промыслы, неизвѣстные во время перваго раздѣленія кастъ, родились вслѣдствіе развитія общества. Царь вздумалъ раздѣлить на новыя касты людей, родившихся отъ смѣшенія прежнихъ кастъ, и каждому изъ классовъ поручить извѣстное искусство, ремесло, промыселъ; онъ учредилъ ткачей, кузнецовъ, плотниковъ и проч. Этимъ мудрымъ распоряженіемъ удовлетворены были всѣ возрастающія нужды общества; порядокъ общественный былъ утвержденъ тѣми самыми, которые были для него всего опаснѣе. По выраженію индійскихъ книгъ: „міръ сталъ на ноги.“

Число новыхъ кастъ, создавшихся такимъ образомъ, простиралось до 36; но мы сказали уже, что это число было неограниченно, почти безконечно. Таже самая причина, которая по священной легендѣ породила эти 36 кастъ, не могла не породить потомъ еще большаго числа. Это раздѣленіе на касты, разъ допущенное, должно было прилагаться безпрестан-

но по мѣрѣ того, какъ оно входило въ духъ индусовъ. Число кастъ само по себѣ незначительно; но важны форма, основная мысль учрежденія; философъ и историкъ не могутъ не удивляться странному, непонятному постоянству. Замѣчательное зрѣлище въ исторіи эта организація, по мысли касты, всего общества, начиная съ существенныхъ основъ его, до самыхъ мелочныхъ подробностей; замѣчательно, какъ идея эта вливается, воплощается все болѣе и болѣе въ индійское мышленіе и становится мало по малу его основою, его сущностью.

Все это породило на почвѣ Индіи общественный порядокъ, до сихъ поръ единственный въ исторіи міра; общественный порядокъ, тождественный съ религіозною идеею, единый съ нею, составляющій только ея внѣшнее проявленіе, ея видимую оболочку; отсюда вся эта религія, воплощенная, такъ сказать, въ гражданскомъ и политическомъ обществѣ, обращающая въ исповѣданіе вѣры, въ дѣйствіе богослуженія, самомалѣйшія и незначительнѣйшія дѣйствія общественной жизни; отсюда слѣдственно эта сила, эта продолжительность, это постоянство, выстоявшія противъ времени, чужеземныхъ завоеваній, сближенія съ чуждыми цивилизаціями,—ибо нѣтъ ни одного пункта, гдѣ бы она не была защищаема самымъ роднымъ и близкимъ народу вѣрованіемъ; ибо цѣлая жизнь

каждаго изъ членовъ этой религіи, отъ рожденія до гроба, протекаетъ въ единомъ хвалебномъ гимнѣ, въ вѣчномъ исповѣданіи вѣры.

Во внутренности храмовъ своихъ, Юпитеръ, въ неподвижномъ величіи, ожидалъ кровавыхъ жертвъ и благоуханныхъ куреній! Но Богъ Индіи, Брама, незапертъ ни въ стѣнахъ Яггернаута, ни въ пагодѣ бенаресской! Онъ все и онъ вездѣ! Нѣтъ ни одной точки въ пространствѣ минуты во времени, гдѣ бы онъ не являлся всецѣло.

ГЛАВА III.

Общая форма индійскаго правленія.

Начало національнаго индійскаго правленія, съ самыхъ раннихъ историческихъ временъ, было существенно монархическое.

Законодатель неистощимъ въ роскошныхъ и великолѣпныхъ выраженіяхъ, когда ему приходится говорить о царѣ, и царской власти. „Царь“ говорятъ законы Мену „созданъ изъ ча-

стицъ, взятыхъ отъ различныхъ божествъ, хранителей этого міра, и слѣдственно превосходитъ славою всѣхъ смертныхъ. Какъ солнце, опаляетъ онъ очи и сердца; никакая тварь человѣческая несмѣетъ смотрѣть на него прямо. Онъ есть огонь и воздухъ; онъ богъ наказующаго правосудія, онъ геній богатства, онъ правитель водъ и господинъ тверди небесной. Съ царемъ, даже съ ребенкомъ, недозволительно обходиться просто, какъ бы съ простымъ смертнымъ; ибо онъ есть могущественное божество, пріявшее человѣческую оболочку. Гнѣвъ его смерть. Навлекшій на себя ненависть царя своими заблужденіями погибнетъ непремѣнно, ибо царь не замедлитъ обратить силу разума своего на погубленіе этого человѣка (*)."

Въ другомъ мѣстѣ: „Царь созданъ быть покровителемъ людей всѣхъ чиновъ и сословій, отъ перваго до послѣдняго, исполняющаго свои должности (**).

Далѣе: „Если бы на свѣтѣ не было царя, свѣтъ былъ бы объятъ страхомъ и дрожалъ бы на своихъ основаніяхъ; для сего то творецъ

(*) Законы Мену. гл. VII.

(**) Id. гл. VIII. ст. 35.

міровъ создалъ царей, для поддержанія своей системы (*).“

Царь былъ, такимъ образомъ, неограниченъ въ теоріи и по праву; нѣкоторыя правила были впрочемъ даны и ему для руководства въ отправленіи его власти. Законодатель налагалъ на него обязанность окружать себя совѣтомъ семи или восьми министровъ,“ которыхъ предки долженствуютъ быть слугами царей, его предшественниковъ, которые сами должны быть искусны въ познаніи священныхъ книгъ, лично храбры, знакомы съ наукой и съ военнымъ дѣломъ и благородной крови (**).“ Царь и его совѣтъ, составленный такимъ образомъ, должны были располагать всѣми дѣлами правленія и это является чѣмъ то въ родѣ конституціонаго короля, предсѣдательствующаго въ совѣтѣ министровъ. Но образъ рѣшенія дѣлъ здѣсь совершенно не тотъ, какой бы мы въ подобномъ случаѣ вообразили въ Европѣ. Царь долженъ былъ спрашивать въ частности каждаго изъ своихъ министровъ съ тысячью различныхъ, у Мену подробно изложенныхъ, предосторожностей, чтобы не дать ему замѣтить своего собственнаго мнѣнія, потомъ совѣтоваться со всѣми

(*) Id. гл. VII. стихъ 3.

(**) Id. гл. VII. ст. 56.

ими вмѣстѣ, послѣ этого рѣшать самому (*), давъ себѣ на это извѣстный срокъ и совершивъ нѣсколько предуготовительныхъ обрядовъ. Мѣста министровъ, въ силу такой же власти, принадлежали по праву браминамъ.

Сущность царскихъ обязанностей изложена наконецъ законами Мену въ слѣдующемъ: „никогда не удаляться съ поля сраженія, защищать народъ и чтить жрецовъ — вотъ что составляетъ обязанность царя и обезпечиваетъ его счастіе (**).“

Верховная власть низходила отъ царя до подданнаго, учено и симметрически расположенною іерархіею сановниковъ. Непосредственно за царемъ слѣдовалъ начальникъ тысячи городовъ или, лучше сказать, тысячи общинъ, какъ мы объяснимъ впослѣдствіи; потомъ начальники ста городовъ, двадцати, десяти, наконецъ одного города; этотъ составлялъ послѣднюю ступень іерархической лѣстницы (***). Каждый

(*) Сходны съ этимъ инструкціи Людовика XIV герцогу анжуйскому, потомъ королю испанскому: „совѣтуйся, но рѣшай самъ“ говоритъ старый король.

(**) Зак. Мену. гл. VII. ст. 56.

(***) Id. гл. VIII. ст. 89.

изъ начальниковъ, обязанный безпредѣльно повиноваться непосредственно высшему его, пользовался въ замѣну того полною и неограниченною властію надъ слѣдовавшимъ за нимъ (*). Верховная власть, низходя по многочисленнымъ ступенямъ этой лѣстницы, не измѣнялась слѣдственно въ существѣ своемъ, покрайней мѣрѣ въ извѣстныхъ пунктахъ; стѣснялось только пространство ея дѣйствія, самая же сущность оставалась тождественною съ ея основой.

Жалованье или содержаніе этихъ начальниковъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „пища, питье, дрова и все, что жители города или общины обязаны ежедневно давать царю, должны быть получаемы начальникомъ этого города или общины,—(царь имѣлъ дѣйствительно право требовать отъ каждаго города извѣстной дани, платимой въ отсутствіе его—его представителю) и тогда, господинъ десяти городовъ да пользуется прибыткомъ двухъ плуговъ, (т. е. доходами съ пространства земли, воздѣлываемаго двумя плугами, запряженными въ шесть быковъ каждый), господинъ двадцати городовъ да пользуется прибыткомъ отъ пяти плуговъ; господинъ ста доходомъ съ деревни или небольшаго города; господинъ тысячи до-

---

(*) Id. ibid.

ходомъ съ большаго города, съ столицы (*). Каждый изъ начальниковъ, вычтя сперва изъ количества полученной дани издержки правительства и свое собственное жалованье, посылалъ избытокъ своему непосредственно высшему начальнику; тотъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ и деньги достигали наконецъ царскаго казнохранилища: совокупность предписаній, въ которой проявляется духъ методической классификаціи, одно изъ свойствъ индійскаго духа.

Эта правильная гіерархія не составляла впрочемъ всего правительства Индіи. Существовало еще извѣстное число другихъ чиновниковъ съ властію контроля и надзора. Сущность ихъ обязанностей не опредѣлена ясно, но цѣль и духъ ихъ легко видѣть въ слѣдующемъ мѣстѣ законовъ: „дѣла городовыхъ общинъ, раздѣльныхъ и соединенныхъ, да подлежатъ контролю другаго министра царя; во всякомъ городѣ или общинѣ долженъ быть верховный надзиратель надъ всѣми дѣлами, высокій саномъ, страшный могуществомъ, сіяющій какъ планета между

(*) Жалованья этихъ двухъ послѣднихъ классовъ начальниковъ не опредѣлены съ точностью; доходы съ города или общины, большой или малой, были чрезвычайно различны. Напротивъ прибытокъ отъ двухъ пяти, десяти плуговъ легко было оцѣнить.

звѣздами. Правитель отъ времени до времени долженъ надзирать надъ всѣми дѣлами лично и посредствомъ своихъ лазутчиковъ узнавать, что происходитъ въ каждомъ округѣ, ибо слуги царя, назначаемые имъ въ окружные начальники, обыкновенно жадны до чужаго имущества. Да защищаетъ же онъ народъ отъ этихъ дурныхъ слугъ, разрушающихъ благоденствіе народа; царь же долженъ конфисковать ихъ имущество и изгнать ихъ по крайней мѣрѣ изъ своего царства (*). "

Царь былъ источникъ всякаго правосудія; оказывать его подданнымъ одна изъ священнѣйшихъ его обязанностей, которой исполненіе строже всего ему заповѣдано. „Царь," говоритъ еще Мену, „есть глава суда; впрочемъ онъ можетъ замѣнить себя кѣмъ либо въ отправленіи своихъ обязанностей, но не можетъ засѣдать въ судѣ, безъ помощи по крайней мѣрѣ трехъ судей или присутствующихъ. Свидѣтели должны быть допрашиваемы передъ судомъ; судьи обязаны обращать вниманіе на то, какъ они будутъ показывать и на сущность этихъ показаній (**)." Браминъ, или даже шактрій и вайсіа были способны толковать законъ царя;

(*) Законы Мену гл. VIII. ст. 120—124.

(**) *Haughton.* Institutes of Menou, гл. VIII.

но судра не могъ ни въ какомъ случаѣ отправлять этой обязанности (*). Входъ въ засѣданіе суда и открытіе разсужденій должны были совершаться съ нѣкоторою торжественностью. „Царь, или тотъ, кѣмъ онъ замѣстилъ себя," прибавляетъ Мену, „не долженъ занимать своего мѣста иначе, какъ тщательно одѣвшись; онъ долженъ начать славословіемъ богамъ, управляющимъ міромъ, ибо онъ начинаетъ судить дѣйствія (**)."

Когда царь и судьи входили въ засѣданіе съ такимъ церемоніаломъ, истецъ выходилъ и вопіялъ, „справедливости, справедливости!" до тѣхъ поръ пока обратитъ на себя вниманіе царя. Тогда давалось ему повелѣніе явиться передъ судъ. Онъ подходилъ, падалъ во прахъ, приносилъ въ дань монету; потомъ разсказывалъ происшествіе, излагалъ свое дѣло; послѣ того вызываема была противная сторона. Судъ совершался въ продолженіе засѣданія, и наказаніе, когда по дѣлу оно требовалось, слѣдовало непосредственно (***), сокращенная форма процесса, равно встрѣчающаяся и у другихъ народовъ въ первые вѣка исторіи, но сохранившаяся въ Индіи цѣлѣе и продолжительнѣе, чѣмъ

(*) Id. ibid.

(**) Законы Мену, гл. VIII.

(***) *Mill.* History of britisch India, томъ I, стр. 185.

гдѣ либо (*). Ко всѣмъ этимъ предписаніямъ законодатель прибавлялъ еще то, чтобы судъ производился на высокомъ мѣстѣ и чтобы доступъ къ нему не былъ никому воспрещенъ. Эта публичность суда является въ первыя времена общественнаго развитія. Моисей и Гомеръ дѣлаютъ на этотъ обычай нѣсколько намековъ; въ книгѣ Іова, видимъ мы судей, держащихъ судъ у воротъ города (**).

Количество и образъ взиманія податей, также обращаютъ на себя вниманіе законодателя. Мену говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „установивъ правила торговли, пошлины съ купли и продажи, обративъ вниманіе на продолжительность пути, на расходы на пищу и одежду, на стражу, охраняющую товары, царь можетъ назначить таксу продаваемыхъ товаровъ. Изъ скота, драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра, прибавляемыхъ ежегодно къ капиталу, онъ возметъ пятидесятую часть; изъ зеренъ восьмую или двѣнадцатую, смотря по разнымъ качествамъ земли и по труду, употребленному на воздѣлываніе. Царь можетъ взять также шестую часть древесныхъ плодовъ, меда, чистаго масла, благовоній, лѣкар-

---

(*) *Orme.* Gouvernement de l'Indostan, стран. 451.

(**) Книга Іова, гл. IX, стихъ 7.

ственныхъ травъ, питій, цвѣтовъ, корней и плодовъ (*).“

Во время войны, налоги естественно увеличивались. Законодатель говоритъ по этому поводу: „воюющій царь, въ случаѣ тяжкой необходимости; т. е. во время войны или чужеземнаго вторженія и защищая народъ свой, сколько онъ только можетъ, безъ всякаго грѣха имѣетъ право взять четверть жатвы. Главная обязанность царя война и онъ не долженъ оставлять поля сраженія. Защищая торговца и ремесленника, онъ можетъ взимать законную таксу въ награду за свое покровительство. Налогъ на торгующіе классы, который въ счастливыя времена не долженъ превышать двѣнадцатой доли ихъ жатвы и пятидесятой ихъ личнаго прибытка, въ худое время можетъ возвышаться до шестой доли среднимъ числомъ и даже до четвертой, во времена большихъ несчастій. Наконецъ двадцатая часть ихъ денежныхъ прибытковъ и другой движимой собственности есть высшая такса. Слуги, ремесленники, люди, занимающіеся механическими работами, должны жертвовать своимъ временемъ, но ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ налогу (**).“

(*) Haughton. Institute of Menou. гл. VII. ст. 127, 130, 131.

(**) Id. гл. VII ст. 119.

Количество налоговъ, платимыхъ туземцами ихъ прежнему правительству, можетъ быть вообще опредѣлено слѣдующимъ образомъ: два съ половиною процента съ драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра; восемь, двѣнадцать и семнадцать съ произведеній земли, смотря по разнымъ качествамъ почвы, двадцать пять въ военное время или для чрезвычайныхъ нуждъ государства; наконецъ пять процентовъ съ денегъ и со всякой движимой собственности.

Таковы были общая форма, главныя раздѣленія, существенный характеръ первобытнаго Индійскаго правленія. Все это болѣе или менѣе измѣнилось впослѣдствіи. Правильность, симметрія, въ немъ видимыя, достаточно свидѣтельствуютъ о характерѣ a priori, который впрочемъ не много отличается отъ характера встрѣчающагося у другихъ народовъ, въ другихъ странахъ.

Но эта главная организація не составляла цѣлости правленія Индіи, а была только верхнею ея частію; она опиралась на основу болѣе широкую, болѣе углублявшуюся въ почву, т. е. на систему городовыхъ учрежденій, полнѣе и строже здѣсь развитыхъ, нежели гдѣ либо; въ нихъ то заключается истинно любытная, особенная сторона политическихъ и административныхъ учрежденій Индіи.

ГЛАВА IV.

О городовыхъ учрежденіяхъ индійскаго правленія.

Полуостровъ индійскій, въ эпоху, которой время осталось неизвѣстнымъ, породилъ учрежденіе, долженствовавшее имѣть огромное вліяніе на его общественный бытъ. Это учрежденія сельскія или городовыя, о которыхъ мы уже упоминали.

Индійское селеніе,—ибо мы оставимъ учрежденію то имя, которое оно сохранило подъ перомъ англійскихъ историковъ,—не есть просто соединеніе нѣсколькихъ домовъ, какъ предполагается обыкновеннымъ значеніемъ этого слова. Подъ этимъ названіемъ разумѣется извѣстная часть земли въ нѣсколько сотенъ или тысячь акровъ. Это, однимъ словомъ, французская коммюна, коммюна сѣвероамериканскихъ штатовъ, англійскій приходъ, съ тѣмъ только различіемъ, что индійская деревня была единствомъ болѣе крѣпкимъ, чѣмъ французская и американская коммюна, чѣмъ англійскій приходъ. Это было, такъ сказать, маленькое государство, существующее само для себя и само по себѣ.

Сельское управленіе обнимало три главныхъ предмета, касающихся сельскихъ жителей: администрацію доходовъ, обработываніе

земли, которой они владѣли, поддержаніе сношеній съ государственною властію, управлявшей страною. Цѣли своей достигало оно цѣлою системою средствъ, множествомъ колесъ и пружинъ, и между тѣмъ, съ величайшею простотою, которой нельзя довольно надивиться. Это то мы и постараемся очертить вкратцѣ.

Во главѣ правленія маленькой общины было два главныхъ лица, различныхъ степеней; одно, извѣстное въ священныхъ книгахъ подъ именемъ Грамъ Адикара (*), другое подъ именемъ Грамъ Лекука (**).

Обязанности перваго изъ этихъ чиновниковъ были тоже, что обязанности французскихъ меровъ и нѣмецкихъ бургомистровъ, т. е. надзирать за полиціею общины, за безопасностью жителей, заботиться о соглашеніи споровъ, объ исполненіи правилъ для здоровья, о сборѣ податей и т. д.; обязанности грамъ лекука состояли въ томъ, чтобы держать реэстръ податей, отмѣчать всякія сельскія сдѣлки, вести кадастръ частной собственности, межевать землю: обязанности сходныя съ должностями директора округа, сборщика податей, актуарія суда, чиновника кадастра и проч.

(*) Грамъ адикаръ назывался потомъ Потель или Петтель. см. *Брайгса*, стран. 36.

(**) Грамъ лекукъ назывался послѣ Кенунджи.

Грамъ адикаръ назначался первоначально жителями деревни съ согласія государя. Но должность эта, вслѣдствіе общеиндійскаго стремленія, не замедлила сдѣлаться наслѣдственною въ его семьѣ. Начало избранія и начало наслѣдства двѣ главныя пружины политическаго міра, встрѣчаются въ первыя времена исторіи.

Ниже этихъ двухъ главныхъ деревенскихъ начальниковъ стояли двадцать четыре другихъ чиновника, раздѣлявшіеся на два класса, въ которыхъ изъ каждомъ было по двѣнадцати.

Первый классъ заключалъ въ себѣ (*): плотника, кузнеца, сапожника, ночнаго сторожа или поденщика (его же обязанностью было быть вождемъ иностранцамъ, заботиться о чистотѣ улицъ, о лошадяхъ путешественниковъ, переносить ихъ багажъ, надзирать за границами владѣній деревни), веревочника, горшечника, цырюльника, парильщика, школьнаго учителя, который въ тоже время былъ и астрологомъ, барда или поэта, хранителя водъ.

Второй классъ (**) заключалъ въ себѣ пробирнаго мастера, золотыхъ дѣлъ мастера, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ мастеромъ всѣхъ роскошныхъ издѣлій, садовника, водоноса, флейт-

---

(*) Чиновники этого класса назывались *Баловтаи.* Брайггсъ стр. 36.

(**) Втораго класса назывались *Аловтаи.*

щика, барабанщика, продавца масла, скорняка, двухъ помощниковъ полицейскаго стража подъ разными именами, лингаиистскаго жреца въ деревняхъ, гдѣ эта секта имѣла еще значительное число послѣдователей (*).

Споры жителей, которыхъ грамъ адикаръ (впослѣдствіи называвшійся потелемъ) не могъ рѣшить своею властію, были передаваемы суду, называвшемуся Пундшайетъ (**) и сходному нѣсколько съ судомъ присяжныхъ.

Число деревенскихъ чиновниковъ не всегда было строго такое, какъ мы описали. Вообще въ дѣйствительности оно было меньше (***), впослѣдствіи же, оно часто было и больше. Мы предположили сдѣлать возможно полный очеркъ учрежденій; но необходимость часто стѣсняла здѣсь количество, а иногда расширяла его. Важно въ особенности основное начало этой формулы. Это начало имѣло цѣлію предупредить всѣ нужды сельской общины, т. е., окончательно всего индійскаго общежитія. Оно простирало здѣсь до того свою заботливость, что вычислило даже и тѣхъ, которыхъ занятіе было только случайное, на примѣръ флейтщика или бара-

(*) *Брайгсъ.* Landtax in India стр. 36. См. въ концѣ тома.

(**) См. аббата дю Буа, въ разныхъ мѣстахъ.

(***) Вильямъ Монперъ. Enquete.

банщика. Должно удивляться, какъ въ сельской администраціи Индіи, проявляется инстинктъ потребностей болѣе благородныхъ и возвышенныхъ, чѣмъ инстинкты, развитые въ насъ той цивилизаціей, которой мы столько гордимся. Бардъ или поэтъ напримѣръ, не упомянутъ, сколько мы знаемъ, въ бюджетѣ американской коммюны или англійскаго прихода.

Обработываніе земли, принадлежащей деревнѣ, не могло не быть главнымъ предметомъ интереса и заботливости ея жителей. Законодатель имѣлъ у себя въ виду задачу: »съ наибольшею выгодою для всѣхъ и каждаго воспользоваться землею, принадлежащею всѣмъ и каждому.“ Граница наслѣдства не была еще, быть можетъ, установлена. Можетъ быть даже, она уже исчезла подъ вліяніемъ того страшнаго обстоятельства, о которомъ мы уже говорили,—чрезмѣрнаго увеличенія поземельной подати. Какъ бы то ни было, законодатель могъ прямо идти къ своей цѣли; никакое подобное препятствіе не стѣсняло и не замедляло его пути.

Начальникъ каждаго селенія или, если хотите, каждое селеніе черезъ посредство своего начальника, достигало этой цѣли слѣдующимъ образомъ.

Цѣлость земель, принадлежащихъ деревнѣ, раздѣлялась на извѣстное число частей, разнив-

шееся отъ двухъ до десяти; (*) части эти подраздѣлялись на извѣстное число другихъ меньшаго объема (**). Части перваго порядка не составляли рѣзкаго отдѣльнаго цѣлаго; части втораго напротивъ была разбросаны по разнымъ мѣстамъ, одна на плодоносной, другая на менѣе плодоносной почвѣ; законодатель хотѣлъ, чтобы они пополняли, вознаграждали одна другую такъ, чтобы цѣнности земель перваго порядка были столько равны, сколько это человѣчески возможно. Части перваго разряда, опредѣленныя такимъ образомъ, становились каждая участкомъ извѣстнаго числа семействъ, раздѣлившихъ между собою по своему добровольному согласію ихъ обработываніе.

Количество расходовъ сельской администраціи, плата податей, жалованье чиновникамъ раздѣлены были по числу частей втораго разряда. Владѣльцы частей перваго разряда освобождали отъ этого выпавшія имъ на долю части. Остальная жатва или доходъ раздѣлялись между земледѣльцами по количеству земель, обработываемыхъ каждымъ.

Основа учрежденія предподполагала общую обработку земель, гдѣ труды и выгоды уравнивались въ высшей степени. Притомъ,

---

(*) Онѣ назывались *Багъ;* откуда *багваръ* деревня

(**) Назывались *Анасъ.*

средства для достиженія цѣли были неодинаковы. Иногда земли переходили изъ рукъ въ руки ежегодно, такъ что частной собственности не существовало. Въ другомъ случаѣ, земли эти передавались въ семейство наслѣдственно по извѣстнымъ правиламъ. Но это были различныя средства для одной и той же цѣли, т. е. для общественной обработки, обработки посредствомъ и для общины. Такимъ образомъ, въ тѣхъ же самыхъ деревняхъ, гдѣ земли увѣковѣчивались въ семействахъ, раздѣлялись между дѣтьми одного отца, одна собственность только подвергалась этому раздѣленію; обработка или воздѣлываніе земли продолжало слѣдовать способу ассоціаціи.

Учрежденіе общинной деревни, очерченное нами, впослѣдствіи подверглось различнымъ измѣненіямъ; тѣмъ не менѣе, оно было древнѣйшимъ изъ всѣхъ, оно стало зерномъ типомъ этого впослѣдствіи столь славнаго учрежденія (*). Философія исторіи такъ же кажется

(*) Эта система деревень багваровъ встрѣчается дѣйствительно во всей Индіи. Она въ особенности существуетъ на сѣверѣ, гдѣ индійская раса владычествовала болѣе исключительно и подверглась менѣе чѣмъ гдѣ либо измѣненіямъ. См. *Брайгса* и подполковника Уильяма Маннера. Enquête. Томъ III. стр. 580.

Эти же самыя деревни багваръ или общинныя находятся въ округахъ провинціи Бароахъ или Кудапахъ, ле-

допускаетъ этотъ результатъ. Общинная организація, о которой мы говоримъ, проявляетъ собою такое состояніе дѣлъ, гдѣ законодатель могъ дѣйствовать совершенно свободно, прямо, ничѣмъ не стѣсняясь, идти, къ осуществленію своей мысли, гдѣ не было границы наслѣдства, которая заставляла бы его идти окольной дорогой.

Права личности, какъ могли бы это подумать нѣкоторые, не были нисколько принесены въ жертву правамъ общинной организаціи; въ селеніи личность повсюду ограждена была покровительствомъ и гарантіею. Мы сказали уже, какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень земли ежегодно подвергались новому раздѣлу. Иногда поземельная собственность передавалась по наслѣдству, но въ такомъ случаѣ мудрая предупредительность обезпечивала судьбу каждаго изъ членовъ семейства. Когда дѣти становились совершеннолѣтними, законъ обязывалъ отца доставить каждому жилище или землю, на которой бы они могли построить домъ. Страшное дѣло! если онъ разъ раздѣлилъ землю между тремя или четырьмя сыновьями и если у него потомъ родился еще сынъ отъ тойже жены, онъ принужденъ былъ дѣлать новое раздѣленіе земли. Но въ случаѣ по-

---

жащихъ на противуположныхъ концахъ, въ 700 миляхъ другъ отъ друга.

ваго брака, онъ долженъ былъ, по тѣмже самымъ правиламъ дѣлить собственную свою часть, т. е. часть, оставшуюся отъ перваго раздѣленія, между дѣтьми отъ втораго брака; участки первыхъ дѣтей оставались цѣлыми. Если у отца было трое дѣтей отъ перваго брака и одинъ отъ втораго, онъ, при раздѣленіи между ними земли, долженъ былъ дѣлить ее на двѣ равныхъ части; одна принадлежала тремъ дѣтямъ отъ перваго брака, другая вся сыну отъ втораго брака, хотя бы онъ былъ малолѣтный. Впрочемъ, обычай во многихъ мѣстахъ измѣнилъ это законное постановленіе, такъ, что даже въ этомъ случаѣ при раздѣленіи соблюдалось равенство (*).

Всѣмъ исчисленнымъ нами не ограничивалась еще задача сельскаго управленія. Для достиженія трехъ цѣлей своего установленія, оно должно было придти въ извѣстное соотношеніе съ политическою властію страны. Отсюда обширная система общей администраціи, которой сельская община была основою, или, лучше сказать, производительною системою.

(*) Уилльямъ Моннеръ. Enquête, томъ III стр. 580, 581. Женщины не наслѣдовали земли; въ случаѣ смерти владѣльца, не оставившаго дѣтей, земли наслѣдовали его племянники, за недостаткомъ ихъ ближайшіе родственники, но только послѣ смерти вдовы.

Изъ многихъ соединенныхъ вмѣстѣ деревень, законодатель составлялъ новое единство, новое цѣлое, которое мы назовемъ округомъ. Дѣла этого округа были поручены двумъ высшимъ чиновникамъ, но такимъ же образомъ, какъ грамъ адикару (меру, бургомистру) и грамъ лекуку (сборщику податей, актуарію и т. д.) Первый надзиралъ за главными доходами округа, получалъ отчеты начальниковъ деревень и передавалъ ихъ высшимъ чиновникамъ политическимъ и военнымъ; онъ назывался Десъ Адикаръ; второй, называвшійся Десъ Лекукъ, велъ счетную часть всего округа. Это была однимъ словомъ система деревенской администраціи въ большихъ размѣрахъ, въ сущности оставшаяся тоюже, но перенесенная съ деревни на округъ (*).

Если деревня становилась городомъ, учрежденіе, не измѣняя своей сущности, находило средство достигать приличныхъ размѣровъ. Деревня имѣла по одному представителю каждаго ремесла, по одному плотнику, кузнецу и т. д. Городъ употреблялъ бо́льшее число лицъ; но каждая изъ этихъ корпорацій работниковъ, въ отношеніи къ городской администраціи, находилась въ томъ же положеніи, какъ индивиду-

(*) *Брайгсъ.* Land tax in India.

умъ въ отношеніи къ сельской. Каждая изъ нихъ избирала начальника точно такимъ же образомъ, какъ жители деревни избирали въ началѣ своего грамъ адикара (мера, бургомистра) и этотъ начальникъ становился органомъ, оффиціальнымъ посредникомъ городской администраціи и корпораціи; онъ распредѣлялъ налоги, дѣлалъ нужныя увѣщанія и проч.

Городъ, или городовая община индійская, составляетъ слѣдственно полное цѣлое: это родъ небольшой республики, живое воспроизведеніе того состоянія дѣлъ, которое философы считаютъ первобытнымъ; видишь какъ будто людей, впервые соединяющихся въ общество для удовлетворенія взаимныхъ нуждъ (*). Деревня индійская различается отъ большихъ и лучше организованныхъ государствъ такъ, какъ дубъ, возвышающійся только на два фута отъ земли, отличается отъ дуба, возвышающагося главою до облаковъ. Ихъ основныя стихіи, законы ихъ организаціи и развитія, тѣмъ не менѣе тождественны Удовлетворяясь само собою, индійское селеніе единственно силою своей организаціи, равно какъ и небольшимъ объемомъ, избѣгло отъ опасностей разрушенія, постигавшихъ обширнѣй

(*) *Вилльямъ Монцеръ* Enquête, томъ III.

шія и богатѣйшія государства. Оно осталось цѣлымъ, неподвижнымъ на этой индійской почвѣ, съ первыхъ временъ исторіи подверженной смятеніямъ и политическимъ переворотамъ. Оно стоитъ еще посреди груды ихъ развалинъ. Еще болѣе: въ силу этого могущества и продолжительности, индійское селеніе стало творческою стихіею, необходимою, такъ сказать, частицею всѣхъ различныхъ политическихъ организацій, смѣнявшихъ одна другую на полуостровѣ.

Творецъ этого учрежденія остался неизвѣстенъ; исторія не говоритъ намъ также и объ эпохѣ его установленія въ Индіи. Это уже самое свидѣтельствуетъ о глубокой древности. По многимъ вѣрнымъ признакамъ, здѣсь нельзя не узнать одного изъ первобытныхъ фактовъ исторіи.

Во всѣхъ политическихъ учрежденіяхъ, или лучше сказать, во всѣхъ произведеніяхъ духа человѣческаго правильность, симметрія, соединенныя съ многообъемлемостью, служатъ всегда вѣрными признаками глубокой древности. Доказательство, что мысль не имѣла никакихъ препятствій въ своемъ дѣлѣ, во всемъ, что ей завѣщано прошедшимъ; ни одинъ совершившійся фактъ не всталъ между ней и ея осуществленіемъ. Потому-то она и развивается тамъ во всемъ своемъ богатствѣ, во всемъ разнообразіи

и вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ плодотворномъ единствѣ. Смотря по порядку вещей, въ которомъ она дѣйствуетъ, она творитъ однимъ разомъ, въ одинъ пріемъ, то эту удивительную систему городовыхъ учрежденій, которую мы изложили въ краткомъ очеркѣ, то эту чудесную систему грамматики и языка санскритскаго, оставшуюся типомъ, образцомъ богатѣйшаго и многочисленнѣйшаго семейства человѣческихъ языковъ.

ГЛАВА V.

О состояніи собственности подъ англійскимъ управленіемъ. Предположенія о происхожденіи сельскихъ учрежденій.

Установленіе права собственности между людьми есть одинъ изъ общественныхъ вопросовъ, наиболѣе занимавшихъ историковъ, философовъ, государственныхъ людей.

Существо собственности, разсматриваемое въ историческомъ развитіи, изученное въ ея первобытныхъ началахъ, разнообразныхъ измѣненіяхъ, постепенныхъ усовершенствованіяхъ, есть не что иное, какъ полная исторія внутреннѣйшей и важнѣйшей стороны жизни народовъ.

Но нигдѣ предметъ этотъ не имѣетъ столько важности, какъ въ отношеніи къ Индіи, по

причинѣ особенныхъ историческихъ обстоятельствъ; нигдѣ также, связанные съ нею многообразные вопросы не покрыты такимъ мракомъ, не загромождены такими трудностями.

Изъ этихъ вопросовъ одинъ значительнѣе всѣхъ другихъ; это-вопросъ о томъ, кому первоначально принадлежало обладаніе почвою земли, поземельная собственность: пунктъ, о которомъ съ первой минуты поднятія вопроса, господствовали и до сихъ поръ господствуютъ три различныхъ мнѣнія.

Одни приписывали исключительную собственность земли, на которой жила индійская раса, государю, другіе владѣльцамъ, обработывающимъ почву; третьи напротивъ дѣлаютъ изъ нея собирательную собственность сельскихъ общинъ, о которыхъ мы говорили. Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ за себя, должно признаться, важныя основанія, выводы весьма логическіе.

Приверженцы перваго мнѣнія опираются на различныя мѣста Мену, которыя кажутся имъ весьма подкрѣпляющими ихъ систему. „Серебро, сокрытое во внутренности земли, говоритъ законодатель, или драгоцѣнные камни, добытые оттуда, принадлежатъ вполовину царю, ибо онъ есть верховный господинъ земли (*).

(*) Законы Мену. гл. VIII. стр. 39.

Онъ говоритъ еще: „Если земля не плодоносна по винѣ владѣльца, если онъ забудетъ о посѣвѣ въ нужное время, онъ долженъ быть наказанъ штрафомъ, вдесятеро больше части царя въ цѣнности жатвы, и только впятеро, если вина не его, а слугъ его, и если онъ ничего о томъ не зналъ (*).“ Собраніе индійскихъ законовъ говоритъ еще: „посредствомъ завоеванія, земля стала собственностью мудраго Касьяпы; потомъ, порученная имъ рукамъ шактріи для покровительства и защиты, сдѣлалась впослѣдствіи ихъ собственностію, принадлежа по наслѣдству могущественнымъ завоевателямъ, а не подданнымъ, обработывающимъ землю (**).“ Наконецъ, и все у Мену же, сказано: „мудрые древнихъ временъ считали эту землю Притиви женою царя Прити (***).

Въ этихъ трехъ текстахъ, царь, должно признаться, является дѣйствительно собственникомъ земли. Налогъ на золото, отрытое изъ земли, кажется, съ перваго разу уничтожаетъ всякое въ этомъ сомнѣніе. Штрафъ за небрежность въ обработываніи земли можетъ быть разсматриваемъ съ тойже самой точки зрѣнія. Законъ не наказывалъ бы земледѣльца за его

(*) Законы Мену, гл. VIII. стр. 243.

(**) *Haughton.* Institutes of Menou.

(***) Мену, гл. IX. стр. 48, 49.

небреженіе, если бы смотрѣлъ на землю какъ на принадлежащую собственно ему. Не въ правѣ ли былъ бы онъ въ такомъ случаѣ поступать какъ ему угодно? Законъ наказывалъ бы его только развѣ за небреженіе или за замедленіе въ платѣ податей. Третій текстъ о землѣ, завоеванной Брамою, данной имъ мудрому Касьяпѣ, врученной этимъ послѣднимъ воинамъ, еще болѣе подтверждаетъ всю вѣроятность этого смысла, ибо земля дана была подъ условіемъ (напримѣръ, платы податей) и притомъ должна была принадлежать тому, кто ее давалъ. Въ самомъ выраженіи Мену, называющаго землю Притиви, женою царя Прити, не должно ли видѣть новаго свидѣтельства въ подтвержденіе этого мнѣнія? Женщина, по древнимъ понятіямъ, была вещію, собственностію мужа. Сходство именъ Притиви и Прити, одинаковыхъ за исключеніемъ окончанія, повидимому выражаетъ туже мысль подъ другими формами.

Историки греческіе тоже съ своей стороны наклонны къ этому мнѣнію. „Земледѣльцы, говоритъ Страбонъ, платятъ царю четверть своей жатвы; и пока земледѣлецъ платитъ этотъ налогъ, земля переходитъ отъ него наслѣдственно къ его потомкамъ (*).“ Это пока-

---

(*) Страбонъ, кн. XV стр. 1030. Діодоръ сицилійскій, томъ II, стр. 53.

заніе дѣлаетъ повидимому несомнѣннымъ, что собственность земли не принадлежала земледѣльцу, по крайней мѣрѣ по мнѣнію Страбона. Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ же указывать, когда и подъ какими условіями имѣла мѣсто передача земли? Дѣло ясно было бы и безъ указанія, само собою.

На эти тексты защитники права собственности владѣльцевъ возражаютъ слѣдующее: съ своей стороны, они тоже прибѣгли къ цитатамъ. „Мудрые, сказано у Мену въ продолженіи тогоже мѣста, говорятъ, что земля воздѣланная есть собственность того, кто срубилъ лѣсъ (или кто очистилъ и засѣялъ ее), какъ антилопа собственность охотника, поразившаго ее смертельно (*).“ Потомъ: „кто не имѣя земли, но имѣя у себя много хлѣба, засѣетъ имъ землю другаго, тотъ не имѣетъ права на посѣянное имъ (**).“ Наконецъ, въ наше время даже владѣлецъ раджпутскій часто употребляетъ пословицу, ведущую свое начало со временъ отдаленнѣйшей древности: „доходъ царскій, а земля моя (***).“

Вмѣстѣ съ этими противурѣчащими мнѣніями существуетъ еще третье. Оно имѣетъ за

(*) Законы Мену гл. IX стр. 48—49.

(**) Idem, ibid.

(***) *Тодъ*. томъ I, стр. 498.

себя нѣсколько государственныхъ людей и знаменитыхъ писателей, занимавшихся исторіею и учрежденіями индусовъ; оно отнимаетъ право собственности на землю и у государя и у владѣльца и приписываетъ его сельской общинѣ. Съ этой новой точки зрѣнія, земли, окружающія селенія, обработываемыя его жителями, составляютъ собственность не ихъ лично, но самой деревни; общинное управленіе владѣетъ ими на такомъ же основаніи, на какомъ у насъ основана общинная собственность; оно обработываетъ ихъ выгоднѣйшимъ по своему мнѣнію образомъ, раздѣляетъ потомъ доходы съ нея между жителями деревни, по извѣстнымъ, ими же самими установленнымъ, правиламъ. Это одним словомъ нѣчто сходное съ тѣмъ, что бываетъ въ Европѣ на большихъ заводахъ и фабрикахъ, эксплуатируемыхъ извѣстнымъ числомъ акціонеровъ и заводчиковъ. Эксплуатація производится общими силами; за ней слѣдуетъ раздѣленіе произведеній между совладѣльцами по мѣрѣ доли каждаго.

Это мнѣніе менѣе всего сообразно съ нашими европейскими понятіями; неудивительно потому, что оно явилось послѣднее. Между тѣмъ оно имѣетъ за себя всего болѣе исторической вѣроятности. Общинныя деревни, которыхъ организацію изложили мы вкратцѣ, еще до сихъ поръ многочисленны въ Индіи. Онѣ встрѣчаются въ отдаленнѣйшихъ областяхъ ея, на сѣ-

верѣ, на югѣ, на востокѣ, на западѣ. На сѣверѣ они утвердились больше, чѣмъ на югѣ. Устройство ихъ портится, измѣняется по мѣрѣ ихъ приближенія къ югу, гдѣ учрежденія индійскаго происхожденія необходимо нѣсколько измѣняются, удаляясь отъ своей колыбели. „Общинная деревня была повидимому типомъ, первоначальнымъ образцемъ индійскихъ деревень (*).“

Устройство подобной деревни въ высочайшей степени сообразно съ существомъ индійскаго духа. Не всегда ли и не во всемъ ли начинаетъ онъ самымъ сложнымъ, идя до послѣднихъ предѣловъ всякой мысли, всякаго начала? Наконецъ индусы сами раздѣляютъ повидимому это мнѣніе. Доказательство тому въ нѣкоторыхъ жалобахъ англійскому правительству насчетъ земель, расположенныхъ вокругъ деревень. Правительство иногда хотѣло распорядиться ими по своему; но сосѣднія деревни, въ качествѣ собственниковъ этихъ земель, по крайней мѣрѣ по своему мнѣнію, на это жаловались.

Царь, земледѣлецъ и деревня являются слѣдственно съ притязаніями на собственность почвы. Всѣ три имѣютъ за себя равныя основанія, всѣ эти притязанія окружены историческими вѣроятностями и философскими предположеніями. Нѣтъ ли средства согласить эти

(*) *Уилльямъ Моннеръ.* Enquête. Томъ III. стр. 580.

противорѣчащія другъ другу притязанія? Нельзя ли, глядя съ высшей точки зрѣнія, соединить, слить во едино эти, повидимому уничтожающія себя взаимно, притязанія. Это мы считаемъ возможнымъ и попытаемся сдѣлать.

Право приписываемое царю нисколько не противорѣчитъ государственному праву Азіи и самому духу Востока. Бо́льшая часть Азіи, Персія, древній Египетъ (*), Китай (**) напротивъ, кажется, единогласно признаютъ за государемъ это верховное господство надъ землею. Законодатель придаетъ верховной власти самые великолѣпные аттрибуты. Государь начальникъ, вождь, творецъ народовъ; это безграничное право собственности надъ землею, которое съ перваго разу сбиваетъ съ толку наши новыя понятія, въ высшей степени согласно съ понятіями этой части свѣта; оно встрѣчается тамъ во всѣ эпохи исторіи, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ.

Сверхъ того, не одни цари Востока имѣли притязанія на право поземельной собственности; не имъ однимъ приписывала его теорія, если уже говорить о теоріи. Короли Франціи и Англіи, потомки государей, завоевавшихъ землю, территорію двухъ странъ, являлись въ феодаль-

(*) *Геродотъ.* Кн. III.

(**) *Аббатъ Грозье.* Déscription de la Chine.

номъ правѣ неограниченными собственниками. Это право короля на землю существуетъ даже до сихъ поръ въ Англіи по мнѣнію многихъ юрисконсультовъ.

При старомъ порядкѣ вещей, короли во Франціи тоже не отрекались совершенно отъ этого права. Людовикъ XIV, разсказываетъ намъ Сенъ-Симонъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ печаленъ, мраченъ, особенно чѣмъ то удрученъ. Вдругъ за этимъ состояніемъ слѣдуетъ совершенно противуположное. Печаль, даже угрызенія совѣсти, терзали его сперва по поводу огромныхъ налоговъ, которыми удручено было королевство. Онъ упрекалъ себя въ глубинѣ своей совѣсти, что располагаетъ такъ произвольно имуществомъ подданныхъ. Убѣжденія духовника вдругъ разсѣяли эту тоску. По мнѣнію этого послѣдняго (*) право собственности надъ всею французской землею принадлежало королю и онъ въ этомъ случаѣ распо-

(*) Онъ пришелъ, посовѣтовавшись съ искуснѣйшими дѣльцами Сорбоны, которые прямо рѣшили, что все имущество подданныхъ принадлежитъ ему (королю) и что онъ беретъ только то, что ему принадлежитъ.“ *Записки Сенъ-Симона*, томъ IX, стр. 44.

„Король, успокоенный отцемъ Ле-Телье и сорбонской консультаціей, пересталъ сомнѣваться въ принадлежности ему имѣнія подданныхъ.“ Id. ibid. стр. 46.

рядился только своимъ имуществомъ. Онъ могъ сдѣлать это безъ всякаго упрека себѣ, ибо употребилъ расходы для величія и силы Франціи. Король, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ самъ писалъ къ своему внуку: „короли — государи неограниченные; они естественно имѣютъ право полнаго распоряженія во всѣхъ имуществахъ, принадлежащихъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ людямъ, и во всякое время могутъ располагать ими, какъ мудрые хозяева, сообразно съ общими нуждами своего государства (*)."

Отецъ Ле-Телье слишкомъ поторопился успокоить совѣсть своего царственнаго духовнаго сына; онъ вѣроятно не позаботился посмотрѣть, до какой степени древнее французское право согласно съ его рѣшеніемъ. Можетъ быть, онъ самъ изумился бы удивительному единогласію. И дѣйствительно, черезъ двадцать четыре года потомъ, за пятнадцать лѣтъ до революціи, въ то время, когда изданы были уже и Contrat Social и Энциклопедія, генералъ контролеръ финансовъ писалъ еще неустрашимо: „король господинъ всякой собственности въ королевствѣ; всѣ недвижимыя имущества принадлежатъ ему и если онъ оставляетъ нѣкоторыя изъ нихъ своимъ поддан-

(*) Oeuvres de Louis XIV. Année 1666. Say. Кн. III. гл. 9.

нымъ, это единственно знакъ его щедрости (*).“ Слѣдственно, право собственности короля надъ землею, съ теоретической точки зрѣнія, можетъ быть разсматриваемо какъ мнѣніе, которое нѣкогда оффиціально проповѣдывалось во Франціи, и до сихъ поръ еще, можетъ быть, оффиціально проповѣдуется въ Англіи (**).

Посредствомъ налога, государство, т. е. государь, въ какой бы формѣ ни выражалась верховная власть, становится, такъ сказать, собственникомъ земли. Но если никакихъ границъ не положено этому налогу и если количество его уравнится окончательно съ цѣлостью дохода отъ земли, то не становится ли государство дѣйсвительнымъ собственникомъ почвы? Неуплатою налога владѣльцемъ, носящимъ имя собственника, это выводится наружу довольно явно; государство вполнѣ располагаетъ тогда его владѣніемъ, какъ своей собственностью, отчуждая его, продавая всецѣло или по частямъ и проч. Въ дѣйствительности слѣдственно каждая частица земли подлежитъ двумъ правамъ. Но одно изъ нихъ, если оно не ограничено внѣ его находящимся препятствіемъ, можетъ уменьшить, уничтожить, поглотить въ

(*) *Монклу*. Histoire financière de la France.

(**) Разумѣется, мы говоримъ только въ смыслѣ теоретическомъ.

себѣ другое, однимъ словомъ, замѣнить его; это право государства. Такъ какъ обыкновенно собственникъ получаетъ бо́льшую и значительнѣйшую часть поземельнаго дохода, то прежде всего бросается въ глаза его право и кажется даже, какъ будто оно существуетъ одно. Но не всегда дѣла находятся въ такомъ положеніи. При одномъ новомъ налогѣ, взимавшемъ десятую часть дохода съ поземельной собственности, цѣлый Лангедокъ предложилъ королю полное и совершенное оставленіе собственности владѣльцами, съ условіемъ, чтобы имъ обезпечена была десятая часть дохода (*). Въ такомъ случаѣ, король или государство былъ бы не только собственникомъ по праву, и потомъ на самомъ фактѣ совладѣльцемъ земель Лангедока, но былъ бы единственныхъ собственникомъ, неограниченнымъ по праву и фактически.

Философія исторіи, слѣдственно, совершенно права, признавая за государями, какъ одинъ изъ аттрибутовъ верховной власти, отвлеченное право собственности. Съ другой стороны, индивидуумъ носитъ во внутри своей организаціи, не только желаніе и стремленіе къ собственности, но право на нее, органъ и способность къ ней. Владѣть для человѣка также естественно, какъ пить, ѣсть, спать, ходить.

(*) Записки Сенъ-Симона, томъ IX, стран. 50.

Обладаніе извѣстнымъ количествомъ вещей, съ которыми онъ находится въ столкновеніи, есть для него какъ бы отправленіе естественной способности, какъ бы расширеніе, продолженіе его собственной природы, дѣлающееся безъ его участія, безъ его, такъ сказать, сознанія. Если религіозныя и политическія теоріи согласились видѣть въ государѣ собственника по праву всѣхъ земель въ Индіи, инстинктъ самой природы указывалъ какъ на собственника на владѣльца и обработывателя земли. Необходимость соглашенія, примиренія двухъ правъ, очевидно, слѣдовательно, должна была представиться. Съ одной стороны, являлось законодательство, объявляющее неограниченныя права царя на собственность земли; съ другой природа, которая говорила за того, кто первый осушилъ землю, кто первый завоевалъ ее.

Неограниченное право государя и естественное право земледѣльца сталкивались такимъ образомъ на каждой частицѣ индійской земли. Стала необходима и потому воспослѣдовала сдѣлка. Отсюда и извѣстныя права, признанныя за владѣльцемъ или земледѣльцемъ и достаточныя въ извѣстной степени для удовлетворенія тѣхъ инстинктовъ собственности, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Владѣлецъ пользовался землею до тѣхъ поръ, пока платилъ съ нея подать; онъ могъ передавать ее своимъ дѣтямъ, могъ отдавать въ наймы, въ

обработку и т. д. Съ теоретической точки зрѣнія, государь оставался единственнымъ и неограниченнымъ собственникомъ земли; но естественный инстинктъ собственности, этотъ инстинктъ также прирожденный человѣку, какъ потребность ѣсть и ходить, былъ тѣмъ не менѣе удовлетворенъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ границахъ. По этому-то, раджпутскій поселянинъ и повторялъ съ гордостью пословицу: „доходъ царскій, а земля моя.“

Но предположивъ что царь возметъ именно весь этотъ доходъ, право на который ему приписывается раджпутскимъ поселяниномъ, что же остается этому послѣднему? Ничего, ибо онъ живетъ не землею, а произведеніями земли, ея доходомъ. Самая формула сдѣлки указываетъ слѣдственно на право царя, какъ на неограниченное въ теоріи.

Вслѣдствіе обстоятельствъ, въ высшей степени несчастныхъ для Индіи, къ притязанію на все присоединился еще и самый фактъ завладѣнія. Налогъ возвышенъ былъ до такой степени, что часть дохода оставляемаго земледѣльцу за вычетомъ издержекъ на посѣвъ и заработной платы, была почти совершенно ничтожна (*). Не только по праву, по ученію

(*) Количество налога могло быть въ четверть: но какъ мы увидимъ впослѣдствіи, произведенія земли могутъ. дѣ-

Востока, но и на фактѣ, государь явился собственникомъ. Таково было бы отношеніе Людовика XIV къ Лангедоку, въ случаѣ, когда бы принято было упомянутое нами выше предложеніе.

Но предположимъ, что вещи вдругъ примутъ въ эту эпоху совершенно неожиданный оборотъ. Съ одной стороны король продолжалъ бы требовать платы новой десятой части; съ другой владѣльцы, не преувеличивая своей бѣдности, находились бы въ совершенной невозможности платить. Они бы боролись съ величайшею бѣдностію, удрученые обязанностію выше силъ ихъ. Тогда представимъ себѣ, что, по волѣ Провидѣнія, является вдругъ геніальный человѣкъ. Онъ изобрѣтаетъ новый способъ земледѣльческой эксплуатаціи, новый способъ городовой администраціи и оба эти способа такъ благодѣтельны, что позволяютъ съ одной стороны правительству собрать все количество налога, съ другой стороны оставляютъ владѣльцамъ лучшую часть произведеній ихъ земель. Легко понять съ какой радостью приняли бы эти нововведенія и правительство и Лангедокъ. Ихъ интересы, ихъ взаимныя

литься на три части: издержки воздѣлыванія, кормъ и доходъ владѣльца. Правительство брало 25 изъ 32-хъ.

права, до тѣхъ поръ враждебныя, противуположныя, вдругъ были бы соединены и примирены.

Такое то средство спасенія, которое мы предположили введеннымъ вдругъ во Францію, было дѣйствительно введено въ Индіи при подобныхъ обстоятельствахъ; средство это было не что иное, какъ сельское учрежденіе, о которомъ мы часто упоминали. Сельская администрація становится дѣйствительно между государемъ и земледѣльцемъ, какъ посредникъ, равно полезный обоимъ; она принимаетъ всю тяжесть налога, какой угодно будетъ наложить неограниченной власти перваго, и способомъ его раздѣленія облегчаетъ тягость его для земледѣльцевъ. Искусное употребленіе всѣхъ силъ, всѣхъ средствъ общины вспомоществуетъ двойственной цѣли, тому, чтобы уплатить огромный налогъ и не отнять благоденствія, удобствъ жизни у земледѣльцевъ. Въ этой администраціи совершается какъ бы слитіе, синтезъ неограниченнаго, отвлеченнаго права государя или государства и дѣйствительнаго, живаго права владѣльца или земледѣльца.

Далека отъ насъ впрочемъ мысль утверждать положительно, чтобы таково было историческое происхожденіе сельскаго управленія. Мы сказали уже, что это учрежденіе своей глубокой древностію исключаетъ всякую

возможность историческихъ догадокъ, хотя эта гипотеза весьма не лишена вѣроятія философскаго.

ГЛАВА VI.

О состояніи лицъ или кастъ подъ индійскимъ управленіемъ.

Послѣ взгляда, брошеннаго нами на касты въ ихъ началѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ религіозной системѣ Индіи, довольно интересно будетъ разсмотрѣть, что сталось съ ними въ послѣдствіи времени. Подъ вліяніемъ вѣковъ, политическія учрежденія измѣняются день ото дня и день ото дня становятся различными отъ того, чѣмъ они были при своемъ первомъ осуществленіи. Нельзя отдать себѣ полнаго отчета во всей вѣрности этого страннаго учрежденія кастъ, не разсмотрѣвъ сначала ихъ измѣненій съ теченіемъ времени.

Съѣдено ли это учрежденіе ржавчиною вѣковъ? Подверглось ли оно общей участи человѣческихъ дѣйствій? Измѣнилось ли оно, сохраняя только наружный видъ, такъ что остается только пустымъ названіемъ, выбѣленнымъ гробомъ? Отдаленность сходства съ тѣмъ, что

прежде называлось этимъ именемъ, располагаетъ къ принятію этого мнѣнія, но факты тотчасъ же его уничтожаютъ. Въ теперешней Индіи, учрежденіе кастъ является въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи, пропасти, раздѣляющія ихъ одна отъ другой, также непереходимы какъ и прежде! Арріанъ разсказываетъ намъ, какъ о необыкновенномъ происшествіи, видѣнномъ войскомъ Александра, о трагической смерти двухъ браминовъ, которые сдѣлавшись неспособными сами удовлетворять своимъ нуждамъ и приготовлять себѣ пищу, умерли съ голода, но не хотѣли ничего принимать изъ рукъ македонянъ. Много вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, а исторія Индіи до сихъ поръ еще изобилуетъ подобными примѣрами: факты говорятъ въ такомъ случаѣ лучше всѣхъ разсужденій. Разскажемъ нѣсколько изъ нихъ.

Въ 1774 году, во время войны англичанъ съ раджею танджорскимъ, англичанамъ попался въ плѣнъ одинъ изъ офицеровъ его войска. Раненный, онъ не позволилъ лѣчить себя. Видя, что хотятъ употребить въ этомъ случаѣ насиліе, онъ повидимому покорился своей участи, но едва только оставался одинъ, какъ срывалъ повязки съ своихъ ранъ. Надобно было не выпускать его изъ виду, чтобы вылѣчить. Видя, что за нимъ надзираютъ, онъ три дня провелъ совершенно спокойно. На третью ночь, стражи, думая, что онъ заснулъ, удали-

лись на нѣсколько минутъ. Но сонъ этотъ былъ притворный. Едва только они вышли, какъ танджорецъ, приподнявшись кое какъ съ постели, схватилъ лампу и зажегъ сухія дрова, накладенныя къ углу комнаты. Строеніе, какъ бо́льшая часть строеній въ этой странѣ, было выстроено изъ тростнику; пламя быстро объяло его. Офицеръ обратился уже въ кучу пепла и угольевъ, когда успѣли до него добраться. Онъ предпочелъ смерть жизни, оскверненной, по его мнѣнію, навсегда прикосновеніемъ европейцевъ (*).

Двое сипайевъ изъ свиты Реджинальда Гебера, протестантскаго епископа въ Калькуттѣ, едва было не рѣшились подражать героизму браминовъ временъ Александра. Два этихъ солдата опасно занемогли; епископъ думалъ, что имъ поможетъ какое то лѣкарство съ примѣсью небольшаго количества вина. Онъ предложилъ имъ это питье: оба рѣшительно объявили свое твердое намѣреніе скорѣе умереть, чѣмъ коснуться даже устами питья, или принять что либо изъ рукъ чужеземца (**).

Не больше времени дѣйствовало на учрежденіе и разстояніе. Это доказываютъ два слу-

---

(*) Histoire de la conquête etc. Томъ I. стр. 400.

(**) *Реджинальдъ Геберъ*. Narrative of an journey etc. Томъ I. стр. 97.

чая, бывшихъ почти въ одно время, одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ полуострова.

Тотже самый Реджинальдъ Геберъ ѣхалъ изъ Калькуты въ Бомбей. На дорогѣ, онъ увидалъ разъ лежащаго въ углу двора бѣднаго индійскаго носильщика, страдающаго поносомъ. Этотъ несчастный уже два дни и двѣ ночи боролся со смертію. Двадцать человѣкъ индійскихъ слугъ, нѣсколько разъ въ день, ѣли за десять шаговъ отъ него и ни одинъ изъ нихъ не подумалъ помочь ему. Ни одинъ также невзялъ на себя труда увѣдомить о происшествіи господина. Этотъ послѣдній увидалъ умирающаго случайно и началъ бранить слугъ за небреженіе. Ихъ единогласный отвѣтъ былъ таковъ: „онъ не нашей касты; кому изъ насъ охота оказывать ему услуги? могли ли мы думать, что нашъ господинъ обратитъ вниманіе на такую бездѣлицу (*)?

Въ тоже почти время, англійскіе путешественники въ Бенгалорѣ видѣли нѣчто подобное. Кровельщикъ, чинившій вмѣстѣ съ другими крышу дома, въ которомъ они жили, упалъ съ довольно значительной вышины и жестоко ушибся. Бѣднякъ тотчасъ же обезпамятѣлъ. Одинъ изъ англичанъ, отецъ Кемпбелль, просилъ многихъ изъ товарищей несчастнаго сходить и принести ему воды изъ

(*) Id. Томъ III. стр. 263.

ближайшаго колодца, Ни одинъ не тронулся съ мѣста. И какой же былъ ихъ отвѣтъ: „господинъ! чего вы хотите? Этотъ человѣкъ не нашей касты: намъ не позволено ни прикасаться къ нему, ни поить его водою (*).“

И не должны мы необдуманно произносить проклятія этимъ равнодушнымъ зрителямъ мученій носильщика, паденія кровельщика. Подивимся только странности природы человѣческой. Состраданіе чужеземца было бы этимъ несчастнымъ ужаснѣе равнодушія соотечественниковъ. Это достаточно свидѣтельствуютъ смерть двухъ браминовъ во времена Алексадра, гибель танджорскаго офицера, современника Клейва и Дюпле, упрямство двухъ сипаевъ изъ свиты Гебера.

Мы говорили уже о томъ, какъ получили начало касты; разнообразіе наклонностей природы человѣческой, занятій, происходившихъ вслѣдствіе разнообразныхъ наклонностей, не встрѣчали никакого препятствія, которое ограничило бы ихъ число. Мы разсказали, какъ четыре касты размножились въ тридцать шесть. Но причина, размножившая ихъ, не должна была на этомъ остановиться. Если первоначально различіе занятій породило различіе кастъ, малѣйшія различія въ способѣ отправ-

---

(*) *Campbell.* British India in its relations to the decline of indocism. стр. 97.

ленія какого либо занятія или ремесла были достаточны для порожденія новыхъ кастъ. Тоже самое легко происходило отъ болѣе или менѣе строгаго соблюденія тѣхъ или другихъ обрядовъ. Такимъ образомъ число кастъ постоянно увеличивалось. Никто неможетъ перечесть всѣхъ ихъ; безпрестанно видишь все новыя и новыя, чѣмъ болѣе проникаешь въ Индію, и нельзя даже предвидѣть, гдѣ остановится подобныя открытія. Одинъ примѣръ изъ тысячи достаточенъ для того, чтобы понять, какъ мало надобно для того, чтобы явилась каста. Мы опять беремъ его изъ путешествія Гебера, неистощимаго источника наблюденій всякаго рода.

Одинъ изъ людей свиты епископа падаетъ съ лошади и ушибается довольно опасно. Геберъ велитъ нести его на носилкахъ. Народъ, находившійся на площади, отказывается отъ этого съ негодованіемъ. По самому странному случаю, вся деревня состояла изъ людей, занимавшихся ношеніемъ тяжестей. Геберъ замѣчаетъ это. „Милордъ, отвѣчаетъ полицейскій чиновникъ, это кулисы, а не носильщики; ихъ дѣло носить тяжести на головѣ, а не на плечахъ (*).“ Нашли наконецъ средство нести раненнаго на головѣ; иначе, вся власть еписко-

(*) Носилки или паланкинъ, на которомъ должно было нести раненнаго, носятъ на плечахъ.

на была бы безсильна противъ обычая и преданія. Четыре женщины вышли изъ толпы съ тростниковой кроватью, употребляемой въ странѣ, положили на нее раненнаго и понесли на головахъ, какъ живыя каріатиды.

Привычки, обычаи, свойственные каждой кастѣ, различны не менѣе самыхъ кастъ, которымъ они принадлежатъ. Невозможно исчислить даже часть ихъ. Въ числѣ этихъ обычаевъ есть обычаи ужасные, странные, ребяческіе, необъяснимые, чудовищные, нелѣпые. Такъ, есть цѣлыя колѣна, посвятившія себя убійству, есть другія, приносящія въ жертву людей, есть даже подозрѣваемыя въ людоѣдствѣ. Есть одна каста, очень многочисленная на югѣ полуострова, которой исключительное занятіе составляетъ воровство. У наировъ, на малабарскомъ берегу, женщины пользуются правомъ имѣть нѣсколько мужей. Въ Мерварѣ существуютъ напротивъ нѣкоторыя касты, называемыя *Тольти*, гдѣ дяди, племянники и другіе близкіе родственники имѣютъ общихъ женъ (*). У одного колѣна, обитающаго на востокъ отъ Мисора, каждая мать, выдающая замужъ дочь, обязана подвергнуться отрѣзанію средняго пальца правой и указательнаго лѣвой руки. Если у молодой невѣсты нѣтъ матери, этому жестокому изувѣ-

(*) Аббатъ Дюбуа. Томъ I, стр. 5.

ченію должна подвергнуться мать ея отца или, за недостаткомъ ея, ближайшая ея родственница. И въ этомъ сокрытъ вѣроятно какой нибудь кровавый символъ искупленія кровію, котораго смыслъ потерянъ съ теченіемъ вѣковъ. Цѣлаго тома было бы недостаточно для изложенія этого предмета.

Причины потери касты необходимо должны быть въ связи съ причинами ея основанія или сохраненія. Это дѣйствительно такъ и было. Онѣ не уступаютъ причинамъ основанія въ странности, дѣтствѣ, видимыхъ противорѣчіяхъ. Связи, соединяющія другъ съ другомъ лица, принадлежащія къ кастѣ, сотканы, такъ сказать, изъ трехъ вещей: изъ возможности ѣсть вмѣстѣ, брать изъ рукъ другихъ приготовленную ими пищу, наконецъ изъ возможности вступленія въ брачный союзъ. Но эти общія правила подвергаются множеству исключеній, различеній, ограниченій, въ высшей степени странныхъ. Такъ всякая неприготовленная пища считается чистою, изъ чьихъ бы рукъ она ни была получена; рисъ жженый или жареный можетъ быть принятъ изъ такихъ рукъ, изъ которыхъ нельзя принять вареннаго (*); хлѣбъ во всякомъ случаѣ, такъ, что нѣтъ конца исключеніямъ. Не менѣе странны нѣкоторыя различія того или другаго рода оскверненій. Раджпутъ напримѣръ

(*) *Schore*. On Indian affairs, томъ II. стр. 470.

соглашается быть засѣченнымъ до смерти плѣтью; за то онъ предпочитаетъ смерть одному прикосновенію палки (*).

Изъ этихъ, повидимому безсвязныхъ, подробностей выходитъ одинъ общій фактъ, чрезвычайно важный, что никакой общественной связи, никакой точки соприкосновенія, никакого отношенія не существуетъ между кастами; онѣ живутъ на индійской почвѣ чуждыя другъ другу, какъ будто бы океанъ и пустыни лежали между ними. Нѣтъ ни одного общаго понятія у индивидуумовъ различныхъ кастъ; идеи о добрѣ и злѣ столько же многоразличны, сколько законы и обычаи, свойственные кастамъ. Добро состоитъ въ повиновеніи обычаямъ той касты, къ которой человѣкъ принадлежитъ по рожденію; зло въ ихъ нарушеніи. Въ колѣнѣ каллантрусовъ считается безчестіемъ не красть, въ другихъ не убивать, въ третьихъ не участвовать въ приношеніяхъ въ жертву людей и проч. и проч. Спросите члена перваго колѣна, къ какому колѣну

(*) Id. ibid. стр. 490. Въ Европѣ впрочемъ находимъ мы нѣчто похожее на этотъ послѣдній предразсудокъ. Римляне не соглашались быть высѣченными иначе, какъ виноградною лозою. Различіе смерти желѣзомъ и смерти веревкой, изъ которыхъ послѣдняя считалась безчестною, показалось бы, можетъ быть, индійцамъ очень страннымъ.

онъ принадлежитъ; онъ гордо отвѣтитъ: къ колѣну воровъ (*). Онъ съ удовольствіемъ покажетъ раны, полученныя имъ въ опасныхъ подвигахъ, какъ наши ветераны показываютъ свои, полученныя на полѣ сраженія.

Бездна, раздѣляющая касты, такъ обширна, отсутствіе общихъ понятій у жителей противуположныхъ береговъ таково, что самыя естественныя человѣческія чувства, одобреніе или охужденіе, симпатія или отвращеніе къ обычаямъ, привычкамъ различнымъ кастъ, суть чувства, совершенно неизвѣстныя индійцу. Слѣдуя своимъ собственнымъ обычаямъ, ни одна каста не охуждаетъ нимало другихъ, совершенно противоположныхъ (**). Какъ ни нелѣпы привычки нѣкоторыхъ колѣнъ, онѣ не навлекаютъ на нихъ ни презрѣнія, ни ненависти со стороны лицъ другихъ кастъ, ихъ непринимающихъ (***); потому, что нѣтъ ни одного лица, которое не находилось бы въ какой либо кастѣ, которое тѣмъ самымъ не было бы подъ властію понятій извѣстной касты.

Каста въ Индіи тоже самое, что въ другихъ странахъ національность; фактъ перво-

---

(*) Аббатъ Дюбуа.

(**) Аббатъ Дюбуа.

(***) Id. Томъ I, стр. 6, 7.

бытный, необъяснимый, который извѣстной совокупности различныхъ лицъ сообщаетъ единство, личность. Настоящее отечество индійца есть слѣдовательно каста; ибо отечество гораздо болѣе заключается въ общественномъ порядкѣ, среди котораго мы родились, среди котораго развилось наше нравственное существо, чѣмъ въ землѣ, попираемой нашими ногами. Такимъ образомъ, все, что мы разумѣемъ подъ европейскими понятіями *отечества* и *народности*, для индійца заключается въ понятіи касты. Еще болѣе: міръ для индійца оканчивается на границахъ его касты; за нею находится какъ бы другой рядъ созданія, другой міръ, въ который запрещено ему проникать, съ которымъ судьба воспретила ему всякое сношеніе. Онъ спокойно смотритъ на завоеваніе земли, на которой живетъ матеріальною жизнію, но скорѣе дастъ убить себя тысячу разъ, чѣмъ дозволитъ чужеземцу коснуться своей народности, своего отечества. Онъ съумѣетъ умереть какъ испанецъ въ Сагунтѣ или Сарагоссѣ.

Различіе кастъ образуетъ въ Индіи самую ученую и самую прочную по составу іерархію, какую только видѣло когда нибудь человѣческое общество. Брамины, шактріи, колѣна, на которыя подраздѣляются касты, сохраняютъ во мнѣніи народа свое относительное превосходство. Но при существованіи этой идеальной іерархіи, внѣшняя форма ея, такъ сказать, раз-

бита, земля поколебалась подъ зданіемъ, сооруженнымъ Брамою; гордыя развалины пали на землю и лежатъ въ безпорядкѣ; но тѣмъ не менѣе онѣ сохраняютъ несокрушимую печать мѣста, которое занимали въ древнемъ зданіи.

Въ самомъ дѣлѣ, страшные общественные перевороты не пощадили тѣхъ, кому законодатель предназначалъ высшую судьбу. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть браминовъ, исполняющихъ домашнія должности у богатаго судры или у мелкаго англійскаго чиновника, занимающихъ самыя незначительныя мѣста, служащихъ простыми солдатами и проч. Точно тоже сдѣлалось и съ шактріями. За то судры обогащались, достигали начальства войсками, вступали на престолъ. Въ Индіи, какъ и вездѣ, судьба человѣка не могла быть опредѣлена заранѣе, не могла не подвергнуться вліянію личной дѣятельности, но особенно замѣчательно въ этой странѣ то, что общественная іерархія, какъ она ни уничтожена на фактѣ, тѣмъ не менѣе существуетъ и уважается во мнѣніи. Настоящее состояніе лица не имѣетъ никакого вліянія на мнѣніе, какое не только оно само, но и другіе могутъ имѣть о благородствѣ его происхожденія, о его важности и личномъ достоинствѣ. Браминъ, находящійся въ услуженіи у судры, тѣмъ не менѣе сохраняетъ неоспоримое и неоспориваемое преимущество

предъ своимъ господиномъ, и удерживаетъ это преимущество въ глазахъ всѣхъ, такъ сказать, передъ лицемъ неба, ибо, тогда какъ господинъ его можетъ ѣсть приготовленныя имъ блюда, самъ онъ счелъ бы себя оскверненнымъ, если бы поднесъ къ устамъ кушанье, котораго коснулся судра, или только сѣлъ съ нимъ за столъ; а въ этой то особенности заключаются признаки общественнаго преимущества индійцевъ. Вообразите себѣ какаго нибудь Ла Тремульй, Монморанси въ услуженіи у купца улицы Сенъ Дени или Сенъ Мартенъ, не потерявшаго отъ этого положенія ничего ни въ своемъ мнѣніи, ни во мнѣніи другихъ; сохранившаго все свое относительное прежнее преимущество, выказывающаго его въ глазахъ всѣхъ и нехотящаго сѣсть возлѣ своего господина или хозяина.

И этотъ то странный контрастъ на всякомъ шагу представляется въ Индіи; съ перваго раза все общество кажется веселою толпою карнавала, гдѣ разные костюмы выражаютъ собою положеніе каждаго; тоже смѣшеніе, тотже безпорядокъ, жрецы, солдаты, купцы, различныя сословія толкаются другъ съ другомъ. По взгляните поближе, съ иной точки зрѣнія, и вы увидите бездны между сословіями, которыя кажутся вамъ смѣшанными; потомъ мало по малу, изъ этого хаоса возстаетъ передъ вами общественная іерархія самая сложная, самая

произвольная, самая неумолимая въ своихъ исключеніяхъ, какая когда либо существовала на свѣтѣ.

Касты, какъ мы уже сказали, настоящее отечество, настоящая народность индійца; но не мѣшаетъ возвратиться къ этой мысли. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, должно смотрѣть на Индію, какъ на страну обитаемую не однимъ народомъ, но множествомъ народовъ, которые вслѣдствіе различныхъ происшествій, войнъ, завоеваній и проч., потеряли свое соединяющее начало, такъ что народъ весь разсѣянъ, такъ сказать, размѣнялся на личности. Каждое изъ лицъ хранитъ строго вѣрованія, обычаи, языкъ, составляющіе его народность; каждый энергически отвергаетъ вѣрованія, обычаи, языкъ чужеземцевъ и смотритъ на нихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Соединенные подъ одно владычество случайными событіями, эти народы преслѣдуютъ часто одни интересы, одну цѣль. Тогда личности всходятъ общественной лѣстницей на верхъ, смотря по способностямъ или счастію каждой. Но значеніе и общественное достоинство остаются тѣмъ не менѣе независимы отъ случайностей судьбы и касты въ высшей степени раздѣлены одна отъ другой.

Нѣкоторыя аналогіи, можетъ быть, окончательно ознакомятъ насъ съ этимъ взглядомъ на предметъ. Посреди бѣдности, плѣна, изгнанія, разсѣянія между народовъ, іудеи хранятъ сознаніе

достоинства своего происхожденія; вѣра ихъ въ святость своего призванія непоколебима. Культъ народности не угасаетъ никогда. Уваженіе къ собственной общественной іерархіи не поколебалось отъ временнаго униженія тѣхъ, которые занимали въ ней самое высшее мѣсто. Это мнѣніе не покинуло ихъ посреди презрѣнія, оскорбленій, терпимыхъ ими въ средніе вѣка. Но въ тоже самое время, самое высшее счастіе не могло вполнѣ избавить отъ этихъ оскорбленій тѣхъ изъ нихъ, кому оно покровительствовало. Въ этихъ отношеніяхъ іудеевъ къ христіанамъ, также какъ въ ихъ насильственномъ смѣшеніи, подобіе нѣкоторымъ образомъ относительнаго положенія и взаимныхъ отношеній одной къ другой различныхъ кастъ Индіи.

ГЛАВА VII.

Объ основномъ началѣ мусульманскаго правленія.

Во главѣ мусульманскаго учрежденія Магометъ, какъ во главѣ индійскаго Брама.

Магометъ въ глазахъ правовѣрныхъ связь міра видимаго съ міромъ невидимымъ, яркое осуществленіе основнаго начала нравственнаго и разумнаго порядка; избранникъ и

посланникъ Божій, предназначенный вести людей путемъ спасенія къ совершенію ихъ обязанностей; однимъ словомъ, долженствующій доставить торжество волѣ божественной на землѣ и привлекающій къ ней человѣческія воли.

По этому Магометъ сказалъ: „я господь чадъ Адама;“ и въ другомъ мѣстѣ: „Адамъ и потомство его созданы для того, чтобы сражаться подъ моимъ знаменемъ.“

И въ этихъ словахъ Магометъ выражалъ не только всю возвышенность своего призванія, но и то единственное средство, которымъ надѣялся совершить его.

Исламизмъ, съ перваго появленія своего на землѣ, вошелъ въ открытую войну съ человѣческимъ родомъ; единственною обязанностью правовѣрнаго было сражаться для распространенія вѣры; война противъ невѣрныхъ была единственнымъ средствомъ развитія и общественной дѣятельности, ему предоставленной; единственная цѣль его была распространеніе исламизма побѣдами и завоеваніями. Цѣлый міръ раздѣлился для него на два класса людей: правовѣрныхъ и невѣрныхъ; первыхъ, немногочисленныхъ, но призванныхъ привести всѣ народы земли подъ сѣнь знаменъ пророка.

Весь коранъ является непрерывнымъ воинственнымъ кличемъ. Онъ говоритъ: „по исте-

ченіи священныхъ мѣсяцевъ, убивайте невѣрныхъ вездѣ, гдѣ вы ихъ встрѣтите, берите ихъ въ плѣнъ, осаждайте, заводите въ засаду (*).“ Въ другомъ мѣстѣ: „Богъ купилъ у правовѣрныхъ ихъ жизнь и ихъ свободу и обѣщалъ имъ за это благословеніе рая. Но берегитесь: не отказывайтесь отъ того, что вамъ полезно (**), не желайте того, что вамъ вредно (***), ибо всевѣдѣніе принадлежитъ Богу, а вашъ умъ ограниченъ и слѣпъ.“ Далѣе: „расточающіе имѣніе свое для дѣла Божія и въ пользу вѣры, подобны зерну хлѣбному, приносящему семь колосьевъ, въ каждомъ изъ которыхъ по сту зеренъ; ибо Богъ, чему хочетъ, даетъ произрастаніе: въ немъ всякая благость, всякая премудрость.“ Въ другомъ мѣстѣ: „не считайте погибшихъ за дѣло Божіе умершими, но какъ бы живыми предъ лицемъ Господнимъ, исполненными радости, которой они милосердіемъ Божіимъ удостоены, радующимися ради любви къ тѣмъ, которые имъ слѣдуютъ, но не пришли еще туда, гдѣ они, гдѣ далека отъ нихъ всякая печаль, всякая боязнь.“

Говоря отъ своего собственнаго имени Магометъ сказалъ: „клянусь тѣмъ, въ рукахъ ко-

---

(*) Коранъ I. VIII, ст. 7.

(**) Отъ военныхъ трудовъ и опасностей.

(***) Наслажденій и покоя міра.

тораго жизнь моя, что не только я желаю умереть за его святое дѣло (т. е. сражаясь за него), но что, если бы было у меня три жизни, я желалъ бы потерять ихъ такимъ образомъ.“

Въ роковой битвѣ отодской, одинъ изъ воиновъ, обращаясь къ Магомету, спросилъ его: „о пророкъ! смерть приближается; гдѣ вскорѣ будетъ духъ мой?“ „Въ раю“ отвѣчалъ Магометъ. Воинъ бросился въ пылъ битвы, бился съ ожесточеніемъ и не возвратился.

Однажды, — это было также во время битвы отодской, — Магометъ подвергся величайшей опасности, какую онъ когда либо испыталъ. Непріятели напали на него въ расплохъ и окружили, спастись ему было, казалось, невозможно. Пророкъ обращаясь къ товарищамъ вскричалъ: „приготовляйтесь вступить въ рай, превосходящій обширностію небо и землю.“ При этихъ словахъ, эмиръ Аль-Имамъ вскричалъ: „Гуцца, Гуцца!“ Что ты кричишь? сказалъ Магометъ. „О пророкъ, зову Бога въ свидѣтели, что если я кричалъ такъ, то кричалъ въ надеждѣ быть скоро жителемъ рая.“ Ты уже житель его, отвѣчалъ пророкъ и прибавилъ: „брось финики, которые у тебя въ рукахъ (*), чтобы ты могъ рвать райскіе.“

(*) Магометъ разумѣлъ подъ этимъ вѣроятно отрѣшеніе отъ привязанности къ земнымъ вещамъ, первое условіе пріобрѣтенія небесныхъ.

Потомъ еще: „я также буду рвать нѣкогда финики, приготовленные для меня и дающіе вѣчную жизнь.“ Эмиръ вскричалъ: „ты сказалъ истину.“ Потомъ бросилъ финики, которые держалъ до тѣхъ поръ въ рукахъ, ринулся въ битву, поражая все, что ему встрѣчалось, пока самъ наконецъ пораженъ былъ смертельнымъ ударомъ (*).

Вспоминая о днѣ отодскомъ, Магометъ говорилъ однажды: „когда братья ваши погибли въ день отодскій, Богъ перенесъ души ихъ въ самое средоточіе рая, откуда вытекаютъ священныя рѣки, гдѣ растутъ всѣ плоды, откуда созерцаютъ они великолѣпныя лампады, развѣшанныя въ храмѣ Бога. Они же, познавъ и вкусивъ чистоту, сладость ихъ пищи и ихъ питья, пріятность мѣстъ покоя, воскликнули: о! отчего одинъ изъ насъ не можетъ сказать братьямъ нашимъ, что мы въ раю, тамъ, гдѣ нѣтъ надобности въ плотоубіеніи, гдѣ опасности войны болѣе не существуютъ. Тогда Тотъ, чье имя вѣчно должно быть восхваляемо, сказалъ имъ „изъ любви къ вамъ, я скажу это братьямъ вашимъ. И всевышній Богъ дѣйствительно открылъ это, говоря: не считайте мертвыми погибшихъ за дѣло Божіе, но всегда живыми (**).“

(*) Тогфутъ, стр. 38.
(**) Тогфутъ уль Муджагидинъ стр. 44.

Магометъ сказалъ еще: „тотъ, кто не сражался за дѣло Божіе или не раздѣлилъ имѣнія своего съ неимущими, или отвлекъ кого либо изъ насъ отъ этого достойнаго дѣла, будетъ брошенъ въ огонь адскій, безъ надежды явиться въ послѣдній день.“ Въ другомъ мѣстѣ: „два рода глазъ не будутъ пожжены огнемъ адскимъ: глаза, которые плачутъ, созерцая гнѣвъ Божій, и глаза закрывшіеся въ сраженіи за дѣло Божіе.“ Потомъ еще: „падшій за дѣло Божіе, не испытаетъ мукъ смерти, или смерть его будетъ походить на ощущенія, испытываемыя людьми при неожиданной радости.“ Дальше: „погибающій въ дѣлѣ Божіемъ, какъ бы ни былъ оскверненъ, будетъ мускусомъ въ послѣдній день.“ Наконецъ: „достигшій конца своей жизни, ни разу не сражавшись за дѣло Божіе и не имѣвшій этого намѣренія, обреченъ гибели (*).“

Сраженіе за дѣло Божіе, въ глазахъ Магомета, заслуга по преимуществу, мѣрило всѣхъ дѣйствій; онъ самъ выражаетъ это слѣдующимъ образомъ: „часъ битвы за дѣло Божіе достойнѣе пятидесяти лѣтъ путешествій въ Мекку.“ „Изъ множества людей, тотъ наиболѣе исполняетъ долгъ, кто положитъ добровольно жизнь свою за дѣло Божіе; кто проведетъ на конѣ ночь въ этой святой войнѣ, тотъ болѣе угодитъ этимъ Богу, чѣмъ

(*) Idem.

постясь въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, и совершая самые строгіе обряды въ продолженіи такого же времени; и если убитъ онъ въ эту ночь, онъ достигъ цѣли, для которой родился на свѣтъ; онъ поставленъ выше всего, что есть печаль, несчастіе, горе." „Заслуги идущихъ въ сраженіе за Бога выше той заслуги, какую стяжаете вы шестидесятилѣтнимъ хожденіемъ въ мечеть съ молитвою; и если вы хотите, чтобы Господь простилъ васъ и допустилъ въ рай, идите и сражайтесь за Бога, ибо тотъ, кто въ святой войнѣ ранитъ хотя единаго верблюда, заслужитъ рай (*)."

Съ самаго начала исламизма, война считалась слѣдственно обыкновеннымъ, естественнымъ, такъ сказать, нормальнымъ состояніемъ правовѣрныхъ. Съ самаго своего появленія Магометъ объявляетъ вѣчную войну. Но этотъ воинственный жаръ необходимо долженъ былъ охладиться со временемъ; ревность первыхъ вѣковъ должна была сокрушиться въ столкновеніи съ препятствіями дѣйствительности. Мусульманскіе законники согласили требованія закона съ новымъ періодомъ жизни; они допустили, что достаточно одному изъ послѣдователей исламизма бороться съ невѣрными для продолженія святой войны. Во всякомъ случаѣ, война и сраженіе единственныя отношенія, которыя

(*) Тогфутъ, стр. 42.

съ религіозной точки зрѣнія, могутъ существовать между мусульманами и невѣрными.

Конецъ міра единственный срокъ прекращенія святой брани, допускаемый исламизмомъ. „Все въ мірѣ, сказалъ пророкъ, должно погибнуть въ битвѣ, ведомой нами за дѣло Божіе, все, исключая истинной вѣры (*).“

Изъ этого основнаго начала исламизма, войны, вытекли нѣкоторыя политическія, весьма важныя послѣдствія, одни относившіяся къ правительственной организаціи мусульманскихъ народовъ, другія къ ихъ сношеніямъ съ народами чужеземными. Этими то послѣдними мы теперь и займемся.

ГЛАВА VIII.

О мусульманскомъ правленіи въ его отношеніяхъ съ завоеванными народами.

Воинственный толчекъ, данный Магометомъ исламизму, продолжается, даже ускоряется при его преемникахъ.

Война, вѣчная и постоянная война, впервые была объявлена какъ бы обыкновеннымъ

(*) Id. ibid.

состоянiемъ религiозной общины въ отношенiи ко всѣмъ другимъ. *Исламизмъ* сталъ въ отношенiи къ цѣлому мiру въ совершенно новое положенiе. Средства, употребляемыя имъ для совершенiя его назначенiя необходимо влекли за собою нѣкоторыя, совершенно новыя въ исторiи мiра, отношенiя къ чужеземнымъ народамъ. Отсюда все это новаго рода народное право для мусульманскихъ народовъ, которое съ раннихъ временъ внушило имъ извѣстныя правила поведенiя въ отношенiи къ нацiямъ, подвергшимся игу завоеванiя. Эти правила весьма важны въ томъ предметѣ, который насъ занимаетъ; они опредѣлили совокупность отношенiй мусульманскихъ завоевателей съ племенами Индiи; они установили даже самую систему индо-мусульманскаго правленiя.

Первыя поколѣнiя, слѣдовавшiя за современниками Магомета, буквально исполняли правило корана: „по истеченiи священныхъ мѣсяцевъ, бейте невѣрныхъ, берите въ плѣнъ, осаждайте, заводите въ засады.“ Не только они считали себя состоящими въ войнѣ съ невѣрными, но воевали дѣйствительно. Въ тоже самое время, они пользовались при побѣдѣ жестокимъ, неумолимымъ правомъ. Всѣ отроки мужескаго пола покореннаго народа были убиваемы; женщины и дѣти отводились въ плѣнъ и рабство. Что касается до завоеваннаго имущества, оно безусловно было добычею побѣдителей. Ко-

ранъ сказалъ: „кормитесь позволенною добычею отнятою у непріятеля, и бойтесь Бога (*).“

Но это право, неумолимое въ теоріи, необходимо должно было измѣниться въ дѣйствительности. Мечь задрожалъ въ рукахъ, которымъ онъ былъ врученъ для пораженія безъ милосердія и пощады. Покореннымъ невѣрнымъ дозволено было выкупаться посредствомъ дани, и кромѣ того еще, они могли сохранить свои вѣрованія. „Вступая въ чужую страну, говоритъ одинъ изъ толкователей корана, должно приглашать жителей къ принятію своего вѣроисповѣданія. Если они согласны, конецъ войнѣ; если откажутся, ихъ должно принудить платить хираджъ или налогъ на невѣрныхъ и въ такомъ случаѣ съ ними надобно поступать, какъ съ истинными чадами ислама (**).“

Міръ, сначала раздѣлявшійся для правовѣрныхъ только на два рода людей, на чадъ ислама и на невѣрныхъ, съ которыми должно было вести непримиримую брань, раздѣлился теперь на три класса людей: чадъ ислама, невѣрныхъ, покорившихся и допущенныхъ къ выкупу и на остальной свѣтъ, съ которымъ предполагалась война постоянная (***).

(*) Коранъ. I. VIII. ст. 70.

(**) Абулъ Гуссейнъ Ахметъ Бей Магометъ. См. Брайггса, стр. 110.

(***) Магометане называютъ эти три класса Милли, Зимми, Гюрби. Брайггсъ. стр. 109.

Хираджъ есть слѣдственно цѣна крови, уплачиваемая покореннымъ народомъ. Золото клали трепещущіе римляне на одну сторону вѣсовъ, когда на другую галлы клали свой тяжелый мечь; золото свѣшивалось при страшныхъ словахъ: *Vae victis!* но оно же есть вмѣстѣ и кольцо, могущее связать общество завоеванное съ обществомъ завоевавшимъ; это первая точка того сближенія, которое соединяетъ ихъ и иногда совершенно сливаетъ во едино.

Политическія и гражданскія права всякаго покореннаго народа совершенно уничтожажались, по крайней мѣрѣ теоретически, фактомъ мусульманскаго завоеванія. Глава вѣрующихъ облеченъ былъ правомъ побивать мечемъ, порабощать въ рабство, отводить въ плѣнъ завоеванное народонаселеніе и проч. Что могло оставаться этому послѣднему? Ничего, кромѣ возможности принять тѣ новые законы, какіе благоугодно будетъ наложить побѣдителю. Слѣдственно, политическія и гражданскія права вновь создаются въ его пользу, а не продолжаются (*). Въ одной знаменитой книгѣ мусульманской юриспруденціи (Гедайя) сказано: „вслѣдствіе того, что коранъ повелѣлъ предавать

(*) *Галоуэ*, Observations, etc. — стр. 40.

смерти всѣхъ невѣрныхъ, государи магометанскіе имѣютъ право брать половину ихъ дохода (*).“ Выводъ не совсѣмъ логическій, какъ говоритъ одинъ писатель (**), ревностный защитникъ индусовъ, по поводу которыхъ и приводится этотъ текстъ; писатель этотъ совершенно правъ, относительно половины имущества, ибо заключить отъ права убивать невѣрныхъ къ праву наслѣдовать ихъ имущество, т. е. завладѣвать имъ, значитъ дѣйствительно не имѣть логической основы. Такимъ образомъ, право собственности на землю тамъ, гдѣ оно существовало, съ мусульманскаго завоеванія уничтожается этимъ завоеваніемъ. Если же оно появляется тамъ снова, то, можетъ быть, только въ силу новаго бытія, даннаго ему побѣдителями, т. е. выражаясь юридическими терминами: „установленное, а не продолженное (***)“ въ пользу жителей.

Притомъ мусульманство дѣйствовало не одинаково, завоевывая ту или другую страну. Иногда, оно раздѣляло между правовѣрными часть завоеванной земли, тогда какъ другая часть оставалась въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ; въ другой разъ, подобнаго раздѣленія

(*) *Брайгсъ.*

(**) Idem.

(***) *Галоуэ.*

не было и тогда землѣ позволялось, такъ сказать, выкупить себя, подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ податей. Въ первомъ случаѣ, мусульманское народонаселеніе и народонаселеніе покоренное подлежали двумъ родамъ различныхъ налоговъ; мусульманинъ платилъ государству десятую часть своего дохода, а невѣрный налогъ, гораздо болѣе тяжкій, называемый хираджъ, налогъ, котораго цѣнность была иногда впятеро больше перваго, т. е. простиралась до половины дохода. Мусульманину было очень хорошо, хотя онъ подлежалъ еще другимъ налогамъ, отъ которыхъ изъяты были покоренные; такъ напримѣръ, онъ платилъ два или три процента съ своего дохода, которые шли на богоугодныя дѣла. Тѣмъ не менѣе преимущество его было сравнительно огромно. Но въ другомъ случаѣ, когда завоеванному народонаселенію дозволено было выкупаться, уже самая земля, а не владѣлецъ ея, подлежала подати. Она дѣлалась, если позволительно такъ выразиться, „*землею хираджа*“ и продолжала оставаться таковою, въ рукахъ ли мусульманина или въ рукахъ невѣрнаго. На языкѣ мусульманской юриспруденціи, налогъ этотъ назывался „надѣтымъ землѣ на шею (*).“

Первый изъ этихъ двухъ способовъ мусульманскаго завоеванія былъ употребленъ въ

(*) Голоуэ стр. 110.

Аравіи и въ сосѣднихъ странахъ; второй на индійскомъ полуостровѣ. Поземельная собственность въ Индіи оставлена была тѣмъ, кому она принадлежала въ эпоху завоеванія. Мусульманинъ, ставовившійся поземельнымъ владѣльцемъ въ Индіи, становился имъ на тѣхже самыхъ условіяхъ, какъ и индіецъ. Но хираджъ, какъ мы уже сказали, могъ по мусульманскому закону, простираться до пяти десятыхъ, т. е. до половины дохода съ земли. Между тѣмъ, должно принять за положительный фактъ, что достаточно налога, простирающагося отъ четверти до трети грубаго дохода съ земли, для уничтоженія фактически всякой частной собственности. Хираджъ простирался, такъ сказать, даже за предѣлы уничтоженія собственности. Слѣдственно, въ тоже самое время, какъ мусульманское правительство оставило землю въ рукахъ ея воздѣлывателей, или, употребляя прежде упомянутое выраженіе, „установило, а не продолжило" права собственности, оно уступило завоеванному народонаселенію цѣнность, если можно такъ выразиться, ничтожную. Цѣнность собственности есть ея доходъ, помноженный на извѣстное число: доходъ же этотъ, покрайней мѣрѣ торетически, падалъ ниже нуля.

Слѣдовательно правительство мусульманское стало фактически собственникомъ индій-

ской земли, столько же, сколько и прежнія туземныя правительства, если еще не больше.

Собственность частная была уничтожена. Наблюденія надъ мусульманскимъ общежитіемъ, кажется, не оставили въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ изучавшихъ его внимательно. Бернье писалъ почти за два вѣка до нашихъ временъ: „три государства: Персія, Турція и Индостанъ, уничтожившія равно понятіе *твоего* и *моего* въ отношеніи къ землѣ и собственности владѣній, основу всего прекраснаго и добраго въ мірѣ, естественно должны быть близко сходны другъ съ другомъ; они имѣютъ тѣже недостатки и рано или поздно должны подвергнуться одинаково всѣмъ необходимымъ послѣдствіямъ этихъ недостатковъ: тиранніи, разрушенію и раззоренію (*).“ Отецъ Лаланнь, миссіонеръ на коромандельскомъ берегу, писалъ въ 1709 году: „государь имѣетъ право неограниченной собственности надъ землями; его чиновники принуждаютъ жителей города обработывать извѣстное пространство земли, которое онъ имъ назначаетъ (**).“ Наконецъ въ наше время аббатъ Дюбуа, послѣ тридцатилѣтняго пребыванія въ Индіи, принявшій привычки, мнѣнія, нравы индусовъ, до того,

(*) Бернье, томъ I, стр. 324.

(**) Lettres édifiantes, томъ VI, стр. 367.

что это возбуждаетъ улыбку на устахъ европейца, писалъ въ 1820 году (*): „даже хижина не принадлежитъ индійцу; она есть собственность правительства. Оставляя деревню для перехода въ другую, онъ не имѣетъ права располагать своей избой; она остается пустою, пока новый обитатель займетъ ее съ согласія правителей селенія, или пока она сама развалится.

Такимъ образомъ, понятіе о поземельной собственности подъ властію мусульманскаго правительства, нисколько не измѣнилось въ пользу владѣльца; оно продолжало оставаться простымъ правомъ обработыванія или перваго завладѣнія. За то, это право осталось столько же священнымъ для новыхъ обладателей Индіи, сколько было священно для прежнихъ. Къ одному изъ магометанъ высшаго класса, автору весьма важнаго сочиненія о могольской имперіи, обратились съ слѣдующимъ вопросомъ: „зачѣмъ императоръ покупаетъ нѣкоторыя земли, когда, въ качествѣ неограниченнаго обладателя земли, можетъ располагать ими, какъ ему благоугодно?“ Онъ отвѣчалъ: „императоръ не въ такой степени обладатель земли, чтобы могъ располагать ею по произволу и безъ всякихъ правилъ.“ Потомъ, желая развить свою мысль, прибавилъ: „императоръ хо-

(*) Аббатъ Дюбуа, томъ I.

зяинъ дохода, но не земли," слова, буквально согласныя съ пословицей раджпутскаго поселянина, принадлежащей къ эпохѣ, бывшей задолго до мусульманскаго завоеванія: „доходъ царскій, а земля моя."

Но увы! въ этомъ только и состояло повидимому все, что законъ магометанскій предоставлялъ невѣрнымъ, подлежащимъ хираджу. Одинъ изъ знаменитыхъ магометанскихъ юрисконсультовъ, спрошенный о томъ, какъ великъ можетъ быть хираджъ, отвѣчалъ: „должно предоставить каждому земледѣльцу то, что необходимо для его содержанія, для содержанія его семейства и для посѣва на слѣдующій годъ; остальное все хираджъ и должно идти въ общественную казну (*)." Частная собственность слѣдственно здѣсь уничтожается, не только на дѣлѣ, но и по праву; юрисконсультъ магометанскій не предполагаетъ даже, чтобы она должна была существовать; онъ не предвидитъ случая, чтобы что либо осталось лишняго кромѣ того, что необходимо земледѣльцу для его содержанія и посѣва, что либо такое, что можетъ составить собственность.

Состояніе земледѣльца при такомъ законодательствѣ не могло сдѣлаться лучшимъ, нежели каково оно было подъ властію индійскаго

(*) Галоуэ, стран. 40.

правительства. Мусульманское завоеванiе—должно отдать ему справедливость,—не повлекло за собою особенныхъ бѣдствiй, кромѣ неизбѣжно слѣдующихъ за всякимъ завоеванiемъ. Мусульманское ученiе являлось жестокимъ и суровымъ въ первые вѣка эгиры, когда еще ничто не смягчало его суровости. Но дѣйствительность скоро смягчила все, что въ немъ было жестокаго и безжалостнаго. Индiя не погибла подъ властiю мусульманскихъ завоевателей; случалось даже, что, въ извѣстныя эпохи, она достигала высшей степени благосостоянiя; этимъ она была обязана уваженiю, оказанному съ самаго начала завоевателями къ государственнымъ и административнымъ учрежденiямъ, которыя они нашли въ ней; искусству, съ которымъ они умѣли овладѣть ими, заставить дѣйствовать различныя пружины ихъ въ свою пользу, не портя ихъ механизма.

Мусульманскимъ завоевателямъ предстояла одна изъ труднѣйшихъ задачь, представляющихся политикѣ: „править народомъ въ интересахъ, которые перестали быть его интересами, въ интересахъ чужеземныхъ пришельцевъ.“ Любопытно взглянуть на рѣшенiе этой задачи въ дѣйствительности.

ГЛАВА IX.

Система устройства и управленія, введенная мусульманами въ Индіи.

Мусульманское общество, рожденное для войны, съ первыхъ вѣковъ своего существованія, завоевало бо́льшую часть міра; оно не могло не усвоить себѣ внутренней организаціи, наиболѣе содѣйствующей выполненію этого страшнаго назначенія.

Въ самомъ дѣлѣ правленіе мусульманскихъ обществъ до извѣстной степени, воспроизводитъ военную организацію; это іерархія должностей, основанная на равенствѣ всѣхъ правовѣрныхъ. Всемогущество религіозное, военное и гражданское, все сосредоточилось въ рукахъ халифовъ, преемниковъ Магомета; также сосредоточивалось оно и въ рукахъ другихъ мусульманскихъ государей. Халифъ, преемникъ пророка, былъ его представителемъ. Гдѣ же поставить предѣлы этой власти свыше? Съ другой стороны, самое полное равенство, какое когда либо существовало между людьми, существовало уже съ пер-

выхъ вѣковъ эгиры между магометанами; это необходимо должно быть тамъ, гдѣ выполненіе единаго долга налагаетъ на всѣхъ людей печать тождественнаго достоинства, одинаковаго для всѣхъ и у всѣхъ. Поэтому, самое обыкновенное явленіе видѣть въ мусульманскихъ государствахъ, что люди самыхъ низшихъ классовъ общества садятся на ступеняхъ трона и что, напротивъ того, дѣти визиря, по смерти отца совершенно теряются въ толпѣ. Единственное неравенство, существующее въ средѣ мусульманскаго общества, есть первенство, происходящее отъ должности; но оно не разрушаетъ того первобытнаго равенства, о которомъ мы уже говорили; напротивъ, оно подтверждаетъ его, ибо должность выражаетъ собою не иное что, какъ власть, употребляемую въ интересѣ всѣхъ, для выполненія обязанности, общей всѣмъ. Съ точки зрѣнія исламизма, должность есть борьба за дѣло Божіе. Слѣдственно совокупность общественныхъ должностей, представляетъ собою не иное что, какъ степени этой религіозной и военной іерархіи.

Мусульманское общество явилось на поляхъ битвы въ Индіи, вооруженное этой могущественной организаціей. Кровь полилась волнами подъ мечемъ мусульманскимъ. Разрушеніе, пожаръ, разграбленіе городовъ правились свирѣпой ревности первыхъ провозвѣстниковъ

закона магометова. Но пришла минута, когда ихъ заняли иныя заботы; дѣло шло уже не о завоеванiи, а объ извлеченiи выгодъ изъ завоеванiя, объ употребленiи его въ пользу завоевателей.

Фактомъ завоеванiя, мусульманское народонаселенiе, котораго первоначальной основой была завоевательная армiя, налегло, такъ сказать, мало по малу на народонаселенiе туземное, занимавшее землю. Отсюда двѣ различныхъ основы, на которыхъ должно было стать правительственное зданiе; отсюда необходимость заботиться въ одно и тоже время о нуждахъ двухъ народонаселенiй различнаго происхожденiя, различной вѣры, соединенныхъ побѣдою подъ одною властiю. Разрѣшенiе этого запутаннаго вопроса законодателемъ, было въ высшей степени просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было на самую основу трудностей. Оно состояло въ томъ, чтобы править двумя народонаселенiями по законамъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ: другими словами, сохранить у одного его мусульманскiя учрежденiя, у другаго его главныя народныя, т. е. индiйскiя. Кромѣ того власть должно было утвердить прочно и въ пользу завоевателей. Сдѣлаемъ краткiй очеркъ этой организацiи политической, судебной, финансовой и административной.

Императоръ могольскій царствовалъ въ Дели во всемъ величіи всемогущества мусульманскихъ владыкъ. Въ немъ сосредоточивалось это всемогущество, которое Востокъ приписываетъ своимъ государямъ. Онъ былъ вмѣстѣ глава религіозный, политическій и военный; онъ соединялъ, вмѣщалъ, поглощалъ въ своей неограническoй власти всѣ различныя стихіи правленія.

Такъ какъ императоръ не могъ присутствовать вездѣ, то онъ облекалъ своей властію двадцать двухъ вицекоролей или субагдаровъ, поручая имъ управленіе столькихъ же провинцій. Субагдаръ, представитель императора, соединялъ подобно ему въ своемъ лицѣ всѣ власти. *Наставленія Акбара* излагаютъ довольно неопредѣленнымъ и вмѣстѣ поэтическимъ образомъ обязанности этого званія: „да предшествуютъ всегда субагдару молитвы и прошенія, да творитъ онъ добро людямъ и не отягощаетъ ихъ своей десницей. Да слѣдуетъ онъ всегда внушеніямъ благоразумія и да не сообщаетъ тайнъ своихъ многимъ. Да умножатся подъ правленіемъ его правители, которыхъ сердце сгараетъ жаждою справедливости. Да не мучитъ онъ ожиданіемъ умоляющихъ его о правосудіи, да знаетъ онъ, что ему вручена опека, и дѣйствуетъ съ величайшею осмотрительностью.“

Подъ субагдаромъ состояло извѣстное число чиновниковъ съ подобною же властію, но меньшею по территоріальному объему; ихъ называли *Фусдарами*. Они представляли субагдара, какъ онъ представлялъ императора.

Полиція, т. е. поддержаніе общественнаго порядка, заботы о путешественникахъ и защита ихъ, задержаніе преступниковъ и проч. поручаемы были въ каждомъ округѣ или большомъ городѣ чиновнику, въ родѣ полицейскаго комиссара, называемому *Катваломъ*. „Тотъ, говорятъ наставленія Акбара, достоинъ занять это мѣсто, кто съ мужествомъ соединяетъ умѣнье держать въ своей шуйцѣ бразды правленія, кто владѣетъ гордой, разумной и гибкой поступью змѣи, кто заботится о добрѣ, когда другіе бодрствуютъ, и бдитъ, когда другіе спятъ."

Судебныя должности раздѣлялись между двумя родами чиновниковъ; одинъ, называвшійся *Кади*, имѣлъ обязанностію спрашивать свидѣтелей, изслѣдовать факты и проч.; другой, *Муфти*, прилагалъ законъ, который катвалъ обязанъ былъ приводить въ исполненіе.

По поводу кади, одинъ изъ толкователей корана, говоритъ: „необходимо султану избирать въ должность кади человѣка способнаго

исполнять обязанность и воздавать справедливость, человѣка въ высшей степени правосуднаго и добродѣтельнаго, ибо пророкъ сказалъ: „государь, назначающій на это мѣсто кого-либо недостойнаго изъ своихъ подданныхъ, дѣлаетъ преступленіе противъ Бога, противъ пророка, противъ мусульманъ (*).“ Нельзя болѣе энергически выразить высокое понятіе мусульманъ о должности кади и вообще о всякой общественной обязанности. Публичность суда была въ мусульманскомъ законѣ не менѣе обязательна, какъ и въ законѣ индійскомъ. „Для суда, говорится тамъ же, нѣтъ лучше мѣста, какъ главная мечеть, если она находится внутри города, ибо это мѣсто наиболѣе открытое (**).“ Коранъ и его толкователи были законодательство, которымъ должны были руководствоваться кади и муфти.

Финансовая администрація, т. е. собираніе различныхъ податей, въ каждомъ вицекоролевствѣ или области, отдана была въ руки общественнаго чиновника, называемаго *Деваномъ*. Его положеніе было одно съ положеніемъ генералъ-фермера. Онъ собиралъ доходы съ провинціи, платилъ издержки правленія и ад-

---

(*) Гедайя. 615. Миль, томъ II, стран. 453.

(**) Гедайя. 620. Id. ibid.

министраціи и проч. Онъ былъ въ барышахъ, когда приходъ превосходилъ расходъ, въ убыткѣ въ противномъ случаѣ, но всегда и за все отвѣчалъ самъ. Все это какъ будто похоже еще на прежнее европейское генералъ-фермерство. Но особенное значеніе поземельной собственности въ Индіи давало должности девана важность, давало ему положеніе чуждое всякаго сравненія, всякой аналогіи. Такъ какъ поземельный налогъ поглощалъ въ Индіи весь доходъ съ земли, то получавшій этотъ налогъ становился фактически собственникомъ земли. Деванъ же представлялъ собою этого собственника, т. е. императора, тогда какъ европейскій генералъ-фермеръ взималъ только часть поземельнаго дохода, оставляя собственность въ покоѣ. Съ другой стороны, по причинѣ огромности земель, съ которыхъ деванъ взималъ налогъ, для него были совершенно невозможны прямыя сношенія съ множествомъ владѣльцевъ. Отсюда необходимость между ними посредника. Такъ во Франціи между главнымъ сборщикомъ и плательщикомъ были окружной пріемщикъ и общинный сборщикъ.

Этотъ посредникъ между деваномъ и владѣльцемъ, долженствовалъ играть важную роль въ индійско-монгольскомъ правленіи. Посредствомъ его, завоеватели входили въ сношеніе,

въ прямое соприкосновеніе, въ матеріальную, такъ сказать, связь съ покореннымъ народонаселеніемъ, ибо все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ въ могольскомъ учрежденіи, раздѣленіе политической, военной, судебной и финансовой власти относилось только къ обществу магометанскому, къ обществу завоевателей.

Мы уже говорили, какъ многія индійскія общины составляли округъ, административное единство; мы сказали, что каждый изъ этихъ округовъ состоялъ подъ начальствомъ чиновника, называвшагося десъ адикаромъ, которому помогалъ другой чиновникъ, называвшійся десъ лекукомъ, имѣвшій на рукахъ всю счетную часть округа. Могольское правительство поняло всю важность для себя двухъ этихъ чиновниковъ. Оно удержало ихъ, измѣнивъ ихъ санскритскія имена на подобныя же персидскія или арабскія. Десъ адикаръ переименованъ былъ въ *Земиндара*, десъ лекукъ въ *Канунджи*, т. е. толкователя закона (*). Они сдѣлались звѣномъ, съ которымъ связались съ одной стороны мусульманскія учрежденія, съ другой индійскія; или, если угодно, они составляли переходъ отъ правительства къ собственно такъ называемой администраціи.

(*) Брайггсъ, стр. 133.

Этимъ самымъ чиновники эти день ото дня пріобрѣтали все болѣе и болѣе важности. Могольскому правительству было весьма выгодно сохранить на мѣстахъ тѣхже самыхъ агентовъ. Земиндары не замедлили стать постоянными на своихъ мѣстахъ, которыя передавались ими дѣтямъ; положеніе дѣлъ, которому болѣе и болѣе способствовало постепенное ослабленіе центральной власти, начавшееся вскорѣ послѣ завоеванія. Земиндары пріобрѣли такое могущество, что первоначальный характеръ ихъ совершенно исчезъ. Земиндаръ получилъ всю военную и гражданскую власть въ цѣломъ округѣ. Въ уголовныхъ судахъ, онъ опредѣлялъ всѣ возможныя наказанія, даже смертныя (*); въ гражданскомъ судѣ, онъ рѣшалъ всѣ вопросы, касающіеся собственности(**), съ правомъ взысканія 25 процентовъ съ цѣнности тяжбы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ нимъ вмѣстѣ засѣдали кади и пундитъ; одному поручено было объяснять ему мусульманскій законъ, другому браминскій. На земиндарѣ лежала притомъ вся полиція и администрація округа. Онъ содержалъ столько солдатъ, сколько позволяли его доходы. Однимъ словомъ, совокупность этихъ правъ, частію похищенныхъ насильственно, дѣлала земиндара изъ

(*) Этотъ судъ назывался *Фусдари.*

(**) Гражданскій судъ назывался *Суддеръ-Адавлетъ.*

простаго сборщика доходовъ, могущественнымъ, важнымъ лицемъ.

Подъ могольскимъ правленіемъ, земиндары пріобрѣли гораздо болѣе важности, нежели сколько они имѣли при индійскомъ правительствѣ, подъ своимъ прежнемъ именемъ десъ адикаровъ. Въ сущности, они были, какъ и всегда, банкиры и сборщики податей, обязанные доставлять правительству собираемые ими налоги, но обширность ихъ власти почти совершенно закрывала незначительность ихъ дѣйствительнаго состоянія. Земиндаръ былъ только пружиною, орудіемъ въ рукахъ древнихъ государей Индіи. По завоеваніи, онъ остался единственнымъ посредникомъ, связывавшимъ новое правительство съ завоеваннымъ народонаселеніемъ, выгоднымъ для перваго способомъ. Зная административную систему Индіи, которой онъ былъ довольно значительнымъ звѣномъ, земиндаръ помогъ побѣдителямъ найти средства собирать самые большіе налоги, чего бы они не могли сдѣлать безъ его помощи. По этому самому, мусульманское правительство и не скупилось ни мало на средства, необходимыя земиндару въ исполненіи его дѣла. Оно разомъ облагало податью цѣлый обширный округъ, предоставляя земиндару полную свободу распоряженій. Мусульмане такимъ образомъ принялись эксплуатировать страну самымъ выгоднымъ для нихъ

образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе тягостнымъ для многочисленныхъ племенъ Индіи, ими покоренныхъ. Эти земиндары, начальники индійскаго происхожденія, почти незамѣчаемые при туземномъ правленіи, сдѣлались почти главною основою мусульманскаго учрежденія.

Но если мусульманское завоеваніе оставило земиндаровъ, эти послѣдніе, съ своей стороны, не тронули сельскаго управленія, котораго пользу и важность могли они понять всѣхъ болѣе. Сельская администрація и послѣ завоеванія продолжала быть тѣмже самымъ, чѣмъ она была сначала; только сельскіе старшины получили на оффиціальномъ языкѣ арабское названіе *Мокодумовъ* (первый, высшій) (*).

Мусульмане различали въ индійскомъ правленіи двѣ совершенно раздѣльныя части: одну, состоящую изъ военной и политической власти; другую изъ общинныхъ учрежденій, служившихъ гарантіею интересовъ лицъ. Они присвоили первую себѣ, замѣнили ее сходными учрежденіями мусульманскаго происхожденія, и сохранили вторую. Съ одной стороны, они утверждали такимъ образомъ прочность завоеванія, съ другой, не трогали никакимъ образомъ чувствованій, привычекъ завоеванныхъ

(*) Брайггсъ, стран. 135.

племенъ; однимъ словомъ, это значило ограничить результаты завоеванія сферою политическихъ интересовъ, строго щадя частные интересы и общественное положеніе побѣжденныхъ.

Что касается до учрежденій, все, стоявшее выше земиндара въ индо-мусульманскомъ правленіи, было слѣдственно происхожденія мусульманскаго; все, стоявшее ниже его, было происхожденія индійскаго.

Магометанское по-поясъ, если позволительно такъ выразиться, индійское съ низу, правленіе мусульманской Индіи являлось политическимъ центавромъ, котораго двѣ раздѣльныя части, двѣ различныя природы сближались, смѣшивались, соприкасались въ земиндарѣ.

ГЛАВА X.

Какъ политическое и общественное состоянiе Индiи способствовало англiйскому завоеванiю.

Завоеванiе, сельское устройство, каста вотъ три факта, въ которыхъ однихъ замыкается все общественное и политическое состоянiе Индiи.

Но разсматривая три эти факта съ нѣкоторымъ вниманiемъ, легко убѣдиться, что они по природѣ своей не были способны къ сильному сопротивленiю чужеземнымъ завоевателямъ, которые явились бы спорить за обладанiе Индiею съ потомками Бабера и Акбара.

Мусульманское устройство скоро подверглось неизбѣжнымъ напорамъ времени. Политическая организацiя значительно ослабла съ самыхъ первыхъ лѣтъ послѣ завоеванiя; она окончательно разбилась при страшномъ напорѣ Надиръ Шаха. Изъ ослабленiя центральной или императорской власти, родилось въ Индiи нѣчто подобное тому, чѣмъ былъ феодализмъ въ Европѣ. Власть, потерявшая средоточiе, устанавливалась, сосредоточи-

валась по разнымъ мѣстамъ, на всемъ пространствѣ имперіи, вездѣ, гдѣ представлялись обстоятельства, способствующія ея происхожденію и продолженію. Чиновники всякаго сана, представители различныхъ сторонъ императорской власти, мало по малу стали отъ нея независимы, если не юридически, то покрайней мѣрѣ фактически; но въ тоже самое время, внутренняя сила, свойственная учрежденіямъ феодальнымъ и происходившая отъ энергіи вѣрованій, нигдѣ не существовала въ Индіи.

Во всей имперіи господствовали смятеніе, безпорядокъ, анархія; новыя государства, выходившія, такъ сказать, на поверхность земли, древнія государства, быстро съ нея исчезавшія; здѣсь союзъ маратовъ, тамъ государство гайдерабадское, тамъ мисорское. Толпа искателей приключеній и воиновъ, поднятая вихрями переворотовъ, стремилась разрушительнымъ путемъ, но готовая слиться въ цѣлость народа или націи подъ властію могущественной и смѣлой руки. Земля, казалось, была въ мукахъ, приготовляясь породить какого либо новаго Севаджи, новаго Гайдера, новаго Низамъ уль Мулька. Полуостровъ былъ добычею, приготовленною для Тимура, Бабера, Надиръ Шаха.

Странность сельскаго учрежденія заключалась въ томъ, что оно, вслѣдствіе самыхъ

своихъ удобствъ, было неспособно къ сопротивленію противъ какого либо завоеванія. Селеніе составляло матеріальную часть Индіи, каста ея разумную и религіозную отчизну; это было небольшое общество, само себя удовлетворявшее. Лица, изъ которыхъ оно составлялось, никогда не думали простирать далѣе своихъ желаній и своей дѣятельности. Если они принуждены были удалиться изъ него, ихъ интересы продолжали оставаться въ немъ подъ такимъ покровительствомъ и подъ такою гарантіею, что они не переставали быть его членами. „Каждая деревня, говоритъ сэръ Томасъ Монро, съ своими двѣнадцатью главными чиновниками, есть въ нѣкоторомъ родѣ небольшая республика, которой глава потайль, и Индія есть собраніе подобныхъ республикъ. Во время войны, жители обращаются только къ своему собственному потайлю. Они ни мало не заботятся о разрушеніи и паденіи государствъ. Лишь бы цѣла была деревня, имъ нѣтъ нужды, въ чьи руки перейдетъ государственная власть и проч. (*).“ Въ слѣдствіе своей внутренней сосредоточенной силы и своего небольшаго объема, селеніе всегда было готово составлять часть какого бы то ни было новаго политическаго порядка.

(*) См. рапорты о занятыхъ округахъ. 15 мая 1806.

Учрежденіе кастъ нисколько не потеряло своей первобытной силы на породившей его почвѣ. И въ наше время, какъ прежде, каста есть религія, общественное учрежденіе, національность индійца. Англійскіе солдаты, равно какъ и солдаты Александра, видѣли ея мучениковъ. „Индіецъ, обыкновенно робкій, говоритъ аббатъ Дюбуа, приходитъ въ бѣшенство, если тронутъ обычаи его касты, которые онъ называетъ своими правами.“ Но эта чрезмѣрная, слѣпая, безумная, если угодно, привязанность индійца къ кастѣ, дѣлаетъ его совершенно равнодушнымъ къ завоеванію его земли. Это завоеваніе не касается его, поколику оно не трогаетъ священныхъ правъ касты. Если дѣло дойдетъ до защиты этихъ правъ, въ немъ выкажется неукротимая энергія. Благородные защитники Сарагоссы проливали не больше крови, защищая колеблющіяся стѣны своего роднаго города. Но въ стѣнахъ своей святыни, индіецъ будетъ съ величайшимъ равнодушіемъ смотрѣть на страшный разливъ завоеванія; отсюда объясняются эти странные контрасты, составляющіе какъ бы основу исторіи Индіи; съ одной стороны, удивительная скорость въ перемѣнахъ государей, съ другой стороны, привязанность къ обычаямъ, которую и вѣка и завоеватели находили до сихъ поръ непобѣдимою.

Три главныхъ факта составляютъ общественное и политическое состояніе Индіи, одни (сельское учрежденіе и касты), потому что сохранили свою первобытную силу; другой (политическое устройство) потому что онъ потерялъ ее, равно представляли благопріятныя обстоятельства для всякаго новаго чужеземнаго завоеванія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О различныхъ системахъ внѣшней политики, приведшихъ Англію къ обладанію Индіей.

ГЛАВА I.

О необходимости для Англіи принять систему внѣшней политики для новооснованнаго владычества въ Индіи.

Англія, какъ мы уже разсказали, стала территоріальною державою на индійскомъ материкѣ; основалось цѣлое государство вслѣдствіе удачъ нѣсколькихъ офицеровъ, искателей приключеній, и вслѣдствіе спекуляцій нѣсколькихъ купцовъ. Это было событіе совершенно новое въ исторіи міра; ничей умъ не понималъ, такъ сказать, его возможности; тѣмъ еще болѣе огромныя, колоссальныя послѣдствія, изъ него истекавшія, были внѣ всякихъ предполо-

женій. Неожиданность, странность великой драмы, разыгравшейся въ Индіи, приводили въ недоумѣніе европейскаго зрителя.

Странное дѣло! Пріобрѣтеніе этой огромной территоріи за три тысячи миль отъ Англіи, выходя нѣкоторымъ образомъ даже изъ границъ необыкновеннаго и неожиданнаго, не возбуждало окончательно уже ни изумленія ни, такъ сказать, даже интереса. Послушаемъ Клейва: „компанія, говорилъ онъ въ парламентѣ, пріобрѣла имперію, обширнѣе всѣхъ королевствъ Европы, исключая Россіи и Франціи; она получила четыре милліона фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Казалось бы довольно естественымъ предположить, что такого рода предметъ долженъ обратить на себя вниманіе совѣта директоровъ; что этотъ совѣтъ тщательно изслѣдуетъ свойство компанейской хартіи и приметъ планъ управленія, согласный съ новымъ объемомъ своихъ владѣній. Но на дѣлѣ оказалось не такъ. Напротивъ, на это смотрѣли скорѣе какъ на пѣну индійскаго океана, нежели какъ на нѣчто прочное и существенное (*).“

Между тѣмъ, настала для Англіи минута принять какой-либо планъ, усвоить какую-либо систему поведенія въ дѣлахъ Индіи. „Наконецъ

(*) Мэлькольмъ. Томъ II, стр. 20.

мы достигли, говорилъ еще Клейвъ (*), того критическаго періода, который я давно предвидѣлъ, когда необходимо намъ рѣшить: хотимъ ли и можемъ ли мы сохранить цѣлость или только часть завоеванной территоріи.“

Изъ этого внезапнаго пріобрѣтенія огромныхъ земель, рождалось дѣйствительно множество важныхъ вопросовъ внутреней политики. Различнымъ основнымъ стихіямъ, стихіямъ, такъ сказать, существеннымъ политической организаціи Англіи, угрожало смущеніе, переворотъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, право Англіи на обладаніе этими территоріями отвергаемо было множествомъ здравыхъ умовъ и даже общественнымъ мнѣніемъ. Отсюда проистекалъ вопросъ о ихъ сохраненіи или оставленіи. По разрѣшеніи этого вопроса оставалось еще рѣшить, кто будетъ владѣть этими землями и управлять ими: король, парламентъ или компанія. Каждый способъ разрѣшенія этого вопроса имѣлъ на своей сторонѣ множество приверженцевъ и еще болѣе противниковъ. Представлялись и другія затрудненія, къ которымъ, можетъ быть, мы будемъ имѣть случай возвратиться.

Притомъ, это не были собственно вопросы внутреней политики; всѣ они касались новыхъ

(*) Письмо Клейва совѣту директоровъ.

отношеній, которыя должны были установиться между новопріобрѣтенными землями и метрополіею. Но были еще кромѣ того и другіе вопросы, не менѣе важные и также требовавшіе разрѣшенія: они касались отношеній этого новаго государства къ другимъ государствамъ индійскаго полуострова. Владѣнія, вновь пріобрѣтенныя компаніею въ Индіи, образовали „имперію, настоящую имперію.“ Государство же, равно какъ и человѣкъ, имѣетъ необходимо два рода жизни, одну органическую, другую жизнь сношеній; оно также не можетъ жить единственно первою, т. е. изолированною, безъ связи, безъ сношеній съ другими существами подобной же природы, съ другими государствами. Не одно правленіе и внутренняя администрація страны должны обращать на себя вниманіе государственныхъ людей, но, можетъ быть, болѣе ихъ еще, внѣшняя политика.

Тѣже самые люди, которымъ поручено было заняться опредѣленіемъ отношеній новыхъ владѣній къ Англіи, должны были также опредѣлить систему внѣшней политики этого новаго государства, раждавшагося въ Индіи. Они должны были спросить себя о томъ, кто были его естественные враги или союзники, съ какими сосѣдними государствами должно искать союза и съ какими избѣгать, въ какихъ обстоятельствахъ вмѣшательство во внѣшнія событія можетъ быть

выгодно и въ какихъ вредно; въ какой мѣрѣ могутъ быть принесены въ томъ и другомъ случаѣ жертвы, требуемыя государственнымъ интересомъ; должно ли держаться всегда нейтральной политики и началъ консерваціи или искать внѣшняго вліянія и расширенія предѣловъ; наконецъ, должно было рѣшить вопросъ о приличнѣйшихъ и удобнѣйшихъ средствахъ для достиженія этихъ цѣлей.

Различныя разрѣшенія этихъ различныхъ вопросовъ генералъ губернаторами, которымъ Англія новѣряла свои новыя владѣнія на индійскомъ материкѣ, составляютъ различныя системы внѣшней политики, окончательнымъ результатомъ которыхъ было завоеваніе полуострова.

Мы попытаемся изслѣдовать по мѣрѣ нашихъ силъ, въ чемъ состояли эти политическія системы; какъ онѣ слѣдовали одна за другою, взаимно порождали одна другую; какъ, измѣняясь подъ вліяніемъ событій, искажаясь, часто противъ желанія своихъ изобрѣтателей, онѣ, направляемыя всемогущей и тайною рукою, никогда не переставали служить средствомъ, орудіемъ таинственнаго провидѣнія, правящаго міромъ; достигали цѣли совершенно иной, нежели та, къ которой ихъ устремляли, на всякомъ шагу представляя новыя свидѣтельства подтверждающія мудрыя слова: „человѣкъ мя-

тется, а Богъ ведетъ его;" и какъ онѣ окончательно утвердили господство Англіи надъ Индіею, подчинили ея законамъ народонаселеніе въ 200 милліоновъ человѣкъ индійскаго или мусульманскаго происхожденія.

Но прежде всего, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ театрѣ, на которомъ совершались эти событія. Мы уже говорили, какъ политическая и общественная организація Индіи способствовала этому завоеванію. Намъ нужно говорить слѣдственно о тѣхъ государствахъ, съ которыми Англія пришла въ столкновеніе, которыя были первыми ея противниками и первыя слѣдственно принуждены были подчиниться ея владычеству. Очертимъ же вкратцѣ взаимное отношеніе различныхъ государствъ Индіи въ эпоху, когда индо-британская имперія заняла мѣсто, сдѣлалась въ ней одною изъ важнѣйшихъ стихій.

ГЛАВА II.

О политической системѣ Индіи въ эпоху, когда англичане получили въ ней территоріальное владычество. Государство гайдерабадское, союзъ маратскій, имперія мисорская.

Англичане, прибывшіе простыми купцами на берега Бенгаліи и Коромянделя, создали

тамъ въ нѣсколько лѣтъ значительную территоріальную державу.

Индія была тогда театромъ другихъ подобныхъ же, хотя отъ другой причины происшедшихъ, событій. Другія государства, съ которыми англичане должны были придти въ столкновеніе, сами родились на политическій свѣтъ почти въ эту же самую эпоху.

Могольское владычество достигло своего апогея при Акбарѣ, царствованіе котораго составляетъ самую блестящую эпоху въ лѣтописяхъ этого государства; оно увеличилось еще болѣе при Оуренгъ-Зебѣ завоеваніемъ Деккана, но, расширившись такимъ образомъ, имперія все болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ этого времени процессъ разложенія начался внутри ея и продолжался безостановочно. Съ тѣхъ поръ Индія стала театромъ явленій, похожихъ на совершившіяся въ Европѣ въ средніе вѣка и породившихъ феодализмъ. Вице-короли, правители областей, со дня на день дѣлались все болѣе и болѣе независимы отъ делійскаго двора; одни съ гордостью объявили свою независимость, другіе удовольствовались независимостью фактическою; ослабѣвшія уже прежде, связи древняго подчиненія разбиты были окончательно страшнымъ напоромъ Надиръ Шаха. Жизнь, со дня на день, болѣе и болѣе оставляла сердце государства и переходила въ оконечности. Изъ раз-

брошенныхъ развалинъ великаго зданія, родились въ разныхъ мѣстахъ новыя государства, новыя имперіи.

Изъ этихъ новыхъ государствъ, многія призваны были играть великую роль въ исторіи Индіи. Одно, которое мы назовемъ гайдерабадскимъ, по имени его столицы, заключало въ себѣ сначала часть Деккана или юга полуострова. Другое было союзъ маратскій, занимавшій сѣверъ и сѣверовостокъ. Потомъ слѣдовало королевство мисорское, котораго столицею былъ первоначально городъ этого имени, лежащій на югѣ государства гайдерабадскаго. Вокругъ нихъ, какъ вокругъ главныхъ средоточій, образовались другія, менѣе важныя государства.

Таковы были противники англичанъ въ ту эпоху, когда они пріобрѣли территоріальное владычество, создавшееся изъ тѣхже развалинъ. Такова была политическая система, въ срединѣ которой они сами заняли мѣсто.

Государство гайдерабадское основано было знаменитымъ Низамомъ-уль-Мулькомъ. Назначенный субагдаромъ или вицекоролемъ деканскимъ въ 1713 году, онъ владѣлъ почти всею землею на югѣ Нербудды. Едва прошло нѣсколько лѣтъ по назначеніи его вице-королемъ, какъ дворъ уже раскаявался въ этомъ назначеніи; онъ боялся его властолюбиваго и тре-

вожцаго характера, его великихъ дарованій, его военной опытности и рѣшился смѣнить его. Вице-король, торжественно облеченный при императорскомъ дворѣ властію надъ Декканомъ, отправился уже въ дорогу, чтобы заместить, по приказу императора, прежняго вице-короля. Послѣдній, не теряя ни минуты, идетъ навстрѣчу своему противнику. Происходитъ кровопролитное сраженіе; новый субагдаръ погибаетъ въ немъ; старый отрѣзываетъ ему голову и поспѣшно шлетъ ее въ Дели, какъ голову возмутителя, измѣнника, злоупотребившаго имя императора, которому должно быть пріятно его наказаніе. Понятно, что подобная покорность не слишкомъ стѣсняла того, кто ее оказывалъ. Но политическія цѣпи таковы по своей природѣ, что чѣмъ онѣ больше слабѣютъ, тѣмъ становятся тяжелѣе. Впрочемъ, покорность вице-короля императору, продолжалась бы, можетъ быть, еще и долго, но неожиданное событіе вдругъ положило ей конецъ.

Состояніе смятенія и анархіи, въ которое впала имперія, заставляло нѣсколько разъ призывать къ делійскому двору Низамъ-уль-Мулька. Императоръ и его министры прибѣгали за совѣтами къ его опытности и дарованіямъ. Даже санъ визиря былъ предлагаемъ ему нѣсколько разъ. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Дели, его старость и неловкость возбудили

насмѣшки молодыхъ придворныхъ Магомета Шаха, тогдашняго великаго могола; они смѣялись надъ личностью и совѣтами стараго субагдара. Тоже самое было, какъ извѣстно, при дворѣ Людовика XIII съ Сюлли. Послѣдній сказалъ королю: „когда покойный король дѣлалъ мнѣ честь говорить со мной о дѣлахъ, онъ сперва отправлялъ въ переднюю шутовъ и паяцовъ.“ Раздавивши, такъ сказать, каблукомъ своего сапога всю эту придворную сволочь, старый товарищъ Генриха IV уѣхалъ и гордо ходилъ по своему роспийскому замку съ свитой изъ четырехъ алебардщиковъ. Субадаръ декканскій не сказалъ этихъ великихъ словъ, но отмстилъ за насмѣшки еще блистательнѣе. Онъ поспѣшно оставилъ дворъ, отрекся отъ всякаго подчиненія, даже по имени, въ отношеніи къ императору, и основалъ въ Гайдерабадѣ государство, долженствовавшее въ послѣдствіи соперничать съ делійскимъ.

Первоначальное имя этого основателя государства было Чимъ-Куличь-Ханъ. Назначенный субагдаромъ или вице-королемъ декканскимъ, онъ получилъ имя Низамъ-уль-Мулькъ, что́ значитъ: „опора государства.“ До тѣхъ поръ это былъ очень обыкновенный титулъ. Но всѣ титулы и названія получаютъ значеніе только отъ того, кто ихъ на себѣ носитъ, и суть нули, умножающіе его собственную единицу.

Низамъ-уль-Мулькъ яркими чертами вписалъ свой титулъ въ исторію Индіи. Онъ сдѣлалъ больше еще: онъ сдѣлалъ этотъ титулъ выраженіемъ своего всемогущества. Преемники его продолжали носить это имя, какъ преемники Цесаря и Августа носили ихъ имена.

Перешедши за обыкновенныя границы человѣческой жизни, Низамъ-уль-Мулькъ жилъ до 109 лѣтъ; онъ умеръ въ 1748 году, правивши Декканомъ въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ. По его смерти, сыновья его спорили другъ съ другомъ за корону и это повело за собою вмѣшательство въ декканскія дѣла французовъ, тогда всемогущихъ на коромандельскомъ берегу. Ихъ вліяніе долго было тамъ преобладающимъ, благодаря дарованіямъ Дюпле и Бюсси. Соперничество Англіи съ Франціею, происшедшія вслѣдствіе того военныя дѣйствія, связи англичанъ съ туземцами повели за собою сношенія ихъ съ государями гайдерабадскими. По паденіи французовъ, англійское вліяніе замѣнило вліяніе ихъ соперниковъ, окончательно удаленныхъ со сцены. Области уступленныя Англіи Франціею по договору 1763 года, называемыя сѣверными чиркарами, первоначально составляли часть Низама. Но за эту уступку компанія должна была платить этому государству извѣстную дань, въ силу принадлежащаго ему надъ уступленными землями права верховной власти.

По вслѣдствіе происшествій и требованій, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить послѣ, количество этой дани въ 1766 году положено было употребить на жалованье корпусу войскъ, состоявшихъ въ службѣ Низама, подъ командою англійскихъ офицеровъ. Съ этой минуты сношенія государства гайдерабадскаго съ англичанами дѣлались день ото дня тѣснѣе и ближе, пока оно наконецъ и по имени и на фактѣ покорилось владычеству Англіи.

Вице-королевство декканское, простиралось, покрайней мѣрѣ номинально, отъ береговъ Кристны до южной оконечности полуострова. Въ большей части этого пространства земель, власть государей гайдерабадскихъ признавалась только по имени. Тамъ, какъ и вездѣ, набобы, сначала смѣняемые, получили наслѣдственную власть. Притомъ большая часть индійскихъ князей удержала свои государства, подъ условіемъ платы ежегодной дани и потому несли довольно легко иго завоеванія. Вообще, мусульманское владычество, по мѣрѣ приближенія къ югу, теряло свою силу. Набобъ карнатикскій, подъ видомъ вассальства, пользовался совершенною независимостью. Въ подобномъ же положеніи находились раджи малабарскаго берега, раджи траванкорскіе, танджорскіе и проч., наконецъ древніе раджи мисорскіе. Французы съ своей стороны, владѣли огромной территоріей,

простиравшейся отъ Карикала до сѣвера Мазулипатнама, на пространствѣ 200 миль по берегу: воспоминанія печальныя и вмѣстѣ славныя!

Княжество мисорское, второе изъ трехъ большихъ государствъ, о которыхъ мы упоминали, составляло въ эпоху завоеванія Деккана мусульманами часть индійскаго королевства Биджапугуръ. Между государями этого царства и завоевателями произошли продолжительныя войны. Княжество мисорское, управляемое смѣлыми и предпріимчивыми главами, воспользовалось ими, чтобы свергнуть иго и сдѣлаться независимымъ. Мусульмане были тогда слишкомъ заняты на сѣверѣ, выдерживали тамъ слишкомъ упорную борьбу, чтобы быть въ состояніи обратить значительныя силы въ противуположную сторону; средоточіе ихъ собственнаго могущества въ Декканѣ было притомъ въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ новообразовывавшагося государства. Всѣ эти обстоятельства позволили княжеству мисорскому продолжать пользоваться его недавно пріобрѣтенной независимостью и оставаться чисто индійскимъ государствомъ. Въ началѣ XVIII вѣка, территорія его состояла изъ собственно такъ называемаго Мисора и округовъ сосѣднихъ съ Коимбатуромъ и Барамаломъ. Доходы его простирались до 13, 31, 571 пагодъ (*). Что касается

(*) An historical sketch of the princes of India et caet. стр. 109.

до его правительства, оно увлеклось тѣмъ естественнымъ путемъ, которымъ неизбѣжно повидимому идетъ къ одной и тойже цѣли всякое восточное правительство; я хочу сказать, что законная династія, лишенная власти, сохранила титулъ и наружный видъ ея, но тѣмъ не менѣе держалась въ тѣсной неволѣ всемогущими министрами, которые безъ всякаго контроля правили отъ ея имени по своему произволу. Въ годы, предшествовавшие происхожденію англійскаго могущества въ Индіи, двое братьевъ: Деорай и Нунджерай, раздѣляли между собою верховную власть.

Тогда родился человѣкъ, призванный счастіемъ создать новую и славную судьбу государству мисорскому или, лучше сказать, изъ древняго государства мисорскаго образовать новое, которое сохранило свое прежнее имя и котораго исторія была блестяща, славна и совершалась быстро.

Гайдеръ-Али, котораго уже назвалъ читатель, былъ сынъ простаго пеона или солдата, служившаго при сборѣ податей. Сначала самъ солдатъ, лишенный всякаго образованія, но одаренный врожденными талантами, характеромъ вмѣстѣ и гибкимъ и смѣлымъ, геніемъ военнымъ и политическимъ, онъ былъ въ высшей степени способенъ пользоваться обстоятельствами, среди которыхъ Провидѣніе судило ему родить-

ся. Быстро, хотя и постепенно, достигъ онъ перваго военнаго чина. Раджѣ и въ особенности матери раджи давно уже наскучила зависимость, въ которой держали ихъ всемогущіе министры. Тысяча интригъ скоплялись какъ вокругъ нихъ, такъ и вокругъ двухъ братьевъ. Казна была истощена, войска объяты духомъ мятежа, маратты безпрестанно грозили, возбуждаемые то собственнымъ честолюбіемъ, то честолюбіемъ враждующихъ партій. Анархія терзала, пожирала это маленькое государство. Сцена была, однимъ словомъ, готова для такого человѣка, каковъ былъ Гайдеръ, и не замедлила придти минута, когда онъ явился на ней главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Гайдеръ-Али день отъ дня увеличиваетъ свое могущество, денежныя средства, народность. Долгое время служивъ различнымъ партіямъ, спорившимъ за власть, сражавшись противъ нихъ, измѣняя имъ, онъ достигъ наконецъ обладанія всѣми ими, сталъ, такъ сказать, ихъ господиномъ. Но въ тоже самое время, какъ онъ могъ считать себя на вершинѣ счастія, онъ едва не былъ низвергнутъ съ этой вершины. Мать раджи также нетерпѣливо сносила власть Гайдера, какъ и власть двухъ братьевъ; она успѣла искуснымъ коварствомъ заманить его въ стѣны Мисора. Отдаленный отъ своихъ войскъ и приверженцевъ, окруженный съ од-

ной стороны приверженцами раджи, съ другой запертый глубокою рѣкою, Гайдеръ нѣсколько времени стоялъ надъ бездною. Но въ судьбахъ людей, какъ въ болѣзняхъ, сильные кризисы ведутъ за собою или неожиданное исцѣленіе или блестящіе успѣхи. Спаснись почти чудомъ изъ этого дворца, переплывъ рѣку, которую враги его считали непреодолимымъ препятствіемъ, Гайдеръ бродилъ нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ. Онъ былъ безъ солдатъ, безъ денегъ, безъ средствъ, но несчастіе не могло лишить его твердости и дарованій, которыя уже создали ему счастье. Скоро, онъ снова явился могущественнѣе, чѣмъ когда-либо. Ему предана была большая армія и принадлежала половина государства; онъ былъ въ силахъ требовать и другой половины, тоже какъ ему принадлежащей.

Кредиторъ скоро потребовалъ уплаты долга отъ своего безсильнаго должника. Фамилія древнихъ раджей продолжала жить въ своей царственной слабости. Гайдеръ-Али сдѣлался истиннымъ государемъ мисорской имперіи, до такой степени расширившейся подъ своимъ древнимъ именемъ, что на нее должно смотрѣть какъ на новую имперію, которой онъ былъ основателемъ и которой сынъ его Типпу сдѣлался наслѣдникомъ.

Великій человѣкъ, Севаджи, былъ основателемъ маратской имперіи, какъ Гай-

деръ-Али основателемъ мисорской, Низамъ-уль-Мулькъ декканской. Есть моменты въ исторіи міра, когда народы, такъ сказать, сами идутъ подъ власть какой-либо всемогущей руки, которую они сознаютъ способною поддержать ихъ, устроить, повелѣвать ими.

Севаджи началъ какъ множество другихъ завоевателей и основателей имперій; сперва онъ былъ простымъ атаманомъ шайки разбойничей, съ которою грабилъ сосѣднія области. Овладѣвъ въ окрестностяхъ Пунаха, какимъ-то пространствомъ земли, онъ сдѣлалъ его центромъ, изъ котораго не переставалъ распространять дальше и дальше грабежи и завоеванія. Анархія, которой имперія могольская была добычею, въ высочайшей степени способствовала подобнымъ предпріятіямъ. То было время, когда Оуренгъ-Зебъ и его братья вели другъ съ другомъ войну, поднимая часто явный бунтъ противъ своего отца. Оуренгъ-Зебъ, ища войскъ и союзниковъ, вступилъ съ Севаджи въ нѣкоторыя сношенія: онъ приглашалъ его присоединиться къ нему. Не имѣя смѣлости или дальновидности, Севаджи отвергъ эти предложенія и, если вѣрить историкамъ, даже съ нѣкоторою гордостью и презрѣніемъ. Достигнувъ престола, Оуренгъ-Зебъ, потому ли что онъ не забылъ этой обиды, или потому что понялъ опасность, которою Севаджи могъ нѣкогда угрожать,

вступилъ съ нимъ въ жестокую войну. Доведенный до крайности, послѣдній отдался въ плѣнъ императору. Можетъ быть, вообще таковъ законъ политическаго міра, чтобы великія судьбы были усѣяны тамъ и сямъ страшными катастрофами.

Вслѣдствіе плохаго надзора или искусно обманувъ бдительность своихъ стражей, Севаджи убѣжалъ. Увидавши вблизи всю слабость имперіи, онъ сталъ смѣлѣе и открыто принялъ всѣ знаки королевской власти. Онъ велѣлъ отъ своего имени чеканить монету, что по индійскимъ понятіямъ составляетъ главнѣйшій признакъ верховной власти. Съ 1677 года у Севаджи было 40,000 человѣкъ конницы. Передъ смертью его, основанное имъ государство занимало на западномъ берегу Инда пространство земли въ 400 миль длины и 120 ширины; кромѣ того, онъ имѣлъ притязанія на множество другихъ земель и держалъ гарнизоны во многихъ крѣпостяхъ, выданныхъ ему, какъ выкупъ его грабежей. И не смотря на свое недавнее возвышеніе, имперія не перестала расширяться при преемникѣ Севаджи. По смерти Оуренгъ-Зеба (въ 1707) она была уже самою опасною державою въ Индіи, являлась дерзостною и часто счастливою соперницею имперіи делійской. Едва вся Индія не

попала подъ ея власть. Преемники Севаджи могли имѣть притязанія замѣстить на престолѣ делійскомъ потомковъ Бабера и Акбара. Но сраженіе панипуттское, происшедшее въ окрестностяхъ Дели, положило конецъ процвѣтанію маратовъ. Союзъ получилъ въ немъ ударъ, отъ котораго долго не могъ онъ опомниться. Рѣки крови, пролитой сѣкирами и мечами афгановъ, ослабили его надолго, привели почти въ безсиліе. Когда маратское государство опамятовалось, государство гайдерабадское уже заняло его недавнія основанія. Имперія мисорская становилась уже опасна; англичане, подкрѣпляемые всемогуществомъ европейской цивилизаціи, утвердились въ Индіи на прочномъ и широкомъ фундаментѣ. Однимъ словомъ, политическое положеніе было уже не прежнее.

Маратты, по всей вѣроятности, получили имя отъ мѣста своего происхожденія, называемаго Мгаратъ или Мгуратъ, округа, который, при государяхъ магометанскихъ, составлялъ часть провинціи довлатабадской. Маратскіе государи, т. е. потомки Севаджи, имѣли у себя по индійскому обычаю совѣтъ изъ восьми браминовъ. Глава этого совѣта носилъ имя *Пейшвъ.* Общій законъ, уже упомянутый нами, и здѣсь не измѣняетъ себѣ. Пейшва въ первыя времена учрежденія союза, былъ необходимо человѣкъ съ талантомъ и съ энергіею. Онъ мало по ма-

лу, въ дѣйствительности завладѣлъ верховной властію, которой только видъ сохранили прежніе раджи. Власть, первоначально временная и личная, не замедлила сдѣлаться наслѣдственною въ семействѣ пейшвы и утвердилась въ немъ. Законные государи, жившіе въ Саттарахѣ, были чѣмъ-то въ родѣ государственныхъ плѣнниковъ, хотя окруженные попеченіями, уваженіемъ, сохранявшіе даже въ извѣстной степени весь внѣшній блескъ верховной власти. Пейшвы напротивъ жили въ Пунахѣ, сдѣлавшемся настоящею столицею имперіи. Они были главами и государями на дѣлѣ. По странному обороту счастья, когда могущество пейшвъ узаконилось временемъ, они сами подверглись той участи, которой обрекли древнихъ раджей. Люди новаго счастья стали новыми начальниками, настоящими государями союза: Голькаръ, Шиндіахъ и другіе овладѣли въ дѣйствительности властью, презирая ея внѣшній блескъ и предоставивъ его выродившимся пейшвамъ.

Имперія маратская состояла скорѣе изъ совокупности нѣсколькихъ союзныхъ государствъ, чѣмъ образовывала одно государство. Пространство занимаемой имъ территоріи было раздѣлено между извѣстнымъ числомъ семействъ, въ которыхъ власть была наслѣдственна. Начальники этихъ семействъ, признавая

себя ленниками раджей саттарахскихъ, тѣмъ не менѣе оставались независимыми во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ. Очень часто они обнажали мечь другъ на друга. Конфедерація маратская напоминала, однимъ словомъ, или самое феодальное управленіе или ту преднослѣднюю организацію германской имперіи, которой мы видимъ теперь нѣкоторые слѣды. Притомъ общность религіи, языка, происхожденія, таже ленная зависимость, хотя только по имени, отъ одного государя дѣлали всегда возможнымъ быстрое соединеніе всѣхъ этихъ небольшихъ государствъ въ одномъ интересѣ нападенія или защиты.

Не одни эти три великія туземныя государства родились изъ обломковъ, изъ разложенія могольской имперіи. Другія государства втораго разряда, столпившіяся вокругъ нихъ, образовались изъ тѣхже обломковъ. По устройству имперіи, визирь соединялъ съ своимъ высокимъ достоинствомъ вице-королевство провинціи удской. Онъ сдѣлался въ ней независимымъ отъ императорской власти, если не по имени, то на дѣлѣ. На сѣверѣ владѣнія раджпутскія, на югѣ княжества: коимбаторское, танджорское, траванкорское, кохинское, менѣе значительное княжество на берегу малабарскомъ, съ другой стороны, набобъ карнатикскій и проч. пользовались почти совер-

шенною политическою независимостью; они продолжали по виду повиноваться делійскому престолу или поступили подъ покровительство одной изъ трехъ великихъ державъ, о которыхъ мы сей часъ говорили. Слишкомъ слабые сами по себѣ, чтобъ открыто противиться могущественнымъ сосѣднимъ державамъ, эти государства должны были подчиняться ихъ политическимъ требованіямъ.

Замкнутый отовсюду моремъ, индобританскій міръ былъ въ соприкосновеніи съ чужеземными государствами только съ одной стороны, съ сѣвера. Но съ этой стороны, по направленію отъ запада къ востоку, находились нѣкоторыя государства, о которыхъ кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ; состоя внѣ политической системы полуострова и не составляя его части, они тѣмъ не менѣе могли имѣть большое вліяніе на событія, которыхъ онъ былъ театромъ.

Афганы на сѣверо западѣ не забыли вторженій въ Индостанъ, слишкомъ памятныхъ въ исторіи ихъ предковъ. Моголы казались имъ хищниками и они не переставали желать ихъ изгнанія. Каждый изъ ихъ начальниковъ съ какимъ либо талантомъ, съ какою либо энергіею, не переставалъ мечтать объ этомъ великолѣпномъ завоеваніи. Прошло съ небольшимъ сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ

ихъ начальниковъ едва не достигъ этой цѣли. Ахметъ - Абдалла вступилъ въ Дели и нанесъ могуществу мараттовъ ударъ, отъ котораго они долго не могли опомниться. По всей видимости, онъ спасъ Индію отъ ихъ владычества. Но съ этой минуты, болѣе чѣмъ когда либо, афганы стали думать о вторженіи въ Индію, къ которому они были такъ близки; по политическому состоянію полуострова, завоеваніе было возможно, было даже очень легко. Сейки создали имперію и въ тоже самое время религію въ Пенджабѣ. Ихъ фанатизмъ, ихъ воинственный жаръ, направленный потомъ противъ афгановъ, были равно опасны. На противуположной сторонѣ, по направленію къ востоку жили Гурки, племя вполнѣ воинственное, замкнутое въ горахъ Непала, и способное предпринять какое либо большое вторженіе, но постоянно занятое грабежами и набѣгами и считавшее себя у себя дóма непобѣдимымъ. Дальше, въ томъ же направленіи жили рогилласы, колѣна афгановъ, обитавшія въ горномъ округѣ Рогилькундѣ, который они возвели на высшую степень земледѣльческаго благосостоянія, сохранивъ впрочемъ всѣ свои воинственные инстинкты. Еще дальше, но на югъ, по направленію къ Кохинхинѣ, имперія бирманская возвысилась недавно завоевательнымъ мечемъ Алломпраха. Всѣ эти государства, повторимъ

снова, хотя и внѣ политической системы, тѣмъ не менѣе были призваны имѣть на эту систему большее вліяніе. Они могли наклонить вѣсы на ту сторону, куда бросили бы ихъ интересы ихъ собственнаго честолюбія.

Великія событія обозначили утвержденіе того политическаго положенія, которое мы очертили вкратцѣ. Вторженіе въ Индустанъ Надиръ Шаха, сраженіе панипутское, одно изъ кровопролитнѣйшихъ убійствъ, когда либо бывшихъ на землѣ, открываютъ и замыкаютъ хронологическій періодъ, въ который родились три великія государства, составляющія основу или фундаментъ системы. Кажется, таковъ одинъ изъ законовъ политическаго міра, чтобы народы могли жить и выростать только на землѣ, орошаемой кровію, засѣянной трупами.

Англичане не опровергнули этого закона; въ политической системѣ Индіи, они заняли мѣсто, какъ территоріальная держава, сраженіемъ плассейскимъ, котораго эпоха (1757) можетъ считаться эпохою основанія индо-британской имперіи.

Но какую систему поведенія, какую политическую систему нашли они приличнымъ принять въ отношеніи къ другимъ государствамъ? Это-то мы и постараемся теперь изслѣдовать.

ГЛАВА III.

О системѣ политическаго нейтралитета.

Можетъ быть, нѣтъ другой страницы въ исторіи міра, гдѣ Провидѣнію угодно было бы скопить столько антитезъ, собрать столько контрастовъ между волею человѣка и его дѣломъ, какъ та, на которой читаемъ мы исторію англійскаго владычества въ Индіи.

Имперія индобританская, начавшись на трехъ отдѣльныхъ пунктахъ индійскаго полуострова, не замедлила поглотить его. Цейлонъ, Гималайя, устья Инда, устья Гангеса стали ея границами на югѣ и на сѣверѣ, на востокѣ и на западѣ. Одни только стяжанія римскаго меча могутъ, своимъ числомъ и огромностью, сравниться съ завоеваніями Англіи на Востокѣ. Даже тамъ, куда не проникли ея завоеванія, она царствуетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ; множество королей, начальниковъ, связаны съ нею различными узами, равно повинуются ея повелѣніямъ. Перевѣсъ британскій сталъ верховнымъ закономъ, составляетъ международное право, признаваемое народонаселеніемъ въ двѣсти милліоновъ человѣкъ, т. е. пятою частію земнаго народонаселенія.

Что же предположила себѣ Англія черезъ посредство государственныхъ людей, кото-

рымъ поручила она свои дѣла на Востокѣ? Три предмета: замкнуть въ самыя тѣсныя границы владѣнія, данныя ей событіями, избѣгать всякой войны, удерживаться, какъ можно болѣе, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ государствъ.

Такова тройственная точка отправленія, принятая Англіею для достиженія обозначенной нами цѣли. Какъ ни парадоксально покажется наше предположеніе, мы не думаемъ, чтобы справедливость его могла быть опровергнута. Довольно будетъ бросить бѣглый взглядъ на обстоятельства, сопровождавшія завоеванія въ Индіи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Общее мнѣніе, по чувству очень достойному уваженія, было противъ всякихъ поземельныхъ пріобрѣтеній на Востокѣ. Всѣ черты корыстолюбія, честолюбія, даже жестокости, запятнавшія поведеніе первыхъ англійскихъ начальниковъ въ Индіи, эти черты, которыя мы старались передать съ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, которыя послѣдующими англійскими историками были смягчаемы, скрываемы, даже совершенно отрицаемы, въ то время напротивъ разсказывались прямо и преувеличивались. Онѣ казались пятномъ народной чести. Вслѣдствіе одного изъ оптическихъ обмановъ, которымъ подвержены современныя событія, наружу явля-

лась только достойная охужденія сторона индійскихъ дѣлъ; хорошая оставалась въ тѣни. Польза и величіе предпріятій Клейва и его преемниковъ были совершенно затемнены ненавистностью средствъ. Сверхъ того возникалъ вопросъ, по какому праву компанія купцовъ или искателей приключеній могла овладѣть богатѣйшими провинціями государей, принимавшихъ ее благосклонно; по какому праву, пользуясь добротою этихъ государей, она вмѣшивалась въ интриги ихъ двора; по какому праву наконецъ вела съ ними войну, низвергала ихъ съ престола, располагала ихъ короной и проч. и проч.; и несмотря на все разногласіе партій, раздѣлявшихъ тогда Англію, всѣ единогласно и открыто охуждали подобные поступки.

Эти пріобрѣтенія были притомъ безпокойны во многихъ отношеніяхъ. Они вводили въ государство новое начало, которое могло казаться опаснымъ для политической организаціи Англіи, грозило измѣнить навсегда ея различныя отношенія. Спрашивали, кому будетъ принадлежать, употребляемъ англійское выраженіе, патронатство Индіи, т. е. распоряженіе богатыми должностями въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ. Парламентскіе нравы того времени вовсе не блистали пуританизмомъ въ денежномъ отношеніи. Если бы это богатое патронатство осталось въ рукахъ компаніи, она

стала бы всемогущею и эта самая компанія, т. е. простое общество купцовъ, могла бы дѣйствовать на парламентъ своими средствами, которыя были значительнѣе средствъ, предоставленныхъ коронѣ конституціонной подозрительностью. Эти купцы явились бы сначала соперниками, потомъ даже торжествующими соперниками короля Великобританіи. Но если, съ другой стороны, это патронатство переходило въ руки короны, опасность не была ли такова же, если еще не значительнѣе, въ другомъ отношеніи? Со временъ революціи 1688 года, когда для Англіи открылась новая и великая судьба, что было цѣлію постоянныхъ усилій всѣхъ великихъ государственныхъ людей? Не уменьшеніе ли, уничтоженіе, такъ сказать, вліянія королевской особы? Неожиданнымъ же пріобрѣтеніемъ этого богатаго патронатства, этихъ могущественныхъ средствъ, уничтожались совершенно эти продолжительныя усилія. Великій Чатамъ, отецъ Питта, въ особенности пораженъ былъ этимъ послѣднимъ неудобствомъ и слѣдовательно и оппозиція и министерская партія равно боялись введенія этого новаго начала въ политическій составъ страны.

Другіе вопросы, болѣе общіе, стольже трудные или еще труднѣйшіе, представлялись съ другой стороны. Кому будетъ принадлежать,

съ теоретической точки зрѣнія, право собственности надъ завоеванными землями? Коронѣ или компаніи? Защитники права короны опирались въ особенности на права верховной власти; защитники правъ компаніи, на право собственности въ его безусловномъ значеніи. Первые отрицали право подданныхъ составлять государство въ государствѣ, управлять и издавать законы, объявлять войну и проч., то, однимъ словомъ, что въ Индіи было также непозволительно как и въ Англіи; вторые, опираясь постоянно на неограниченное право собственности, желали пользоваться по своему произволу имуществомъ, пріобрѣтеннымъ ими съ трудомъ и опасностью, въ силу королевской хартіи и привилегіи. Верховная власть и собственность, два эти основныя начала государства, вступили въ борьбу, въ столкновеніе на этой землѣ.

Важность, величіе, польза поземельныхъ пріобрѣтеній, оставались до извѣстной степени сомнительными даже для тѣхъ, которые ихъ получили. Переворотъ, который изъ компаніи купцовъ сдѣлалъ государей, былъ такъ быстръ, что они не знали, къ выгоднымъ или пагубнымъ слѣдствіямъ поведетъ онъ. Въ одномъ, уже упомянутомъ, документѣ Клейвъ говорилъ: „безъ сомнѣнія, я бы желалъ, чтобы наши дѣла ведены были съ большею умѣ-

ренностью; я бы желалъ, чтобы мы не были принуждены содержать войска болѣе, нежели сколько нужно для того, чтобы въ мирѣ и безопасности пользоваться нашими торговыми выгодами; но такъ какъ наши виды простираются теперь гораздо дальше, такъ какъ теперь не одна торговля составляетъ доходъ компаніи, мы должны продолжать начатое; отступить уже невозможно (*).“ Эта же самая невозможность отступленія поражала равномѣрно и Уоррена Гестингса и къ его выраженіямъ въ этомъ случаѣ, примѣшивалось нѣкотораго рода сожалѣніе. Разсказавъ, какъ компанія изъ торговой должна была обратиться въ политическую: „нація и компанія продолжаетъ онъ, извлекли ли большія выгоды изъ этого измѣненія? Безполезно это изслѣдовать, ибо на томъ опасномъ пути, по которому пошла компанія, отступать невозможно; ей нельзя возвратиться въ прежнее состояніе простой купеческой компаніи, неимѣющей никакой политической власти, не внушающей никому боязни (**).“ Такимъ образомъ, люди наиболѣе учавствовавшіе въ великихъ событіяхъ Индіи, были далеки отъ того, чтобы прослав-

---

(*) Письмо Клейва къ директорамъ. *Жизнь Клейва*, соч. Мелькольма.

(**) Мелькольмъ, томъ II, стр. 44.

лять ихъ или преувеличивать, а напротивъ были расположены уменьшать ихъ значеніе, лишать ихъ важности. Событія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что сущность ихъ оставалась еще неизвѣстною. Виновники этихъ совершившихся событій видѣли такое несогласіе между послѣдствіями своихъ усилій и предположенной цѣлію, что не рѣшались еще признать въ нихъ дѣло рукъ своихъ.

Небольшое число людей твердыхъ и сильныхъ, которыхъ не могла смутить ни одна историческая случайность, принимало, разумѣется, эти совершившіяся событія. Но и они, соглашаясь не отступать съ разъ принятой дороги, твердо рѣшились не дѣлать ни одного шага впередъ. Вполнѣ понимая важность поземельныхъ пріобрѣтеній, они опасались въ особенности слишкомъ быстраго ихъ расширенія; ибо эта опасность, съ самаго начала, грозила англійскому владычеству въ Индіи. Долгое время спустя послѣ этой эпохи, когда тогдашнія мнѣнія были испробованы на оселкѣ опыта, т. е. событій, сэръ Джонъ Мелькольмъ писалъ еще: „величайшая опасность, которой мы должны были избѣгать съ самаго начала, было слишкомъ быстрое расширеніе имперіи (*).“

(*) Id. ibid.

Кромѣ того новыя пріобрѣтенія могли еще и по другимъ причинамъ быть источникомъ невыгодъ для компаніи. Войны, даже и счастливыя по своимъ политическимъ послѣдствіямъ, тѣмъ не менѣе должны были влечь за собою огромныя издержки: увеличеніе издержекъ могло довести до истощенія фондовъ, необходимыхъ для торговли. Торговля же, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Индіи, составляла тогда важнѣйшій вопросъ для публики и для государственныхъ людей Англіи; политическія отношенія занимали только второе мѣсто.

Ненародность людей, главнымъ образомъ дѣйствовавшихъ въ великихъ событіяхъ Индіи, переносилась и на самыя событія: Клейвъ и Уорренъ Гестингсъ, великіе люди въ глазахъ потомства, казались современникамъ простыми счастливыми искателями приключеній. Имъ не могли простить того, что они поѣхали въ Индію бѣдняками и возвратились обремененные сокровищами, которыя зависть и вражда преувеличивали до нелѣпости. Блескъ военныхъ успѣховъ обыкновенно увлекаетъ, плѣняетъ и ослѣпляетъ воображеніе народа. Здѣсь же, вслѣдствіе странныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе той народной немилости, которой, какъ мы сказали, подверглись завоеватели и первые правители Индіи, побѣды и завоеванія лиши-

лись своего блеска; на нихъ постоянно смотрѣли несправедливо и близоруко. Клейвъ и Гестингсъ, по одному изъ самыхъ чудныхъ капризовъ случая, находились въ положеніи довольно сходномъ съ положеніемъ Цезаря, Вильгельма Оранскаго, Наполеона. Но въ свое время они оставались однако простыми частными людьми, гражданами Великобританіи, служителями купеческой компаніи. На ихъ поведеніе упорно смотрѣли съ этой точки зрѣнія. Къ ихъ дѣйствіямъ, рѣшавшимъ судьбу милліоновъ людей, возвышавшимъ и низвергавшимъ государей, основавшимъ цѣлую имперію, прилагали тѣже самыя правила, какія прилагаются къ поступкамъ обыкновенныхъ людей. Это все равно, что призвать Цезаря, Кромвеля, Вильгельма Оранскаго въ коммерческій судъ или въ судъ исправительной полиціи, или преслѣдовать Наполеона, какъ убійцу, за каждаго изъ солдатъ, погибшихъ при Лейпцигѣ или Ватерлоо. Но кто не знаетъ гордыхъ фантазій, смѣлаго порицанія и капризной жестокости современныхъ мнѣній?

Вслѣдствіе всѣхъ изложенныхъ нами причинъ, въ Англіи раждалось невыгодное мнѣніе о новопріобрѣтенныхъ въ Индіи владѣніяхъ. Если бы событія общей политики повели парламентъ къ разрѣшенію вопроса о ихъ сохраненіи или оставленіи, вѣроятно большинство

подало бы голосъ въ пользу послѣдней мѣры. Можетъ быть, возобновилось бы то, что произошло двадцать пять лѣтъ тому назадъ во Франціи. Заключавшій договоръ 1763 года оставилъ всѣ французскія владѣнія въ Индіи, отрекся отъ всякаго политическаго вліянія на югѣ полуострова, съ согласія министровъ и компаніи и съ ихъ одобреніемъ; они и другіе не сомнѣвались, что сдѣлали великое дѣло, пожертвовавъ ошибочнымъ и пустымъ расчетамъ цѣлымъ будущимъ славы и могущества: повторяемъ,—расположеніе министерства компаніи и, до извѣстной степени, французскаго общества въ отношеніи къ проэктамъ Дюпле были таковы же, какъ тогдашнее общее мнѣніе Англіи. Единственное, свойственное англійскому духу, уваженіе ко всякому исполнившемуся факту, ко всему предшествовавшему было бы, можетъ быть, препятствіемъ къ принятію подобной мѣры, а не соображеніе выгодъ, могущихъ воспослѣдовать отъ новыхъ завоеваній.

Эти расположенія нѣсколько разъ проявлялись въ англійскомъ парламентѣ. Не имѣя права рѣшить вопроса объ оставленіи владѣній въ Индіи, онъ, въ разныя времена, принималъ мѣры, препятствующія ихъ расширенію. Не могши уничтожить этого факта, онъ старался покрайней мѣрѣ стѣснить его

объемъ. Фоксъ и Питтъ, эти два великіе парламентскіе соперники, должны были, вслѣдствіе обстоятельствъ, которыми мы займемся позднѣе, представить билль о правилахъ политическаго поведенія въ Индіи. Два билля, различаясь въ духѣ и въ цѣлости, были оба согласны въ томъ пунктѣ, что энергически протестовали противъ всякаго новаго пріобрѣтенія. Билль Питта, принятый парламентомъ, сдѣлался основнымъ правиломъ индійскаго правительства. Билль же этотъ объявлялъ формально, „что всякій проэктъ завоеваній въ Индіи былъ въ высшей степени противенъ желанію, чести, политикѣ Великобританіи и что воспрещается генералъ-губернатору Индіи всякаго рода враждебное дѣйствіе безъ особеннаго дозволенія совѣта директоровъ; воспрещается не только формально вступать въ союзъ противъ какого либо туземнаго государя, но даже вступать въ союзы для взаимной гарантіи и проч. и проч.“ Единственнымъ исключеніемъ изъ этого воспрещенія всѣхъ враждебныхъ дѣйствій была необходимость защиты отъ неожиданнаго нападенія или тотъ случай, когда явныя военныя приготовленія непріятеля будутъ равнозначительны съ объявленіемъ войны. Что же могло дѣлать правительство, у котораго отняты были всѣ средства дѣйствія, политическія или военныя? Ему оставалось уменьшаться

уничтожаться все болѣе и болѣе, занимать, такъ сказать, подъ солнцемъ, какъ можно менѣе мѣста.

Прежде всего, насъ конечно изумитъ подобное воззрѣніе Англіи на занимающій насъ предметъ. Спрашивается, какъ такіе государственные люди, каковы Фоксъ и Питтъ, могли такъ ошибаться въ событіяхъ, принесшихъ Англіи цѣлое будущее славы и благосостоянія. Но политическія событія рѣдко являются современникамъ въ своемъ настоящемъ видѣ, въ своемъ, такъ сказать, истинномъ размѣрѣ. Величайшіе люди не всегда свободны отъ извѣстныхъ оптическихъ обмановъ, долженствующихъ, повидимому, быть удѣломъ толпы; притомъ же, законы перспективы существенно различны въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ нравственномъ: въ первомъ отдаленность уменьшаетъ предметы; во второмъ она ихъ увеличиваетъ.

Какъ бы то ни было, замѣтимъ, что невмѣшательство въ политическія дѣла Индіи, полнѣйшій нейтралитетъ, были главнымъ правиломъ, предписаннымъ метрополіей генералъ губернаторамъ Индіи. Это было то начало, котораго поведеніе ихъ долженствовало быть послѣдствіемъ, та главная пружина, которая должна была вращать всю систему ихъ политики.

ГЛАВА IV.

О системѣ политическаго равновѣсія.

Парламентъ, опредѣливъ мѣры, о которыхъ мы сказали, выполнилъ только половину своей задачи. Ему оставалось выбрать лице, которому бы онъ могъ поручить ихъ исполненіе. Онъ не колебался выбрать лорда Корнуаллиса; призвалъ его вслѣдствіе того къ управленію Индіей, въ первый разъ соединивъ въ однихъ рукахъ обязанности генералъ губернатора и главнокомандующаго.

Общественное мнѣніе давно уже назначало лорда Корнуаллиса на это высокое мѣсто. Три года тому назадъ, одинъ изъ значительныхъ членовъ парламента, представляя билль, котораго главное содержаніе перешло въ билль Питта, указалъ на него, какъ на способнаго въ высшей степени къ занятію этого важнаго поста. Лордъ Корнуаллисъ принадлежалъ къ знаменитому семейству. Онъ занималъ важныя должности, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и почтеніемъ. Это былъ первый изъ вельможъ, согласившійся идти въ службу компаніи. Наконецъ онъ долженъ былъ осуществить на дѣлѣ систему, въ высшей степени народную. Все соединялось повидимому къ облегченію для

него принимаемаго имъ на себя дѣла. Владѣльцы, чиновники Индіи, масса народа, съ криками радости и торжества приняли это назначеніе. Правда, это было сдѣлано не безъ примѣси горькихъ и обидныхъ обвиненій на его знаменитыхъ предшественниковъ. Намекая на прежнюю бѣдность Клейва и Уоррена Гестингса, говорили прямо въ собраніи цѣлаго парламента: „здѣсь не будетъ поправки разстроеннаго имѣнія, не будетъ удовлетворенія корыстолюбія; здѣсь не будетъ родственниковъ, выростающихъ подобно грибамъ вокругъ людей, занимающихъ важныя мѣста и о которыхъ они должны позаботиться; здѣсь не будетъ стаи голодныхъ борзыхъ, ожидающихъ хлѣба изъ рукъ генералъ губернатора (*).“

Мы разскажемъ впослѣдствіи, какъ Индія обогатилась при такъ называемыхъ грабежахъ Уоррена Гестингса и какъ обѣднѣла и разорилась отъ предполагаемаго великодушія лорда Корнуаллиса. Но въ настоящую минуту, мы должны смотрѣть на администрацію этого послѣдняго съ одной только стороны, со стороны внѣшней политики или отношеній къ туземнымъ государствамъ.

Когда лордъ Корнуаллисъ прибылъ въ Индію, Типпу Саибъ былъ на вершинѣ своего могу-

---

(*) Рѣчь г. Дёндеса, 14 апр. 1743. См. Парламенскую исторію Коббета, томъ XXII.

щества. Гайдеръ Али долгое время былъ опаснымъ и заклятымъ врагомъ англичанъ. Наслѣдникъ государства мисорскаго былъ расположенъ достойно поддерживать дѣло его основателя. Типпу видѣлъ въ англичанахъ единственныхъ враговъ, способныхъ противиться его честолюбивымъ планамъ; онъ ненавидѣлъ ихъ, какъ самое главное препятствіе къ распространенію владычества его надъ полуостровомъ. Можетъ быть, еще больше ненавидѣлъ онъ ихъ какъ невѣрныхъ, какъ христіанскихъ собакъ, нежели какъ своихъ соперниковъ и противниковъ. Типпу стоялъ ниже своего отца, но не былъ нисколько лишенъ военныхъ, политическихъ и административныхъ дарованій. Со времени вступленія на престолъ, онъ сдѣлалъ множество преобразованій, ввелъ полезныя нововведенія, улучшилъ положеніе своихъ подданныхъ, обучалъ по европейски армію. Неограниченная власть позволяла ему употреблять послѣдовательность въ намѣреніяхъ и твердость въ ихъ выполненіи—огромное преимущество на политическомъ поприщѣ. Склонность маратговъ къ грабежамъ и прежніе ихъ успѣхи надолго сдѣлали ихъ славными въ исторіи Индіи. Но боязнь, которую они внушали, во многомъ основана была на воспоминаніяхъ; съ давняго уже времени могущество ихъ безпрестанно слабѣло отъ внутреннихъ раздоровъ. Притомъ вообще можно сказать, что союзъ нѣсколькихъ государствъ всегда будетъ гораздо

менѣе опасенъ иностранцамъ, чѣмъ государство, связанное единствомъ, въ особенности же подчиненное деспотической власти. Въ эпоху прибытія лорда Корнуаллиса въ Индію, англичанамъ была всего болѣе опасна имперія мисорская и опасенія эти поддерживались воинственнымъ и грознымъ положеніемъ султана, котораго онъ даже и не скрывалъ.

Первою заботою лорда Корнуаллиса было принять мѣры для защиты англійскихъ владѣній отъ честолюбія Типпу. Имперія мисорская, союзъ маратскій и государство гайдерабадское, составляли, какъ уже сказано, политическую систему туземныхъ державъ. Честолюбіе султана, какъ покрайней мѣрѣ казалось, грозило этимъ двумъ державамъ, равно какъ и англичанамъ; Низамъ долженъ былъ въ особенности бояться его, ибо его правленіе ослабѣло отъ неспособности слѣдовавшихъ другъ за другомъ ничтожныхъ государей, а средства почти окончательно истощились вслѣдствіе плохой администраціи. Лорду Корнуаллису казалось, что простѣйше средство обезпечить англичанъ отъ слѣдствій честолюбія Типпу будетъ состоять въ союзѣ съ мараттами и Низамомъ, на чисто оборонительныхъ основаніяхъ.

Но парламентскій актъ, о которомъ мы уже говорили, воспрещалъ въ будущемъ всякій новый союзъ, оборонительный или наступа-

тельный. Это воспрещеніе нисколько не противорѣчило впрочемъ взгляду генералъ губернатора. Слѣдственно предупреждать будущія опасности могъ онъ только при посредствѣ существовавшихъ тогда сношеній между англичанами и другими державами. Эти причины повели лорда Корнуаллиса къ мѣрѣ, сдѣлавшейся первымъ звѣномъ цѣпи неисчислимыхъ событій, которая открыла славую эру для политики Англіи, произвела послѣдствія, роковымъ образомъ сцѣплявшіяся другъ съ другомъ, которая, все болѣе и болѣе становилась противною мысли своего перваго творца, вывела безконечныя войны изъ его миролюбивыхъ намѣреній и завоеваніе Индіи изъ его желанія ограничиться занятыми землями. И это безъ сомнѣнія одинъ изъ любопытнѣйшихъ пунктовъ новой исторіи, который необходимо долженъ быть поясненъ.

Подъ вліяніемъ прежняго законодательства былъ уже прежде заключенъ весьма важный договоръ между компаніею и правительствомъ гайдерабадскимъ. По этому договору, подписанному въ 1766 г., компанія обязывалась доставить послѣднему вспомогательный отрядъ въ два батальйона пѣхоты, который гайдерабадское правительство обязано содержать, но который компанія имѣетъ право отозвать, когда ей угодно. Ссора, случившаяся вскорѣ по заключеніи договора между Низа-

момъ и англичанами, заставила компанію почти тотчасъ же отозвать эти батальйоны. Въ 1769 году заключенъ былъ новый договоръ, въ который вошли вновь условія перваго или по крайней мѣрѣ подобныя имъ, т. е. англичане доставили Низаму вспомогательный корпусъ, состоявшій изъ двухъ батальйоновъ и шести пушекъ, тоже на его содержаніи. Сверхъ того Низамъ обѣщалъ уступить имъ сѣверные сиркары по смерти своего брата, составлявшіе его джагирь. Но къ этимъ условіямъ, относившимся только къ нему и къ англичанамъ, присоединялись нѣкоторыя другія, весьма важныя въ политическомъ отношеніи. Это была минута кроваваго столкновенія между Гайдеромъ и англичанами. Низамъ живо принялъ интересы сихъ послѣднихъ; онъ соглашался уничтожить всѣ уступки, сдѣлашныя нѣкогда Гайдеру или его предшественникамъ во всемъ пространствѣ Деккана; сверхъ того отдать англичанамъ, подъ условіемъ ежегодной платы ими семи лаковъ рупіевъ, главное фермерство (девани) во всѣхъ земляхъ, обладаемыхъ Гайдеромъ, какъ только онѣ будутъ у него отняты. На Гайдера Али, въ эту эпоху смотрѣли дѣйствительно какъ на похитителя престола, противъ котораго Низамъ и англичане заключали наступательный и оборонительный союзъ.

Дворъ гайдерабадскій никогда не нуждался въ службѣ вспомогательнаго корпуса, даннаго ему по договору, и этотъ корпусъ оставался какъ будто забытымъ. Но смерть брата Низама, случившаяся за нѣсколько времени до эпохи, которой мы достигли, вдругъ заставила выставить это условіе. Англичане спѣшили требовать ввода ихъ во владѣніе обѣщанными землями. Низамъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія; онъ согласился даже на всѣ выгодныя для англичанъ условія относительно распредѣленія ежегодной дани, которую они еще должны были платить ему за эти владѣнія. Онъ надѣялся такимъ поведеніемъ заставить англичанъ укрѣпить нѣсколько ослабшія связи ихъ прежняго союза. Угрожаемый съ одной стороны Типпу, съ другой мараттами, будучи слабѣе и того и другихъ, онъ видѣлъ спасеніе только въ помощи англичанъ. Притомъ же, недавніе споры съ Типпу болѣе, чѣмъ когда либо, возбуждали въ немъ опасенія; поэтому, онъ воспользовался случаемъ, казавшимся ему благопріятнымъ, для заключенія союзнаго договора; союзъ этотъ долженъ былъ впрочемъ остаться чисто оборонительнымъ и имъ, замѣтимъ это, Низамъ давалъ доказательство большой политической умѣренности. Договоръ 1769 года дозволялъ ему ожидать отъ англичанъ гораздо болѣе. Онъ свято испол-

шилъ его въ отношеніи къ гунтурскимъ сиркарамъ и могъ бы требовать съ ихъ стороны исполненія всѣхъ другихъ условій.

Такъ какъ парламентскимъ актомъ воспрещался всякій новый союзъ, то лорду Корнуаллису не оставалось ничего лучшаго, какъ уступить желанію Низама. Чисто оборонительный союзъ, казалось, всего лучше предупреждалъ опасности или, точнѣе сказать, неудобства положенія. Но, какъ мы уже сказали, лордъ Корнуаллисъ хотѣлъ прежде всего повиноваться инструкціямъ парламента. Можетъ быть, онъ боялся также, слѣдуя своей боязливой политикѣ, чтобы новая сдѣлка не внушила какого либо подозрѣнія мараттамъ. Какъ бы то ни было, выгоды оборонительнаго союза, предложеннаго Низамомъ, казались слишкомъ явны и лордъ Корнуаллисъ понялъ всю необходимость ими воспользоваться. Онъ не сомнѣвался нимало, что нашелъ чудесное средство обезпечить себѣ эти выгоды, оставаясь между тѣмъ, вѣрнымъ буквѣ парламентскаго акта; средство это состояло въ томъ, чтобы объявить существующимъ, имѣющимъ силу, прежній договоръ 1769 года. Вслѣдствіе сего, англичане вновь обязались доставить Низаму два батальйона и шесть пушекъ для употребленія ихъ повсюду, гдѣ Низаму будетъ благоугодно (*), лишь бы

(*) Противъ прежняго договора условлено было прибавить: „сколько позволитъ это состояніе дѣлъ компаніи.“

только не противъ союзниковъ компаніи, союзниковъ, которыми въ эту минуту были маратты, визирь, набобъ карнатикскій, раджи траванкорскіе и танджорскіе. Никогда и ни одинъ поступокъ не повелъ къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ какъ этотъ средній путь, который лордъ Корнуаллисъ избралъ между требованіями своего положенія и требованіями парламента.

Низамъ, въ силу той законности, съ которой онъ исполнилъ договоръ 1769 года, имѣлъ бы, какъ мы уже сказали, полное право смотрѣть на него, какъ на существующій во всѣхъ частяхъ. Между тѣмъ онъ не простиралъ своихъ требованій такъ далеко; но видя, что англичане сами упомянули объ этомъ договорѣ, онъ счелъ себя совершенно въ правѣ требовать его выполненія. Договоръ этотъ заключалъ въ себѣ проэктъ раздѣла части владѣній Гайдера; англичане обязывались возвратить ихъ Низаму, а онъ дать имъ въ нихъ генеральное фермерство. Низамъ потребовалъ выполненія этого обѣщанія. Лордъ Корнуаллисъ избѣгалъ объясненія и прибѣгалъ къ различнымъ отговоркамъ, какія только могъ придумать. Обстоятельства, говорилъ онъ, не тѣ, каковы были въ эпоху заключенія договора; англичане въ настоящую минуту союзники того самаго государя, о раздѣленіи государствъ котораго тогда шло дѣло и проч. и проч.“ „Но прибавлялъ онъ (извѣстное свойство робости–

желать поладить съ цѣлымъ свѣтомъ) если когда либо англичане съ помощію вашего высочества овладѣютъ вышеупомянутыми землями, они въ точности исполнятъ условія договора, сдѣланныя въ пользу вашу и въ пользу маратовъ (*).

Разумѣется, Низамъ не могъ быть очень доволенъ объясненіями лорда Корнуаллиса. Договоромъ, который этотъ послѣдній самъ вынулъ, такъ сказать, изъ могилы прошедшаго, онъ возвращалъ къ жизни нѣкоторыя условія и оставлялъ покоиться смертнымъ сномъ другія и все это только въ пользу Англіи. Но уже самый фактъ этихъ сношеній имѣлъ весьма дурныя послѣдствія въ отношеніи къ Типпу. Султанъ пришелъ въ ярость, услыхавъ о заключеніи договора, который породилъ въ немъ сильныя подозрѣнія и безпокойство. Онъ видѣлъ, что компанія доставляетъ Низаму вспомогательный корпусъ довольно значительный и что онъ остается въ полномъ распоряженіи Низама, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что войска не будутъ употребляемы противъ союзниковъ компаніи. Но его не было въ числѣ поименованныхъ нами союзниковъ. Со времени дововора 1769 года, которому теперь возвращена была сила,

(*) Письма лорда Корнуаллиса къ Низаму 9-го іюля 1789 года.

три другихъ договора заключены были между Гайдеромъ и компаніею и четвертый съ нимъ, Типпу (1784). Владычество султана надъ всѣми обладаемыми имъ землями признано было косвенно въ трехъ первыхъ и прямо въ четвертомъ. И всѣ эти сдѣлки, на которыя онъ такъ расчитывалъ, вдругъ уничтожены! Хотя и отнесенное къ отдаленному будущему, предположеніе о раздѣленіи его государства признавалось могущимъ осуществиться. Лордъ Корнуаллисъ и Низамъ не скрывали если не вѣроятности, то по крайней мѣрѣ возможности этого.

Причины такого поведенія лорда Корнуаллиса объясняются очень просто: онъ хотѣлъ повиноваться парламентскому акту, опредѣлявшему политику въ Индіи. Но уважая букву, онъ поступилъ въ противность его духу. Отказавшись заключить союзъ чисто оборонительный, требуемый нѣкоторымъ образомъ самыми обстоятельствами, онъ рѣшился возстановить союзъ наступательный, союзъ вдвое опаснѣйшій, грозившій многимъ интересамъ и котораго также онъ не смѣлъ выполнить во всей его цѣлости. Трудно представить себѣ поведеніе, которое бы въ такой степени лишено было всякой откровенности, всякаго искусства, наконецъ всякаго достоинства, какъ поведеніе этого государственнаго человѣка во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ.

Мы сказали уже, что Типпу былъ враждебно настроенъ въ отношеніи къ англичанамъ; онъ видѣлъ въ нихъ если не единственное, то по крайней мѣрѣ самое сильное препятствіе его честолюбивымъ замысламъ владычества надъ Индіею, замысламъ наслѣдованнымъ имъ отъ отца. Но послѣднія событія побудили его ускорить исполненіе своихъ плановъ, удвоить усилія и дѣятельность, чтобы быть въ состояніи воспользоваться обстоятельствами. Смѣлое нападеніе казалось ему лучшимъ средствомъ разорвать въ самомъ началѣ возстановленный противъ него тройственный союзъ; оно могло воспрепятствовать мараттамъ соединиться съ Низамомъ и англичанами и, можетъ быть, заставить ихъ сдѣлаться его союзниками.

Но эти приготовленія султана заставили въ то же самое время и лорда Корнуаллиса, ихъ косвеннаго виновника, выйдти изъ того двойственнаго и ложнаго положенія, котораго онъ до тѣхъ поръ держался. Убѣдившись въ дѣйствительности этихъ приготовленій, онъ считалъ себя свободнымъ отъ ограниченій, наложенныхъ на индійскую политику, и прямо, смѣло, открыто приготовился къ войнѣ. Онъ обезпечилъ за собою содѣйствіе Низама посредствомъ договора объ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, съ условіемъ равнаго раздѣла выгодъ, которыя получатся отъ вой-

ны; къ этому договору присовокуплена была взаимная гарантія земель, которыя будутъ пріобрѣтены договаривающимися государствами по заключеніи мира. Онъ сдѣлалъ подобныя же предложенія и двору пунахскому, который ихъ принялъ (*).

Дѣла такимъ образомъ дошли до той точки, что къ начатію войны ожидали только предлога. За предлогами же въ подобныхъ случаяхъ недолго стаетъ дѣло. Раджа траванкорскій купилъ у голландско-индійской компаніи Кранганоръ и Джайкотахъ, пріобрѣтенныя ею отъ раджи кохинскаго, вассала Типпу; вслѣдствіе чего этотъ послѣдній оспоривалъ законную силу сдѣлки, совершенной дѣйствительно безъ его участія. Типпу энергически требовалъ отъ новаго пріобрѣтателя возвращенія владѣнія, грозя, въ случаѣ отказа, овладѣть ими силою. Раджа траванкорскій былъ однимъ изъ союзниковъ англійскаго правительства; между ними давно уже существовалъ договоръ взаимной гарантіи. Нападать на раджу значило, слѣдовательно, нападать на англичанъ. Эта мысль, впрочемъ, не остановила Типпу. Былъ ли онъ дѣйствительно убѣжденъ въ своемъ

(*) Дотоворъ сальбійскій между Синдіахомъ и англичанами (1782) былъ точкою отправленія для этихъ новыхъ сношеній.

правѣ, или видѣлъ всю неизбѣжность войны и самъ хотѣлъ предупредить ее, только онъ аттаковалъ траванкорскія линіи. Англичане отвѣчали на вызовъ. Война началась. Типпу выказалъ великія дарованія и проявилъ неустрашимое мужество; но на другой сторонѣ было преимущество цивилизаціи и военной организаціи. Наконецъ, осажденный въ стѣнахъ Серингапатама, онъ долженъ былъ принять законы отъ побѣдителя.

Тогда только началась для лорда Корнуаллиса истинная трудность его положенія. Какъ англичанинъ, какъ генералъ, онъ страстно желалъ торжества британскаго оружія; но какъ государственный человѣкъ, какъ губернаторъ, долженствовавшій преимущественно осуществить миролюбивую политику парламента, онъ приходилъ въ смущеніе, почти ужасался своего торжества; хотѣлъ бы, можетъ быть, чтобы оно было не такъ безспорно, не такъ полно. Въ послѣднее время осады Серингапатама, онъ нѣсколько разъ говорилъ: „Боже мой, что я буду дѣлать съ этимъ городомъ!" Тоже самое чувство, только въ сильнѣйшей еще степени, владѣло имъ, когда онъ долженъ былъ рѣшать судьбу города и судьбу всѣхъ владѣній Типпу. Но какъ къ войнѣ привело его самое искреннѣе жела-

ніе мира, то успѣхъ ея казался ему вѣрнѣйшимъ средствомъ достигнуть тойже цѣли другою дорогою, т. е. посредствомъ договора, который побѣда давала ему право предписать.

Для достиженія этой цѣли, лордъ Корнуаллисъ началъ съ того, что лишилъ Типпу половины земель, которыми онъ владѣлъ. Потомъ, раздѣлилъ эту половину на равныя части между тремя союзными державами (*), стараясь всѣми мѣрами сдѣлать этотъ раздѣлъ такъ, чтобы устранить въ будущемъ всѣ споры между новыми владѣльцами. Этимъ новымъ раздѣломъ онъ надѣялся вполнѣ обезпечить на постоянныхъ основахъ миръ Индіи; самое значительное, самое грозное для другихъ

(*) Границы маратовъ простирались до Тумбудры, часть Низама отъ Кистны до рѣки Пеннара. Часть англичанъ дѣлилась на три участка: первый по восточной границѣ Карнатика, Барагмала и нижнихъ Гаутовъ; второй округи, окружающіе Диндигулъ; третій владѣнія султана на малабарскомъ берегу. Раздѣленіе это было основано на раздѣленіи доходовъ. Доходы Типпу простирались до 2 куруровъ 37 лаковъ рупій; они были раздѣлены между тремя союзниками такъ, что каждый изъ нихъ получалъ ежегоднаго дохода $39\frac{1}{2}$ лака рупій, т. е. по полумилліону фунтовъ стерлинговъ. См. *Милль*. Томъ V. стр. 386.

государство Типпу было уменьшено такъ, что не могло быть опаснымъ; съ другой стороны противуположные интересы, созданные этимъ договоромъ, должны были воспрепятствовать въ будущемъ всякому союзу между нимъ и двумя другими туземными державами. Маратты, вступившіе во владѣніе значительною частію земли, завоеванной у Типпу, не могли не сдѣлаться его врагами; точно въ такомъ же положеніи, какъ маратты, находился и Низамъ. Англичане были сильнѣе каждаго изъ этихъ трехъ государствъ, отдѣльно взятыхъ, но они не могли бы бороться съ союзомъ ихъ; союзъ же, какъ мы сказали, былъ повидимому вовсе невозможенъ въ будущемъ; напротивъ того, англичане соединялись неразрывно новыми интересами съ этими государствами. Маратты, Низамъ и англичане равно смотрѣли, какъ на врага, на Типпу, лишеннаго владѣній.

Общій духъ господствовавшей тогда въ Европѣ политической системы еще болѣе утверждалъ вѣру лорда Корнуаллиса въ прочность и дѣйствительность этого новаго устройства.

Уже полтора вѣка большая часть государей Европы единодушно признавала политическое ученіе о необходимости равновѣсія различныхъ державъ. Поддержаніе или возстановленіе этого равновѣсія служило пред-

логомъ или причиною большей части политическихъ сдѣлокъ этого періода исторіи.

Англія больше всѣхъ другихъ державъ держалась этого ученія. Правда, что ея интересы, противоположные интересамъ материка, нѣкоторымъ образомъ обязывали ее къ этому. Поэтому всякая континентальная держава, какъ только пріобрѣтала перевѣсъ, должна была сама собою или посредствомъ своихъ союзниковъ оспоривать у нея владычество надъ моремъ и кромѣ того уничтожить англійское вліяніе на твердую землю. Посмотрите же на Англію въ XVII и XVIII вѣкахъ. Когда равновѣсію Европы угрожаетъ Людовикъ XIV, Англія вмѣстѣ съ Голландіею старается поражать раждающійся флотъ Франціи и соединяется съ Австріею для воспрепятствованія расширенію французскихъ границъ. Когда Россія, своимъ внезапнымъ возвышеніемъ вводитъ новую стихію въ политическую систему Европы, Англія спѣшитъ соединиться съ нею, чтобы рано или поздно приготовить изъ нея опаснаго врага Франціи. Угрожаетъ ли перевѣсомъ въ свою очередь Австрія, Англія до тѣхъ поръ ея союзница, спокойно позволяетъ отнять у нея королевство неаполитанское и допускаетъ ему сдѣлаться независимымъ; Франція готовится нанести смертельный ударъ Австріи; Англія спасаетъ Австрію, но потомъ даетъ возрасти и укрѣпиться Пруссіи,

которая должна сдѣлаться ея опасной соперницей. Когда соединенныя Австрія и Франція грозятъ существованію Пруссіи, Англія спѣшитъ тотчасъ же къ послѣдней, прямо своей подмогою и косвенно морской войною съ Франціею (*). Во все это время, Англія играетъ одну и туже роль въ европейской политикѣ, за то, ни на минуту не покидаетъ она этой роли, т. е. роли противницы всякой континентальной державы, грозящей перевѣсомъ. Извѣстно, съ какою неустрашимою логикою Англія умѣетъ развивать силлогизмъ своихъ интересовъ.

Надобно сказать притомъ, что своимъ общественнымъ положеніемъ, изъ котораго бо́льшею частію вышло ея политическое состояніе, Европа сама содѣйствовала утвержденію этой системы. Различныя націи Европы почерпнули изъ общаго источника христіанства цивилизацію сходную, во многихъ отношеніяхъ одинаковую, или, такъ сказать ровнымъ шагомъ. Достоинства, недостатки, выгоды каждаго изъ ея народовъ, такъ сказать, пополнялись взаимно и уравновѣшивались. Они соединялись въ извѣстныя группы, сражавшіяся равнымъ оружіемъ. Европейскія державы сами какъ будто

(*) *Мишле*. Précis historique.

стремились къ тому равновѣсію, о которомъ мечтали искуснѣйшіе государственные люди.

Лордъ Корнуаллисъ подъ вліяніемъ европейскихъ предразсудковъ и совершеннаго невѣжества въ общественномъ и политическомъ состояніи Востока, думалъ на самыхъ простыхъ основахъ установить въ Индіи эту систему политическаго равновѣсія.

Онъ думалъ, что Англія, благодаря его мѣрамъ въ отношеніи къ Низаму, мараттамъ и Мисору, будетъ находиться въ томъ же положеніи, какое установила она сама въ отношеніе къ Франціи, Австріи и Россіи. Здѣсь также онъ мечталъ дать ей роль противницы всякой первенствующей державы.

Притомъ, вслѣдствіе положенія трехъ державъ, составлявшихъ континентальную систему Индіи, вслѣдствіе равновѣсія, въ которое онъ надѣялся привести ихъ интересы, вслѣдствіе тѣхъ затрудненій наконецъ, которыя онъ, по его мнѣнію, противупоставилъ ихъ союзу, ни одна изъ нихъ не казалась способною сдѣлаться державою перевѣшивающею. Миръ въ Индіи казался ему совершенно обезпеченнымъ въ будущемъ. Миръ въ Индіи — такова была дѣйствительно цѣль, къ которой онъ не преставалъ стремиться, которая глав-

нымъ образомъ его занимала. Только онъ принужденъ былъ идти не той дорогою, какую предполагалъ прежде, къ другимъ средствамъ долженъ онъ былъ прибѣгнуть для торжества своей системы.

И такимъ образомъ система нейтралитета перемѣнилась въ систему равновѣсія державъ или политическаго равновѣсія.

ГЛАВА V.

Какъ система политическаго равновѣсія уничтожалась отъ опасеній войны.

Лордъ Корнуаллисъ не переставалъ заниматься средствами усовершенствованія въ подробностяхъ своего дѣла. Онъ не пренебрегалъ ни одной изъ второстепенныхъ мѣръ, могущихъ привести къ этому результату, дополнить существенныя мѣры.

Едва окончена была война, какъ онъ вошелъ съ дворами гайдерабадскимъ и пунахскимъ въ дѣятельныя сношенія, прямо клонившіяся къ этой цѣли. Самымъ удобнымъ средствомъ было пояснить, какъ можно опредѣленнѣе, нѣкоторыя статьи договора между англичанами, Низамомъ и мараттами, т. е. тѣ статьи, которыя заключали въ себѣ взаимную гарантію

между тремя державами земель, принадлежавшихъ имъ въ минуту заключенія этого договора. Первоначальный договоръ заключалъ въ себѣ, разумѣется, условіе, относящееся къ этой гарантіи, но подъ общею, слѣдственно неопредѣленною формою. Ясное и точное изложеніе этого условія, вотъ что было основаніемъ политической системы, которую такъ хотѣлось утвердить лорду Корнуаллису.

Дворъ гайдерабадскій былъ въ высшей степени расположенъ и спѣшилъ принять предложенныя ему измѣненія.

Напротивъ того дворъ пунахскій принялъ ихъ съ явнымъ нерасположеніемъ, съ большими затрудненіями согласился разсуждать о нихъ, спорилъ на каждомъ шагу и наконецъ отвергнулъ ихъ вполнѣ.

Низамъ, видя этотъ результатъ, просилъ о заключеніи съ нимъ отдѣльнаго договора взаимной гарантіи, отъ которой отказывался дворъ пунахскій. Онъ говорилъ, и не безъ основанія, „что отказъ выполненія условій одной изъ сторонъ, участвовавшихъ въ прежнемъ договорѣ тройственнаго союза, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ удовлетворительной причиной для воспрепятствованія двумъ другимъ выполнить эти условія или обезпечить себѣ выгоды этого договора (*).“ При томъ же явно

(*) См. Мэлькольма. Томъ I, стр. 138.

было, что заключенie этого новаго договора поставило бы и дворъ пунахскiй въ необходимость приступить къ нему въ послѣдствiи.

Но лордъ Корнуаллисъ возвратился въ Европу до окончанiя этихъ сношенiй. Сэръ Джонъ Шоръ, его преемникъ, подобно ему, былъ приверженцемъ политическаго нейтралитета Англiи въ Индiи; онъ прiѣхалъ, какъ нѣкогда лордъ Корнуаллисъ, съ намѣренiемъ осуществить эту систему на практикѣ. Онъ также хотѣлъ прежде всего мира, но въ одномъ пунктѣ расходился онъ съ лордомъ Корнуаллисомъ: онъ не былъ убѣжденъ въ дѣйствительности политическаго равновѣсiя, какъ средства достиженiя этой цѣли. Поэтому сношенiя остались на той самой точкѣ, на какой оставилъ ихъ его предшественникъ.

Къ этой крайности благоразумiя повело сэра Джона Шора внутреннее состоянiе двора пунахскаго и всего мараттскаго союза. Приверженцы мира въ самомъ дѣлѣ могли придти въ безпокойство. Два важныхъ лица, два заклятыхъ врага между собою, спорили въ эту минуту за управленiе дѣлами союза. Одинъ хотѣлъ войны, другой продолженiя мира. Первый былъ Мададжи Синдiахъ, человѣкъ, возвысившiйся недавно и явно высказывавшiй намѣренiе распространить на всю Индiю маратское владычество. Другой изъ этихъ людей, по имени

Нумахъ Фурнавазъ былъ первый министръ пейшвы. Онъ объявлялъ себя противъ всякой войны, ибо война, которую бы велъ Синдіахъ, непремѣнно повлекла бы за собою возвышеніе этого послѣдняго. Притомъ Нумахъ Фурнавезъ былъ расположенъ къ англичанамъ, завѣдомо желавшимъ мира. По совершенно противуположной причинѣ, Синдіахъ обратился къ Типпу, котораго извѣстное честолюбіе доставляло ему союзника, готоваго объявить войну англичанамъ или Низаму. Это послѣднее предположеніе находило себѣ основу въ расположеніи султана. Со времени заключенія серингапатамскаго мира Типпу дѣйствительно отказался отъ всякаго плана возвратить владѣнія, отошедшія отъ него въ пользу мараттовъ. За то онъ предположилъ себѣ воспользоваться ими, чтобы вознаградить себя насчетъ Низама; политика искусная и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренная. Но какъ сэръ Джонъ Шоръ зналъ о его планахъ, видѣлъ опасность, которая грозила Низаму, то онъ хотѣлъ оставить англичанамъ возможность не раздѣлять этой опасности.

За предлогами, даже за причинами войны между мараттами и Низамомъ, разумѣется не могло стать дѣло. Земли, смежныя съ границами владѣній тѣхъ и другаго, были попеременно во власти двухъ государствъ, многіе округи были раззоряемы агентами и то-

и другаго. Отсюда происходили между ними вѣчные финансовые споры (*). Маратты въ этотъ разъ сопровождали свои жалобы угрозами и военными приготовленіями. Съ своей стороны, Типпу скоро собрался съ средствами, чтобы выступить въ походъ.

Низамъ понялъ всю важность грозившей ему опасности. Слишкомъ слабый, чтобы бороться съ этими двумя противниками, онъ могъ надѣяться на одно средство, на помощь англійскаго правительства. Онъ обратился къ нему и предложилъ ему произвольное рѣшеніе всѣхъ спорныхъ пунктовъ.

Но послѣдній парламентскій актъ, основа политики лорда Корнуаллиса и до тѣхъ поръ политики сэра Джона Шора, не запрещалъ ли формально всякое вмѣшательство въ дѣла Индіи, въ особенности въ дѣла подобнаго рода, могущія вовлечь англичанъ въ новыя враждебныя отношенія? Такъ казалось дѣйствительно. Генералъ-губернаторъ, изъ уваженія къ этому акту, изъ вѣрности своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, рѣшился, какими бы нибыло способами, избѣжать уклоненія отъ нихъ. Боязнь сдѣлать это потомъ, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, заставила его разсуждать слѣдующимъ образомъ.

(*) См. Мэлькольмъ, томъ I, стр. 138.

Для существованія договора необходимо содѣйствіе всѣхъ договаривающихся сторонъ; отказъ одной изъ нихъ уничтожаетъ, слѣдственно, договоръ, освобождаетъ другія стороны отъ ихъ обязанностей. Договоръ тройственнаго союза уничтоженъ, слѣдственно, дѣйствіями маратовъ. Притомъ, если принять, что договоръ этотъ продолжаетъ существовать, не будетъ ли онъ обязывать англичанъ, маратовъ и Низама не подавать никакой помощи ихъ взаимнымъ врагамъ? Въ случаѣ войны между двумя изъ этихъ державъ, третья не имѣетъ, слѣдственно, никакаго права вмѣшиваться въ ихъ отношенія, нейтралитетъ этой третьей державы условленъ самымъ содержаніемъ договора.

Такимъ образомъ Низамъ, который, въ силу существующихъ договоровъ, имѣлъ явныя права на помощь англичанъ противъ Типпу, терялъ это право, какъ только маратты соединялись съ этимъ послѣднимъ; помощь англичанъ покидала его въ самую опасную минуту. Другими словами, если англичане соглашались вспомоществовать ему, то только въ такомъ случаѣ, когда не было никакой опасности. Никогда политическая трусость не была основана на болѣе пошломъ софизмѣ. Когда генералъ губернаторъ строилъ такой прекрасный силлогизмъ, онъ былъ

руководимъ мыслію избѣжать войны съ мараттами и какимъ бы то ни было образомъ сохранить миръ.

Ободренные трусостью англійскаго правительства, маратты скоро выступили въ походъ. Разбитый на голову въ первомъ же сраженіи, Низамъ искалъ убѣжища въ крѣпости Кундлагъ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Маратты держали его тамъ въ тѣсной блокадѣ. Протекло нѣсколько недѣль; потомъ, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ Низама подчиниться непріятелямъ. Онъ согласился на уступку земли, приносившей до 35 лаковъ ежегоднаго дохода, и знаменитой крѣпости Довлавабадъ, на уплату трехъ сотъ куруровъ рупій и на плату чоута (имя дани, наложенной, мараттами) съ одной части своего государства.

Съ этой минуты, политическое состоянія Индіи значительно измѣнилось противъ прежняго, установленнаго договоромъ тройственнаго союза.

Маратты пріобрѣли важныя выгоды; Низамъ потерялъ много; онъ получилъ отвращеніе отъ всякаго союза съ англичанами, союза, котораго безполезность была теперь для него достаточно доказана; что касается до Типпу, его положеніе не улучшалось, но мужество его возрасло; онъ видѣлъ, что англичане отъ стра-

ха войны съ нимъ, оставили самаго стараго и самаго вѣрнаго изъ своихъ союзниковъ.

Двухъ лѣтъ, считая со дня подписанія договора серингапатамскаго, достаточно было для достиженія этого результата, который въ слѣдующіе года еще болѣе увеличилъ свою важность. Миръ не былъ нарушенъ внѣшнимъ образомъ, но за то англійское владычество въ Индіи никогда не подвергалось, можетъ быть, большей опасности, какъ въ продолженіи этой, повидимому, мирной эпохи. „Минута, когда сэръ Джонъ Шоръ оставилъ Индію, говоритъ намъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и достойныхъ вѣроятія историковъ, хотя и мирная по видимому, не могла казаться безопасною людямъ, знакомымъ съ состояніемъ дѣлъ.“ Генералъ майоръ Крейгъ, въ оффиціальномъ и вмѣстѣ конфиденціальномъ своемъ донесеніи, относящемся къ томуже времени, писалъ еще: „неоспоримъ тотъ фактъ, что въ четыре протекшіе года судьба нашего владычества въ Индіи держалась на самой тонкой нити.“ Генералъ майоръ одною изъ причинъ (*) опасности считаетъ недостаточность арміи и отсутствіе въ ней дисциплины; но ясно, что это только одна изъ частныхъ причинъ этого положенія, что существовали еще другія, болѣе общія. Вообще и безъ вся-

(*) *Уильсли.* Томъ I. стр. 302, 303.

каго сомнѣнія, исключительное желаніе мира повлекло за собою этотъ упадокъ военнаго устройства, какъ мы вскорѣ въ томъ убѣдимся.

Менѣе, чѣмъ въ четыре года по введеніи системы политическаго равновѣсія, задуманной здѣсь лордомъ Корнуаллисомъ, отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ. Она исчезла, сокрушилась, такъ сказать, въ безсильныхъ рукахъ сэра Джона, при столкновеніи съ исключительнымъ желаніемъ мира и политическаго нейтралитета, составлявшимъ отличительную черту его управленія.

ГЛАВА VI.

Объ утвержденіи системы вспомогательныхъ союзовъ и о произвольности политики Англіи.

Система политическаго равновѣсія между различными государствами Индіи разбилась въ рукахъ сэра Джона Шора. Въ эту то минуту, лордъ Уильсли, тогда графъ Морнингтонъ, былъ призванъ къ управленію Индіею.

Съ именемъ лорда Уильсли связана самая славная сторона исторіи англичанъ въ Индіи. Разсказъ о немъ со всѣми подробностями былъ

уже переданъ нами въ другомъ мѣстѣ. Мы не станемъ повторять его. Теперешняя задача наша должна ограничиться анализомъ съ одной стороны основной, производящей идеи великихъ событій, совершившихся подъ управленіемъ лорда Уильсли, съ другой опредѣленіемъ окончательныхъ послѣдствій этихъ событій.

Эта основная идея, преобладавшая въ политикѣ лорда Уильсли, состоитъ въ преобразованіи системы равновѣсія индійскихъ государствъ въ новую систему политическихъ отношеній, установленныхъ имъ между этими государствами и соединившихъ ихъ подъ новыми условіями новыми связями. Все управленіе лорда Уильсли, съ общей точки зрѣнія, можетъ быть дѣйствительно опредѣлено тѣмъ, что онъ замѣнилъ систему равновѣсія государствъ системою вспомогательныхъ союзовъ. Но это требуетъ поясненія.

Между англичанами и индійскими князьями существовали уже нѣкоторые союзы особеннаго рода. Вслѣдствіе этихъ союзовъ корпуса войскъ, командуемыхъ англійскими офицерами, составленные изъ туземцевъ и обученные поевропейски, были доставляемы Англіею нѣкоторымъ князьямъ. Эти послѣдніе доставляли войскамъ жалованье и содержаніе, платя дань компаніи. Отсюда названіе вспомогательнаго союза, даваемое англій-

скими писателями этому роду сношеній. Таковы были обстоятельства, которыми лордъ Уильсли умѣлъ воспользоваться для утвержденія на новомъ основаніи политической системы Индіи. Это была исходная точка новой политики, которою замѣнилъ онъ прежнюю и которой послѣдствія были безконечно важны. Принятіе этой политики, отвергаемой весьма долгое время, было въ самомъ дѣлѣ единственнымъ средствомъ, которое могло сдѣлать возможнымъ владычество Англіи надъ Индіею; эту сторону политики мы хотимъ изслѣдовать въ эту минуту.

Но какъ родилась эта система лорда Уильсли? Посреди какихъ обстоятельствъ она родилась? Каковы были препятствія, съ которыми она должна была бороться? Это то и должно разъяснить. Политическая идея должна быть изучаема не только въ своей отдѣльности, такъ сказать, въ своемъ отвлеченіи; но напротивъ посреди событій, въ которыхъ она проявляется, которыя служатъ ея внѣшнимъ выраженіемъ.

Съ отъѣзда лорда Корнуаллиса до прибытія лорда Уильсли, на индійскомъ полуостровѣ не образовалось никакой новой силы. Маратты, Низамъ, государство мисорское и англичане, составляли, какъ и прежде, всю политическую систему Индіи. Но со времени серингапатам-

скаго договора, взаимное отношеніе трехъ туземныхъ державъ значительно измѣнилось. Эти измѣненія уже упомянуты; новыя отношенія, установленныя между этими государствами вслѣдствіе послѣднихъ войнъ, также. Но мы должны еще указать на измѣненія, введенныя рукою времени въ самый составъ, въ самое внутреннее состояніе этихъ державъ. Эти измѣненія, перемѣнившія нѣкоторымъ образомъ, удѣльный вѣсъ тѣхъ и другихъ, имѣли слѣдственно вліяніе на вѣсъ каждаго изъ нихъ на политическихъ вѣсахъ. Условія равновѣсія ихъ не могли поэтому не измѣниться болѣе или менѣе.

Начнемъ же краткимъ изложеніемъ главныхъ чертъ политическаго состоянія Индіи въ эпоху, о которой мы говоримъ.

Во время лорда Корнуаллиса устройство маратскаго правленія служило для сосѣднихъ народовъ нѣкоторымъ залогомъ обезпеченія. Соперничества различныхъ начальниковъ союза, занимая силы, сосредоточивая честолюбіе каждаго внутри, препятствовали тому, чтобы они стали опасны вовнѣ; но съ нѣкотораго времени, эти соперничества, до тѣхъ поръ постоянныя, замѣнились окончательнымъ перевѣсомъ одного изъ этихъ начальниковъ. Доулетъ Роу Синдіахъ, преемникъ Мададжи Синдіаха, овладѣлъ властію. Пейшвѣ осталась толь-

ко внѣшность власти въ пунскомъ округѣ и то подъ надзоромъ одного изъ сановниковъ Синдіаха. Этого послѣдняго могли бы остановить англичане въ самомъ началѣ его поприща; нѣсколько позднѣе, имъ равномѣрно легко было бы обратить въ свою пользу силу, имъ пріобрѣтенную. Нанехъ Фурнавезъ давно уже приступалъ къ лорду Корнуаллису съ просьбою прислать ему на помощь корпусъ войска, чтобы остановить усиленіе Доулета въ самомъ началѣ. Впослѣдствіи, Синдіахъ самъ сдѣлалъ англичанамъ подобное предложеніе, которое, если бы было принято, отдавало его вполнѣ въ ихъ руки; но странная политика лорда Корнуаллиса и парламента не позволяла принять его. Правительство англійское, вмѣсто того, чтобы вмѣшаться въ дѣла пунахскаго двора и помочь какой либо сторонѣ, которой бы его вліяніе доставило преобладаніе, формально удерживалось отъ принятія какого либо участія. Отсюда возможность для Синдіаха соединить въ своихъ собственныхъ рукахъ бо́льшую часть силъ мараттскаго союза; отсюда также необходимость для него искать гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ помощи, въ которой отказывали ему англичане. Онъ думалъ найти ее въ двадцати-тысячномъ корпусѣ войскъ, обученныхъ по европейски, состоявшемъ подъ коммандою французскихъ офицеровъ.

Перемѣны, не менѣе значительныя совершившихся у мараттовъ, произошли въ тоже самое время въ государствѣ гайдерабадскомъ. Низамъ, по своимъ прежнимъ договорамъ съ англичанами, имѣлъ право требовать отъ компаніи вспомогательнаго корпуса, обученнаго поевропейски. Въ то время, какъ маратты напали на него, правительство англійское болѣе чѣмъ когда либо занятое, или лучше сказать, ослѣпляемое страхомъ войны, отказало ему въ присылкѣ вспомогательнаго корпуса. Это значило дѣлать ему совершенно безполезнымъ то оружіе, за которое онъ принужденъ былъ между тѣмъ платить дорого. Съ тѣхъ поръ Низамъ сталъ думать о томъ только, какъ обойтись безъ этого вспомогательнаго англійскаго корпуса, какъ бы замѣнить его другимъ такого же рода и также организованнымъ. Тогда это было дѣло вовсе нетрудное. Множество французскихъ офицеровъ бродило по Индіи, предлагая свои услуги туземнымъ князьямъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Ремонъ, человѣкъ искусный, честолюбивый, долгое время служившій въ Индіи, умѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Въ замѣну вспомогательнаго англійскаго корпуса, онъ доставлялъ Низаму корпусъ сперва равный съ нимъ силою, потомъ быстро увеличившійся. Скоро онъ сталъ коммандовать четырнадцатью тысячами человѣкъ пѣхоты, тридцатью пушками и двумя эска-

дронами кавалеріи, поручивъ начальство надъ ними пятидесяти французскимъ офицерамъ. Жалованье этихъ войскъ, по индійскому обычаю, было обезпечено уступкою обширныхъ земель. Такимъ образомъ посреди Индіи составился французскій корпусъ и неожиданно появился на англійской границѣ. Земли, данныя для содержанія этихъ войскъ по странному, непредвидѣнному случаю, находились дѣйствительно на самыхъ границахъ Карнатика.

Ни начальникъ, ни офицеры французскаго корпуса, какъ доказано было впослѣдствіи, не состояли въ перепискѣ съ французскимъ правительствомъ. Франція, занятая вполнѣ своей гигантской борьбою съ Европою, давно уже перестала заниматься Индіею. Ремонъ и французскіе офицеры сами заботились о распространеніи силы и славы Франціи, торжествовали далекія побѣды отчизны и унижали силу и кредитъ Великобританіи. Но иногда не могли ли они сдѣлать чего либо и болѣе важнаго? Этотъ корпусъ войскъ сдѣлался главною силою арміи Низама. „Начальники его имѣли въ совѣтѣ послѣдняго вліяніе, которое обыкновенно принадлежитъ арміи въ совѣтѣ какого либо индійскаго двора (*).“ Изъ этихъ собиравшихся тучъ всякую минуту можно было ожидать страшныхъ бурь, внезапнаго урагана.

(*) Уильсли, томъ I. стр. 3.

Съ другой стороны, султанъ мисорскій умѣлъ извлечь пользу изъ протекшихъ лѣтъ. Онъ не палъ подъ бременемъ трудностей своего положенія, но напротивъ, употрéбилъ всѣ средства своего ума для извлеченія изъ него всевозможныхъ выгодъ. Къ многочисленнымъ уже и такъ укрѣпленіямъ Серингапатама, онъ прибавилъ еще много новыхъ, поправилъ кавалерію, обучилъ пѣхоту, наполнилъ магазины оружіемъ и снарядами. Но заботы его не ограничились только этимъ: Тѣ изъ его вассаловъ, которые, пользуясь обстоятельствами, свергли иго его власти, мало по малу снова приведены были въ повиновеніе; земледѣліе было поощрено; области, наиболѣе опустошенныя войною, возвратили свое прежнее благосостояніе. Черезъ четыре года по заключеніи этого несчастнаго для него мира, Типпу сталъ почти также опасенъ, какъ былъ прежде. Финансы его находились въ самомъ лучшемъ состояніи; армія его (*) состояла изъ 48 тысячъ человѣкъ пѣхоты, восемь тысячъ которой составляли избранное войско, изъ 24 тысячъ кавалеріи регулярной и не регулярной и 150 пушекъ полевой артилеріи.

Но Типпу не однимъ только матеріальныхъ средствамъ поручилъ свое будущее. Вовнѣ

(*) Донесеніе капитана Мэлькольма о настоящемъ состояніи силъ Типпу. Уильсли, томъ I, стр. 659.

равно какъ и внутри, онъ дѣйствовалъ очень много. Успѣхи его политики шли рядомъ съ успѣхами администраціи. Дѣятельныя сношенія существовали постоянно между нимъ и дворомъ пунахскимъ и тамъ, благодаря многочисленнымъ интригамъ, которыхъ нить держалъ онъ въ рукахъ, его вліяніе постоянно увеличивалось (*).

(*) Часто унижали характеръ и дарованія Типпу. Одинъ изъ его непріятелей, которому поручено было наблюдать за нимъ, говорилъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Типпу, по общему приговору, лишенъ и человѣколюбія и разума; страсти постоянно побѣждаютъ въ немъ разсудокъ.“ Какъ бы ни судили о первой половинѣ подобнаго приговора, поступки его съ англійскими плѣнными могутъ оправдать такой судъ о немъ ихъ соотечественниковъ. Но вторая половина обвиненія совершенно неосновательна. Съ 1792 года поведеніе его показывало, что хотя онъ и былъ обладаемъ чувствами, не только понятными, но достойными даже нѣкотораго уваженія въ недавно униженномъ монархѣ, т. е. честолюбивымъ желаніемъ возвратить славу и могущество, жаждою отмстить побѣдившему его противнику, онъ, тѣмъ не менѣе, не преслѣдуетъ своихъ цѣлей съ жаднымъ нетерпѣніемъ, съ необдуманной яростью человѣка, ослѣпленнаго страстью, но напротивъ съ могущественной дѣятельностью, съ жаркой ревностью, приличною государю, рѣшившемуся на все, что только возможно человѣку для возвращенія потеряннаго.“ Записка капитана Мэлькольма о настоящемъ состояніи силъ Типпу. Уилькли. Томъ I. стран. 659.

Кромѣ того Типпу велъ дѣятельныя сношенія, съ одной стороны съ афганами, съ другой съ французами. Онъ писалъ къ губернатору Илль-де-Франса: „мнѣ кажется, настала теперь минута для возобновленія тѣхъ чувствъ дружбы, которыя я всегда питалъ къ вашей націи. Я признаю всю возвышенность вашей конституціи и, въ доказательство моей искренности, предлагаю вамъ заключеніе наступательнаго и оборонительнаго, навѣки неразрывнаго союза, основаннаго на республиканскихъ началахъ; желаю, чтобы вы и ваша нація, я и мой народъ составили одну семью, чтобы одинакая клятва на жизнь и смерть связала насъ между собою, чтобы мои враги были вашими, ваши моими и моего народа."

Онъ писалъ, почти въ тоже самое время Земунъ-Шаху: „мое честолюбіе, какъ извѣстно безъ сомнѣнія вашему величеству, имѣетъ цѣлію священную войну; истребленіе невѣрныхъ, распространеніе вѣры пророка не могутъ не быть также цѣлію ума столь возвышеннаго и просвѣщеннаго, какъ умъ вашего величества. Дай же Богъ, чтобы оба мы въ скоромъ времени выступили въ походъ во главѣ нашихъ побѣдоносныхъ воинствъ! Дай Богъ, чтобы единымъ дѣломъ нашей жизни сдѣлалась борьба съ невѣрными и съ идолопоклонниками! Дай Богъ, что-

бы мечамъ нашимъ удалось очистить наши области отъ этихъ нечистыхъ колѣнъ (*).“

Афганамъ, находившимся тогда подъ владычествомъ Земунъ-Шаха, и французамъ, казалось, дѣйствительно предстояла въ эту минуту важная роль въ дѣлахъ Индіи, къ участію въ которыхъ съ такою живостью призывалъ ихъ Типпу.

Земунъ-Шахъ, сынъ Тимуръ-Шаха, внукъ знаменитаго Абдаллаха, тогдашній шахъ афгановъ, въ 1796 году приблизился уже къ Дели и угрожалъ столицѣ; какихъ нибудь двадцать маршей отдѣляли его отъ ея. Препятствія никакого небыло. Только вѣсть о мятежѣ въ Кабулѣ заставила его возвратиться, но, и удаляясь, онъ говорилъ о своемъ скоромъ возвращеніи и обѣщалъ освободить стараго императора отъ мараттовъ, сдѣлавшихся его тюремными стражами. Этотъ планъ вторженія въ Индостанъ могъ быть пагубенъ англичанамъ. Политическій резидентъ Англіи въ Дели писалъ по этому поводу къ генералъ губернатору: „нельзя отрицать, что вторженіе въ эту область и въ сосѣдніе съ нею, если оно исполнится, будетъ началомъ великихъ бѣдствій и великихъ опасностей; что успѣхъ похода Земунъ-Шаха на Дели, сдѣлаетъ его чрезвычайно опаснымъ.

(*) Уильсон, томъ V стр. 2 приложенія стр. 3.

Слава побѣды, вліяніе религіи, желаніе грабежа, доставитъ ему болѣе воиновъ, чѣмъ сколько собиралось ихъ подъ чьимъ либо знаменемъ, со времени Оуренгъ-Зеба (*).“ Армію Земунъ-Шаха считали тогда въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; главная сила ея состояла въ кавалеріи и это было тѣмъ опаснѣе для англичанъ, которые, въ случаѣ борьбы, были бы принуждены ограничиться чисто оборонительною войною, въ которой потеряли бы большую часть выгодъ, доставляемыхъ европейскою дисциплиной (**). Одинъ слухъ о приближеніи Земунъ-Шаха, въ 1796 году, былъ уже причиною многихъ внутреннихъ мятежей и ободрилъ враговъ англичанъ (***).

Наконецъ, въ эту эпоху, со дня на день ожидали прибытія въ Индію французовъ. Лордъ Уильсли думалъ сперва, что Индія была главною цѣлью огромной эскадры, которая отправилась въ Египетъ. Онъ писалъ по этому поводу: „въ нѣкоторыхъ письмахъ, полученныхъ мною изъ Англіи, упоминается о догадкѣ, которая мнѣ кажется довольно вѣроятною, что часть этого флота (т. е. собраннаго въ Тулонѣ) назначается для экспедиціи въ Индію обыкно-

(*) Записка маіора сэра Джона Грея о вѣроятности вторженія Земунъ-Шаха.

(**) Id. ibid.

(***) Особенно во владѣніяхъ визиря удскаго, союзника компаніи, но не могшаго противиться афганамъ.

веннымъ путемъ мимо мыса Доброй Надежды(*).“ Президентъ контрольнаго отдѣленія, принимая предположеніе Уильсли объ окончательной цѣли французской экспедиціи, предназначалъ ей другую дорогу; по его мнѣнію, Бонапарте, утвердившись въ Египтѣ, долженъ былъ идти на Алепъ, переправиться черезъ Евфратъ, потомъ, по слѣдамъ Александра, идти вдоль по берегу этой последней рѣки и Тигра къ Персидскому заливу, чтобы добраться берегами до устья Инда (**). „Усилія французовъ, говоритъ еще по этому поводу сэръ Джонъ Мэлькольмъ, были въ то время болѣе, чѣмъ когда-либо, направлены къ низпроверженію англійскаго владычества въ Индіи и средства, которыми владѣли они для достиженія этой цѣли, хотя неправильныя и трудныя, были однако довольно опасны (***).“ Мы сказали, что французское вліяніе владычествовало еще въ большой части Индіи; французовъ встрѣчали въ Пунахѣ, въ Дели, у Типпу, у Низама; они командовали иногда арміями этихъ государей и имѣли большой вѣсъ въ ихъ совѣтѣ. Это было, правда, слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ, а вовсе не расчитаннаго плана. Тѣмъ

(*) Письмо лорда Уильсли къ вице-адмиралу Рейнеру. Томъ I, стр. 218.

(**) Письмо М. Дондеса къ лорду Гранвиллю. *Уильсли.* Томъ I, стр. 680. *приложеніе.*

(***) Мэлькольмъ. *Политическая исторія.* Томъ I, стр. 197.

не менѣе случайности похода въ Индію не были бы неблагопріятны для французовъ, если бы его предприняли; это доказывается опасеніями лорда Уильсли и надеждами Типпу.

Какъ бы то ни было, при взглядѣ на новое политическое положеніе Индіи, лордъ Уильсли имѣлъ полное право писать президенту контрольнаго отдѣленія: „политическое равновѣсіе въ Индіи уже не таково, какъ установилъ его договоръ серингапатамскій. Главный вопросъ теперь въ томъ, чтобы рѣшить, какими средствами возвратить дѣла въ то состояніе, какое я присланъ поддержать (*).“

Но, не смотря на измѣненія въ условіяхъ этого равновѣсія, лордъ Уильсли не отчаявался впрочемъ возстановить его. Средства къ тому нашелъ онъ въ упомянутой уже нами системѣ вспомогательныхъ союзовъ.

Дѣйствительно лордъ Уильсли предполагалъ 1) возстановить англійское вліяніе при дворахъ гайдерабадскомъ и пунахскомъ, 2) принять мѣры къ сопротивленію нападенію афгановъ и французовъ, которыхъ ожидали со дня на день. Для достиженія же этой послѣдней цѣли, нужно было сначала и прежде всего возстановить англійское и уничтожить французское вліяніе на дворъ гайдерабадскій, гдѣ

(*) Уильсли, томъ I, стр. 28.

оно уже владычествовало, и на дворъ пунахскій, гдѣ благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ позднѣе, оно должно было въ скоромъ времени господствовать. Съ этой цѣлію, онъ предположилъ удалить отъ Низама французскій вспомогательный корпусъ, котораго происхожденіе и исторію мы уже расказали и замѣнить его равносильнымъ англійскимъ; потомъ заставить пейшву на тѣхъ же самыхъ условіяхъ принять другой англійскій корпусъ, который бы защитилъ его отъ честолюбивыхъ вассаловъ и вмѣстѣ освободилъ отъ французскаго вліянія. Такою мѣрою возобновлялся и пополнялся договоръ тройственнаго союза. Англичане, Низамъ и маратты, связанные болѣе чѣмъ когда-либо тѣсными отношеніями, съ удобностію могли бороться смотря по обстоятельствамъ, съ Типпу, Земунъ-Шахомъ и французами.

Низамъ всегда былъ наклоненъ къ подобнаго рода вспомогательнымъ союзамъ и расположенъ заключать ихъ. Если онъ прибѣгъ къ французамъ, то въ этомъ былъ виноватъ отказъ британскаго правительства. Онъ не заставилъ долго просить себя о распущеніи французскаго корпуса. Съ него было довольно обѣщанія равносильнаго вспомогательнаго войска. Исполненіе этой мѣры, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, также не пред-

ставило большихъ затрудненій. Начальникъ и творецъ вспомогательнаго корпуса, Ремонъ, умеръ незадолго до того. Притомъ, солдаты возмутились противъ своихъ офицеровъ. Корпусъ былъ распущенъ безъ препятствій и англійское вліяніе опять стало преобладающимъ при дворѣ гайдерабадскомъ. Надобно было преслѣдовать тотъ же планъ и при дворѣ пунахскомъ. Лордъ Уильсли занялся этимъ. Но событія, воспослѣдовавшія внезапно, остановили на минуту ходъ послѣднихъ сношеній.

Типпу продолжалъ во все это время сношенія, о которыхъ мы уже говорили, съ Земунъ-Шахомъ и съ правительствомъ Иль-де-Франса. Англичане имѣли объ этомъ свѣдѣнія, впрочемъ очень неопредѣленныя, и вдругъ они узнали обо всемъ происходившемъ самымъ неожиданнымъ и самымъ страннымъ образомъ. Два посланника Типпу прибыли по его приказу на Иль-де-Франсъ; губернаторъ прокламаціей (*) извѣстилъ жителей о ихъ прибытіи и кромѣ того, по самой непонятной изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ политическихъ неловкостей, объявлялъ, что между Типпу и англичанами скоро начнется война. Подобная нескромность въ отношеніи къ планамъ союзника, которому болѣе всего необходима

(*) Генерала Малартика.

была тайна, показалась столь странною, что лордъ Уильсли сначала не повѣрилъ ей. Поступокъ французскаго губернатора показался ему ловушкой, хитростью. Но думать такъ значило дѣлать ему слишкомъ много чести; несмотря на всю свою невѣроятность, фактъ тѣмъ не менѣе былъ справедливъ (*).

Лордъ Уильсли, разумѣется, не терялъ времени: война была тотчасъ же начата. Генералъ Геррисъ по приказанію генералъ-губернатора, прямо направился на Серингапатамъ. Типпу палъ на стѣнахъ города и англійское знамя водружено на нихъ.

Такимъ образомъ лордъ Уильсли былъ поставленъ въ такое же положеніе, въ какомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ лордъ Корнуаллисъ. Ему также предлежала трудная и весьма сложная задача распорядиться новозавоеванной землею; но онъ не затруднился въ этомъ случаѣ, какъ его предшественникъ. Задачу эту можно было разрѣшить двоякимъ образомъ: 1) раздѣлить эту землю поровну между компаніей и Низамомъ или 2) раздѣлить ее между маратами, Низамомъ и компаніей. Въ первомъ случаѣ предстояла опасность чрезмѣрно увеличить государство Низама и

(*) Прокламація генерала Малартика.

можно было возбудить зависть маратовъ; во второмъ эти послѣдніе участвовали въ выгодахъ похода, котораго опасностей не раздѣляли. Лордъ Уильсли рѣшился на третье средство, на созданіе новой мисорской имперіи. Онъ вывелъ изъ ничтожества семейство прежнихъ раджей, заключенное, ограбленное Типпу Саибомъ, возвелъ его на престолъ и заключилъ съ нимъ вспомогательный союзъ. Часть владѣній Типпу, которой Мисоръ былъ средоточіемъ, составила это новое государство; остальныя раздѣлены были между Низамомъ и англичанами. Нѣкоторые округи были даже предложены маратамъ, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, не приняли подарка.

Система вспомогательныхъ союзовъ, могущественное орудіе владычества въ рукахъ лорда Уильсли, ежедневно пріобрѣтала все болѣе и болѣе силы. Двѣ изъ великихъ державъ Индіи, государство Низама и новая имперія мисорская, подчинились ея игу. Визирь подчинялся ей уже давно. Нѣкоторыя попытки сдѣланныя имъ впослѣдствіи, чтобы отъ нея избавиться, послужили только къ большему ея укрѣпленію.

Изъ трехъ великихъ державъ Индіи одни маратты оставались слѣдственно внѣ англійской союзной системы. Съ этой минуты, цѣлью лорда Уильсли стало подчинить ихъ; средствомъ же — ввести въ ихъ конфедерацію систему вспомогательныхъ союзовъ.

Три важныя партіи существовали тогда въ союзѣ: партія пейшвы, Голькара и Синдіаха. Два послѣднихъ, въ эту минуту могущественнѣйшіе начальники союза, располагавшіе значительными матеріальными средствами, обладавшіе обширными землями, спорили за преимущество. Пейшва, какъ ни пала, какъ ни ослабла въ это время его власть, имѣлъ еще у себя сильную партію. За него было преданіе, этотъ родъ законности, сообщаемой временемъ всякому похищенію. Не смотря на униженіе, въ которое ввергали его возвышеніе то Голькара, то Синдіаха, онъ оставался еще оффиціальнымъ, такъ сказать, законнымъ главою союза, особенно въ отношеніи къ иностранцамъ. Онъ одинъ былъ до тѣхъ поръ посредникомъ всѣхъ сношеній между дворомъ пунахскимъ и англичанами, одинъ заключалъ договоры и проч. (*).

Лордъ Уильсли, съ цѣлію распространить англійское вліяніе на дворъ пунахскій, долженъ былъ прежде всего рѣшиться на выборъ партіи, съ которой ему должно соединиться. Причины, на которыя мы указали, заставили его рѣшить-

(*) Британское правительство незадолго до того договаривалось съ государствомъ Гайковара безъ вѣдома и согласія пейшвы. Но право ревизіи договора было между тѣмъ за нимъ удержано. Уильсли, томъ III. *Введеніе*, стран. 26.

ся на выборъ партіи пейшвы. Принимая эту рѣшимость, лордъ Уильсли оказывалъ все видимое уваженіе маратской конституціи. Къ этой общей причинѣ присоединялись еще другія случайныя и болѣе рѣшительныя. Порода пейшвы не внушала никакой боязни англичанамъ, въ случаѣ, если бы она сохранила власть. Не таковы были породы Голькара и Синдіаха, еще совершенно новыя, еще полныя той первобытной энергіи, которая основываетъ великія семейства. Между тѣмъ, тотъ или другой изъ этихъ начальниковъ могъ крѣпче связать союзъ и самъ, или въ лицѣ своихъ непосредственныхъ преемниковъ, продолжать дѣло Севаджи. Оставшійся побѣдителемъ изъ этихъ двухъ соперниковъ, могъ распространить свою власть съ береговъ Гангеса до береговъ Малабара; въ рукахъ его пейшва становился орудіемъ, которое онъ могъ сохранить или разбить по своей волѣ.

Всѣ случайности борьбы, повидимому должны были благопріятствовать Синдіаху; отсюда могли произойти для англичанъ неудобства другаго рода. Г. де-Буаньй, знаменитый въ исторіи Индіи того времени, долго находившійся въ службѣ этого государя, ввелъ въ войска его европейскую дисциплину и создалъ корпусъ войска, о которомъ мы уже говорили. Дѣло его было продолжено и увеличено его преемникомъ, генераломъ Перрономъ. Этотъ послѣдній генера-

лиссимусъ Синдіаха командовалъ въ это время корпусомъ въ 40,000 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. Прекраснѣйшія провинціи Индостана, данныя на жалованье и содержаніе этимъ войскамъ, составляли независимое государство, которымъ онъ управлялъ или гдѣ, лучше сказать, царствовалъ (*). Завистливой Англіи было слишкомъ непріятно въ будущемъ возвышеніе Франціи; она боялась, чтобы, пользуясь аміенскимъ миромъ, эта держава не обратила всю свою дѣятельность на Индію. Она уже видѣла ее въ будущемъ обладающею всѣмъ, что можетъ быть завоевано Синдіахомъ.

Лордъ Уильсли, больше нежели кто-либо, подвергался вліянію всѣхъ этихъ опасеній. Немедленно приступилъ онъ къ тому, чтобы укрѣпить связи союза, существовавшаго тогда между англичанами и пейшвою. Въ каждомъ случаѣ, когда какой-либо политическій кризисъ грозилъ власти этого послѣдняго, когда нежданное препятствіе встрѣчалось ему въ правленіи или опасность грозила его лицу, лордъ Уильсли тотчасъ же вызывался съ новыми

(*) Владѣнія, находившихся подъ властію Перрона, состояли изъ провинціи агрской, делійской, доабской и проч. Онъ командовалъ гвардіею императора и имѣлъ 1,700,000 фунт. стерл. ежегоднаго доходу, т. е. до $42\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ.

предложеніями услугъ. Онъ предлагалъ обезопасить пейшву отъ насилія, жадности и честолюбія ленниковъ двора пунахскаго (*).

Пейшва долго отказывался отъ этихъ предложеній; онъ чувствовалъ естественное и достойное уваженія отвращеніе отъ того, чтобы искать опоры въ чужеземной силѣ. При всякой новой грозившей ему опасности, онъ склонялся къ подобной рѣшимости и тотчасъ же оставлялъ ее, какъ только опасность проходила. Здѣсь, какъ вездѣ и всегда, нужно было для успѣха, чтобы обстоятельства помогли расчету, случай искусству.

Но за обстоятельствами никогда не станетъ дѣло для тѣхъ, кто дѣйствуетъ въ смыслѣ Провидѣнія, кто не что иное, какъ орудіе въ Его рукахъ. Мы говорили уже, что сама судьба какъ бы вела Англію къ владычеству надъ Индіею. Обстоятельства пришли въ такое состояніе какое нужно было лорду Уильсли. Голькаръ и Синдіахъ, въ 1803 году, начали между собою кровавую войну, въ которой счастіе долго переходило то на ту, то на другую сторону. Пейшва попалъ совершенно подъ вліяніе и въ руки Синдіаха. Два соперника съ своими войсками встрѣтились по близости Пунаха. Синдіаху измѣнило счастіе и онъ былъ

(*) *Уильсли.* Депеши.

разбитъ на голову; пейшва бѣжалъ отъ него при самомъ началѣ дѣла. Онъ искалъ убѣжища въ англійскихъ владѣніяхъ и въ замѣну покровительства, просимаго имъ у Англіи, сдѣлалъ ей нѣкоторыя предложенія. Начались сношенія по этому поводу; они скоро привели за собою заключеніе окончательнаго договора, котораго условіями были со стороны англичанъ обязательство доставить пейшвѣ вспомогательный корпусъ въ шесть батальйоновъ съ извѣстнымъ числомъ полевыхъ орудій, со стороны пейшвы уступка земли съ 26 лаковъ рупій ежегоднаго дохода для содержанія этого войска, обязательство брать въ судьи британское правительство во всѣхъ спорахъ, могущихъ произойти между нимъ и Низамомъ, увольненіе отъ службы всѣхъ европейцевъ, условіе, которымъ всего болѣе дорожила Англія, наконецъ формальное обѣщаніе не принимать въ службу на будущее время никого изъ европейцевъ, безъ предварительнаго согласія англійскаго правительства.

Договоръ былъ подписанъ въ Бассейнѣ, вблизи Бомбея. Отсюда и имя его, подъ которымъ онъ сдѣлался знаменитъ въ исторіи Индіи.

Основою и ключемъ этого договора было признаніе англійскимъ правительствомъ пейшвы естественнымъ, законнымъ начальникомъ маратскаго союза. Договоръ получилъ огромную

важность; имъ освящено было право, потерявшее свою силу вслѣдствіе насилій и фактовъ.

Кромѣ того договоръ черезъ посредство пейшвы подчинялъ навсегда союзъ маратскій англійскому вліянію.

Могущественнѣйшіе начальники этого союза Голькаръ, Синдіахъ, раджа берарскій дѣйствительно такъ это и поняли. Честолюбіе, народное чувство, племенная гордость, все возстало въ нихъ противъ грозы этого вліянія. Единодушно обратились они къ оружію. Но здѣсь, какъ и вездѣ, преимущество европейской дисциплины разрѣшило вопросъ въ пользу англичанъ. Едва прошло пять мѣсяцевъ съ начала непріязненныхъ дѣйствій, какъ двое изъ союзныхъ начальниковъ, раджа Берара и Синдіахъ, принуждены были просить мира. Раджа берарскій первый склонился подъ иго. Англичане отняли у него часть его владѣній, заставили его признать ихъ судъ въ сношеніяхъ съ Низамомъ и пейшвою и обязали на будущее время не принимать къ свою службу ни одного европейца (*). Первый договоръ съ Синдіахомъ былъ заключенъ 3 декабря 1803; потомъ этотъ договоръ, вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя безполезно разсказывать, былъ измѣненъ въ пользу англичанъ 27 февраля, 1804. По этому дого-

(*) Мэлькольмъ. Томъ I, стран. 265.

вору, Синдіахъ получилъ вспомогательный корпусъ въ шесть батальйоновъ, составленный изъ сипайевъ, подъ командою англійскихъ офицеровъ, содержаніе котораго онъ долженъ былъ обезпечить уступками нѣкоторыхъ владѣній. Что касается до другихъ условій, договоръ былъ совершенно сходенъ съ подобными ему, уже заключенными договорами англичанъ съ Низамомъ и пейшвою (*).

Голькаръ продолжалъ борьбу и послѣ усмиренія двухъ своихъ союзниковъ; но скоро, не имѣя ни арміи, ни денегъ, ни владѣній, не имѣя ничего болѣе, по его собственному выраженію, кромѣ того, что держится на сѣдлѣ его лошадей, изъ князя владѣльца обширныхъ областей сдѣлавшійся мараттомъ первыхъ временъ, блуждающій повсюду съ нѣсколькими сотнями всадниковъ, окруженный отовсюду корпусами англійской арміи, съ которыми не могъ уже сражаться, Голькаръ истощилъ всѣ средства этой долгой, но славной борьбы. Охотникъ могъ уже безошибочно указать на мѣсто, гдѣ падетъ покрытый кровью и ранами вепрь.

Паденіе Голькара, т. е. принятіе имъ условій подобныхъ принятымъ уже раджею берарскимъ и Синдіахомъ, влекло за собою весьма важныя политическія послѣдствія.

(*) Id. Томъ I, стран. 367.

Съ этой минуты дѣйствительно достигалась та цѣль, къ которой стремились государственные люди Англіи. Миръ въ Индіи, эта мысль, которая не переставала постоянно занимать ихъ, упрочивался самымъ состояніемъ дѣлъ. Имперія мисорская, столь опасная за нѣсколько лѣтъ, сдѣлалась державою втораго или даже третьяго разряда. Низамъ и маратскій союзъ (предположивши, что Голькаръ покорится), теряли возможность нарушать миръ. Съ одной стороны они обязывались подчиняться британскому суду въ своихъ раздорахъ, съ другой вспомогательные корпуса, находившіеся въ ихъ службѣ, защищали ихъ отъ всякаго внѣшняго нападенія. Другія государства втораго разряда, набобъ-визирь удскій, набобъ каркатикскій, вслѣдствіе сношеній, веденныхъ во время совершенія великихъ событій, о которыхъ мы уже разсказывали, находились въ томъ же положеніи. Политическая система Индіи опредѣлялась окончательно. Могущественное орудіе въ рукахъ лорда Уильсли, система вспомогательныхъ союзовъ, была достаточна для достиженія этого результата.

Подъ этою окончательною формою политическая система Индіи воспроизводила въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ систему политическаго равновѣсія силъ. Низамъ, маратты и англичане продолжали составлять три великія державы,

существенно одна отъ другой различныя. Но лордъ Уильсли не предоставилъ случаю измѣненіе условія ихъ равновѣсія; не на его произволъ оставилъ онъ переложеніе изъ одной чаши вѣсовъ въ другую различныхъ грузовъ, составляющихъ, такъ сказать, удѣльный вѣсъ различныхъ государствъ. Въ силу начала вспомогательныхъ союзовъ и верховнаго политическаго суда, Англія могла смѣлою и гордою рукою держать эти вѣсы.

Мысль лорда Уильсли была одна изъ тѣхъ, которыя не вдругъ становятся доступны толпѣ: большая часть изъ нихъ и притомъ самые проницательные, понимали и принимали только одну ея сторону.

Администрація, связанная съ именемъ лорда Уильсли, состоитъ дѣйствительно изъ двухъ, совершенно различныхъ сторонъ: изъ войны съ Типпу и изъ войны съ мараттами. Первая изъ этихъ войнъ доставила генералъ-губернатору огромную народность; необходимость положить границы честолюбію Типпу была понятна и казалась неоспоримою для всѣхъ. Народное самолюбіе съ неистовымъ восторгомъ привѣтствовало блестящій походъ, котораго слѣдствіемъ было паденіе султана и разрушеніе его имперіи.

Но мараттскій союзъ былъ тогда гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ имперія мисорская. Весь-

ма немногіе умы, не только въ Англіи, но даже въ самой Индіи, могли понять выгоды, долженствовавшія произойти отъ мѣръ лорда Уильсли. При томъ же, выгоды этой войны скрывались въ далекомъ будущемъ, неудобства же поражали съ перваго раза каждаго и, что еще хуже, касались кармана каждаго. Лордъ Уильсли, тотчасъ же по открытіи сношеній съ мараттами, потерялъ общественное мнѣніе. Никакъ не хотѣли понять, что система, которую онъ пытался ввести въ Пунахѣ, была та самая, которой утвержденіе въ государствахъ гайдерабадскомъ и мисорскомъ привѣтствовали съ восторгомъ, та самая, которую онъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ англійскимъ знаменемъ поставилъ на стѣнахъ серингапатамскихъ.

Общественное мнѣніе, вслѣдствіе обыкновенной ему измѣнчивости, вдругъ стало противъ Уильсли. Мало по малу затемнило оно первую половину его правленія; забыли обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, забыли всеобщее одобреніе, заслуженное первыми мѣрами его политики; хотѣли видѣть только одно „что все его правленіе прошло въ войнѣ, что война рождала другія войны и влекла за собою огромныя издержки, которымъ не было конца (*).“ На войны же, на завоева-

(*) Мэлькольмъ.

нія въ Индіи, не переставали смотрѣть въ Англіи, какъ на нѣчто пагубное, противное и интересамъ и въ нѣкоторомъ отношеніи чести народа; эти войны казались несправедливыми и ненавистными въ отношеніи къ племенамъ Индіи (*). Обращая вниманіе на это общее нерасположеніе и самъ отчасти уступая ему, лордъ Кастельрэ (**) тогда президентъ контрольнаго отдѣленія, писалъ лорду Уильсли: „Есть люди, которые не только не щадятъ никакихъ трудовъ для убѣжденія публики въ несправедливости мѣры самой по себѣ (введенія новаго устройства въ Карнатикѣ), но которые, кромѣ того, сравнивая эту мѣру съ уступкою намъ владѣній набобомъ-визиремъ и раджею гайковарскимъ, извлекаютъ изъ нея, какъ слѣдствіе, систематическій планъ расширенія владѣній компаніи, противный политикѣ, предписанной для индійскихъ дѣлъ парламентскимъ актомъ 1794 года (***).“

(*) Милль, томъ VI, стр. 517.

(**) Тотъ самый, который впослѣдствіи зарѣзался.

(***) Уильсли, томъ III, стр. 138.

ГЛАВА VII.

О временномъ возвращеніи къ системѣ политическаго нейтралитета.

Реакція общественнаго мнѣнія противъ системы вспомогательныхъ союзовъ и третейскаго суда Англіи доставила снова народность системѣ равновѣсія и даже политическаго нейтралитета.

Отъ лорда Уильсли общественное расположеніе само собою перешло къ лорду Корнуаллису. Первый былъ представителемъ идей, вдругъ сдѣлавшихся ненародными, ненавистными; второй представителемъ идей, возвратившихъ себѣ народность. Удрученный старостью и болѣзнью, лордъ Корнуаллисъ не отказался однако отъ труднаго дѣла управленія Индіею, которое вновь было ему предложено. Столь же чуждый Индіи 1804-го, какъ нѣкогда Индіи 1790 года, онъ тѣмъ не менѣе упорно желалъ торжества своимъ идеямъ. Лордъ Корнуаллисъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые по своей ограниченности преданы всегда преобладающему мнѣнію и потому вѣрнѣе всѣхъ могутъ расчитывать на народность; онъ былъ честенъ, любезенъ и добръ въ частныхъ отношеніяхъ, но этотъ характеръ могъ сдѣлаться пагубнымъ на большой сценѣ дѣятельности, при узкомъ и ограниченномъ умѣ,

ибо самыя лучшія его качества дають тогда торжество ошибочнымъ или опаснымъ идеямъ. Это и было главною чертою обоихъ правленій лорда Корнуаллиса. Ни одинъ изъ государственныхъ людей не заслуживалъ лично болѣе симпатіи, не встрѣчалъ болѣе расположенія въ общественномъ мнѣніи, и ни одинъ не былъ такъ пагубенъ ввѣреннымъ ему огромнымъ интересамъ.

Впервые явившись въ Индію, въ міръ ему совершенно неизвѣстный, лордъ Корнуаллисъ принесъ съ собою политическую систему, основанную на чисто европейскихъ идеяхъ. Мы видѣли ту невозмутимую увѣренность, съ которою онъ стремился къ приложенію этой идеи; онъ не колебался и въ настоящемъ случаѣ разрушить до послѣдняго камня зданіе, воздвигнутое Уильсли, и притомъ, буквально говоря, ни мало не оглянувшись.

Прибывъ въ Индію 30 іюля 1805 года, онъ въ тотъ же день объявилъ верховному совѣту „свою рѣшимость положить вскорѣ, посредствомъ мирныхъ сношеній, конецъ спору отъ котораго, при всѣхъ блестящихъ успѣхахъ, не могло произойти никакихъ прочныхъ выгодъ (*).“ 8 августа (не болѣе какъ черезъ недѣлю!), онъ писалъ въ Англію по поводу ней-

(*) Милль, томъ VI, стран. 518.

швы: „союзъ съ нейшвою вовсе не принесетъ никакихъ выгодъ компаніи, а напротивъ можетъ завлечь насъ въ безъисходныя трудности и сдѣлаться невыносимымъ бременемъ (*).“ О Низамѣ писалъ онъ: „генералъ-губернатору крайне непріятно вмѣшательство британскаго правительства во внутреннее управленіе государства гайдерабадскаго; его превосходительству кажется, что этимъ совершенно измѣняется сущность отношеній, прежде установленныхъ между двумя государствами (**).“

Лордъ Корнуаллисъ изъявилъ такимъ образомъ намѣреніе подрыть въ самыхъ существенныхъ основахъ (въ договорахъ съ Низамомъ и мараттами) политическую систему своего предшественника и немедленно принялся за дѣло. Встрѣтились нѣкоторыя трудности въ ратификаціи вышеупомянутаго договора между Синдіахомъ и британскимъ правительствомъ: дѣло шло о крѣпости Гваліорѣ и о провинціи Гохутъ. Синдіахъ употребилъ нѣсколько сильное средство; удержалъ у себя въ качествѣ заложника англійскаго негоціатора. Лордъ Уильсли, (***) какъ генералъ-губернаторъ, и лордъ Лекъ, какъ главнокомандующій, вырази-

(*) Id. стран. 521.

(**) Id. стран. 623.

(***) Депеша 23 іюля 1805. Малкольмъ. Томъ 1, стр. 836.

ли свое неудовольствіе самымъ энергическимъ образомъ. Синдіахъ еще противился въ эпоху прибытія лорда Корнуаллиса, но этотъ послѣдній уступилъ его требованію, не обращая вниманія на то, какъ оно было сдѣлано. Точно также спѣшилъ онъ окончить и съ Голькаромъ. Этотъ послѣдній изъ своего крайняго положенія вдругъ перешелъ въ прежнее положеніе могущественнаго государя и съ него не взято было никакой гарантіи на будущее время. Лордъ Корнуаллисъ вездѣ слѣдовалъ подобной системѣ поведенія. Нѣсколько мелкихъ князьковъ береговъ Джумны заключили союзы съ британскимъ правительствомъ и во время войны служили его интересамъ; лордъ Корнуаллисъ разорвалъ эти союзы. Въ замѣну, онъ предоставилъ имъ обширныя земли на востокѣ и югѣ Дели, доставшіяся вслѣдствіе войны въ руки англичанамъ. Но въ тоже самое время, онъ прямо изъявилъ свою твердую волю ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не вмѣшиваться въ ихъ споры между собою.

Еще не выполненъ былъ до конца этотъ планъ, какъ лордъ Корнуаллисъ умеръ, изнуренный трудами и заботами. Но съ симъ не исчезла со сцены идея, которой онъ былъ представителемъ. Сэръ Джорджъ Барлоу, замѣнившій его, пошелъ по его слѣдамъ; онъ

продолжалъ исполнять планъ уничтоженія союзовъ съ государствами втораго разряда, начатый лордомъ Корнуаллисомъ. Изъ нихъ три союза были главные съ Джейпуромъ, Мечери и Буртпуромъ; первый изъ нихъ былъ тотчасъ же разорванъ.

Эта мѣра — верхняя точка, апогей реакціонной системы, начатой лордомъ Корнваллисомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и точка ея остановки.

Съ этой минуты, подъ управленіемъ того же самаго сэра Джорджа Барлоу, начинается совершенно противуположное движеніе, долженствовавшее довести до крайнихъ границъ систему лорда Уильсли и даже перейти эти границы.

ГЛАВА VIII.

О системѣ окончательнаго, прямо признаннаго политическаго перевѣса Англіи.

Мы сказали уже, что сэръ Джорджъ Барлоу, замѣнившій лорда Корнуаллиса, занялся непосредственно продолженіемъ его плана; онъ спѣшилъ разрушить нѣсколько союзовъ, заключенныхъ во время войны.

По разрушеніи союза съ Джейпуромъ, генералъ Лэкъ получилъ отъ сэра Джорджа Бар-

лоу приглашеніе заботиться о разрушеніи двухъ остальныхъ союзовъ съ Буртпуромъ и съ Мечери. Генералъ отвѣчалъ энергическимъ представленіемъ противъ этой мѣры; описалъ самыми яркими и ужасающими красками дурныя слѣдствія ея для всей Индіи. Не соглашаясь на представленія лорда Лэка, изъявивъ даже намѣреніе остаться при своей рѣшимости, генералъ-губернаторъ отложилъ однако на время исполненіе ея; первый шагъ назадъ, за которымъ слѣдовали два, еще болѣе важныхъ.

Главный министръ двора гайдерабадскаго, рѣшительный приверженецъ англійскаго союза, потерялъ власть. Онъ умѣлъ возвратить ее черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ милостью низама. Но лице, замѣнившее его во время его немилости, было заклятымъ врагомъ англичанъ; всякій союзъ между ними и дворомъ гайдерабадскимъ становился невозможнымъ, въ случаѣ, если бы онъ сохранилъ это мѣсто. Сэръ Джорджъ Барлоу долженъ былъ задать самому себѣ вопросъ: выгодно ли для интересовъ Англіи сохранить союзъ съ дворомъ гайдерабадскимъ? Отвѣтъ былъ явно положительный. По вслѣдствіе того представлялся другой вопросъ: выгодно ли поддержать власть рѣшительнаго приверженца этого союза или оставить ее въ рукахъ не менѣе рѣшительнаго его противника? Въ этомъ случаѣ также отвѣтъ

былъ несомнѣнный и сэръ Джорджъ принялъ первую сторону. Излагая въ письмѣ къ директорамъ причины своего поведенія, онъ доходилъ до того заключенія: „что англичане не могутъ потерять вліянія въ какой либо странѣ Индіи, безъ того, чтобы оно не перешло тотчасъ же къ ихъ врагамъ; что враги эти, не понимая такого поведенія, не замедлятъ приписать слабости то, что есть слѣдствіе одной умѣренности, и счесть благоразуміе за боязнь (*).“

Причины совершенно такого же рода, заставили сэра Джорджа Барлоу поддержать и договоръ бассейнскій. Точкой опоры англійскаго вліянія на союзъ маратскій былъ этотъ договоръ, единственный посредникъ, единственное орудіе, которымъ оно могло дѣйствовать. Посреди тысячи интригъ, клубившихся при дворѣ пунахскомъ, въ которыя сэръ Джорджъ Барлоу запутался поневолѣ, онъ былъ принужденъ присоединиться къ защитникамъ этого договора и объявить себя противъ его противниковъ. Скоро самъ онъ началъ защищать этотъ договоръ передъ совѣтомъ директоровъ и говорить о необходимости его поддержанія. Онъ писалъ: „всякое измѣненіе существующихъ

(*) Депеша сэра Джорджа Барлоу. Мэлькольмъ. Томъ I, стр. 378.

условій будетъ пріятно большему числу мараттовъ; они получатъ надежду ослабить и наконецъ совсѣмъ уничтожить вліяніе англійскаго правительства на дворъ пунахскій. Всякая же попытка, сдѣланная съ этой цѣлію главными начальниками союза, будетъ началомъ великихъ затрудненій для англійскаго правительства (*).“

Сэръ Джорджъ Барлоу отступилъ слѣдственно три шага назадъ на томъ пути, которымъ онъ пошелъ сначала и которымъ надѣялся возвратить англійское правительство къ политическому нейтралитету. Между тѣмъ прибылъ въ Индію лордъ Минто съ твердымъ намѣреніемъ постоянно идти по первой дорогѣ. Онъ также, какъ и его предшественникъ, рѣшился удерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ туземныя дѣла, онъ также предполагалъ себѣ цѣлію разрушеніе прежде заключенныхъ союзовъ; инструкціи директоровъ требовали отъ него подобнаго рода поведенія, общественное мнѣніе поощряло его къ нему и, кромѣ того, это поведеніе было въ высшей степени согласно съ его собственнымъ взглядомъ на вещи. Лордъ Минто долженъ былъ сдѣлать, такъ сказать, послѣднюю попытку борьбы съ политическою системою, владычествовавшею вопреки всѣмъ:

(*) Депеша сэра Джорджа Барлоу, 16 іюня 1806. Мэлькольмъ. Томъ I, стр. 382.

„еще была надежда, говоритъ одинъ историкъ на возможность сохраненія мира, не присвоивая себѣ перевѣса, который, по мѣрѣ приближенія своего къ намъ, внушалъ все большія и большія опасенія; ибо на бѣдствія, имѣющія отъ него произойдти, смотрѣли въ увеличительное стекло. Но можно ли было остановить тогда наши успѣхи? Можно ли было замедлить даже это присвоеніе перевѣса, чтобы не сказать — верховнаго владычества, надъ цѣлою Индіею? Это была попытка, которую нельзя было поручить человѣку болѣе способному, чѣмъ лордъ Минто (*).“

Многочисленныя затрудненія встрѣтили лорда Минто по прибытіи его въ Индію. Съ одной стороны, раджпуты, съ другой маратты, какъ нарочно, были препятствіемъ его желанію не вмѣшиваться въ туземныя дѣла. Положеніе раджпутскихъ государствъ Одипура и Джудпура было плачевное; всѣ они были добычею безпорядка и анархіи. Въ такомъ состояніи дѣлъ, они обвиняли преимущественно бездѣйствіе англійскаго правительства и требовали, какъ своего права, не только его союза, но прямаго вмѣшательства. Англійскій резидентъ въ Дели, нѣсколько затрудненный этимъ новаго рода требованіемъ, писалъ къ генералъ-

(*) Мэлькольмъ. Томъ I, стран. 393.

губернатору: „здѣшніе жители считаютъ себя въ правѣ надѣяться на британское покровительство; они говорятъ, что въ Индіи существовала нѣкогда верховная власть, которой добровольно подчинялись всѣ низшія государства, пользуясь, въ замѣну такого подчиненія, ея покровительствомъ; что правительства меньшихъ государствъ удерживались, въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ границахъ взаимнаго уваженія; что тогда они жили въ безопасности, не боясь произвола недовольныхъ князей, необузданныхъ войскъ, беззаконныхъ разбойниковъ; что англійское правительство заняло мѣсто этой великой хранительной власти и что, слѣдственно, оно обязано быть защитникомъ слабыхъ и утѣсненныхъ (*).“

Положеніе государствъ мараттскихъ точно также отрицало возможность политическаго нейтралитета или, лучше сказать, политическаго ничтожества.

Часть ленниковъ пейшвы, пользуясь его слабостію, вышла изъ повиновенія ему и перестала платить дань. Пейшва представлялъ происходившую изъ того невозможность исполнить условія въ отношеніи къ англійскому правительству; для подчиненія мятежныхъ вассаловъ требовалъ онъ вспо-

(*) Депеша сэра К. Мэткольфа отъ 2. іюня 1816.

могательныхъ корпусовъ. Не безъ труда удалось лорду Минто убѣдить его отказаться отъ такихъ намѣреній и то съ тѣмъ условіемъ, что онъ самъ взялся разобрать споры, т. е. долженъ былъ вмѣшаться во внутреннія дѣла маратговъ.

Другое затрудненіе представилось вслѣдъ за этимъ. Джесуонтъ Роу Голькаръ сошелъ съ ума. Одинъ честолюбивый магометанскій начальникъ, по имени Амиръ-Ханъ, пользуясь обстоятельствами, овладѣлъ правленіемъ Голькара. Требуя именемъ этого послѣдняго денежныхъ суммъ, должныхъ, или будто бы должныхъ, раджею берарскимъ, онъ принялъ намѣреніе вторгнуться во владѣнія этого государя, небывшаго тогда въ силахъ ему противиться. Паденіе раджи повлекло бы за собою разрушеніе всей системы маратскаго союза. Но ограничился ли бы этимъ Амиръ-Ханъ? Не могло ли помочь ему счастіе овладѣть даже особою пейшвы? И тогда, обладатель всѣхъ силъ союза, онъ могъ противустать даже англичанамъ. Устрашенный такими послѣдствіями, лордъ Минто предложилъ раджѣ британское покровительство. Сначала дѣло шло только о временной помощи, но вскорѣ эта временная помощь обратилась въ вспомогательный союзъ (*). Раджа былъ

(*) При преемникѣ лорда Минто.

спасенъ отъ честолюбія Амиръ-Хана, но на-счетъ системы невмѣшательства (*).

Союзъ маратскій, едва освободившись отъ этой опасности, подвергся другой, болѣе серьёзной и сильной. На сѣверѣ Индостана жили толпы разбойниковъ, называемыхъ пиндари. Долго подчиняясь, покрайней мѣрѣ на словахъ, Голькару и Синдіаху, эти пиндари пріобрѣли наконецъ независимое политическое существованіе; они жили подъ управленіемъ избранныхъ ими начальниковъ, на земляхъ ими завоеванныхъ, и опустошали неожиданными набѣгами государства, которыхъ имъ нечего было бояться. Провинціи раджи берарскаго были, между прочимъ, постояннымъ и обыкновеннымъ поприщемъ ихъ разбоевъ. Но это еще не все. Безнаказанность прибавила имъ смѣлости; они внезапно напали на область мирзапурскую, принадлежавшую англичанамъ. Кромѣ опасности временной, исторія Индіи заставляла англичанъ бояться этихъ пиндари и на будущее время. Возстань посреди ихъ искусный и счастливый пред-

(*) Тайный комитетъ совѣта директоровъ не думалъ впрочемъ отступать отъ этой системы. Онъ одобрилъ эту мѣру потому, что вмѣшательство британское между раджею и Амиръ-Ханомъ было только мѣрой оборонительной политики и слѣдственно не было нарушеніемъ системы. См. Депеши тайнаго комитета совѣта директоровъ къ лорду Минто, отъ 10 сент. 1811 г.

водитель, и они могли совокупиться въ народъ; такъ начался самый союзъ мараттскій, которому они теперь угрожали. Съ другой стороны Амиръ Ханъ, имѣя самъ многочисленныя и хорошо обученныя войска, могъ сдѣлаться ихъ союзникомъ. Политической системѣ Индіи предстояла слѣдственно новая опасность. Между тѣмъ сѣверъ Индостана представлялъ собою обширный театръ безпорядковъ, убійствъ и разбоевъ.

Донося совѣту директоровъ объ этомъ положеніи дѣлъ, лордъ Минто присовокуплялъ: „возможно ли удержать строгій нейтралитетъ посреди сценъ безпорядка и грабежа, которыя на нашихъ глазахъ совершаются на сѣверѣ Индостана? Не уступить ли напротивъ голосу человѣколюбія? Должны ли мы вступиться и принять подъ наше покровительство ослабѣвшія и истощенныя въ средствахъ государства, умоляющія насъ о помощи противъ жадныхъ и честолюбивыхъ начальниковъ (*)?“

Говоря такимъ образомъ, лордъ Минто давалъ уже понимать свой собственный взглядъ. Но дѣла не могли остаться на этой точкѣ; онъ долженъ быть необходимо перейти отъ теоріи къ практикѣ. Ренджитъ Сингъ, раджа лагорскій, которому стеченіе странныхъ обстоятельствъ до-

---

(*) Депеша 14 февраля 1813. Мэлькольмъ. Томъ I, стр. 408.

ставило знаменитость во Франціи, съ удивленіемъ видѣлъ, что англичане, которыхъ вліяніе простиралось на весь союзъ маратскій, отказывались распространить это вліяніе на земли, лежащія между Сетледжемъ и Джумной, на которыя простиралось нѣкогда маратское владычество. Онъ рѣшился воспользоваться такимъ безкорыстіемъ и, предполагая, что англичане не станутъ защищать этихъ владѣній отъ него, какъ не защищали они другихъ отъ пиндари, выступилъ въ походъ для овладѣнія ими. Но лордъ Минто боялся по всей справедливости, чтобы, послѣ этого перваго шага, раджа не пошелъ гораздо дальше; онъ возвратилъ или, лучше сказать, предложилъ англійское покровительство мелкимъ князьямъ на югѣ Сетледжа, которымъ грозила опасность, и по тѣмже причинамъ возвратилъ его князьямъ бунделькундскимъ.

Съ этой минуты, лордъ Минто рѣшился наконецъ перестать протестовать противъ поведенія, которому онъ обязанъ былъ слѣдовать; онъ понялъ необходимость перевѣса политической силы въ Индіи. Изъ отъявленнаго противника этого ученія онъ сдѣлался его приверженцемъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, публицистомъ. Никто въ самомъ дѣлѣ не доказывалъ и не сознавалъ лучше его всей необходимости этой системы. Это явствуетъ изъ нѣкоторыхъ

мѣстъ его переписки, которыя мы будемъ имѣть случай скоро привести здѣсь.

Тѣмъ не менѣе, не лорду Минто, но преемнику его, маркизу Гестингсу, предоставлена была честь прямо объявить о торжествѣ Англіи въ Индіи.

Во время прибытія этого послѣдняго, политическое состояніе Индіи, подъ видомъ прочности, представляло между тѣмъ признаки близкаго переворота. Мы сказали уже, какъ пиндари грозили извнѣ системѣ маратскаго союза, на который опиралось англійское вліяніе; внутри союза были еще другія причины разрушенія. Пейшва, въ эпоху подписанія договора бассейнскаго, видѣлъ въ союзѣ съ англичанами единственное, бывшее тогда въ рукахъ его, средство защиты противъ честолюбія Голькара и Синдіаха. Но спасая этимъ внѣшность своей власти, онъ чувствовалъ тѣмъ не менѣе, что она сокрушилась въ его рукахъ, уничтожилась. Настоящее зло чувствуется всего живѣе. Власть англичанъ, утвердившаяся въ Пунахѣ, заставила его сожалѣть о власти Голькара и Синдіаха. Съ другой стороны, выгоды этого союза казались ему слишкомъ малы и слишкомъ сомнительны въ сравненіи съ тѣмъ, чего онѣ ему стоили (*). Подданные пейшвы

(*) Между прочимъ, въ спорахъ его съ малыми государствами калапурскими. Мэлькольмъ, томъ I, стран. 467.

которыхъ національное чувство оскорблялось англійскимъ вмѣшательствомъ, сносили иго еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ; сильные вассалы, которые во время всемогущества пейшвы были постоянными его противниками, заклятыми врагами, возвратились къ нему всѣ и спорили другъ съ другомъ въ бо́льшей покорности; вскорѣ всѣ самымъ естественнымъ образомъ расположились къ возстанію противъ британскаго владычества, подъ предводительствомъ пейшвы, какъ всѣми признаваемаго истиннаго начальника.

Эти чувства не замедлили найдти случай къ открытому проявленію. Англійское правительство, сообща съ своими союзниками, было занято теперь мѣрами противъ пиндари. Онѣ были предметомъ дѣятельныхъ сношеній между нимъ и пейшвою, но послѣдній, обѣщая содѣйствіе, между тѣмъ не давалъ его. Можно было предположить, что онъ видѣлъ уже въ пиндари будущихъ союзниковъ. Неожиданный случай, происшедшій во время самыхъ сношеній, положилъ имъ конецъ. Посланникъ государства беродскаго, находившійся въ это время въ Пунахѣ подъ гарантіею англійскаго правительства, былъ убитъ. Это убійство было слѣдствіемъ запутанныхъ интригъ, разсказъ о которыхъ не входитъ въ нашъ планъ. Скажемъ только, что убійцею былъ нѣкто Тримбукки

Инглія, любимый министръ пейшвы, заклятый врагъ союза съ Англіею, и что всѣ усилія резидента добиться наказанія виновнаго были безплодны. Триббуки Инглія, покровительствуемый пейшвою, успѣлъ убѣжать. Онъ набралъ многочисленныя войска и сталъ весьма опасенъ. Извѣстно было притомъ, что пейшва увеличивалъ гарнизоны своихъ крѣпостей, вывозилъ изъ Пунаха свои сокровища, былъ въ перепискѣ съ Синдіахохъ, Голькаромъ, раджею берарскимъ, государствомъ нагпурскимъ и проч. (*). Однимъ словомъ, кризисъ становился неизбѣжнымъ.

Убѣдившись въ этомъ и зная ничтожность пейшвы, англійскій резидентъ счелъ болѣе выгоднымъ ускорить развязку, чѣмъ ожидать ее. Онъ формально объявилъ рѣшимость своего правительства считать маратскій союзъ разрушеннымъ, лишить пейшву, какъ главу союза, даннаго ему покровительства и проч. (**). Другія столь же сильныя мѣры слѣдовали за этою. Синдіахъ принужденъ былъ принять вспомогательный союзъ; государство нагпурское обѣщало свое содѣйствіе противъ пиндари и проч. Пейшва, застигнутый въ

(*) По условіямъ договора пейшва долженъ былъ сноситься съ другими государствами черезъ посредство англійскаго резидента.

(**) Мэлькольмъ. Томъ I, стран. 480.

расплохъ британскимъ правительствомъ, принужденъ былъ буквально подписать всѣ условія; съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилась его ненависть къ англичанамъ и къ чужеземному игу.

Различные совѣты давались тогда пейшвѣ; одни изъ его совѣтниковъ, уступая политическимъ причинамъ, говорили ему, чтобы онъ подчинился необходимости; другіе, и притомъ большая часть, повинуясь патріотическимъ инстинктамъ, побуждали его къ сильнымъ мѣрамъ. Таково было расположеніе умовъ и внѣ дворца: ненависть къ чужеземцамъ на нѣсколько времени укрѣпила національныя узы; соперничества, вражды исчезли. Отъ главныхъ до меньшихъ начальниковъ, всѣ обѣщали пейшвѣ помощь людьми и деньгами во всѣхъ его усиліяхъ къ возвращенію свободы, къ возстановленію народной независимости. Отовсюду просили его явиться достойнымъ представителемъ древнихъ мараттовъ, еще разъ выйдти на поле битвы, предводительствуя союзомъ.

Трусость пейшвы, вопреки всѣмъ этимъ призывамъ, препятствовала ему принять какое-либо энергическое рѣшеніе. Но неожиданное народное возстаніе вдругъ заставило его выйдти изъ колебанія. Домъ англійскаго резидента былъ внезапно взятъ и разграбленъ. Вспомогательный корпусъ вышелъ изъ города и занялъ

позицію на окружающихъ его холмахъ. Народъ съ неистовствомъ нѣсколько разъ нападалъ на него. Большая часть солдатъ этого корпуса были мараттскаго происхожденія; начальники возмущенія расчитывали на ихъ отпаденіе, но удержанные узами строгой дисциплины, они остались непоколебимы и проливали кровь за порабощеніе, а не за освобожденіе своей страны. Притомъ же пейшва, лишенный талантовъ и энергіи, былъ совершенно неспособенъ къ великой роли, предлагаемой ему судьбою. Благодаря своему знанію мѣстности, онъ нѣсколько времени выдерживалъ войну, не смѣя нигдѣ сражаться, избѣгая только преслѣдованія непріятеля; но наконецъ принужденъ былъ покориться англичанамъ. Въ замѣну власти, потерянной навсегда, онъ получилъ только личную безопасность и ежегодный окладъ жалованья.

Пунахъ увидѣлъ тогда событія, равныя тѣмъ, которыхъ за нѣсколько лѣтъ былъ позорищемъ Мисоръ. Маркизъ Гестингсъ напомнилъ лорда Уильсли. Древняя династія раджей саттарасскихъ, которыхъ власть похищена была пейшвою, вышла въ свою очередь изъ неизвѣстности, изъ ничтожества, такъ сказать, изъ могилы; подъ покровительствомъ англичанъ она вступила снова на престолъ, но заключила съ ними договоръ вспомогательнаго

союза, по которому вся власть перешла въ руки британскаго правительства.

Другіе начальники маратскіе, Голькаръ, Синдіахъ, раджа нагпурскій и прочіе, одинъ за однимъ, подчинились условіямъ подобнаго же рода. Каждый отдѣльный договоръ ограничивался владѣніями того государя, съ которымъ былъ заключаемъ. Знаменитый союзъ маратскій, одно изъ самыхъ странныхъ событій въ исторіи Индіи, потрясенный уже лордомъ Уильсли, палъ окончательно подъ ударами лорда Гестингса. Начальники, составлявшіе его, устояли, но устояли на его развалинахъ.

Съ этой минуты дѣло завоеванія можетъ считаться конченнымъ. Всѣ государства индійскаго полуострова, подъ различными формами и въ различныхъ степеняхъ, стали зависѣть отъ Англіи. Она сдѣлалась судіею ихъ раздоровъ, верховнымъ разбирателемъ ихъ требованій. Ни одно изъ нихъ не избѣгло этихъ вассальныхъ отношеній; генералъ-губернаторъ Индіи занялъ мѣсто Великаго Могола.

На развалинахъ маратскаго союза, лордъ Гестингсъ объявилъ политическій перевѣсъ Англіи и это начало стало главною основою международнаго права индійскаго полуострова.

ГЛАВА IX.

Какъ система политическаго перевѣса Англіи была необходимымъ послѣдствіемъ политическаго положенія Индіи.

Система политическаго перевѣса Англіи, объявленная лордомъ Гестингсомъ, вышла изъ самаго порядка дѣлъ.

Предшествовавшія страницы, кажется, не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія; впрочемъ, можетъ быть, не безполезно, еще нѣсколько минутъ, остановиться на этомъ предметѣ.

Англія никогда не переставала желать въ Индіи системы политическаго нейтралитета. Это конечно довольно трудно понять; нельзя себѣ представить, какъ могла Англія уклоняться отъ предлежавшей ей славной задачи. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, мы становимся игрушкою оптическаго обмана, такъ сказать, естественнаго, присущаго природѣ человѣческой. Мы составляемъ свое мнѣніе по достигнутымъ уже результатамъ, по полученнымъ выгодамъ; мы забываемъ опасности, которымъ должно было подвергаться, и въ особенности жертвы, которыя должно было принести для невѣрнаго и отдаленнаго будущаго.

Эти временныя жертвы поражали всѣхъ, явны были всѣмъ, благопріятныя же послѣдствія въ будущемъ были закрыты не только отъ толпы, но даже отъ самыхъ государственныхъ людей. Слѣдовательно Англія хотѣла серьезно системы политическаго невмѣшательства и очень искренно объявляла себя противъ всякаго завоеванія и поземельныхъ пріобрѣтеній.

Но государства, какъ и индивидуумы, не могутъ жить безъ сношеній съ себѣ подобными. Скоро событія принудили правительство Индіи выйдти изъ системы нейтралитета. Сошедъ съ перваго пути, оно хотѣло остановиться. Тогда первою представившеюся ему мыслію было утвердить на прочныхъ основахъ политическую систему Индіи; оно надѣялось потомъ возвратиться къ этому бездѣйствію, къ этой страдательной политикѣ, которая составляла предметъ всеобщаго желанія. Система политическаго равновѣсія, считавшаяся съ давнихъ поръ лучшею гарантіею европейскаго мира, была перенесена на почву Индіи. Но почва была тамъ не по этому чужеземному растенію.

Лордъ Минто объяснилъ это въ нѣсколькихъ словахъ, послѣ которыхъ не остается ничего сказать. Онъ писалъ (*): „всѣ мнѣнія со-

---

(*) Histoire de la conquête. Томъ V, стр. 273.

гласны, вѣроятно, въ томъ, что равновѣсіе между государствами, соединенными узами торговли и политики, составляетъ лучшее, если не единственное, средство безопасности отъ пагубныхъ слѣдствій честолюбія или взаимной ненависти. Но, чтобы быть дѣйствительнымъ, равновѣсіе должно быть основано на началахъ договорныхъ, такихъ, какія существовали на европейскомъ материкѣ до французской революціи. Надобно, чтобы система эта была согласна съ народнымъ правомъ, нужно признаніе взаимныхъ правъ и обязанностей государствъ, ограничивающихъ честолюбіе ихъ или ихъ сосѣдей. Но ни въ какую эпоху исторіи Индіи мы не видимъ существованія подобной федеративной системы или равновѣсія между чужеземными государствами и надобно сказать притомъ, что подобная система была бы совершенно несообразна съ характеромъ, началами и устройствомъ государствъ индійскаго материка.“

Испытавъ безполезность двухъ этихъ системъ, Англія могла сдѣлать одно: захватить въ свои руки перевѣсъ власти, которой сама собою, такъ сказать, подчинялась Индія. Дѣйствительно казалось, что необходимость подобной власти написана на каждой странице исторіи Индіи. Моголы обладали ею; значительнѣйшія изъ государствъ, образовавшихся изъ распавшейся имперіи, искали этой вла-

сти. Неуспѣшность ихъ попытокъ зависѣла отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ и нисколько не отъ препятствій, происходившихъ изъ самой сущности вещей. Маратты встрѣтили на пути своемъ, на равнинахъ Панипута, страшныхъ въ то время афгановъ; Гайдеръ Али и Типпу европейскую цивилизацію. Теперь настала очередь Англіи; она, вслѣдствіе относительнаго преимущества, не могла не сдѣлаться преобладающею державою. Лордъ Уильсли чувствовалъ это; онъ понялъ въ тоже время, что вспомогательные союзы послужатъ ему къ осуществленію плана. Но общественное мнѣніе не дало ему самому окончить начатаго имъ подвига. Маркизу Гестингсу предоставлено было это дѣло и, прошедши нѣсколько измѣненій, система, сначала объявленная въ Серингапатнамѣ, была наконецъ въ Пунахѣ объявлена господствующею во всей Индіи.

Невидимая сила, всемогущая, но тайная рука, вела Англію къ владычеству надъ Индіей. Клейвъ, Уорренъ Гестингсъ, лордъ Уильсли, лордъ Минто во вторую половину своего управленія понимали это и заслугою ихъ было то, что они дѣйствовали согласно съ этой таинственной силой.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общія черты правленія и администраціи.

ГЛАВА I.

Какъ торговые уставы компаніи сдѣлались государственнымъ законодательствомъ.

Завоеваніе Индіи Англіею, т. е. небольшимъ островомъ Атлантическаго океана, находящимся за три тысячи миль отъ Индіи, само по себѣ уже есть событіе страшное, почти чудесное. Но это завоеваніе становится еще болѣе удивительнымъ, когда мы знаемъ, что оно произведено простою компаніею купцовъ, ея усиліями и опасными предпріятіями.

Это завоеваніе является событіемъ совершенно новымъ въ исторіи міра. Народы и правительства, въ извѣстныя эпохи ихъ исторіи,

движимы какъ бы нѣкоторою врутреннею силою, заставляющею ихъ, такъ сказать, изливать вовнѣ избытокъ жизни. Есть другія минуты въ ихъ исторіи, когда, лишившись всякой силы, даже силы сопротивленія, они могутъ только склонять голову подъ чужеземное иго. Два эти обстоятельства соединились вмѣстѣ, когда ученики Магомета, пылая огнемъ войны и завоеваній, зароненнымъ въ ихъ души ученіемъ пророка, устремились на полуостровъ индійскій, раздробленный, изнѣженный своею древнею цивилизаціей; побѣдители, безъ всякаго сомнѣнія, были менѣе числомъ побѣжденныхъ: но ихъ энергія, ихъ устройство, ихъ фанатизмъ вознаграждали это. Притомъ число побѣдителей хотя и не столь велико, какъ число побѣжденныхъ, было тѣмъ неменѣе весьма значительно въ эпоху мусульманскаго завоеванія. Здѣсь были два народа, т. е. два врага, сражавшихся въ нѣкоторомъ отношеніи равнымъ оружіемъ. Англійское завоеваніе представляется намъ совершенно инымъ. Съ одной стороны нѣсколько купцевъ, собирающихся въ одной изъ тавернъ Сити для разсужденія о нѣсколькихъ сотняхъ или тысячахъ тюковъ груза; съ другой имперія Великаго Могола. При самомъ пылкомъ воображеніи трудно видѣть въ этихъ лавочникахъ преемниковъ Тимура, Бабера, Акбара. Нѣтъ никакой связи, никакого отношенія между

совершившимся событіемъ и его исходною точкою.

Но это, такъ сказать, только внѣшняя, видимая, матеріальная сторона событій, а не самая еще странная и изумительная. Есть другая, внутренняя и скрытая, еще болѣе, можетъ быть, достойная вниманія философа и государственнаго человѣка. Въ то время, какъ торговыя учрежденія Англіи становились провинціями и государствами; въ то время, какъ компанія всходила мало по малу на ступени трона Великаго могола, на который она должна была наконецъ возсѣсть; въ то время, какъ эти купцы, волей или неволей преображались въ завоевателей, совершились событія другаго рода, такъ сказать, параллельныя первымъ. Учрежденія компаніи, первоначально чисто торговыя, постепенно подобнымъ же образомъ преобразовывались въ учрежденія политическія. Назначенныя сначала для опредѣленія продажи нѣсколькихъ грузовъ, они стали установленіями политическими или законодательными, законами, предписаніями для управленія и администраціи обширнымъ государствомъ. Удивительная игра счастія! ему недовольно было преобразить этихъ купцовъ въ завоевателей, оно сдѣлало ихъ и законодателями; кромѣ дѣла Александра, оно вручило имъ дѣло Ликурга и Нумы, предоставило имъ разрѣшеніе задачи, передъ которой

отступилъ бы генiй Делольма и Монтескьё. Оно призывало ихъ дать устройство, управленiе и судъ народамъ, которыхъ самыя имена были имъ неизвѣстны.

Разсмотрѣвши дѣло завоевателя, бросимъ теперь общiй взглядъ на дѣло законодателя.

ГЛАВА II.

О смѣшанной власти компанiи. Объ основныхъ стихiяхъ этой власти.

Изъ политическихъ учрежденiй самыя важныя всегда тѣ, которыхъ происхожденiе объяснить затруднительно.

Эти учрежденiя имѣютъ своимъ источникомъ внутреннѣйшую сторону народнаго духа; онѣ разрастаются и развиваются подъ влiянiемъ обстоятельствъ, которыхъ важность неоцѣнима; онѣ наконецъ образуютъ политическую конституцiю народа. Онѣ измѣняются; но зерно, изъ котораго вышли эти учрежденiя, основа ихъ законности, остаются для насъ чаще всего невидимыми; они сокрыты во мракѣ временъ. Самые сильные перевороты, не всегда успѣваютъ исторгнуть ихъ корни, перемѣ-

нить первоначальную основу учрежденія. Но здѣсь, по странности, свойственной занимающему насъ предмету, дѣла происходили иначе. Стихіи политическаго учрежденія индо-британской имперіи явны и открыты, видны для простаго глаза. Мы можемъ разсматривать ихъ, изучать ихъ различныя соотношенія.

Англійскіе купцы, которые первые соединили капиталы для торговли въ *Индіи*, находились въ отношеніи съ тремя родами лицъ: съ государями, которыхъ они были подданные, съ государями могольскими, съ которыми они ѣздили торговать и наконецъ съ лицами, которымъ они поручали управленіе своими интересами въ Англіи или въ Индіи.

Изъ этихъ трехъ родовъ отношеній первыя опредѣлялись хартіями и привиллегіями, обезпечивавшими монополію, предоставленную купцамъ и касавшимися ихъ отношеній къ соотечественникамъ; вторыя опредѣлялись фирманами, т. е. указами чужеземныхъ государей, въ земли которыхъ они ѣздили торговать; они соотвѣтствовали тому, чѣмъ были для нихъ хартіи въ Англіи; наконецъ отношенія третьяго рода опредѣлялись особаго рода контрактами, называемыми присягами, въ которыхъ обозначались обязанности компаніи въ отношеніи къ ея чиновникамъ и чиновниковъ въ отношеніи компаніи.

Итакъ, отсюда три рода первоначальныхъ раздѣленій три различныя стихіи, изъ которыхъ образовалось правленіе компаніи и которыя мы должны разсмотрѣть въ отдѣльности.

Первая привилегія, данная англійскимъ правительствомъ, относится къ 31 декабря 1600 года. Она соединяла путешествующихъ купцовъ (такъ звали до тѣхъ поръ купцовъ, предпринимавшихъ отдѣльныя поѣздки) въ корпораціи подъ названіемъ: *лондонскихъ купцовъ, торгующихъ въ восточной Индіи.* Хартія давала ей привиллегію, какою пользовались до тѣхъ поръ всѣ компаніи подобнаго рода; узаконивала планъ, принятый ими для управленія своими интересами, давала имъ исключительную привиллегію торговли на всемъ пространствѣ между мысомъ Доброй Надежды и Магеллановымъ проливомъ воспрещала эту торговлю всѣмъ британскимъ подданнымъ, предоставляя самому товариществу давать на нее право, кому благоугодно. Данная сперва на пятнадцать лѣтъ, эта хартія могла быть продолжена еще на столько же времени, въ случаѣ если она будетъ выгодна для страны. Въ противномъ случаѣ, правительство предоставило себѣ право уничтожить ее черезъ два года.

Эта хартія возобновлена была черезъ девять лѣтъ второю, во всѣхъ пунктахъ сходною съ первою и содержавшею тоже огра-

ниченіе, т. е. „что казна сохранила право взять назадъ свой даръ въ случаѣ, если будетъ дознано, что новое учрежденіе не служитъ въ пользу государства (*).“ Духъ товарищества, которому міръ, можетъ быть, обязанъ будетъ новымъ будущимъ, въ началѣ своемъ былъ еще весьма робокъ въ самой Англіи, своемъ истинномъ отечествѣ, для которой онъ долженъ былъ совершить столько чудесъ. Это Геркулесъ, ползающій и едва лепечущій вокругъ своей колыбели.

Эта хартія сдѣлалась для компаніи тѣмъ, чѣмъ въ политическомъ отношеніи была великая хартія короля Іоанна для Англіи, т. е. началомъ, основою ея учрежденія. Но для новаго торищества было недостаточно получить отъ короны дозволеніе вести торговлю въ Индіи; это дозволеніе было безплодно, пока оно не подтверждалось властителями самой Индіи. Но, подписывая привиллегію компаніи, Елисавета подписала вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ отреченія Великаго Могола, хотя далеко еще было отъ угрозы до ея исполненія. Должно было испросить у преемника Тимура свободный проѣздъ въ его государство тѣмъ, которые впослѣдствіи должны были сдѣлаться его обладателями и которые въ настоящую минуту ограничивались

(*) Мэлькольмъ. Томъ I. стр. 15.

весьма смиренною просьбою о выдачѣ імъ фирмана.

Томасъ Бестъ прибылъ въ Индію съ двумя кораблями, состоявшими подъ его начальствомъ. Онъ везъ письма и подарки короля Іакова къ Великому Моголу и потому отправился въ Агру, гдѣ этотъ послѣдній жилъ съ своимъ дворомъ. Сэръ Томасъ уже составилъ статьи торговаго договора съ могольскими правительствами Сурата и Ахмедабада, договора, подтвержденнаго императорскимъ фирманомъ отъ 25 января 1613, въ которомъ было сказано, что англійскіе товары должны платить пошлину въ три съ половиною процента по таможённой оцѣнкѣ; что король англійскій долженъ имѣть посла при дворѣ Великаго Могола во все продолженіе мира, для разрѣшенія всѣхъ могущихъ встрѣтиться вопросовъ и затрудненій.

Вслѣдствіе такого приглашенія, сэръ Томасъ Роё въ качествѣ англійскаго посланника отправился въ Индію. Въ первую же свою аудіенцію, онъ представилъ Великому Моголу письмо короля Іакова (*) на которое импера-

(*) „Іаковъ, милостію Бога, творца неба и земли, король Великобританіи и проч.

„Высокому и могущественному монарху, Великому Моголу, государю Восточной Индіи, Кандагара, Кашмира, Хорасана, здравія желаетъ.

торъ отвѣчалъ весьма скоро. Онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что король англійскій предупредилъ его, объявлялъ ему объ обнародованіи по всей имперіи фирмановъ, имѣющихъ предметомъ открыть англійскимъ купцамъ всѣ порты могольской имперіи, „обезпечить для нихъ

„Свѣдавъ о благорасположеніи, доказанномъ вами вашимъ фирманомъ нашимъ возлюбленнымъ англійскимъ подданнымъ, которымъ вы даете имъ свободу торговать безъ всякаго помѣшательства въ вашемъ государствѣ, какъ было условлено отъ вашего имени шейкомъ Суффи, губернаторомъ гузератскимъ, съ возлюбленнымъ подданнымъ нашимъ Томасомъ Бестъ, мы нашли приличнымъ отправить къ вамъ посланника, который бы могъ точнѣе опредѣлить всѣ вопросы, могущіе встрѣтиться въ начинающихся между нами дружелюбныхъ сношеніяхъ, долженствующихъ послужить къ пользѣ и чести двухъ народовъ. Вслѣдствіе чего и для продолженія таковыхъ сношеній мы обратили выборъ нашъ на кавалера Томаса Роё, одного изъ первыхъ джентлеменовъ двора нашего, которому и дали мы, за нашею государственною англійскою печатью, такое порученіе, равно какъ и инструкціи для опредѣленія на будущее время всего, что можетъ относиться къ увеличенію благосостоянія и пользы нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ. Почему и просимъ мы оказать ему, означенному сэру Томасу Роё, милость и довѣріе во всемъ, что предприметъ онъ для сохраненія и распространенія уже начатаго. Наконецъ, въ подтвержденіе нашего добраго къ вамъ благорасположенія, просимъ васъ принять подарки и поручаемъ васъ милосердому покровительству всемогущаго Бога.“

свободу дѣлать все, что они найдутъ выгоднымъ для своихъ торговыхъ интересовъ, свободу путешествій въ какія угодно страны; вспомоществовать имъ вездѣ, гдѣ это будетъ нужно, препятствовать всякому нарушенію въ отношеніи къ нимъ учтивости, однимъ словомъ даровать имъ свободу на ровнѣ съ собственными его Могола подданными и проч. Наконецъ, прибавлялъ Моголъ, если бы кто-либо, невѣрующій въ Бога и неповинующійся своему государю, осмѣлился чѣмъ-либо оскорбить этотъ союзъ дружбы между имъ и королемъ англійскимъ, онъ немедленно отправитъ собственнаго сына своего, султана Куру, воина испытаннаго въ бояхъ, для наказанія виновнаго, чтобы ничто не препятствовало въ будущемъ продолженію и, если это возможно, увеличенію взаимнаго ихъ расположенія (*).“

Великій Моголъ былъ вѣренъ своему обѣщанію. Фирманы, упоминаемые имъ въ приведенномъ нами письмѣ, были обнародованы по всему пространству его владѣній. Ими открыты для англичанъ ворота въ Индію, нѣкоторыя затрудненія, разумѣется, должны были встрѣтиться при ихъ приведеніи въ исполненіе. Съ другой стороны, англичане получали отъ губернаторовъ провинцій нѣкоторыя облегченія, кото-

(*) *Больцъ.* Considerations on indian affairs.

рыя они хотѣли сдѣлать болѣе общими. Достиженіе этой двоякой цѣли было предметомъ посольства, отправленнаго въ началѣ XVIII вѣка компаніею къ императорскому двору. Двумъ изъ главныхъ ея чиновниковъ поручено было это дѣло; они получили новый фирманъ, устранявшій всѣ препятствія, на которыя могла жаловаться торговля.

Посредствомъ ежегодной платы и частныхъ сдѣлокъ съ набобами, торговля освободилась уже отъ таможенныхъ сборовъ въ провинціяхъ Бенгаліи, Багарѣ и Ориссѣ; плата состояла изъ 3,000 рупій, вносимыхъ въ портѣ Гугли. Того же самаго хотѣли англичане въ западныхъ провинціяхъ, вызываясь платить ежегодную сумму въ Суратѣ. Они просили еще нѣкоторыхъ другихъ привиллегій, исчисленныхъ въ новомъ фирманѣ Великаго Могола къ правителямъ областей; главныя положенія этого фирмана заключались въ томъ: „англичане должны платить 10,000 рупій въ годъ въ суратскомъ портѣ какъ дань (пешкешь); уплативши эту сумму, они не должны быть ничѣмъ болѣе обременяемы; товары, привозимые и отвозимые ихъ факторами, изъяты отъ таможенныхъ пошлинъ; товары свои вольны они продавать по какимъ имъ угодно цѣнамъ; въ случаѣ, еслибы нѣкоторые изъ этихъ товаровъ были покрадены, правители областей

обязаны употребить всѣ свои усилія для ихъ отысканія; виновные должны подвергнуться за это заслуженному наказанію, а похищенныя вещи возвращены ихъ хозяевамъ; вездѣ, однимъ словомъ, гдѣ англичане заведутъ факторію, будутъ покупать или продавать что либо, имъ должно быть оказываемо вспомоществованіе; должники ихъ всякаго рода, купцы или другіе какіе люди, обязаны платить свои долги, чтобы никто, однимъ словомъ, неосмѣливался дѣлать имъ какой либо вредъ и убытокъ. „Кромѣ того, что было очень важно для свободы торговли, „не требовалось представленія патента (или сунуда) или копіи съ этого патента за печатью главнаго казначея (девана), а достаточно было простой копіи съ подлиннаго патента за печатью кади." Наконецъ, что было еще важнѣе „вездѣ, гдѣ компанія найдетъ для себя удобнымъ поселиться на всемъ пространствѣ провинцій Бенгаліи, Багара и Ориссы, ей будетъ милостиво подарено именемъ императора сорокъ бегассовъ (или пятнадцать акровъ) земли." Этотъ фирманъ, данный въ 1715 году, сталъ главною хартіею компаніи въ ея отношеніяхъ къ индійскимъ правительствамъ. Онъ былъ въ Индіи для нея тѣмъ, чѣмъ въ Англіи хартія королевы Елисаветы.

Третья стихія власти компаніи, не менѣе двухъ другихъ достойна вниманія и разбора.

Чиновники компаніи раздѣлялись на чиновниковъ гражданской и чиновниковъ военной службы. Каждый изъ первыхъ, принималъ подъ присягою „обязанность служить впродолженіе извѣстнаго времени повсюду, куда угодно будетъ компаніи послать его, отъ мыса Доброй Надежды до пролива Магелланова, исполнять въ точности всѣ приказы компаніи и ея представителей въ Индіи, не упускать изъ виду ничего, что можетъ послужить въ ея пользу, увѣдомлять директоровъ обо всемъ, что можетъ повредить торговлѣ, никогда не оставлять своего мѣстопребыванія, не уплативши всѣхъ своихъ долговъ, какъ туземцамъ, такъ равно и иностраннымъ купцамъ, не находящимся въ подданствѣ короля англійскаго.“ Въ случаѣ, еслибы служащій оставался должникомъ самой компаніи, онъ предоставлялъ ей право, безъ всякой судебной формы, арестовать его имущество до полной уплаты. Онъ клялся еще „никогда ни прямо, ни косвенно не заниматься никакимъ родомъ европейской торговли въ Индіи и англійской въ Европѣ на свой собственный счетъ въ противномъ же случаѣ, быть оштрафованнымъ двойною цѣною товаровъ и отказаться отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ предшествовавшею службою.“ Копія съ контракта оставалась въ рукахъ компаніи, другая отдавалась чиновнику, который вносилъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ обезпе-

ченія. Офицеры подлежали тѣмъ же самымъ условіямъ.

Должно обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ. Присяга, которую мы выше изложили, не была простою религіозною формальностью. Она была истиннымъ контрактомъ между компаніею и британскими подданными, въ качествѣ чиновниковъ отправлявшимися въ Индію, равно какъ и въ качествѣ простыхъ купцовъ. Тѣ и другіе, давая эту присягу, отказывались по своей свободной волѣ отъ всѣхъ преимуществъ общаго всѣмъ права и англійскихъ законовъ; они становились членами новаго общества, управляемаго своими собственными законами; каждый изъ нихъ связанъ былъ съ компаніею частнымъ, отдѣльнымъ договоромъ, одинаковымъ съ тѣми договорами, которые могутъ быть совершаемы между частными лицами. Суду предоставлялось разбирать только нарушенія этого контракта, а не самыя его условія. Въ тоже самое время юриспруденція въ пользу компаніи рѣшила большую часть могущихъ представиться затрудненій (*). Отсюда происходила вполнѣ неограни-

(*) Кромѣ чиновниковъ компаніи, въ Индію ѣздили еще другіе британскіе подданные, которымъ компанія давала дозволеніе производить торговлю въ восточной Индіи; они назывались свободными купцами. Свободные купцы обя-

ченная власть компаніи. Одинъ изъ самыхъ старыхъ писателей, занимавшихся индійскими

зывались подъ присягою жить тамъ съ женами и дѣтьми (См. Histoire de la conquête. Томъ I. стр. 17.).

Компанія хотѣла знать существо власти, данной ей законодательною властію; она хотѣла, такъ сказать, попробовать на дѣлѣ качество ввѣреннаго ей оружія; въ особенности же хотѣла знать, дозволено ли ей будетъ свободно употреблять это оружіе, выкованное для нея судебною властію, столь могущественною, какъ извѣстно, въ Англіи. Съ этою цѣлію, компанія обратилась къ совѣту искуснѣйшихъ законовѣдцевъ того времени съ вопросами въ слѣдующемъ родѣ: »имѣетъ ли компанія какую либо власть и какъ простирается эта власть на британскихъ подданныхъ вообще и начальниковъ въ частности, разумѣется, живущихъ въ Индіи? Имѣетъ ли право компанія приказать тѣмъ и другимъ оставить Индію и возвратиться въ Англію? и въ случаѣ отказа ихъ можетъ ли она схватить этихъ людей, посадить на корабли и возвратить въ Европу? Имѣетъ ли компанія право воспрепятствовать англійскому подданному, живущему въ Индіи, производить торговлю въ границахъ, обозначенныхъ компаніею? Въ какомъ случаѣ и какими средствами можетъ она воспользоваться этимъ правóмъ? Можетъ ли компанія отмѣнить дозволеніе, данное ей на торговлю какъ простымъ купцамъ, такъ и ея собственнымъ чиновникамъ? Какому наказанію подвергать эти лица въ случаѣ, когда они послѣ отмѣны дозволенія будутъ продолжать торговлю? (См. Больца Томъ I. стр. 125—6.).» Или еще: губернаторы или агенты компаніи, подлежатъ ли, за повиновеніе ея приказамъ, иску въ проторяхъ и убыткахъ со стороны лицъ, принужденныхъ ими возвратиться въ Ан-

дѣлами, по, всей справедливости, говорилъ: „если присяги эти законны, то ясно, что всякій бри-

---

глію, если бы вслѣдствіе таковыхъ мѣръ, лица эти потерпѣли значительныя потери? (Id. ibid. стр. 128 — 9) Или еще наконецъ: если лице, которое компанія хочетъ отослать въ Англію, замѣшано въ судебномъ дѣлѣ, имѣетъ ли она право уволить его отъ подсудности суду (Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, мнѣнія двухъ знаменитыхъ законовѣдцевъ того времени, гг. Йорка и Боурминга, были не въ пользу компаніи. »До конца процесса, говоритъ первый, компанія не должна мѣшаться въ дѣло.» »Невозможно, говоритъ второй, уволить лице, находящееся въ такомъ положеніи, отъ подсудности.» См. Больца стр. 130)? Компанія не забыла также и случаевъ, когда она имѣетъ право требовать уплаты протореій и убытковъ отъ своихъ чиновниковъ; тогда, по мнѣнію законовѣдцевъ, она должна была ихъ преслѣдовать за нарушеніе присяги (См. Больца стр. 131.).

Компанія не ограничивалась этими общими консультаціями; она обращалась къ законовѣдцамъ и въ множествѣ частныхъ случаевъ. Она изобрѣтала воображаемые, чрезвычайно запутанные и сложные, случаи и предлагала ихъ на разрѣшеніе. Компанія заранѣе составляла для себя цѣлую юриспруденцію къ своимъ услугамъ. Духъ корпораціи англійскихъ юристовъ, ихъ важное значеніе въ отношеніи къ толкованію законовъ, сила преданія, сдѣлали изъ этихъ консультацій могущественное орудіе, изумляющее всякаго, кто знаетъ Англію; компанія являлась передъ судомъ, подкрѣпленная всемогущею юриспруденціею, заранѣе рѣшавшею всѣ дѣла въ ея пользу.

танскій подданный, отправляющійся въ Индію, по волѣ директоровъ или ихъ намѣстниковъ, подвергается раззоренію или, что еще хуже, подчиняется истинному рабству. Если мы дѣйствительно вникнемъ въ содержаніе этихъ присягъ, то увидимъ, что желающій ѣхать въ Индію предоставляетъ компаніи право, когда ей заблагоразсудится пользоваться привиллегіей, заключать его въ тюрьму, обирать, отрывать отъ семейства, перемѣщать изъ одного полушарія въ другое; всему этому онъ принужденъ подчиниться и ни онъ, ни его наслѣдники не имѣютъ права иска проторей и убытковъ на компаніи или на агентахъ ея (*).“

ГЛАВА III.

Общая форма учрежденій компаніи, какими эти учрежденія вышли изъ самаго существа дѣлъ.

Хартіи, фирманы и присяги, какъ мы уже сказали, суть три основныя стихіи власти компаніи.

Но подъ какою формою явились эти стихіи, какого рода правленіе вышло изъ соединенія ихъ? Это мы и должны разсмотрѣть въ

(*) Больцъ стр. 124.

настоящую минуту. Постараемся же отдать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ учрежденіе какъ бы само собою вышло изъ своего зерна; постараемся объяснить себѣ, почему именно оно приняло такую форму, а ни какую либо другую. Вотъ какъ по нашему мнѣнію происходило это.

Капиталисты имѣютъ общественные фонды, положенные въ общественное предпріятіе; ясно, что они не могутъ не соединяться болѣе или менѣе часто; они собща должны заниматься управленіемъ общественныхъ фондовъ, рѣшать вопросы о томъ, какъ извлекать изъ нихъ болѣе выгодъ и проч. Принуждены ли они разойтиться, не видавши еще результата принятыхъ ими мѣръ, или управленіе интересами общества требуетъ продолжительнаго, постояннаго надзора, во всякомъ случаѣ дойдетъ до того, что владѣльцы общественныхъ фондовъ выберутъ изъ среды себя извѣстное число людей, которымъ поручатъ управленіе интересами всѣхъ и надзоръ за ними, пока сами соберутся снова для разсужденія о новыхъ мѣрахъ.

Отсюда два рода собраній: одно, изъ акціонеровъ или владѣльцевъ общественныхъ фондовъ, другое изъ извѣстнаго только числа ихъ; первое, съ властію законодательною и разрѣшающею, второе, съ властью административною

или исполнительною, другими словами, общее собраніе и собраніе нѣсколькихъ, комитетъ.

Въ случаѣ если о дѣлахъ общества необходимо имѣть разсужденіе въ чужой землѣ, является еще третья власть. Часть владѣльцевъ общественныхъ фондовъ или по крайней мѣрѣ, извѣстное число избранныхъ ими агентовъ, должны отправиться въ чужія земли; должны вести дѣла, наблюдать за интересами общества и проч. и притомъ быть подъ главнымъ управленіемъ комитета, его посредниками въ отношеніи къ общему собранію, повиноваться его приказаніямъ и проч. Комитетъ, передающій волю общаго собранія, въ отношеніи къ этой власти, находящейся въ чужой землѣ, представляетъ собою самое собраніе, которое есть верховная власть для всѣхъ этихъ частныхъ интересовъ. Слѣдственно, власть дѣйствующая въ иностранной землѣ, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія теоретической, какую бы важность ни придали ей обстоятельства, тѣмъ не менѣе подчинена комитету. Она есть нѣкоторымъ образомъ только часть этого комитета, отправленная въ чужую землю. Собственно такъ называемое правительство состоитъ слѣдственно изъ двухъ этихъ собраній, изъ которыхъ менѣе многочисленное назвали мы комитетомъ.

Два эти собранія могутъ подвергнуться многимъ значительнымъ измѣненіямъ, какъ въ

составѣ своемъ, въ своей внутренней природѣ, такъ и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Можетъ случиться напримѣръ, что, черезъ нѣсколько времени, не всѣ участвующіе въ интересахъ, но только наиболѣе участвующіе будутъ составлять общее собраніе. Можетъ случиться еще, что извѣстныя условія будутъ требоваться отъ тѣхъ, которымъ, отъ одного собранія до другаго, поручается управленіе общими интересами, такъ напримѣръ будетъ требоваться, чтобы они владѣли извѣстнымъ капиталомъ въ общественныхъ фондахъ. Число членовъ общаго собранія или комитета можетъ быть увеличено или уменьшено. Но среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть многообразны до безконечности, дѣла въ существѣ своемъ остаются тѣмъ не менѣе одинаковы: непремѣнно должны быть два собранія въ родѣ описанныхъ нами, находящихся между собою въ тѣхъ общихъ отношеніяхъ, на которыя мы уже указали.

Историческое начало правленія компаніи дѣйствительно таково, какимъ представляетъ его простой здравый смыслъ. Необходимость разсуждать о торговыхъ интересахъ и надзирать за ними породила около 1589 года первыя собранія купцовъ, производившихъ торговлю въ Индіи. Это собраніе избрало изъ среды себя комитетъ изъ пятнадцати человѣкъ, которо-

му поручило вести свои дѣла и быть своимъ представителемъ въ отношеніяхъ къ правительству. Благодаря дѣйствіямъ этого комитета, правительство, черезъ девять лѣтъ потомъ, дало хартію, вслѣдствіе которой, 1600 года (декабря 31) образовалась Индійская компанія; хартія возобновлена черезъ девять лѣтъ. Обѣ эти хартіи не только подтвердили учрежденіе комитета для веденія дѣлъ, но сдѣлали это учрежденіе обязательнымъ. Вторая изъ хартій сообщала законное существованіе собранію акціонеровъ, давая ему власть издавать для управленія дѣлами всѣ уставы, принимать всѣ мѣры, лишь бы они не были несогласны съ общими законами королевства; она, кромѣ того, поставляла ему въ обязанность назначать ежегодно комитетъ изъ 24 человѣкъ, подъ управленіемъ президента, для администраціи и сношеній съ правительствомъ. Третья хартія наконецъ, окончательно подтверждала эти положенія.

Отсюда ведутъ свое начало эти два славныя въ исторіи Индіи собранія, которыя пора назвать ихъ настоящими именами: совѣтъ акціонеровъ и совѣтъ директоровъ. Отсюда наконецъ двѣ главныя основы правленія компаніи, на которыхъ утверждались другія части зданія, возникавшія по мѣрѣ нуждъ и обстоятельствъ. Отсюда также ихъ прочность, ихъ

постоянное существованіе посреди всѣхъ внутреннихъ переворотовъ, которымъ подвергалась компанія. Они связаны были съ самымъ существомъ дѣла.

Черезъ пять лѣтъ послѣ этой эпохи, агенты компаніи получили отъ двора делійскаго, по просьбѣ сэра Томаса Роё, свободу жить въ извѣстныхъ портахъ Индіи и тогда родилась третья часть общаго состава правленія компаніи (*).

Компанія продолжала существовать, даже процвѣтать, подъ этою формою, посреди политическихъ переворотовъ, заливавшихъ кровью Англію. Она умѣла иногда обращать ихъ въ свою пользу для сохраненія ли или для расширенія своихъ прежнихъ привилегій. Карлъ II, вступившій на престолъ отца своего, тотчасъ же возобновилъ первую ея хартію (1661); потомъ онъ далъ ей право войны и мира со всѣми нехристіанскими народами и государями; наконецъ, другое, не менѣе важное право силою брать всякаго англичанина, который будетъ безъ позволенія компаніи жить въъ отведенныхъ ей владѣніяхъ, право огромное, которое, вмѣстѣ съ даннымъ впослѣдствіи правомъ суда, давало компаніи всю власть настоящаго правительства.

(*) Мэлькольмъ. Томъ I, стран. 17.

Не смотря на эти благопріятныя обстоятельства, компанія, въ концѣ XVII-го вѣка, должна была бороться съ препятствіемъ очень опаснымъ. Новое товарищество образовалось вслѣдствіе полученной имъ отъ правительства хартіи, дававшей ему привиллегію, совершенно сходную съ привиллегіей прежней компаніи. Двѣ соперницы, съ самаго начала объявили другъ другу войну на смерть; старались вредить одна другой, уничтожать одна другую въ Англіи и въ Индіи. Совѣтъ директоровъ гордо писалъ къ своимъ агентамъ въ чужой землѣ: „двухъ компаній точно также не можетъ быть въ одномъ государствѣ, какъ двухъ солнцъ на тверди небесной.“

Такъ какъ соперничество этихъ двухъ компаній было главною причиною того вреда, который онѣ дѣлали взаимно одна другой, то слитіе ихъ въ одну казалось всѣмъ единственнымъ средствомъ спасенія. Послѣ нѣсколькихъ споровъ, это приведено было въ исполненіе подъ вліяніемъ графа Годольфина, тогда лорда великаго казначея Англіи, и изъ этого сліянія произошла новая ассоціація: это была знаменитая компанія восточной Индіи, которой предназначено было царствовать надъ Индіею и сдѣлаться славною въ исторіи міра.

Ассоціація получила новый уставъ въ 1708 году. Парламентскимъ актомъ 1728 года, этотъ уставъ былъ дополненъ нѣкоторыми положе-

ніями, относящимися къ судебной системѣ и наконецъ, парламентскій билль 1773 года подтвердилъ и измѣнилъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ эти положенія.

Билль 1708 года оставилъ совѣтъ акціонеровъ и совѣтъ директоровъ такими, какими они были съ самаго начала, въ томъ, что относилось къ власти, къ принадлежностямъ каждаго, къ ихъ взаимнымъ соотношеніямъ; но въ тоже время, онъ возвысилъ до 500 фунтовъ стерлинговъ капиталъ, необходимый для того, чтобы имѣть голосъ въ совѣтѣ акціонеровъ Билль 1773 года, пошелъ дальше тѣмъ же самымъ путемъ; онъ возвысилъ капиталъ до 1,000 фунтовъ, кромѣ того, далъ два голоса всякому владѣльцу, имѣющему 3,000 фунтовъ; имѣющему три шесть, имѣющему четыре десять. Совѣтъ директоровъ, возобновляемый до тѣхъ поръ каждый годъ всецѣло, началъ возобновляться только четвертью членовъ, т. е. ежегодно вступало шесть новыхъ членовъ. Билль 1708 года создалъ три президентства, въ Калькуттѣ, въ Мадрасѣ и въ Бомбеѣ, равныя между собою по власти, каждое подъ властію губернатора или президента. Билль 1773 года далъ одного генералъ-губернатора, имѣющаго мѣстопребываніе въ Калькуттѣ, управляющаго прямо этой провинціею и имѣющаго подъ своей властію президентства: мадрасское и бомбейское. За этимъ

главнымъ сановникомъ слѣдовалъ совѣтъ изъ четырехъ членовъ, составляющій вмѣстѣ съ нимъ центральное правительство, получившее названіе верховнаго правительства. Два другихъ президентства были управляемы каждое особеннымъ губернаторомъ съ четырьмя совѣтниками. Наконецъ, въ Калькуттѣ учрежденъ былъ верховный судъ, состоявшій изъ великаго судьи (chief-justice) и трехъ другихъ судей отъ короны (*).

Билль опредѣлялъ еще, чтобы вся переписка компаніи, относящаяся къ дѣламъ Индіи, гражданскимъ и военнымъ, къ управленію страною, къ распоряженію доходами и проч. была представляема министерству; чтобы лица, состоящія въ службѣ короля или компаніи, не получали болѣе подарковъ, чтобы генералъ-губернаторъ, совѣтники и судьи не занимались никакимъ родомъ торговли.

Легко замѣтить постепенныя измѣненія, происшедшія въ политическомъ и администра-

(*) Жалованье этихъ разныхъ чиновниковъ были чрезвычайно велики; генералъ-губернаторъ получалъ 23,000 фунт. стерлинговъ, четыре совѣтника по 8,000, великій судья 8,000 и трое другихъ судей по 6,000. Первоначально, въ видѣ временной мѣры, генералъ-губернаторъ и совѣтники назначались парламентомъ на пять лѣтъ; по истеченіи этого срока, назначеніе ихъ должно было принадлежать совѣту директоровъ, которыхъ выборъ шелъ впрочемъ на утвержденіе короля.

тивномъ составѣ компаніи. Возвышеніе капитала, требующагося для имѣнія права голоса, удалило большое число владѣльцевъ, которое по послѣднему биллю составляло 1,200 человѣкъ. Продолженіе срока службы директоровъ уменьшило ихъ зависимость отъ главнаго совѣта. Назначенный разъ, каждый изъ нихъ становился независимъ на четыре года; это было почти все будущее, почти цѣлая вѣчность, въ этомъ столь временномъ порядкѣ вещей. Назначеніе генералъ-губернатора, сосредоточивая власть въ рукахъ одного человѣка, замѣняло единою и могущественною силою силу, до тѣхъ поръ раздробленную и незначительную. Возвышеніе почти до невѣроятной степени жалованья верховныхъ сановниковъ, воспрещеніе имъ торговли, воспрещеніе принимать подарки, измѣняли положеніе главныхъ чиновниковъ компаніи.

Вслѣдствіе совершившихся или введенныхъ биллемъ 1773 года измѣненій въ уставѣ компаніи, вслѣдствіе новаго положенія своихъ чиновниковъ въ Индіи, компанія приняла болѣе опредѣленный политическій характеръ. Существованіе каждаго изъ этихъ чиновниковъ стало исключительно основываться на одной ихъ должности; наконецъ тѣмъ, что билль сосредоточивалъ власть въ меньшемъ количествѣ лицъ, онъ имѣлъ весьма рѣзкое аристократическое вліяніе. Демократическая сторона это понимала.

„Въ этомъ отношеніи, билль вполнѣ достигалъ той цѣли, которая была для него предназначена; онъ былъ совершенно въ духѣ этой политики, которая, по различнымъ причинамъ, непрестанно все болѣе и болѣе уменьшала вліяніе числа въ дѣлѣ правленія, приводя дѣла по возможности къ олигархіи (*).“

Кромѣ того, замѣтимъ это, главные формы правленія компаніи остались, посреди измѣненій, произведенныхъ временемъ, тѣмъ, чѣмъ мы видѣли ихъ съ самаго начала, такими, однимъ словомъ, какими онѣ были созданы рукою необходимости. Первоначально демократическое, это правленіе, мало по малу, подчинилось аристократическому вліянію. Но два учрежденія, составлявшія его основу, не перестали не только существовать, но даже сохранять свои первоначальныя взаимныя отношенія. Совѣтъ владѣльцевъ и совѣтъ директоровъ, съ неоспоримымъ вліяніемъ на правленіе Индіи, продолжали составлять правительство компаніи. Такимъ образомъ, результатъ, который можно было предвидѣть *a priori*, былъ оправданъ самой исторіей.

Съ другой стороны, билль 1773 года заключалъ въ себѣ положеніе, могшее имѣть на будущее компаніи вліяніе значительнѣйшее всѣхъ

(*) Милль.

предшествовавшихъ. По этому биллю, „совѣтъ директоровъ былъ обязанъ доставлять копіи съ своихъ депешъ одному изъ секретарей его величества; ему же должно было сообщать и копіи со всѣхъ депешъ, посылаемыхъ совѣтомъ въ Индію (*).“ Эта статья билля долго оставалась безъ дѣйствія; но она была зерномъ будущаго переворота компаніи, дверью, которой вошло въ ея дѣла политическое вліяніе, до тѣхъ поръ бывшее внѣ ея. Этимъ то мы и должны теперь заняться.

Желающій понять результаты управленія, долженъ изучить существо и формы его; еще болѣе изучить нравственное вліяніе, которому оно повинуется.

ГЛАВА IV.

О первыхъ попыткахъ политической власти овладѣть управленіемъ дѣлъ въ Индіи.

Королевская власть преобладала въ Англіи въ эпоху, когда компанія получила свою первую хартію; по этому хартія эта была дана отъ короны.

(*) Мэлькольмъ. Томъ I, стран. 33 — 34.

Но корона и парламентъ скоро вступили между собою въ соперничество. Индійскія дѣла были однимъ изъ пунктовъ, на которые устремлялось это соперничество. Карлъ II, при восшествіи своемъ на престолъ, возобновилъ хартію компаніи. Монополія, данная этимъ актомъ, встрѣтила потомъ сильное сопротивленіе въ общественномъ мнѣніи и съ 1682 года оно стало вопіять весьма сильно. Памфлеты преувеличивали выгоды этой монополіи для тѣхъ, которые ею владѣли, и невыгоды ея для народа. Смѣлые искатели счастья, которыхъ число безпрестанно увеличивалось, старались перейдти за черту, проведенную привиллегіей. Компанія энергически защищалась; но общественное мнѣніе все болѣе и болѣе вооружалось противъ всего этого. Парламентъ, органъ такого расположенія умовъ, начиналъ уже спрашивать: по какому праву королевская власть позволяла себѣ ограничивать въ этомъ отношеніи свободу одной части народа въ исключительную пользу другой? по какому праву запирала она для самой націи ворота Востока и отворяла ихъ привиллегированной компаніи?

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, парламентъ въ 1690 году рѣшилъ, что должна быть учреждена новая компанія и учреждена притомъ парламентскимъ актомъ и что старая будетъ продолжать существовать до учрежденія новой.

На слѣдующій годъ, продолжая идти тѣмже путемъ, парламентъ требовалъ отъ короля уничтоженія прежней компаніи или слитія ея съ новою, которую онъ рѣшилъ учредить. Вопросъ о преимуществѣ короля или парламента, хотя и рѣшенный въ основаніи своемъ въ 1688 году, продолжалъ еще волновать умы; все дѣлалось пищею для этой борьбы. Король, слѣдуя внушенію тайнаго совѣта, продолжалъ стоять за преимущество, которое до этой минуты принадлежало ему. Онъ говорилъ, что рѣшеніе всего, касающагося дѣлъ Индіи, принадлежитъ ему одному. Парламентъ требовалъ права почина въ свою пользу. Король, думая разрѣшить вопросъ фактомъ, поспѣшилъ возобновить уже существующую привиллегію. Но нижній парламентъ не призналъ себя побѣжденнымъ; въ теченіе тогоже года, онъ постановилъ: „что каждый англійскій подданный имѣетъ право торговать въ Индіи, равно какъ и во всякой другой части свѣта, если только это не запрещено парламентскимъ актомъ.“

Вслѣдствіе этого парламентскаго опредѣленія образовалась новая компанія, о недолгомъ существованіи которой мы уже говорили. Прежняя получила свою привиллегію отъ короны, эта отъ двухъ палатъ; та и другая имѣли одинаковую монополію. Парламентъ вовсе не думалъ защищать свободу торговли противъ

привиллегіи, а заботился только о поддержаніи своего собственнаго права. Въ эту минуту, онъ достигалъ уже вершины своего могущества. Онъ овладѣлъ уже этою силою, которая сдѣлалась основою политическаго зданія Англіи. Ему уже нельзя было отказать въ правѣ вмѣшательства въ дѣла Индіи, какъ только онъ требовалъ его съ нѣкоторою энергіею. Поэтому онъ въ скорости получилъ возможность рѣшать по предложенію министерства всякій вопросъ, относящійся къ компаніи. Это было впрочемъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ низложенія Стуартовъ и возведенія на престолъ двумя палатами Вильгельма.

Парламентъ, получивши обладаніе правомъ давать монополію торговли въ Индіи, не могъ, разумѣется, на этомъ остановиться. Естественно, что, какъ слѣдствія этого права, требовалъ онъ и права надзора, контроля надъ способомъ употребленія монополіи. Съ этой минуты, посредствомъ министерства, органа большинства, онъ старался овладѣть верховнымъ управленіемъ дѣлъ въ Индіи; это право оспоривали у него директоры дѣлъ компаніи, какъ прежде оспоривали у него поборники королевскихъ преимуществъ. По устраненіи послѣднихъ, борьба возникла между вліяніями парламентскимъ и торговымъ.

Вопросы о верховномъ управленіи, о собственности, объ администраціи завоеванной зем-

ли, о пользованіи торговою привиллегіею были мало по малу рѣшены въ пользу притязаній политической власти или парламента. Директоры выставили сначала неограниченныя права на все это; они отрицали всякое вмѣшательство въ эти различные предметы, какъ нарушеніе права собственности. Основываясь на буквальномъ смыслѣ своей хартіи, они хотѣли выставить всѣ поземельныя пріобрѣтенія простою торговою собственностью. Тѣмъ еще съ большимъ основаніемъ считали они себя въ правѣ по своему произволу распоряжаться этою собственностью.

Но во всѣхъ этихъ пунктахъ, парламентъ, черезъ посредство министерства, представителя большинства, выставилъ совершенно противуположныя начала. Если буквальный смыслъ первой хартіи былъ въ пользу компаніи, самое существо дѣла, надобно признаться, давало перевѣсъ министерскимъ и парламентскимъ доктринамъ. Яснѣе дня было то, что обстоятельства перемѣнились со времени выдачи привиллегіи, на которой основывались преимущества директоровъ. Дѣло шло уже не о болѣе или менѣе значительныхъ барышахъ, но объ обширныхъ политическихъ вопросахъ, съ которыми была связана судьба самой Англіи. Могли ли остаться чуждыми этому политическая власть и правительство Великобританіи? Привиллегіи, ограничивавшіяся сначала въ пред-

метѣ своемъ ввозомъ или вывозомъ нѣкоторыхъ товаровъ, могли ли быть приводимы тамъ, гдѣ дѣло шло о судьбѣ нѣсколькихъ милліоновъ людей? Человѣколюбіе, политика, простой здравый смыслъ наконецъ, могли ли это позволить? Притомъ, не должно ли было различать право верховной власти отъ права собственности? Это послѣднее не только не исключало собою, но напротивъ предполагало право верховной власти. Существовало ли бы право собственности или не было ли бы оно только чисто отвлеченнымъ, если бы оно не опиралось на общественную силу, не имѣло за себя всемогущаго освященія политической власти? Отсюда слѣдственно, право правительства налагать на пользованіе, распоряженіе личными правами, извѣстныя ограниченія, имѣющія цѣлію соглашать ихъ съ общими интересами, подчинять общему праву и проч.

Парламентъ поперемѣнно разсуждалъ объ этихъ вопросахъ всякій разъ, какъ ему было нужно возобновлять привиллегію компаніи. Не въ англійскомъ духѣ много заниматься чисто теоретическими вопросами, если они не связаны съ матеріальнымъ, прямымъ, положительнымъ интересомъ; въ замѣну того, въ немъ лежитъ глубокое уваженіе ко всякому факту, ко всякому прошедшему. Вслѣдствіе этихъ причинъ, упомянутые нами вопросы никогда не

получили полнаго, систематическаго рѣшенія. Но случайныя мѣры, принятыя въ различныя эпохи парламентомъ и министерствомъ, тѣмъ не менѣе отличались одинаковымъ направленіемъ. Въ 1763 году парламентъ только на два года далъ компаніи владѣніе или пользованіе завоеванными землями; въ 1767 году, онъ самъ, не смотря на жалобы директоровъ, принялъ на себя распредѣленіе дивидендовъ между владѣльцами; въ 1769 году онъ продолжилъ компаніи на пять лѣтъ право на индійскія владѣнія, но съ обязанностью уплаты ею въ казну 400 тысячь фунтовъ стерлинговъ. Это послѣднее условіе вмѣщало въ себѣ, съ извѣстной точки зрѣнія, разрѣшеніе и вопроса о верховной власти и вопроса о собственности. Ежегодная плата 400,000 фунтовъ стерлинговъ могла считаться какъ бы податью, платимой компаніей за ея владѣнія Индіи. Но требованіе этой подати, съ другой стороны, разрѣшало вопросъ о правѣ верховной власти въ пользу правительства; изъ этого же права вытекало право управлять завоеванными провинціями, заботиться о ихъ безопасности, опредѣлять политическую систему, которой должно слѣдовать въ отношеніяхъ ихъ къ другимъ государствамъ и проч. Этимъ, однимъ словомъ, новыя владѣнія въ Индіи уравнивались со всѣми другими владѣніями Великобританіи; это были тѣже провинціи старой Англіи, только лежащія за океаномъ.

Повторяемъ: притязанія парламента и министровъ не появлялись въ систематической формѣ; но парламентъ и министры не переставали дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, выказывать это стремленіе. Министерство пользовалось всѣми представлявшимися случаями для доставленія торжества своему вліянію на дѣла компаніи.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, правительство Индіи въ высшей степени было непародно; отовсюду раздавались противъ него энергическія жалобы, формальныя обвиненія. Общественное мнѣніе единогласно требовало строгаго и добросовѣстнаго изслѣдованія. Министерство убѣждало совѣтъ директоровъ удовлетворить этому желанію. Три главныхъ коммиссара, назначенные совѣтомъ владѣльцевъ по представленію совѣта директоровъ, должны были заняться этимъ дѣломъ. Они должны были ѣхать въ Индію, изслѣдовать состояніе дѣлъ, принять предварительныя мѣры, какія найдутъ благоприличными, отдать отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ и проч. Совѣтъ директоровъ, уступая внушеніямъ министерства, думалъ извлечь изъ этого послушанія собственныя выгоды. Онъ просилъ объ отправленіи морской экспедиціи въ Индію, для приданія бо́льшаго вѣса порученію, возложенному на главныхъ коммиссаровъ. Министерство спѣшило согласиться на эту просьбу, думая также извлечь отсюда свои выгоды.

Эскадра изъ двухъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, подъ командою морскаго офицера высшаго чина, въ скорости была готова пуститься въ море. До сихъ поръ все, казалось, благопріятствовало совѣту директоровъ; но вдругъ до слуха его дошло, что министерство не только дало офицеру неограниченную власть надъ флотиліей, но еще уполномочило его прямо сноситься съ государями Индіи, брать на свою отвѣтственность всякую политическую мѣру и проч. наконецъ, дало ему титулъ королевскаго коммиссара. Это извѣстіе поразило совѣтъ директоровъ. Передача такой власти въ руки королевскаго офицера, независимаго отъ компаніи, значила не что иное, по его мнѣнію, какъ уничтоженіе его собственнаго существованія, утвержденнаго древними хартіями. Совѣтъ директоровъ протестовалъ всѣми законными средствами, предоставленными ему конституціей, обычаями и нравами Англіи: просьбою на имя парламента, митингами и проч.

Министерство, для успѣха своего плана, расчитывало на нѣкотораго рода неожиданность. Общественное мнѣніе подкрѣпляло его въ этомъ предпріятіи; это же мнѣніе, вѣрное своему обыкновенному непостоянству, тотчасъ же и оставило министерство, какъ только оно сдѣлало попытку. Оставленное имъ, подверженное нападеніямъ совѣта директоровъ, тогда сильнаго

въ парламентѣ, министерство не находило въ себѣ рѣшимости прямымъ путемъ достигнуть своей цѣли. Отсюда родъ сдѣлки между совѣтомъ директоровъ и притязаніями министерства. Политическая власть, данная офицеру первоначально надъ всею Индіею, удержана была въ сущности, но ограничена въ отношеніи къ объему однимъ персидскимъ заливомъ; тамъ надобно было разрѣшить нѣсколько затрудненій между компаніей и туземными правительствами. Экспедиція была значительно уменьшена и только два фрегата отправились въ путь (*).

Министерство, замѣняя титулъ королевскаго коммиссара титуломъ начальника экспедиціи, не отказалось однако отъ выгодъ, которыхъ предполагало достигнуть этою мѣрою; только для достиженія ихъ прибѣгло къ другому средству. Перемѣнивши сцену войны, которую оно вело нѣкоторымъ образомъ съ компаніею, оно вдругъ перенесло ее въ Индію; маневръ, казавшійся ему искуснымъ, смѣлымъ и легко достижимымъ посредствомъ дипломатіи.

Статьею договора 1763 года между Франціею и Англіею, опредѣлялось „что обѣ націи признаютъ набобомъ карнатикскимъ Магомета Али, а субагдаромъ декканскимъ Салабутъ Джунга.“

(*) Главные коммиссары сѣли на одинъ изъ фрегатовъ; фрегатъ этотъ пропалъ безъ вѣсти.

Изъ вмѣшательства въ этотъ договоръ англійскаго короля министерство заключало для самого себя о правѣ наблюдать за его исполненіемъ, заботиться, чтобы ничто не возмущало мира Индіи и проч. что и заставило его поручить эти заботы одному изъ своихъ агентовъ. Сэру Джону Линдсе, уже назначенному командующимъ экспедиціей, поручена была и эта новая обязанность. Вслѣдствіе весьма естественной послѣдовательности, онъ получилъ право вступать въ сношенія и заключать договоры съ государями Индіи и проч. Онъ получилъ титулъ уполномоченнаго короля англійскаго при набобѣ карнатикскомъ. Актъ за государственной печатью Англіи облекалъ его всѣми упомянутыми правами. Обстоятельство это оставалось тайною до самаго прибытія Линдсе въ Индію.

Сэръ Джонъ Линдсе пріѣхалъ въ Мадрасъ въ званіи командующаго фрегатомъ его британскаго величества; но потомъ, онъ вдругъ объявилъ о порученіи, на него возложенномъ. „Этимъ саномъ, онъ, какъ изъ засады, обрушился на голову правительству и совѣтникамъ компаніи (*).“ По этому на нѣсколько времени пораженіе ихъ было полное. Правительство мадрасское, которое наканунѣ еще сносилось съ набобомъ, какъ равный съ равнымъ, вдругъ стало на второстепенное мѣсто. Набобъ, вы-

(*) Уайльксъ. Исторія южной Индіи.

ходя изъ подчиненнаго, въ извѣстной степени, положенія, въ которое поставили его обстоятельства въ отношеніи къ компаніи, становился равнымъ королю Англіи. Это были два монарха, связанные дружественными отношеніями и сообщающіеся другъ съ другомъ черезъ посредство посланника. О государственной власти компаніи не было уже и въ помннѣ; она вновь становилась простою ассоціаціею купцовъ, подчиненною одному изъ этихъ государей, терпимою во владѣніяхъ другаго. Однимъ словомъ, она исчезала со сцены, тогда какъ министерство, черезъ посредство сэра Джона Линдсе забирало въ руки всю политическую власть надъ Индіей.

Вотъ какимъ образомъ сэръ Джонъ, чуждый дѣламъ Индіи, понялъ данное ему порученіе. Онъ весьма искренно счелъ себя обязаннымъ защищать отъ жадности и корыстолюбія купцовъ, своихъ соотечественниковъ, монарха, при особѣ котораго онъ имѣлъ честь представлять своего государя. „Всѣ дѣйствія посланника, говоритъ одинъ историкъ, были направлены къ одной цѣли возвысить какъ только возможно государя, къ которому онъ былъ посланъ, и унизить правительство компаніи. Единственная честь, которой искалъ онъ, была заставить компанію склониться передъ престоломъ набоба карнатикскаго (*).

(*) Мэлькольмъ. Polit. Histor. Томъ II, стран. 37.

Министерство повелѣвало слѣдственно правленіемъ компаніи въ президентствѣ мадрасскомъ, гдѣ находилось тогда настоящее средоточіе дѣлъ. Смѣло, но надобно признаться, посредствомъ уловки, похожей на военную хитрость, получило оно вмѣшательство въ дѣла Индіи, до тѣхъ поръ у него оспориваемое. Впрочемъ торжество это не могло быть продолжительно. Ясно было, что дѣйствія сэра Джона Линдсе прямо ведутъ къ уничтоженію компаніи, чего не хотѣло министерство, желавшее только повелѣвать ею. Оно думало достигнуть своей цѣли, пожертвовавши сэромъ Джономъ, но сохранивши его должность. Сэръ Джонъ былъ отозванъ и замѣненъ сэромъ Робертомъ Гертлендомъ. Но что значитъ перемѣна людей, когда положеніе, въ которомъ они находятся, не измѣняется? Сэръ Робертъ пріѣхалъ въ Индію съ тѣмиже министерскими инструкціями, какъ и его предшественникъ; онъ принялъ его идеи и слѣдовалъ тому же поведенію. Министерство продолжало владычествовать, царствовать, такъ сказать, надъ президенствомъ мадрасскимъ, несмотря на жалобы компаніи. Но неудобства, возникшія отъ установленія этихъ уполномоченныхъ, размножились вскорѣ до крайней степени и министерство нашлось вынужденнымъ отъ нихъ отказаться. Сэръ Робертъ Гертлендъ, бывши недолго посланникомъ, не имѣлъ преемника.

Министерство или политическая власть не отказывались впрочемъ отъ мысли захватить въ руки верховное управленіе дѣлами компаніи. Это притязаніе проявилось снова въ биллѣ 1773 года, который установилъ на новыхъ основахъ индійское правительство; въ этотъ билль съ одобренія парламента вошла уже упомянутая нами статья; „что совѣтъ директоровъ обязывается на будущее время, доставлять одному изъ секретарей его величества копію со всѣхъ депешь или регламентовъ, посылаемыхъ имъ въ Индію.“ Общимъ стремленіемъ всего плана было поставить компанію въ бо́льшую противъ прежняго зависимость отъ министерства. И дѣйствительно „прямо выраженною цѣлью полнаго измѣненія во всемъ составѣ компаніи были, будто бы, ея выгоды, улучшеніе ея правленія; но для достиженія этой цѣли употреблялось одно только средство: поставить ее въ большую зависимость отъ министерства (*).“ Таковы выраженія одного изъ историковъ Индіи. Впрочемъ стремленіе было скорѣе формально высказано, чѣмъ рѣшительно осуществлено.

Слѣдствія этого важнаго переворота въ составѣ компаніи были весьма печальны. Это мы будемъ имѣть случай изложить впослѣд-

---

(*) Милль. Томъ III, стран. 447.

ствіи. Съ другой стороны, парламентъ не достигъ и другой цѣли, которую онъ постоянно имѣлъ въ виду: увеличенія своего вліянія на дѣла компаніи. „Контроль или право надзора, данное министерству биллемъ 1773 года, содѣйствовали скорѣе къ увеличенію, нежели къ уменьшенію коренныхъ недостатковъ всей системы. Министры облечены были правомъ вмѣшательства, но почти вовсе не отвѣчали за поведеніе правительства Индіи (*).“ Министерство дѣйствительно остановилось нѣкоторымъ образомъ на половинѣ дороги. Прямо объявивши свое право вмѣшательства, оно не создало для себя никакого средства приложенія этого права на дѣлѣ. Это былъ впрочемъ важный шагъ на пути, которымъ шли давно уже; это было окончательное торжество парламентскаго или министерскаго вліянія на дѣла Индіи. Впервые это стремленіе являлось прямо, открыто, выражалось въ публичномъ, оффиціальномъ актѣ.

(*) Все министерское вліяніе состояло въ правѣ покровительства, употребляемомъ министерствомъ въ пользу его приверженцевъ, но отнюдь не въ сильномъ вліяніи на ходъ дѣлъ. — Малькольмъ.

ГЛАВА V.

Какъ политическая власть успѣла окончательно завладѣть управленіемъ дѣлъ въ Индіи.

Министерства, слѣдовавшія другъ за другомъ въ теченіе десяти лѣтъ съ 1773 года, не теряли изъ виду мысли виновниковъ послѣдняго билля, т. е. мысли распространить на дѣла Индіи вліяніе политической власти.

Пагубныя послѣдствія этого билля, о которыхъ мы будетъ говорить впослѣдствіи, снова подняли вопросъ въ 1783 году. Безпорядокъ и анархія въ продолженіе десяти лѣтъ господствовали въ правленіи Индіи. Для политической власти, управлявшей страною, стало настоятельною необходимостью позаботиться о средствахъ поправленія дѣлъ. Это была дѣйствительно минута великой борьбы партій въ Англіи, минута, когда два могущественныхъ противника, Питтъ и Фоксъ, долгое время, съ равными силами и различнымъ успѣхомъ, оспоривали власть другъ у друга. Дѣла Индіи, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ минуты, стали однимъ изъ эпизодовъ этого великаго политическаго поединка. По странному случаю, оба противника попремѣнно должны были разрѣшить этотъ вопросъ.

сдѣлавшійся вопросомъ о жизни или смерти министерства. Каждый изъ нихъ имѣлъ одинаковую цѣль увеличить министерское вліяніе на дѣла въ Индіи. Но надобно было заставить принять эти идеи оппозицію, руководимую опаснымъ соперникомъ. Собственно вопросъ исчезалъ, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, въ другомъ: кому послужитъ въ пользу это увеличеніе власти? Извѣстно неизбѣжное стремленіе всякаго представительнаго правленія заставлять обстоятельства идти вслѣдъ за лицами.

Въ этой продолжительной борьбѣ, гдѣ все становилось полемъ битвы для двухъ соперниковъ, индійскія дѣла въ особенности сосредоточили на себя ихъ дѣятельность: два билля, представленные тѣмъ и другимъ, были страшными оружіями, направленными на пораженіе противника. Въ эту минуту, Англія еще мало свыклась съ труднымъ механизмомъ своихъ учрежденій. Министры падали другъ за другомъ. Старый король Георгъ, досадуя на окружавшія его вражды и соперничества, предложилъ однажды единственный способъ соглашенія для министерской партіи и оппозиціи; онъ грозилъ назначить въ совѣтъ семь первыхъ джентельменовъ, которые ему встрѣтятся въ Горингъ-Кроссѣ. Выполненіе угрозы было бы, безъ всякаго

сомнѣнія, однимъ изъ любопытнѣйшихъ случаевъ въ исторіи правительствъ.

Какъ бы то ни было, по различнымъ политическимъ обстоятельствамъ, чуждымъ нашему предмету, Фоксъ оставилъ скамьи оппозиціи и сѣлъ подлѣ лорда Норта, съ которымъ такъ долго боролся. Явилось министерство коалиціи, славное въ исторіи британскаго парламента.

Дѣла Индіи были тогда, какъ мы уже сказали, однимъ изъ предметовъ, наиболѣе занимавшихъ общественное мнѣніе. Безпорядки всякаго рода, которыхъ страна была театромъ и къ которымъ новоучрежденное правленіе подавало поводъ, требовали всего вниманія парламента. Король, открывая парламентъ, указалъ ему на этотъ предметъ, какъ на важнѣйшій, которымъ онъ долженъ былъ заняться во время своихъ засѣданій. Голосъ Питта, державшагося тогда оппозиціи, требовалъ также реформы въ составѣ компаніи, „но реформы полной, столь же обширной, если возможно, какъ зло, которое должно искоренить, какъ благо, которое должно было осуществиться въ эту минуту.“ Онъ убѣждалъ новыхъ представителей власти представить поскорѣе проэктъ

„не съ временными мѣрами, не съ робкими средствами, но съ средствами сильными, дѣйствительными, сообразными съ требованіями болѣе и болѣе становящагося опаснымъ положенія (*).“

Фоксъ недолго заставилъ ждать своего отвѣта; по требованію соперника онъ внесъ въ парламентъ два билля, объявляя о нихъ какъ о средствѣ помочь злу, исправить всѣ безпорядки, на которые жаловалось общественное мнѣніе. Первый изъ этихъ биллей, по естественному раздѣленію своего содержанія, имѣлъ предметомъ реформу части правленія компаніи, находившійся въ Англіи; второй занимался частію правительства, находящагося въ Индіи и называемаго также англійскими историками мѣстнымъ правительствомъ. Что касается до средствъ, которыми онъ предполагалъ достигнуть этой цѣли, для узнанія ихъ достаточно будетъ сжато анализировать содержаніе его перваго билля.

Этимъ биллемъ Фоксъ совершенно измѣнялъ существовавшее до тѣхъ поръ правительство компаніи. Совѣтъ владѣльцевъ и совѣтъ

(*) Милль. Томъ IV. стр. 470. См. парламентскія пренія.

директоровъ уничтожались. Вмѣсто ихъ, семь коммиссаровъ, назначаемыхъ самымъ актомъ, установлявшимъ учрежденіе, избранныхъ слѣдственно парламентомъ, становились опекунами компаніи. Они были облечены полновластіемъ для управленія землями и распоряженія доходами Индіи; они имѣли право назначать чиновниковъ компаніи въ Индіи или въ Англіи. Ниже этихъ коммиссаровъ стояли девять директоровъ, положенныхъ актомъ учрежденія, т. е. назначаемыхъ министерствомъ и парламентомъ, и долженствовавшихъ имѣть каждый покрайней мѣрѣ по двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ; имъ поручалась матеріальная сторона торговли подъ надзоромъ коммиссаровъ. Фоксъ присвоивалъ коронѣ замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ этихъ послѣднихъ, совѣту владѣльцевъ замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ директоровъ; назначенія должно было производить по тайному баллотированію. Наконецъ директоры обязаны были отвѣчать въ двадцать одинъ день на всякую жалобу или требованіе по дѣламъ компаніи.

Сущность перемѣнъ, предложенныхъ Фоксомъ въ двухъ билляхъ, которыхъ содержаніе мы анализировали, влекла за собою совершенный переворотъ въ правленіи компаніи. Первымъ биллемъ Фоксъ не оставлялъ ни одного изъ учрежде-

ній компаніи, вышедшихъ изъ самаго существа дѣлъ и освященныхъ временемъ. Онъ уничтожалъ въ одно и тоже время и совѣтъ директоровъ и совѣтъ владѣльцевъ; онъ уничтожалъ тѣ въ высшей степени необходимыя отношенія, которыя не могутъ не существовать между владѣльцами и ихъ агентами; онъ отнималъ у первыхъ то, что называлось патронатствомъ Индіи, т. е. право раздачи должностей, что, по исключительному характеру правленія компаніи, было грабежемъ, истинною конфискаціею. Обширность и важность, полученныя вдругъ дѣлами Индіи, не могли же такъ измѣнить ихъ основы и существа; дѣло шло все таки объ управленіи общественными фондами. Не имѣли ли владѣльцы права требовать, чтобы этими фондами управляли избранные ими самими агенты? Что касается до втораго билля, то мы сказали уже, что содержаніе его было чисто отрицательное и это увольняетъ насъ отъ разсужденій о немъ.

Къ этимъ возраженіямъ противъ предложенной мѣры, возраженіямъ, взятымъ изъ самаго существа дѣла, присоединились еще другія, основывавшіяся на политическомъ состояніи Англіи. Еще за тридцать лѣтъ до того, великій Чатамъ опасался вліянія, которое па-

тронатство въ Индіи могло дать министерству. По странному противорѣчію, Фоксъ, перешедшій на сторону власти, исполнялъ мѣры, противъ которыхъ энергически возставалъ Фоксъ, глава оппозиціи.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соединившихся вмѣстѣ причинъ, противъ билля поднялась такая страшная буря, какой не возбуждало до тѣхъ поръ ни одно предложеніе. И оппозиція и общественное мнѣніе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ упрекали виновника билля въ отступленіи отъ правилъ, которыхъ держался онъ въ продолженіе всей своей жизни. Посреди этого политическаго разстройства, только лордъ Нортъ и члены прежней администраціи, сохраняли простое и разумное положеніе. Система вмѣшательства короны въ дѣла Индіи, защищаемая ими, торжествовала, правда усиліями ихъ противниковъ, но къ стыду этихъ послѣднихъ и къ славѣ ихъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ политическое положеніе болѣе ложное, болѣе лишенное всякаго достоинства, чѣмъ положеніе Фокса въ эту эпоху его парламентской жизни. Казалось, что не смотря на всѣ его способности, привычка къ оппозиціи сдѣлала его неспособнымъ къ правленію. Нельзя было съ большею неловкостью нести это тяж-

кое и трудное бремя. Проведши нѣсколько лѣтъ въ попыткахъ сокрушить или, покрайней мѣрѣ, сдѣлать безплоднымъ орудіе въ рукахъ противниковъ, онъ самъ пользовался имъ не въ мѣру. Разумѣется, попробовавши приподнять его, онъ поневолѣ выронилъ его изъ рукъ.

Питтъ воскликнулъ въ нижнемъ парламентѣ по представленіи билля: „не тѣ ли основанія, начало и главная цѣль билля, чтобы вся система индійскаго правленія сосредоточилась въ рукахъ семи человѣкъ, назначаемыхъ министерствомъ? Спрашиваю здравый смыслъ и добросовѣстность палаты: правъ я или нѣтъ, говоря такимъ образомъ? Можно ли иначе понять и истолковать этотъ билль? Кто будетъ назначать этихъ семь человѣкъ, призываемыхъ управлять Индіею? Не одно ли министерство?“

Едва стѣны нижняго парламента успѣли огласиться этими словами, какъ уже движеніе дѣлъ или, лучше сказать, капризъ политики низвергли Фокса съ вершины власти и поставили на нее его противника. Билль перваго, принятый нижнимъ парламентомъ, замеръ въ палатѣ перовъ. Питтъ, достигши снова власти, въ отношеніи къ дѣламъ Индіи находился въ одномъ положеніи съ Фоксомъ; онъ также, какъ министръ, обязанъ былъ сдержать обѣщанія

данныя имъ оппозиціи; дѣло, столь же трудное и тогда, какъ и впослѣдствіи. Но передъ такимъ препятствіемъ не отступилъ сынъ Чатама.

Питтъ министръ долженъ былъ желать того же самаго, чего желалъ и Фоксъ, т. е. увеличенія министерскаго вліянія на дѣла Индіи. Кромѣ того, онъ долженъ былъ прекратить безпорядки и безначаліе, которыхъ Индія была театромъ. Но если таковы же были его цѣли, средства имъ употребленныя были совершенно другія. Прежде всего онъ сохранилъ два основныя учрежденія компаніи: совѣтъ владѣльцевъ и совѣтъ директоровъ; онъ создалъ еще третье, подъ названіемъ контрольнаго отдѣленія. Онъ назвалъ этимъ именемъ собраніе изъ шести членовъ, выбираемое министерствомъ между коронными совѣтниками, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы разсматривать всѣ депеши, посылаемыя въ Индію совѣтомъ директоровъ, депеши, въ которыхъ, посредствомъ этого отдѣленія, можно было дѣлать дополненія, сокращенія и измѣненія. Оно могло также посылать въ Индію всѣ инструкціи, какія найдетъ оно благопричичными; имѣть, однимъ словомъ, обширное вліяніе на дѣла Индіи и забрать въ руки все управленіе ими. Питтъ создалъ кромѣ того тайный комитетъ, который бы служилъ органомъ сообщеній кон-

трольнаго отдѣленія съ совѣтомъ директоровъ, въ случаѣ, когда бы первое требовало тайны для своихъ инструкцій. Что касается до средствъ прекращенія безпорядковъ въ Индіи, Питтъ съ одной стороны увеличилъ для этого власть генералъ-губернаторовъ, съ другой ихъ отвѣтственность. Министерство обладало въ эту минуту большинствомъ въ нижнемъ парламентѣ и въ палатѣ лордовъ и билль пропущенъ былъ безъ затрудненій.

Всѣми этими распоряженіями Питтъ достигъ цѣли, къ которой парламентъ и министерство стремились со времени учрежденія компаніи. Политическая власть пріобрѣла вліяніе на дѣла Индіи. Дѣйствительно, по своему положенію, члены контрольнаго отдѣленія принадлежали министерству. Они были назначаемы имъ и состояли подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря; переписка директоровъ, другими словами, всѣ дѣла компаніи, подлежали имъ; кромѣ того, они могли посылать въ Индію всякаго рода частныя инструкціи. Однимъ словомъ, не только контроль, но и верховное управленіе дѣлами Индіи, находившееся до тѣхъ поръ въ рукахъ директоровъ, перешло въ руки этого новообразованнаго отдѣленія. Впрочемъ, по самому существу дѣла (что мы будемъ имѣть случай объяснить впослѣдствіи) совѣтъ директоровъ удержалъ въ рукахъ глав-

ное веденіе дѣлъ, отношенія его къ совѣту владѣльцевъ остались тѣже самыя. Власть контрольнаго отдѣленія принадлежала къ высшей сферѣ и не задѣвала, не оскорбляла частныхъ интересовъ. Министерство, посредствомъ этого отдѣленія, управляло дѣлами Индіи, но не вело этихъ дѣлъ.

Въ этомъ-то и заключается различіе, или лучшее сказать, противуположность этихъ биллей. Фоксъ стремился разрушить до основанія все прежнее правительство компаніи; это правительство, порожденное необходимостью и существомъ дѣлъ, онъ замѣнялъ другимъ, не имѣвшимъ никакихъ отношеній съ прошедшимъ и представлявшимъ слѣдственно за себя весьма мало ручательствъ въ будущемъ. Однимъ ударомъ онъ разрушалъ совѣтъ владѣльцевъ и совѣтъ директоровъ, конфисковалъ совершенно въ пользу короны натронатство, по всему праву считаемое частною собственностью, отдавалъ въ руки королевской власти и министерства огромныя средства подкупа. Но въ тоже самое время онъ нисколько не позаботился обезпечить за политическою властію страны общее, безкорыстное, просвѣщенное вліяніе на дѣла Индіи. Наконецъ самое значеніе его плана, произвольнаго и революціоннаго въ высшей степени, оставалось вполнѣ загадочнымъ. Прошедшее ни слова не говорило о будущемъ.

Напротивъ того Питтъ явился въ одно и тоже время и просвѣщеннымъ консерваторомъ и искуснымъ нововводителемъ. Изъ прежнихъ учрежденій онъ сохранилъ все, что только можно было удержать. Но онъ успѣлъ приложить это старое къ своему новому плану. Механизмъ прежняго правленія оставался такимъ же, какъ и былъ, отношенія между собою различныхъ его частей не были смѣшаны; прибавлена была только новая пружина, которая оставляла министерству возможность давать цѣлому общее направленіе. Подражая въ этомъ случаѣ природѣ, онъ усовершалъ, не разрушая. Посредствомъ искусно расчитанныхъ нововведеній, онъ успѣлъ согласить учрежденія, завѣщанныя прошедшимъ, съ требованіями минуты, съ нуждами настоящаго.

Питтъ явился человѣкомъ правленія и вмѣстѣ съ тѣмъ ораторомъ; Фоксъ только ораторомъ. Безъ сомнѣнія ораторъ и государственный человѣкъ различны между собою; но никогда, быть можетъ, бездна, ихъ раздѣляющая, не была яснѣе видима. И между тѣмъ, въ парламентскихъ правленіяхъ всего болѣе имѣетъ вліянія сила слова. Въ извѣстныхъ народныхъ зрѣлищахъ одинъ актеръ говоритъ или поетъ, а другой дополняетъ его жестами, соотвѣтствующими словамъ или пѣнію. Нельзя ли и въ парламентскихъ правленіяхъ соединить посредствомъ

различныхъ актеровъ способность дѣйствія и слова, такъ рѣдко соединенныя въ одномъ человѣкѣ?

Какъ бы то ни было, торжество политической власти надъ торговымъ вліяніемъ въ дѣлахъ Индіи начало собою новую эру въ исторіи правленія компаніи. Тогда только правленіе это достигло послѣдней степени прочности и твердости, къ которымъ оно было способно. Пора теперь разсмотрѣть въ подробностяхъ двойственный механизмъ, описать двѣ различныя, составляющія его части: одну дѣйствующую въ Англіи, другую въ Индіи.

Но нельзя непосредственно обнять этой послѣдней стороны нашего предмета; прежде всего нужно намъ отдать себѣ отчетъ въ положеніи индійскаго правленія въ эпоху нововведеній Питта и въ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому положенію, которыхъ оно само было только результатомъ.

Бросимъ же быстрый взглядъ на административную исторію британской имперіи въ Индіи.

ГЛАВА VI.

О происхожденіи правленія Индіи; о перемѣнахъ, которымъ оно подверглось въ первый періодъ своего существованія.

Самое существо дѣлъ компаніи требовало, чтобы часть его правленія пребывала въ Индіи.

Съ начала XVIII вѣка, компанія имѣла конторы въ Калькуттѣ, Бомбеѣ и Мадрасѣ. Въ этихъ трехъ мѣстахъ она пользовалась значительными коммерческими интересами; отсюда произошла для нея необходимость надзирать за ними; отсюда необходимость извѣстнаго числа чиновниковъ въ Индіи, необходимость организаціи, которой бы подчинялись эти чиновники; однимъ словомъ, необходимость правленія. Правленіе это создалось и образовалось не вдругъ. Какъ другая часть общаго правленія компаніи, находившаяся въ Индіи, оно вышло изъ самаго существа дѣлъ, было потомъ постепенно измѣняемо по обстоятельствамъ и необходимости; прибавимъ еще, что въ борьбѣ съ внутренними запутанными обстоятельствами, оно подвергалось многимъ опаснымъ кризисамъ и сохранилось только постоянными измѣненіями,

Интересы компаніи, въ началѣ по существу своему чисто торговой, были вслѣдствіе

того въ высшей степени просты; принимаемыя мѣры совершенно опредѣленны. Каждый изъ имѣющихъ интересъ въ дѣлѣ былъ способенъ разсуждать о немъ. Приведеніе этихъ мѣръ въ исполненіе могло быть безразлично предоставлено кому либо изъ учавствовавшихъ въ разсужденіи, или поручено по рѣшенію совѣта владѣльцевъ и совѣта директоровъ одному изъ ихъ чиновниковъ, который бы спеціально управлялъ этою частью. Отсюда двѣ эти различныя части, власть законодательная, или разсуждающая, и власть исполнительная, которыя, подъ разными формами, въ различныхъ отношеніяхъ, встрѣчаются во всякомъ правленіи, части, которыя, съ самаго начала компаніи, явились подъ именемъ совѣта владѣльцевъ и совѣта директоровъ.

Въ Индіи, двѣ власти породили совѣтъ, имѣвшій предметомъ разсужденіе о дѣлахъ и исполнительную власть, сосредоточенную въ рукахъ одного человѣка, носящаго титулъ губернатора. Совѣтъ директоровъ въ Англіи, губернаторъ въ трехъ столицахъ Индіи, находились слѣдовательно въ одинаковомъ отношеніи одинъ къ совѣту владѣльцевъ, другой къ своему совѣту. До извѣстной степени, они сохранили одинаковое числительное отношеніе съ тѣмъ цѣлымъ, изъ котораго они вышли: въ Англіи, власть совѣта состоявшаго съ начала изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, сосредоточилась потомъ въ рукахъ

24-хъ изъ нихъ; порученная въ Индіи совѣтомъ въ руки шести или двѣнадцати человѣкъ, она досталась наконецъ одному.

Двѣ эти стихіи, вышедши изъ самаго существа дѣлъ, пережили всѣ тѣ внутренніе перевороты, которымъ подверглось правленіе Индіи. Но ихъ различныя соотношенія, ихъ обыкновенныя сношенія между собою, испытали множество перемѣнъ. Нельзя завести съ разу механизма ни одного правленія; думать противное чрезвычайно ошибочно. Какъ бы то ни было, измѣненія, происшедшія въ первоначальномъ составѣ этихъ двухъ стихій, въ ихъ взаимныхъ между собою отношеніяхъ составляютъ административную или правительственную исторію Индіи.

Мы попытаемся изложить ее въ краткомъ очеркѣ, какъ мы уже сдѣлали въ отношеніи къ части правленія компаніи, находящейся въ Англіи.

Вышедшее изъ обстоятельствъ и составленное изъ стихій, о которыхъ мы уже говорили, управленіе Индіей или, лучше сказать, интересами компаніи въ Индіи, въ первый разъ опредѣлилось въ 1709 году. Слитіе между собою за нѣсколько времени до того двухъ компаній дало почувствовать необходимость полнаго преобразованія ихъ правленія. Законодательство раздѣлило Индію на три президенства

или губернаторства: Калькутту, Мадрасъ и Бомбей, назначивши въ каждомъ губернатора или президента. Совѣтъ изъ четырехъ членовъ долженъ былъ вспомоществовать этому чиновнику и собственно распоряжался имъ, ибо всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ.

Самый блестящій періодъ исторіи компаніи прошелъ въ продолженіи этого ея образованія. Не разъ случались обстоятельства весьма критическія, но какъ и всегда, обстоятельства выводили за собою людей, которые въ нихъ нужны. Потребности минуты создаютъ нѣкотораго рода диктатуру для тѣхъ, которые смѣло идутъ противъ обстоятельствъ и берутъ въ руки власть. Это и случилось. Въ этомъ единственно заключалось средство помочь слабости исполнительной власти, подчиненной, какъ мы уже сказали, законодателемъ власти постановляющей. Но это неудобство было не первое, оказавшееся при исполненіи на дѣлѣ этого перваго устава.

Зато, независимость, въ которой три президентства находились одно въ отношеніи къ другому, противорѣчіе, происходившее отъ того въ мѣрахъ принимаемыхъ каждымъ, недостатокъ цѣлости и единства во всемъ правленіи Индіи непосредственно поражали всѣхъ.

Законодатель положилъ себѣ цѣлію помочь всему этому въ той части билля 1773 го-

да, которая относилась къ правленію въ Индіи. Онъ назначилъ генералъ - губернатора съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній жилъ въ Калькуттѣ и чтобы ему были подчинены двое другихъ губернаторовъ, живущихъ въ Мадрасѣ и Бомбеѣ. Президентство бенгальское стало мѣстопребываніемъ правительства Индіи, получившаго имя верховнаго правительства. Генералъ-губернатору приданъ былъ въ помощь совѣтъ, состоящій изъ четырехъ членовъ. Каждый изъ двухъ другихъ губернаторовъ точно также имѣли при себѣ подобный совѣтъ. Всѣ дѣла окончательно восходили къ генералъ-губернатору. Этотъ послѣдній получилъ неограниченную власть надъ двумя другими президентствами. Подчиненность между президентствами Индіи заступила мѣсто независимости, въ которой находились они до тѣхъ поръ въ отношеніяхъ другъ къ другу. Администрація получила единство, сосредоточилась. Изъ трехъ различныхъ правленій законодатель создалъ одно.

Съ другой стороны, власть исполнительная и власть постановляющая, въ каждомъ изъ президентствъ, продолжали оставаться въ самыхъ ложныхъ и въ самыхъ запутанныхъ отношеніяхъ между собою. Генералъ-губернаторъ былъ собственно только президентъ совѣта или верховнаго правленія. Всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ; въ случаѣ раздѣленія голосовъ, голосъ генералъ-губернатора имѣлъ пере-

вѣсъ. Точно таково же было отношеніе губернатора къ его совѣту въ двухъ другихъ президентствахъ. Генералъ-губернаторъ получилъ слѣдственно возможность передавать подчиненнымъ президентствамъ, какъ законъ, рѣшеніе верховнаго совѣта; но въ этомъ совѣтѣ не могъ доставить торжества своему собственному мнѣнію. Законодатель позаботился о предупрежденіи несогласій между президентствами, но нисколько не устранилъ неудобства, могущія произойти вслѣдствіе несогласій между властями каждаго президентства въ отдѣльности. Вслѣдствіе этого небреженія, этого забвенія законодателя, внутреннія несогласія стали характеристическою чертою того періода правительственной исторіи Индіи, который открывается этимъ биллемъ.

Едва былъ учрежденъ верховный калькуттскій совѣтъ, какъ онъ тотчасъ же раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, на два вооруженные лагеря. Съ одной стороны былъ генералъ-губернаторъ, тогда Уорренъ Гестингсъ, съ однимъ членомъ (*), которые оба давно уже жили въ Индіи, знали ея религію, нравы, законы: съ другой трое новыхъ совѣтниковъ (**), людей почтенныхъ, даже талантливыхъ, но совершен-

(*) М. Баруелемъ.

(**) Генералъ Клеверингъ, Менсонъ, Френсисъ.

но чуждыхъ тому міру, въ который они вступали, расположенныхъ прилагать къ нему свои европейскія идеи, и по выраженію одного историка „учившихся управлять Индіею только въ Англіи (*).“

Не было, разумѣется, никакихъ точѐкъ соприкосновенія, никакой возможности сближенія между партіями такимъ образомъ составленными. Съ самаго начала, съ самаго происхожденія своего, такъ сказать, исполнительная власть оказалась меньшинствомъ. Это орудіе, которое, по мысли законодателя, долженствовало быть сильно въ рукахъ генералъ-губернатора Индіи, вдругъ оказаалось слабымъ и непрочнымъ. Различіе мнѣній, происходившее отъ различія убѣжденій, обратилось у противниковъ Уоррена Гестингса въ систематическую, упорную, несокрушимую оппозицію. Самыя лучшія причины, самыя убѣдительныя доказательства разбивались объ нее, какъ стекло о камень (**).

---

*) Мэлькольмъ. Томъ II, стр. 39.

(**) Гестингсъ самъ описалъ намъ недостатки правительственной системы, которой онъ былъ главою. Онъ излагаетъ всю неудобность власти, раздѣленной поровну между многими, гдѣ искатели мѣстъ судятъ поведеніе людей, занимающихъ эти мѣста впроч. Онъ говоритъ также объ удобствахъ, которыя бы онъ могъ извлечь изъ своего положенія, если бы правительственная система устроена была иначе. „Если бы, говоритъ онъ, законодательный актъ,

Положеніе Уоррена Гестингса, какъ весьма легко угадать, стало самымъ страннымъ и самымъ труднымъ, какое когда либо испытывалъ государственный человѣкъ. Обстоятельства были запутаны, политическая необходимость побуждала Гестингса къ великимъ подвигамъ, онъ понималъ это, онъ стоялъ въ уровень съ своимъ положеніемъ. Но всѣ средства дѣятельности были у него отняты; диктаторы, полководцы, государственные люди, которымъ

утвердившій меня на мѣсто президента учрежденій бенгальской компаніи, облекъ меня обширною властью; если бы онъ обезпечилъ за мною помощь моихъ товарищей по власти, вмѣсто того, чтобы дать мнѣ въ нихъ враговъ; если бы, вмѣсто подкрѣпленія надеждъ, которыя могли осуществиться только съ моимъ выходомъ изъ службы, онъ заставилъ молчать пристрастный голь партій и внушалъ чиновникамъ компаніи повиновеніе мнѣ, отъ котораго они конституціонно зависѣли; если бы этотъ актъ, передавая контроль надъ дѣлами компаніи отъ совѣта директоровъ министерству, ограничилъ, а не расширилъ притязанія на патронатство людей, имѣющихъ большое вліяніе или дружныхъ съ людьми, имѣющими большое вліяніе; если бы для того, чтобы удержаться на мѣстѣ, я долженъ бы имѣть только вѣрный взглядъ и умѣть принимать нужныя сильныя мѣры, а не угождать всѣмъ этимъ притязаніямъ; тогда бы я долженъ былъ просить о снисхожденіи въ случаѣ неуспѣха моихъ плановъ. Но я былъ поставленъ въ совершенно противное положеніе. Уорренъ Гестингсъ. Мэлькольмъ, томъ II. стр. 42.

суждено играть роль въ великихъ событіяхъ, необходимо должны обладать временною силою, возможностью дѣйствовать. Все равно, что бы ни было источникомъ ихъ силы: милость короля, довѣріе солдатъ — они должны владѣть силою. Гестингсъ напротивъ самъ изъ себя долженъ былъ почерпатъ эту силу, эту власть.

Нужно ли было привести въ исполненіе какую либо политическую, военную, законодательную мѣру, онъ могъ сдѣлать это только случайно, т. е. усыпивши какъ нибудь на время вражду своихъ непріятелей. Но случайное торжество не бывало и не могло быть продолжительно; такъ, что лучшая часть способностей Гестингса тратилась на выкованіе оружія, которое должно было послужить всего на одинъ разъ. Почти вся энергія его духа истощилась не въ дѣятельности, но въ доставленіи себѣ средствъ и возможности дѣйствовать. Это былъ атлетъ, которому для приготовленій къ битвѣ нужно было больше силъ, чѣмъ для самой битвы. Смерть генерала Клеверинга, раздѣлившии совѣтъ на двѣ равныя части, возвратила ему правда власть, вслѣдствіе перевѣса его голоса. Но это былъ только счастливый случай, непредвидѣнный законодателемъ. До этой же минуты нельзя видѣть положенія Гестингса безъ глубокаго сожалѣнія къ этому могущественному борцу, скованному такими тѣсными узами и вмѣстѣ

съ тѣмъ не удивляться тому, кто, несмотря на всѣ эти препятствія, умѣлъ совершить столько великаго.

Въ Мадрасѣ, подобный же недостатокъ въ организаціи властей, повелъ за собою такія же слѣдствія. Лордъ Пиготъ, какъ Уорренъ Гестингсъ, побѣждаемъ былъ большинствомъ въ совѣтѣ и выпустилъ изъ рукъ власть. Но потому ли, что лордъ Пиготъ, человѣкъ съ рѣшительнымъ характеромъ, пошелъ дальше въ своей враждѣ противъ большинства, потому ли напротивъ, что большинство это состояло изъ людей болѣе рѣшительныхъ, чѣмъ противники Гестингса, дѣло въ томъ, что дѣла здѣсь шли еще хуже, чѣмъ въ Калькуттѣ. Большинство совѣта, рѣшая о мѣрахъ, думало заставить исполнять ихъ самого лорда Пигота; право въ этомъ отношеніи прямо находилось на сторонѣ большинства, но лордъ Пиготъ отказывался отъ повиновенія; еще болѣе: онъ предоставлялъ себѣ право останавливать рѣшенія совѣта. Отсюда борьба, въ которой то лордъ Пиготъ, то большинство прибѣгали къ самымъ сильнымъ мѣрамъ. Но побѣда осталась за большинствомъ. Командованіе арміею было отнято у губернатора, передано одному изъ офицеровъ его свиты; самъ лордъ Пиготъ былъ арестованъ за тѣмъ, чтобы быть отвезеннымъ въ послѣдствіи въ Англію. Онъ находился еще подъ арестомъ, когда полученъ приказъ совѣта директоровъ, пове-

лѣвавшій возвратить лорду Пиготу полную власть; но это было уже поздно: раздраженіе, неудобство заключенія и вліяніе климата освободили его еще прежде отъ страданій.

Зная подобное состояніе дѣлъ, Уорренъ Гестингсъ, болѣе чѣмъ кто либо, могъ говорить (*): „если обращать вниманіе на интересы націи, то необходимо совершенно и всецѣло измѣнить всю правительственную систему Индіи.“

Фоксу первому предназначено было, на его парламентскомъ поприщѣ, попытаться произвести ее. Второй изъ двухъ биллей, представленныхъ имъ по вступленіи въ министерство коалиціи, имѣлъ предметомъ эту попытку. Но этотъ второй билль достигалъ своей цѣли еще менѣе перваго, уже нами разобраннаго. Онъ не достигалъ цѣли вслѣдствіе совершенно противуположныхъ первому недостатковъ.

Первый билль предлагалъ совершенный переворотъ въ той части правленія компаніи, которая находилась въ Англіи. Второй напротивъ оставлялъ правленіе Индіи въ совершенно прежнемъ состояніи. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ предложеній, прямо или косвенно направленныхъ на порицаніе поведенія Гестингса въ различныхъ обстоятельствахъ (**); имъ вну-

---

(*) Уорренъ Гестингсъ. Мэлькольмъ, томъ II. стр. 42.

(**) „Правительство Индіи было обязано самою строгою под-

шалось повиновеніе приказамъ директоровъ, отъ котораго Гестингсъ иногда принужденъ былъ уклоняться; сообщеніе переписки генералъ-губернатора совѣту, потому что Гестингсъ иногда отказывался отъ подобнаго сообщенія и проч.

И въ этомъ случаѣ, практическій перевѣсъ Питта надъ его соперникомъ выказался также ярко, какъ и при первомъ биллѣ.

Питтъ, какъ и прежде, уважилъ основныя учрежденія правленія Индіи; но онъ умѣлъ искусно измѣнить для своей цѣли различныя ихъ части и ихъ взаимныя отношенія. Причина изложенныхъ нами безпорядковъ была весьма ясна: несогласія правительства исполнительнаго съ правительствомъ постановляющимъ были слѣдствіемъ относительной слабости перваго. Билль Питта обращенъ былъ прямо на самый корень зла. Генералъ-губернаторская власть была значительно расширена; въ силу новаго билля,

---

чиненностью приказаніямъ директоровъ. Губернаторы должны были представлять совѣтамъ всю свою переписку. Весь билль былъ написанъ съ явною цѣлью замарать Гестингса, который иногда не повиновался совѣту директоровъ, отказывался сообщать совѣту свою переписку, дозволилъ своему баніану получать иногда подарки отъ туземцевъ, наконецъ допустилъ въ Бенгаліи монополіи, которыя будто бы надѣлали много зла." Милль, стр. 472, 473.

генералъ-губернаторъ долженъ былъ обращаться къ совѣту только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и избѣгать его участія во множествѣ другихъ; могъ отказываться отъ его вмѣшательства когда хотѣлъ и брать на свою отвѣтственность всѣ мѣры, которыя найдетъ приличными. Совѣтъ имѣлъ только одно право представленія, но генералъ-губернаторъ не былъ обязанъ подчиняться этому представленію. Генералъ-губернаторъ могъ еще (дѣло до тѣхъ поръ неслыханное) переносить мѣстопребываніе индійскаго правительства всюду, куда онъ найдетъ это выгоднымъ.

Искусствомъ и силою Питта, двѣ части правительства компаніи, находящаяся въ Англіи и находящаяся въ Индіи, подвергались окончательному преобразованію. Политическая власть обладала въ первой, власть генералъ-губернатора во второй. Давно уже обстоятельства вели къ этому послѣдствію. Учрежденіе, измѣненное въ нѣкоторыхъ частяхъ Питтомъ, могло существовать безъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, пока существуетъ сама компанія. Первоначальныя стихіи правительственной организаціи, вліянія, оспоривавшія другъ у друга преимущество, нашли наконецъ свои условія равновѣсія.

ГЛАВА VII.

О части правленія компаніи, находящейся въ Англіи.

Часть правленія компаніи, находящаяся въ Англіи, состоитъ изъ трехъ отдѣленій: совѣта владѣльцевъ, совѣта директоровъ и контрольнаго отдѣленія. Мы показали, какъ два первыя вышли изъ самой сущности вещей; мы показали, какъ третье, присоединенное къ двумъ первымъ, передало въ руки правительства главное управленіе дѣлами Индіи.

Пора теперь разсмотрѣть въ подробности три эти части управленія Индіей, какъ по внутреннему существу ихъ, такъ и по ихъ взаимнымъ отношеніямъ, совокупность которыхъ составляетъ самую дѣятельность правительства.

Совѣтъ владѣльцевъ основа правленія компаніи; онъ есть источникъ и начало власти.

Совѣтъ владѣльцевъ состоялъ первоначально изъ всѣхъ хозяевъ какой бы то ни было части общественнаго капитала; одно это давало право участія въ немъ. Національность, религія, различія занятій не были причинами исключающими. Англичане, французы или нѣмцы, католики или протестанты, лорды или плебеи,

солдаты, матросы или торговцы сидѣли здѣсь рядомъ. Интересъ составлялъ единственную общественную связь. Тайное баллотированіе, эта важная часть програмы современной англійской оппозиціи, существовало тамъ съ самаго начала. Впослѣдствіи мелкіе владѣльцы были исключены; для засѣданія въ совѣтѣ стали требовать обладанія извѣстною значительною частью общественнаго капитала. Голоса стали считать не поголовно, но по капиталу каждаго, съ условіемъ, чтобы владѣніе имъ восходило за годъ. Тысяча фунтовъ стерлинговъ давали право на одинъ голосъ, три тысячи на два, шесть тысячъ на три, десять тысячъ и больше на четыре (*). Владѣльцы капиталовъ отъ 500 до 1000 фунтовъ, присутствовали въ общемъ собраніи, но имѣли только право совѣтодательства; отсутствующіе и несовершеннолѣтніе не имѣли права голоса.

Совѣтъ владѣльцевъ собирался четыре раза въ годъ, въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ. Онъ былъ созываемъ еще и въ другія эпохи, въ необходимыхъ случаяхъ. Девять владѣльцевъ имѣли право требовать этого собранія; для это-

---

(*) Въ 1833 году число имѣющихъ право голоса было 1976; именно: 54 съ 4 голосами, 50 съ 3-мя, 1502 съ однимъ. Смотри Enq. génér. стр. 11.

го довольно просьбы, подписанной ими и поданной совѣту директоровъ (*).

Президентомъ (Speaker) въ собраніяхъ совѣта владѣльцевъ былъ президентъ совѣта директоровъ; совѣту владѣльцевъ ежегодно доставляемъ былъ 30 апрѣля общій отчетъ о состояніи дѣлъ; имъ назначались члены совѣта директоровъ, выбираемые изъ владѣльцевъ фондовъ компаніи, соединявшихъ извѣстныя условія, о которыхъ мы скажемъ въ свое время; онъ могъ также исключать прежде назначенныхъ членовъ (**), объявлялъ о дивидендахъ общественнаго фонда, которые впрочемъ, въ силу парламентскихъ актовъ, недолжны были превышать десяти процентовъ на сто (***); измѣнялъ по своему произволу постановленія, относящіяся къ интересамъ общины, съ тѣмъ однако, чтобы эти измѣненія не противорѣчили актамъ парламента (****); имѣлъ верховный контроль надъ

(*) Съ 1814 по 1830 было ежегодно по двѣнадцати такихъ собраній.

(**) Если директора признавали виновнымъ въ чемъ либо или предполагали неспособнымъ отправлять обязанности своего званія, совѣтъ владѣльцевъ лишалъ его мѣста и отдавалъ это мѣсто другому. Монтгомери Мертинъ.

(***) Актъ парламента 1813. Общественный фондъ компаніи состоялъ изъ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Монтгомери Мертинъ стран. 58.

(****) Монтгомери Мертинъ. Это ограниченіе, разумѣется, уничтожало самое право.

всякимъ прибавленіемъ жалованья выше 200 фунтовъ стерлинговъ, надъ всякимъ вознагражденіемъ выше 600, надъ учрежденіемъ всякой новой должности въ Англіи или въ Индіи; президентъ сообщалъ ему всѣ акты парламента, относящіеся къ дѣламъ компаніи; совѣтъ, по внушенію его, давалъ по большинству голосовъ постановленія и проч. Онъ пользовался также правомъ одобрять или не одобрять гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, назначать денежныя награды ниже 6000 фунтовъ; о наградахъ выше этой суммы предлагать совѣту директоровъ, который самъ обязанъ былъ доносить объ этомъ контрольному отдѣленію. Совѣтъ имѣлъ еще право требовать доставленія всѣхъ, какихъ бы то ни было, документовъ, могущихъ, по какому бы то ни было случаю, интересовать компанію. Но ему было воспрещено измѣнять, какимъ бы то ни было образомъ, акты совѣта директоровъ, утвержденные контрольнымъ отдѣленіемъ.

Способъ рѣшенія дѣлъ въ совѣтѣ владѣльцевъ былъ сходенъ съ способомъ нижняго парламента. Каждый членъ имѣлъ право дѣлать предложенія и требовать раздѣла голосовъ въ извѣстномъ вопросѣ. Тайное собираніе голосовъ дѣлалось по требованію девяти владѣльцевъ, имѣющихъ нужныя качества для подачи голоса. Въ такомъ случаѣ, собираніе голосовъ начиналось черезъ двадцать четыре часа послѣ подачи предложенія и было открыто отъ по-

лудня до шести часовъ. Если голоса раздѣлялись поровну, шаръ, вынутый президентомъ на удачу, составлялъ большинство. Засѣданіе совѣта оставалось публичнымъ во все продолженіе балотированія.

Совѣтъ директоровъ составляемъ былъ по тайному баллотированію совѣта владѣльцевъ; онъ состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ, избираемыхъ изъ владѣльцевъ общественнаго фонда, соединяющихъ въ себѣ слѣдующія условія: родиться британскимъ подданнымъ или вступить въ британское подданство; владѣть двумя тысячами фунтовъ стерлинговъ въ фондахъ компаніи; не быть директоромъ ни англійскаго банка, ни компаніи южнаго моря; прожить покрайней мѣрѣ два года въ Англіи, если онъ занималъ прежде какую либо должность въ Индіи; не служить въ эти два года ни въ какой морской должности компаніи; наконецъ ни подъ какимъ видомъ, ни прямо ни косвенно, ни лично ни черезъ другихъ, не дѣлать никакого поступка, имѣющаго цѣлію пріобрѣтеніе хотя бы одного голоса. Назначенный при соблюденіи всѣхъ этихъ условій директоръ долженъ былъ давать присягу: не вести никакой торговли на свой собственный счетъ, не принимать никакой должности отъ короны, не принимать ни прямо ни косвенно подарковъ, выгодъ и проч. ни подъ какимъ видомъ. Директоръ обязывался кромѣ того не уѣзжать изъ

Англіи безъ согласія владѣльцевъ и въ случаѣ выѣзда не быть въ отсутствіи долѣе года.

Совѣтъ директоровъ возобновлялся четвертью, т. е. ежегодно выходили шесть его членовъ по старшинству. Выходящіе члены могли быть избираемы вновь и дѣйствительно часто избирались къ концу года. Отсюда возможность для совѣта сохранять для себя людей, привыкшихъ къ дѣламъ, предоставляя совѣту владѣльцевъ все вліяніе его на назначеніе. Совѣтъ директоровъ ежегодно назначалъ президента и вицепрезидента, выбираемыхъ изъ его членовъ, и въ этомъ случаѣ никакое ограниченіе не стѣсняло его выбора; полное присутствіе состояло изъ тринадцати членовъ. Онъ подраздѣлялся для управленія дѣлами на двѣнадцать комитетовъ, соотвѣтствующихъ двѣнадцати категоріямъ дѣлъ. Эти комитеты большею частію состояли изъ тѣхъ же лицъ; тѣмъ не менѣе, раздѣленіе имѣло свою пользу: оно устанавливало порядокъ въ дѣлахъ; притомъ какъ каждый комитетъ имѣлъ при себѣ извѣстное число постоянно служившихъ низшихъ чиновниковъ, то предметы обыкновенно были обсуживаемы людьми, спеціально занимавшимися частію; никакія подробности, какъ бы незначительны онѣ ни казались, не были пренебрегаемы, не смотря на великое множество дѣлъ (*).

(*) См. примѣчаніе въ концѣ тома.

Совѣтъ директоровъ имѣлъ своимъ предметомъ администрацію всей Индіи, администрацію, которая изъ надзора за интересами чисто торговыми возвысившись до управленія обширнымъ государствомъ, не могла не быть исполнена самыхъ тяжелыхъ и запутанныхъ подробностей. Комитетъ корреспонденціи, составленный изъ девяти самыхъ старшихъ членовъ совѣта, изъ президента и вицепрезидента, приготовлялъ депеши, постановленія, инструкціи и проч. Президентъ прежде всего читалъ всѣ депеши, касающіяся дѣлъ Индіи и доставленныя совѣту; онъ передавалъ ихъ своимъ сочленамъ, разсуждалъ съ ними о предметахъ этихъ депешъ; на мѣстѣ же составляемъ былъ проэктъ отвѣта, который писался чиновникомъ совѣта и ревизовался потомъ комитетомъ корреспонденціи. Одобренный или измѣненный совѣтомъ, этотъ проэктъ посылался въ контрольное отдѣленіе, которое съ своей стороны подвергало его всѣмъ нужнымъ измѣненіямъ; потомъ, отсылало къ совѣту директоровъ, съ прописаніемъ причинъ сдѣланныхъ въ немъ измѣненій. Собственно впрочемъ, для сокращенія дѣлопроизводства ввелся обычай непосредственно и подъ условною формою сообщать проэктъ отвѣта президенту контрольнаго отдѣленія, который такимъ же образомъ сообщалъ свое мнѣніе. Въ случаѣ, когда совѣтъ директоровъ отказывался послать въ Индію депеши, передѣланныя контрольнымъ

отдѣленіемъ, онъ могъ подавать апелляцію королю и его совѣту. Всѣ индійскія дѣла, какъ видно съ самаго перваго взгляда, стекались въ этотъ комитетъ корреспонденціи; ему принадлежали администрація и управленіе Индіи, подъ главнымъ надзоромъ контрольнаго отдѣленія. Обязанности другихъ комитетовъ были весьма неважны, сравнительно съ его обязанностями.

Таковъ былъ общій ходъ дѣлъ въ большей ихъ части; но бывали также обстоятельства, когда сношенія совѣта директоровъ съ правительствомъ Индіи требовали тайны. Въ такомъ случаѣ совѣтъ назначалъ особенный комитетъ для разбора этихъ дѣлъ и соглашенія съ контрольнымъ отдѣленіемъ. Чрезъ него проходили всѣ инструкціи, касающіяся войны, мира, сношеній съ индійскими государствами, инструкціи, въ отношеніи къ которымъ онъ не имѣлъ никакого права на измѣненія и которыя онъ обязанъ былъ только передавать. Этотъ комитетъ, составленный изъ президента, вицепрезидента и трехъ членовъ совѣта, изъ которыхъ одинъ былъ обыкновенно старшій, назывался *тайнымъ комитетомъ*. Члены давали присягу, опредѣленную послѣдней конституціей правительства компаніи. Созданіе Питта, равно какъ и контрольное отдѣленіе, комитетъ этотъ былъ точкою соприкосновенія между симъ послѣднимъ и совѣтомъ директоровъ. Это

было звѣно, связывавшее новое учрежденіе съ старымъ учрежденіемъ компаніи.

Контрольное отдѣленіе состояло изъ перваго лорда казначейства, канцлера казначейства и изъ другихъ членовъ королевскаго совѣта. Президентъ, назначаемый министерствомъ, принадлежалъ вообще къ нему и перемѣнялся вмѣстѣ съ министерскими перемѣнами. Точно также и другіе, на жалованьѣ состоявшіе, члены отдѣленія.

Отношенія совѣта директоровъ и контрольнаго отдѣленія уяснютъ намъ обязанности этого отдѣленія. По словамъ устава ему принадлежала: „власть надзора и контроля надъ всѣми поземельными владѣніями компаніи восточныхъ Индій, контроль и управленіе всѣми дѣйствіями, предпріятіями, рѣшеніями и проч., которыя, какимъ бы то ни было образомъ, относились къ администраціи, къ войску, доходамъ англійскихъ владѣній въ Индіи (*).“ Слѣдовательно, контрольное отдѣленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было между министерствомъ и компаніею тѣмже, чѣмъ тайный комитетъ былъ между совѣтомъ директоровъ и этимъ контрольнымъ отдѣленіемъ, т. е. каналомъ ихъ сношеній, органомъ вліянія, которому совѣтъ директоровъ долженъ былъ подчиняться. Оно

(*) Донесеніе спеціальнаго комитета.

представляло собою политическую мысль совѣта директоровъ и совѣта владѣльцевъ, такъ какъ министерство представляло политическую мысль двухъ палатъ. Но этимъ и ограничивалось все сходство положенія, которое въ другихъ пунктахъ было существенно различно. Министерство дѣйствительно выходило изъ двухъ палатъ, представляло собою ихъ большинство, тогда какъ контрольное отдѣленіе назначаемо было властію внѣ компаніи.

Власть, принадлежавшая контрольному отдѣленію, была огромна, или лучше сказать, неограничена по праву, хотя на практикѣ были уклоненія. Всѣ предосторожности были впрочемъ взяты для того, чтобы оно свободно пользовалось этою властію.

Контрольное отдѣленіе получаетъ отъ совѣта директоровъ копію со всякой депеши, прибывшей изъ Индіи, каково бы ни было ея содержаніе. Оно получаетъ также копію со всякаго проэкта депеши, предположенной совѣтомъ для отправленія въ Индію. Оно указываетъ на измѣненія, которыя считаетъ благоприличными въ этихъ депешахъ, и совѣтъ директоровъ обязанъ сообразоваться съ ними. Контрольное отдѣленіе можетъ посылать въ Индію, черезъ посредство тайнаго комитета, всякаго рода депеши и инструкціи. Совѣтъ директоровъ, въ случаѣ, когда депеши отдѣленія, вмѣсто обык-

новешнаго пути идутъ въ тайный комитетъ, не имѣетъ никакого права входить съ представленіемъ. Совѣтъ директоровъ не можетъ послать ни одной строки, не выдержавшей просмотра контрольнаго отдѣленія. Однимъ словомъ, это послѣднее имѣетъ право на всякое правительственное дѣйствіе въ Индіи, тогда какъ совѣтъ директоровъ, напротивъ того, не имѣетъ этого права. На этомъ основаніи, нѣсколько отрицательномъ, контрольное отдѣленіе пользуется, или покрайней мѣрѣ, можетъ пользоваться, совершенно диктаторскою властію надъ индо-британскою имперіей.

Специальный комитетъ, которому поручено было представить въ 1853 году донесеніе нижнему парламенту объ индійскихъ дѣлахъ, говоря о правахъ контрольнаго отдѣленія, удивлялся, ужасался, такъ сказать, ихъ огромности. „Пока будетъ принято за основаніе, сказано въ этомъ донесеніи, что власти Индіи должны быть управляемы властями, находящимися въ Англіи, нельзя и думать, чтобы могла быть уменьшена и облегчена подавляющая масса работы. Единственное средство помочь злу раздѣлить трудъ и отвѣтственность (*).“ Но этого средства невозможно приложить къ правительству Индіи. Можетъ быть, возможно не идти отъ раздробленія власти къ

(*) Донесеніе, стр. 15, 16.

ся сосредоточенію. Но отъ сосредоточенія возвращаться къ раздробленію дѣло совершенно невозможное, покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока правительство, каково бы оно ни было, сохраняетъ свою силу и энергію. Всякая система администраціи, какъ бы сама собою, стремится къ сосредоточенію; по крайней мѣрѣ, такъ естественно думать при настоящихъ обстоятельствахъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ менѣе Англіи стремленія и привычки къ централизаціи; всего болѣе были повидимому неспособны къ ней дѣла компаніи и между тѣмъ здѣсь является тоже результатъ.

Контрольное отдѣленіе, точно также, какъ и совѣтъ директоровъ, раздѣляется въ отношеніи къ управленію дѣлами на шесть комитетовъ, каждому изъ которыхъ подлежатъ различныя категоріи дѣлъ (*).

Взаимныя отношенія совѣта директоровъ и контрольнаго отдѣленія долженствовали бы, повидимому, быть причиною нѣкотораго рода соперничества между ними. Тѣмъ съ большимъ правомъ можно это думать, что власть отдѣленія заключается въ особенности въ цензурѣ дѣйствій совѣта. Но факты прямо противорѣчатъ здѣсь теоріи. Совершенное согласіе, кромѣ,

(*) Категоріи эти суть: 1) счетность, 2) доходы, 3) судъ, 4) войско, 5) политика и 6) иностранныя дѣла.

разумѣется, незначительныхъ размолвокъ, царствовало постоянно между двумя учрежденіями: результатъ, который долженъ быть приписанъ двумъ причинамъ: вопервыхъ, прямо выраженному преимуществу контрольнаго отдѣленія надъ совѣтомъ директоровъ (совѣтъ директоровъ можетъ подавать аппелляцію на рѣшенія контрольнаго отдѣленія только королю и его совѣту); и вовторыхъ, особенной умѣренности дѣйствій контрольнаго отдѣленія, его благоразумному пользованію, съ самаго начала до настоящаго времени, огромною властію, ему ввѣренною (*).

Вообще, англійскіе государственные люди любятъ собственно только дѣйствительность во власти. Они употребляютъ ее для общей пользы, не ищутъ въ ней удовлетворенія тщеславія и самолюбія. Притомъ же одна изъ отличительныхъ чертъ характера англійскаго народа умѣть уважать власть и вмѣстѣ съ тѣмъ любить свободу, два качества дѣйствительно одно съ другимъ связанныя, ибо истинная свобода можетъ быть только подъ условіемъ существованія власти, дающей ей покровитель-

(*) Съ 1814 по 1831, послано было совѣтомъ директоровъ въ контрольное отдѣленіе 7978 депешъ; послѣднее передѣлало только 690 изъ нихъ и 70 разъ отказывалось отъ своихъ поправокъ. См. Мертина. стр. 75.

ство и безопасность. Желающій разгадать тайну англійскаго могущества, найдетъ разрѣшеніе ея въ слѣдующемъ фактѣ: въ Англіи также крѣпко утверждена власть, какъ ненарушимо гарантирована свобода.

ГЛАВА VIII.

Объ окончательной организаціи части правительства компаніи, находящейся въ Индіи.

Часть правительства компаніи, находящаяся въ Индіи, можетъ быть подраздѣлена на три различныя власти: *власть центральную*, находящуюся въ столицѣ трехъ президентствъ; *власть* или *администрацію провинціальную*, завѣдывающую землями, находящимися подъ прямымъ управленіемъ Англіи, *власть*, которую мы назовемъ *дипломатическою*, посредствомъ которой она управляетъ, хотя не прямо, государствами связанными съ нею вспомогательными союзами, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ говорили.

Верховная или центральная власть калькуттскаго президентства, по образцу которой устроена власть двухъ другихъ президентствъ, состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: гене-

ралъ-губернатора, верховнаго совѣта и отдѣленій, учрежденныхъ для управленія дѣлами.

Генералъ-губернаторъ представляетъ собою исполнительную власть. Билль Питта, анализированный нами вкратцѣ, имѣлъ предметомъ передать ему въ руки власть, которая не была бы оспориваема. Генералъ-губернаторъ уполномоченъ принимать въ Индіи всѣ мѣры, дѣлать всѣ законныя распоряженія подъ своей собственной отвѣтственностью: онъ командуетъ сухопутными и морскими силами; заключаетъ или расторгаетъ миръ; назначаетъ на вакантныя мѣста чиновниковъ, сообщаетъ или не сообщаетъ, по своему усмотрѣнію, совѣту свою переписку; измѣняетъ уже существующіе законы или уставы, одимъ словомъ, пользуется въ Индіи неограниченнѣйшею властью. Законодатель позаботился устранить все, что могло бы ему препятствовать въ этомъ пользованіи. Это въ полномъ смыслѣ неограниченный государь, обязанный только въ отношеніи къ Англіи отвѣтственностью, соразмѣрною съ этой огромной властью.

Верховный совѣтъ, составленный изъ четырехъ членовъ, къ которому присоединялись въ извѣстныхъ случаяхъ главноначальствующій военными силами трехъ президенствъ, вспомоществуетъ въ правленіи генералъ-губернатору; но онъ имѣетъ только совѣтодательную власть и притомъ только въ случаѣ желанія губернатора. Ибо, какъ

мы уже сказали, генералъ-губернаторъ сообщаетъ свою корреспонденцію только въ томъ случаѣ, когда найдетъ это благоприличнымъ, и притомъ, большею частью, только самую неважную часть этой корреспонденціи. Въ томъ случаѣ, когда совѣтъ былъ призываемъ къ подачѣ мнѣнія, представленія его могутъ замедлить на двое сутокъ приведеніе въ исполненіе мѣры, предложенной генералъ-губернаторомъ; по истеченіи этого срока генералъ-губернаторъ можетъ принять исполненіе на свою отвѣтственность.

Генералъ-губернаторъ окруженъ для управленія дѣлами извѣстнымъ числомъ отдѣленій или центральныхъ администрацій, соотвѣтствующихъ нашимъ министерствамъ. Ихъ считается шесть въ президентствѣ бенгальскомъ: отдѣленіе финансовъ, таможенное, соляное и опіумное отдѣленіе, отдѣленіе торговли, отдѣленіе военное, отдѣленіе морское, медицинское отдѣленіе. Число этихъ отдѣленій и слѣдственно вѣдомство ихъ можетъ измѣняться, также какъ и въ министерствахъ.

Организація президентствъ мадрасскаго и бомбейскаго сходна съ организаціей калькуттскаго. Губернаторъ каждаго изъ этихъ президентствъ, находится къ окружающему его правительственному совѣту въ томъ же самомъ отношеніи, какъ генералъ - губернаторъ къ верховному совѣту, слѣдовательно, также незави-

симъ: онъ отвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ только въ отношеніи къ генералъ-губернатору. Съ другой стороны, совѣты подчиненныхъ президентствъ состоятъ только изъ трехъ членовъ.

Мы назвали провинціальной администраціей ту вѣтвь правленія, посредствомъ которой Англія управляетъ, въ финансовомъ, судебномъ или полицейскомъ отношеніяхъ, провинціями, которыя подчинены ей непосредственно. Три президентства раздѣлены были съ этой цѣлію на извѣстное число территоріальныхъ отдѣленій, которыя можно назвать округами или лучше коллекторатами, по имени главнаго чиновника, коллектора. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ цѣлость административныхъ обязанностей англійскаго правительства можетъ быть раздѣлена на три категоріи: собираніе податей, судебную администрацію, полицію. Послѣдняя поручается особенному классу чиновниковъ, которыхъ англичане называютъ магистратами; названіе, соотвѣтствующее французскимъ комиссарамъ или главнымъ комиссарамъ полиціи. Отсюда можно заключить о существованіи трехъ чиновниковъ: коллектора, судьи и магистрата. Но экономическія нужды заставили законодателя сосредоточивать по двѣ изъ этихъ обязанностей то въ рукахъ одного изъ этихъ чиновниковъ, то въ рукахъ другаго. Прежде судья соединялъ съ своими судебными обязанностями обязан-

ности магистрата; теперь эти два рода обязанностей соединены въ рукахъ коллектора. Смотря по обширности коллектората, одинъ изъ этихъ чиновниковъ, а иногда и оба, имѣютъ при себѣ ассистента или помощника.

Между властями коллектора и центральнымъ правительствомъ нѣтъ никакой посредствующей власти; коллекторъ и судья прямо переписываются съ центральнымъ правительствомъ по поводу вопросовъ, которые они считаютъ нужнымъ передавать на его разсмотрѣніе. Генералъ-губернаторъ въ совѣтѣ рѣшаетъ эти спорные пункты. Обыкновенныя дѣла проходятъ черезъ посредство отдѣленій.

Каждый изъ коллекторовъ имѣетъ обширную пространствомъ судебную власть. Въ президентствѣ бенгальскомъ 62 коллектората, въ мадрасскомъ 23, въ бомбейскомъ 12. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ около 60 кв. миль пространства, 3772 города и деревни и народонаселеніе въ 800000 душъ, т. е. равное народонаселенію двухъ или трехъ французскихъ департаментовъ. Никогда, можетъ быть, громаднѣйшая власть не была сосредоточена въ меньшемъ количествѣ рукъ. Но къ этому предмету мы еще возвратимся.

Третью вѣтвь правленія Индіи составляетъ та власть, которую мы назвали дипломатическою, по чиновникамъ, ея орудіямъ: она роди-

лась изъ вспомогательныхъ союзовъ, приковавшихъ къ колесницѣ Англіи множество туземныхъ государствъ. При каждомъ изъ князей и владѣльцевъ, заключившихъ подобный союзъ, правительство англійское держитъ посланника или резидента, какъ посредника ихъ взаимныхъ между собою сообщеній. Посредствомъ такого резидента оно пользуется тѣмъ правомъ вмѣшательства въ дѣла этого государства, какое дано ему по договору, вмѣшательства, какъ мы уже говорили, весьма различнаго, но вообще очень значительнаго. Власть, которою резидентъ облеченъ, обстоятельства, въ которыя онъ поставленъ, преимущество европейскаго характера, все это ведетъ неизбѣжно къ тому, что онъ становится судіею двора, при которомъ уполномоченъ; каждый резидентъ становится поэтому лицемъ весьма важнымъ.

Калькутта, мѣстопребываніе верховнаго правительства, есть какъ бы центръ, откуда распространяются радіусы англійскаго владычества на эти три концентрическія сферы: на земли, управляемыя прямо компаніею; на государства, владѣльцы которыхъ предоставили свою политическую и военную власть англичанамъ, сохранивши впрочемъ власть гражданскую; наконецъ на государства, которыхъ обладатели уступили только политическую власть, сохранивши себѣ военную и гражданскую. Часть

этихъ земель, прямо управляемая Англіею, заключаетъ въ себѣ отъ 98 до 100 милліоновъ жителей; другая, въ двухъ упомянутыхъ отношеніяхъ подчиненная вліянію Англіи, заключаетъ тоже не меньше. Владычество британское простирается такимъ образомъ на двѣсти милліоновъ человѣкъ мусульманъ или индусовъ, т. е. на народонаселеніе, равняющееся пятой или шестой части всего земнаго народонаселенія.

Кажется, такое громадное бремя должно быть невыносимо. Но Англія управляется съ нимъ (*) посредствомъ крѣпко организованной власти, которая низходитъ отъ генералъ-губернатора къ послѣднему изъ чиновниковъ правительства.

ГЛАВА IX.

Общія замѣчанія о чиновникахъ индобританскаго правительства.

Мы сказали уже, что задача выполняемая въ Индіи Англіею посредствомъ чиновниковъ правительства чрезвычайно обширна.

(*) Мы скажемъ послѣ, съ какими ограниченіями, съ какими условіями. Здѣсь говоримъ мы только о самомъ фактѣ, объ управленіи Индіи, не обращая вниманія на способъ управленія.

Можно подумать, что нужна какая либо особенная сила для поднятія этого огромнаго бремени; другими словами, что должности, которыхъ важность нами нисколько не преувеличена, могутъ быть поручены только людямъ избраннымъ, испытаннымъ, приготовленнымъ къ дѣлу или специальнымъ изученіемъ или служеніемъ прежде на значительныхъ мѣстахъ. И между тѣмъ ничто такъ мало не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ подобное предположеніе; въ этомъ пунктѣ, какъ и въ другихъ, которыми мы занимались до настоящей минуты, проявляется явная несоразмѣрность между средствами и результатомъ, между причиной и дѣйствіемъ, несоразмѣрность, составляющая отличительный характеръ всего англійскаго владычества въ Индіи.

Происхожденіе компаніи (ибо мы должны всегда къ нему возвращаться, когда нужно примирить между собою явныя противорѣчія) имѣло цѣлію выгоды торговой монополіи. Обязанностью чиновниковъ, посылаемыхъ ею въ Индію, было надзирать за ея интересами; должности этихъ чиновниковъ, которымъ платила она изъ своихъ доходовъ, имѣли совершенно характеръ частной собственности. Назначеніе на эти мѣста, съ самой простой логической точки зрѣнія, принадлежало тѣмъ, которые управляли интересами компаніи, т. е. ди-

ректорамъ. Этотъ характеръ частной собственности проявлялся всякій разъ, когда дѣло шло объ измѣненіи способа назначенія чиновниковъ; ибо въ тоже самое время говорилось о денежномъ вознагражденіи директорамъ (*).

Народные обычаи, кромѣ того, препятствовали всякому измѣненію; въ этомъ случаѣ патронатство—учрежденіе, столь же глубоко укоренившееся въ Англіи, какъ и въ древнемъ Римѣ. Г. де Местръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, съ своимъ обыкновеннымъ глубокомысліемъ: „Англія собственно управляется учрежденіемъ, неупомянутымъ нигдѣ въ ея конституціи: королевскимъ совѣтомъ.“ Точно также можно сказать, что вся нація раздѣляется на два класса, нигдѣ не упомянутые, на патронатство и кліентство. Совѣтъ директоровъ сохранилъ поэтому, во всѣ эпохи своей исторіи и до нашего времени, право назначенія чиновниковъ на мѣста въ Индіи или, употребляя англійское выраженіе, патронатство Индіи.

Права на замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ дѣлились поровну между директорами. Часть президента совѣта была двойная противъ части каждаго изъ членовъ. Контрольное отдѣленіе, не смотря на все свое могущество въ полити-

---

(*) См. Enquête стр. 23. Это значило сравнивать эти мѣста съ частною собственностью, обращаемою въ общую пользу.

ческихъ дѣлахъ Индіи, не получило отъ законодателя участія въ этомъ патронатствѣ; но между отдѣленіемъ и совѣтомъ, для облегченія ихъ взаимныхъ отношеній, воспослѣдовала особеннаго рода сдѣлка. Президентъ отдѣленія получилъ участокъ патронатства, равный участку президента совѣта директоровъ. Въ существѣ англійскаго духа лежитъ привычка измѣрять все по возможности математически.

Директоры почти всегда назначались изъ старыхъ чиновниковъ компаніи, пріѣзжавшихъ въ Англію жить своей пенсіей и имуществомъ, собраннымъ въ Индіи. Каждый изъ нихъ употреблялъ обыкновенно свой кредитъ въ пользу своего семейства или своихъ друзей; надобно сказать впрочемъ, что заслуга и несчастіе часто находили покровительство и сочувствіе у этихъ купцовъ, которые щедро вознаграждали дѣтей за заслуги отцовъ. Молодой человѣкъ, на котораго падалъ выборъ директоровъ, ѣхалъ въ Индію писцомъ или копіистомъ и въ слѣдствіе старшинства становился факторомъ и купцомъ: это послѣднее званіе было основною стихіею индійскаго правительства.

Отдѣленія центральной администраціи состояли, какъ уже нами сказано, изъ купцовъ. Въ должности коллектора, судьи, магистрата, купецъ управлялъ участками земель, ко-

торыя мы назвали коллекторатомъ, то занимая эти различныя должности, то прикомандировываясь къ занимавшимъ ихъ лицамъ, что зависѣло отъ его собственнаго положенія въ правительственной іерархіи. Сборъ доходовъ, правосудіе, общая полиція, все это было въ его рукахъ.

Занимая три эти должности, три эти роли, купецъ выполнялъ въ Индіи такую трудную задачу, пользовался такою огромною властію, что мы не можемъ никакимъ образомъ составить себѣ о томъ понятія. Какъ коллекторъ, онъ проводитъ систему администраціи чрезвычайно сложную и запутанную, обнимающую весь политическій составъ страны. Какъ судья, онъ даетъ судъ и расправу областямъ обширнѣе иныхъ королевствъ Европы; онъ обязанъ судить на чужеземномъ языкѣ, долженъ знать англійскіе законы, туземные законы, огромное количество уставовъ индійскаго правительства и проч. Исправленіе полицейскихъ обязанностей влечетъ за собою не менѣе трудностей посреди народонаселенія, у котораго общественныя связи, обветшавшія отъ времени, разорванныя завоеваніемъ, потеряли всю силу, всю упругость, гдѣ власть лишена всякаго нравственнаго вліянія. Кромѣ этихъ трехъ родовъ обязанностей, купцы исправляютъ еще должность вице-губернаторовъ въ округахъ.

Они могутъ еще имѣть мѣста въ войскѣ, нѣкоторымъ образомъ коммандовать имъ. Все огромное множество должностей, составляющее въ нашихъ европейскихъ государствахъ цѣлость администраціи обширной провинціи, въ Индіи сосредоточено въ рукахъ одного или двухъ чиновниковъ компаніи; они исправляютъ эти должности подъ смиренными названіями коллекторовъ, судей, магистратовъ и подъ общимъ, еще болѣе негромкимъ, названіемъ купцовъ. Эти купцы должны обладать болѣе обширными свѣдѣніями, находятся въ положеніи болѣе трудномъ и болѣе сложномъ, имѣютъ власть болѣе значительную, чѣмъ европейскіе государственные люди. Правда, что вслѣдствіе новаго, поразительнаго контраста, эти купцы, вступая въ должность, даютъ присягу отречься отъ всякой торговли.

Правительство компаніи, какъ мы будемъ имѣть случай замѣчать впослѣдствіи, осталось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже огромной задачи, ему предстоявшей, но вовсе не вслѣдствіе недостатка способностей правителей. И между тѣмъ, единственно патронатство открывало поприще молодому человѣку, давая ему на первый разъ мѣсто купца, и единственно старшинство постепенно вело его къ высшимъ должностямъ. То и другое, кажется, весьма мало способствуютъ развитію характера и даро-

ваній; между тѣмъ можно сказать смѣло, что до сихъ поръ, ни одно правленіе не имѣло у себя столько великихъ государственныхъ людей, не владѣло большимъ числомъ генераловъ и офицеровъ, какъ правительство британской Индіи; одинъ изъ историковъ, вообще весьма строгій въ отношеніи къ компаніи, Милль, принужденъ впрочемъ отдать ей въ этомъ случаѣ справедливость. Аббатъ Дюбуа говоритъ о ней еще болѣе лестнымъ образомъ (*). Говоря о сэрѣ Томасѣ Монро, покойномъ губернаторѣ Мадраса, Кеннингъ сказалъ: „Индія, давшая много героевъ, не произвела никого выше его"; великій министръ выражалъ этою похвалою только общественное мнѣніе. Мы не будемъ указывать на Клейва и Гестингса, которые оба составляютъ рѣдкое геніальное исключеніе; мы не упомянемъ по томуже самому и о маркизѣ Уильсли, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній, до прибытія своего въ Индію, образовался въ совершенно иной сферѣ. Но за то, нѣтъ ни одной вѣтви управленія, администраціи, войны, политики, гдѣ бы нельзя было указать на множество истинно искусныхъ людей, произведенныхъ, такъ сказать, Индіею; таковы Уиль-

---

(*) „По благородству чувствованій, по образованности и способностямъ, трудно найти столько отличныхъ правителей и проч." Аббатъ Дюбуа. Томъ I, предисловіе.

кинсъ, Колъбрукъ, Мэкъ Ферсонъ, Монро, Мэлькольмъ, Брайгсъ, Эльфинстонъ и наконецъ несчастный Александръ Бёрнсъ, одна изъ наиболѣе достойныхъ сожалѣнія жертвъ афганистанскаго бунта. И сколько еще такихъ именъ!

Причина этого страшнаго факта состоитъ въ томъ, что люди естественно стремятся стать въ уровень съ обстоятельствами, посреди которыхъ они поставлены дѣйствовать; а еще за столѣтіе тому назадъ, въ Индіи совершались событія, чрезвычайно благопріятствовавшія развитію всѣхъ способностей, всѣхъ естественныхъ преимуществъ; коллекторъ, политическій агентъ, простой офицеръ вдругъ поставлены тамъ въ самое трудное и самое запутанное положеніе, безпрестанно должны быть готовы на самыя важныя и рѣшительныя мѣры. Ежеминутно судьба цѣлаго государства можетъ зависѣть отъ малѣйшаго шага незначительнѣйшаго изъ этихъ чиновниковъ. Это нисколько не покажется преувеличеніемъ тому, кто знаетъ всю слабость основы, на которой построено зданіе. Чиновникъ компаніи, въ отдаленіи отъ центральнаго правленія, безъ инструкцій и безъ надзора, предоставленъ самому себѣ: онъ дѣйствуетъ совершенно независимо, но земля, на которой онъ дѣйствуетъ, безпрестанно колеблется подъ его ногами; но его окружаетъ чуж-

дое народонаселеніе, котораго религію, нравы, языкъ, интересы знаетъ онъ только поверхностно. Отсюда для него необходимость дѣйствовать совершенно самостоятельно, но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ страшною отвѣтственностью, которой Англія обрекаетъ своихъ агентовъ. Въ существѣ англійскаго правленія лежитъ правило больше дѣлать посредствомъ людей, чѣмъ посредствомъ учрежденій, предоставлять почти полную свободу дѣйствія употребляемымъ государствомъ органамъ. Оно не лишаетъ ихъ свободы въ тѣсномъ кругу, предначертанномъ заранѣе. Каждый изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, можетъ расширить окружность; но за границею, имъ самимъ начертанною, начинается страшная всегда и часто огненная отвѣтственность.

Для развитія всякаго естественнаго превосходства нѣтъ ничего благопріятнѣе положенія каждаго изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ компаніи. Обстоятельства выдвинули впередъ людей съ энергіею и дарованіемъ. Каждое обстоятельство порождало для себя представителя; событія создавали нѣкоторымъ образомъ людей необходимыхъ для управленія ими. Лордъ Уильсли говорилъ объ этомъ феноменѣ, котораго причины не могли быть скрыты отъ его проницательнаго взгляда: „необы-

чайныя сплетенія обстоятельствъ, войны, перевороты и всѣ другія подобныя имъ событія, особенно яркія въ исторіи рода человѣческаго, порождаютъ всегда и дарованія и качества, наиболѣе для нихъ нужныя (*).“

Но лордъ Уильсли понялъ также, что дѣйствіе не можетъ пережить причины. Онъ понялъ всѣ трудности, которыя произойдутъ для правительства Индіи изъ незначительности гарантій, требуемыхъ до тѣхъ поръ со стороны чиновниковъ правительства, съ той минуты, когда перестанутъ существовать эти необычайныя сплетенія обстоятельствъ. Для предупрежденія могущихъ произойти затрудненій онъ учредилъ училище Фортъ-Вильяма, въ которое писецъ долженъ былъ вступать по прибытіи въ Индію и оставаться тамъ три года, изучая многообразные предметы, преимущественно же языки, исторію и политику Индіи. Съ другой стороны въ тоже самое время, какъ лордъ Уильсли создавалъ это великое учрежденіе, въ Гейлесбёри основана была пріуготовительная школа для молодыхъ кандидатовъ, назначаемыхъ патронатствомъ директоровъ въ писцы. Чинов-

(*) Уильсли. Томъ II. стр. 338

никъ правительства, выходя теперь изъ этихъ двухъ заведеній, уже достаточно приготовленъ къ поручаемымъ ему должностямъ.

Индійское правительство до сихъ поръ сохранило эти главныя черты. Не смотря на несоотвѣтственность назначенія своему настоящему положенію, чиновники этого правительства продолжаютъ называться факторами и купцами. Самую основу учрежденія, какъ и прежде, составляютъ патронатство и кліентство.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ народный духъ Англіи былъ главною причиною успѣховъ ея въ Индіи.

Несовершенства, неудобства всякаго роду въ правленіи компаніи, какъ въ отношеніи къ управленію ея коммерческими интересами, такъ и къ администраціи Индіи, для насъ явны. Чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на совокупность учрежденій, изъ которыхъ состоитъ это управленіе.

Въ исторіи всей вселенной нельзя встрѣтить правленія, болѣе несоотвѣтствующаго громадности произведенныхъ имъ результатовъ. Нельзя представить себѣ менѣе логическаго, менѣе разумнаго средства для подчиненія Англіи цѣлаго индійскаго полуострова. Если бы искуснѣйшимъ публицистамъ и государственнымъ людямъ Европы предложили задачу: „найдти средство утвердить въ Индіи европейское владычество", ни одинъ изъ нихъ не придумалъ бы управленія, нами разсмотрѣннаго. И между тѣмъ это управленіе, образовавшись, такъ сказать, само собою, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, привело тѣмъ не менѣе къ этому результату.

Вслѣдствіе своей слабости и незначительности, оно уже съ перваго взгляда, кажется, не соотвѣтствуетъ той цѣли, которой должно достигнуть: сущность и взаимныя отношенія составляющихъ его частей, съ другой стороны; совершенно нелогичны и неразумны. Въ части правленія, находящейся въ Индіи, смѣшеніе должностей, малочисленность чиновниковъ; въ части, находящейся въ Англіи, неопредѣленныя отношенія совѣта владѣльцевъ, совѣта директоровъ и контрольнаго отдѣленія, все это, кажется, составляетъ неопреодолимыя препятствія успѣху, простѣйшему дѣйствію механизма.

Публицистъ, который могъ бы по своему про[illegible]волу организовать правленіе какъ въ самой

Индіи, такъ и въ Англіи, утвердилъ бы его, безъ всякаго сомнѣнія, на иныхъ основахъ и условіяхъ. Поэтому, сэръ Джонъ Мэлькольмъ сказалъ справедливо: „того, кто выдумалъ бы существующее теперь правленіе, можно бы было считать безумнымъ.“ И между тѣмъ это правленіе выполнило свою двойственную задачу, какъ въ Англіи, такъ и въ Индіи; доказательство, что истинной причины блистательныхъ успѣховъ должно искать внѣ самаго учрежденія; по нашему мнѣнію, ея должно искать въ рукѣ, приведшей въ движеніе это учрежденіе, въ мысли, управляющей этимъ движеніемъ, въ существѣ англійскаго духа и наконецъ, въ обстоятельствахъ, способствовавшихъ развитію.

Конституція Англіи никакимъ образомъ не есть развитіе философскаго или политическаго начала. Она состоитъ изъ правилъ, порожденныхъ случайными обстоятельствами и имѣющихъ цѣлію только удовлетворить этимъ обстоятельствамъ. Право короны, привиллегіи палатъ, корпорацій, нѣкоторыхъ лицъ, все это находится въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ противорѣчіи. Кажется съ перваго разу, что этотъ конституціонный механизмъ сокрушится, какъ только приведенъ будетъ въ дѣйствіе; противуположныя права, враждующіе интересы встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу; отсюда столкновеніе властей, отъ чего, кажется, все должно уничтожиться; это дѣй-

ствительно и воспослѣдовало бы, если бы нѣкотораго рода средства и сдѣлки не соглашали, покрайней мѣрѣ на минуту, противуположныхъ одно другому правъ и враждующихъ интересовъ; какъ только обойдена трудность, какъ только устранено препятствіе, дѣла принимаютъ свое обыкновенное теченіе; это установитъ только примѣръ, по которому въ будущемъ будетъ разрѣшена подобная трудность: никакая общая мысль, никакой общій принципъ не вмѣшается для предотвращенія возврата помощію общей политической или философской теоріи. Въ теоріи здѣсь все неограниченно: право короны, права лордовъ, права нижняго парламента; на практикѣ все представляетъ собою ограниченіе, соглашеніе, сдѣлку. Формулы остаются тѣже, но то, что выражается этими формулами, измѣняется безпрестанно.

Въ эпоху революціи 1688-го года, Лондонъ представлялъ собою удивительное зрѣлище. Величайшіе общественные и политическіе вопросы волновали парламентъ. Связь націи съ Стюартами была торжественно разорвана. Лорды и нижній парламентъ Англіи, въ силу своей недавно возвращенной независимости, звали на тронъ иностраннаго государя. Но, странное дѣло, Вильгельмъ Оранскій, этотъ избранникъ парламента, привѣтствуемъ былъ тѣмиже словами, какими и другой Вильгельмъ, Виль-

гельмъ Завоеватель, обязанный всѣмъ только Богу и своему мечу. Представитель новаго порядка вещей поставленъ былъ подъ покровительство стараго порядка. Конституціонное право заняло свою формулу у феодальнаго права, что продолжается до нашего времени; слова, сказанныя поборникомъ принца Оранскаго, повторяются поборниками королевы Викторіи. Тронъ окружаетъ почти таже самая обстановка. Если новая фамилія пріобрѣтаетъ себѣ значеніе, она прикрѣпляется къ старой и вмѣстѣ съ будущимъ создаетъ себѣ прошедшее; она подражаетъ Вильгельму Оранскому или брауншвейгцамъ и старается облечь нововведеніе формою преданія, своему недавнему существованію она придаетъ вѣками освященное имя.

Аристократія осталась основою, главнымъ общественнымъ и политическимъ двигателемъ Англіи; но какъ воздухъ, которымъ мы живемъ и дышемъ, она до нѣкоторой степени невидима. По крайней мѣрѣ, она не такова, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Она первая изъ всѣхъ европейскихъ аристократій отказалась отъ своего особеннаго костюма, своихъ нравовъ, общественныхъ должностей, которыя можно было считать ея исключительнымъ достояніемъ. Она помѣщаетъ въ палату лордовъ знаменитѣйшихъ представителей, и тѣмъ смѣшивается, не теряясь въ ней, съ цѣлостію націи. Она объемлетъ всѣ степени общества, начиная съ перваго ин-

нистра до послѣдняго писца, отправляющагося по патронатству директоровъ въ Индію. Въ случаѣ нужды, она становится народомъ, раздѣляетъ его страсти, говоритъ его языкомъ, является на митингахъ и густингахъ, столь дорогихъ для старой Англіи, участвуетъ въ торговомъ и промышленномъ движеніи, безъ отвращенія вступаетъ въ родство съ новыми пришлецами, выбрасываемыми наверхъ общественнымъ волненіемъ, находитъ, что деньги всегда хороши, откуда бы онѣ ни пришли, умѣетъ жертвовать внѣшностью власти, чтобы сохранить ея дѣйствительность. Съ одной стороны она позволяетъ королевской власти употреблять феодальныя формулы, съ другой сама властвуетъ народомъ. Она смиренно льститъ ему, ищетъ его милостей, не боится обидъ, насмѣшекъ, свисту; потому что Джонъ Булль государь довольно грубоватый и не всегда, какъ Людовикъ XIV, беретъ предосторожность выбрасывать за окно свою палку, чтобы не ударить ею дворянина. Но аристократія англійская не смотритъ на камни и грязь, въ нее кидаемые, и при нуждѣ скажетъ: „я не чувствую боли.“

Между народомъ и королевскою властью, единственное стараніе аристократіи, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы уничтожиться, уменьшиться. Она унижается больше, чѣмъ придворные Людовика XIV, ищетъ голосовъ тол-

ны терпѣливѣе демагоговъ демократическихъ Аѳинъ. Но эта самая королева, провозглашенная по формулѣ Вильгельма Завоевателя, безъ министерскаго позволенія не можетъ принять не только фрейлину, но даже горничную. Народу, передъ которымъ на густингахъ играетъ аристократія комедію выборовъ, она затворяетъ входъ въ общественное зданіе. Она отказываетъ въ воздухѣ, водѣ и въ огнѣ всему, что отъ нея не происходитъ, она подавляетъ все, что не она и что внѣ ея, съ безжалостною гордостью, неизвѣстною остальной христіанской Европѣ.

Изъ этого главнаго и общаго противорѣчія, составляющаго основу англійской аристократіи, происходитъ множество другихъ противорѣчій. Если смотрѣть только на формулы, слушать только слова, ничего, по видимому, не измѣнилось со временъ Елисаветы; но проникните въ сущность, все является новымъ, недавнимъ; это какая то вѣчная революція. Этотъ народъ, въ высшей степени правдолюбивый по самой своей гордости, если не по совѣсти и темпераменту, живетъ въ вѣчной лжи и самъ первый обманутъ этою ложью. Слова, повторяемыя имъ, перестали имѣть смыслъ и онъ этого не замѣчаетъ: слово и дѣло у него въ вѣчномъ разногласіи: формулы и факты совершенно независимы другъ отъ друга. Тѣ и

другіе порождены конечно различными или, лучше сказать, противоположными началами; гордость требуетъ сохраненія аристократической формулы во всей ея строгости; интересъ умѣетъ измѣнять дѣла сообразно съ обстоятельствами.

Отсюда два разныхъ вида, представляемыхъ исторіею Англіи. Если смотрѣть съ чисто раціональной точки зрѣнія, вы поражены безчисленными противорѣчіями, о которыхъ мы говорили; если смотрѣть съ точки зрѣнія англійскаго интереса, нельзя не подивиться постоянству, съ которымъ онъ шелъ къ своей цѣли, шелъ тихими шагами, но никогда не уклоняясь съ прямаго пути. Въ общемъ національномъ интересѣ сливаются всѣ, обозначенныя нами, противорѣчія. Изъ всѣхъ этихъ, повидимому непримиримыхъ между собою, обстоятельствъ, британскій патріотизмъ создаетъ силлогизмы и развиваетъ ихъ съ величайшимъ логическимъ упорствомъ.

Аристократія не могла не внести въ дѣла Индіи той послѣдовательности, того преданія, которыя повсюду составляютъ ея свойства и которыхъ никогда не можетъ имѣть подвижная демократія. Основа народнаго характера чудеснымъ образомъ способствовала проявленію этого качества. Обстоятельства, посреди которыхъ развился англійскій духъ, имѣли и на

эту сторону особенное вліяніе. Идея права, преимущественно личнаго, владычествовала тѣмъ болѣе въ умѣ каждаго, что она не должна была примиряться ни съ какою общею теоріею. Съ другой стороны, у каждаго было сознаніе его собственнаго достоинства, его собственной важности. Каждый привыкалъ желать только свободнаго пользованія той гарантіею, которой онъ обладалъ: Вильгельмъ Оранскій, сдѣлавши на своемъ знамени надпись „я поддержу", выразилъ этою надписью совершенно англійское чувство. Реформа, какъ ни подлежитъ она осужденію въ другихъ отношеніяхъ, дѣйствовала также, должно признаться, въ томже смыслѣ. Она была пагубна, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, введеніемъ безпорядка и анархіи въ умственный порядокъ; но тѣмъ не менѣе имѣла нѣкоторыя выгодныя послѣдствія для лицъ. Она передала на судъ личнаго сознанія многія важныя идеи и доктрины, возвысила въ каждомъ чувство достоинства и собственной важности, увеличила для всѣхъ сферу отвѣтственности и слѣдственно моральной свободы.

Чувство долга, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, получило поэтому въ Англіи больше энергіи, чѣмъ гдѣ либо. Чувство долга всегда и вездѣ идетъ параллельно съ сознаніемъ права. Исполнять свой долгъ на мѣстѣ, указанномъ Провидѣніемъ, пользоваться связанными съ этимъ

мѣстомъ правами, эти два чувства у англичанина соотвѣтствуютъ одно другому и обладаютъ имъ равно. Накануне великаго трафальгарскаго дня Нельсонъ сказалъ своему войску только слѣдующія простыя слова: „Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ.“ Благородныя и мужественныя слова, равно лестныя и для того, кто произнесъ ихъ, и для тѣхъ, къ кому они были обращены. Сознаніе исполненнаго долга, независимо даже отъ надежды на успѣхъ, достаточный двигатель для англичанина; одаренный спокойнымъ воображеніемъ и холоднымъ темпераментомъ, онъ скорѣе француза, измѣнчиваго и страстнаго, можетъ обойдтись безъ успѣха: онъ можетъ дѣйствовать съ совершеннымъ безкорыстіемъ. Это выдается особенно ярко въ политическомъ порядкѣ, гдѣ онъ довольствуется правами, соотвѣтствующими наложеннымъ на него обязанностямъ.

Эти же самыя, свойственныя англійскому характеру, качества, развившіяся посреди описанныхъ нами политическихъ обстоятельствъ, были нужны и для совершенія дѣла, возложеннаго на Англію Провидѣніемъ.

Англійское постоянство нашло для себя обширное поприще въ Индіи. Англичане долго съ неутомимымъ терпѣніемъ шли къ цѣли съ вѣкомъ далекой и потому немногимъ только видимой. Съ той минуты, какъ англійское могу-

щество, едва не подавлено было Сураджей Доулемомъ въ Калькуттѣ и Лабурдоне въ Мадрасѣ, до той, какъ англійское знамя утвердилось на стѣнахъ Пунаха, Англія никогда немогла быть увѣрена въ завтрашнемъ днѣ; даже и потомъ малѣйшій неожиданный случай приводилъ ее въ опасное положеніе; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ велорское возмущеніе, весьма недавнее.

Англіи помогла также и та ирраціональная сторона ея духа, о которой мы уже говорили; ея государственные люди занимались живо только интересами, пренебрегали теоріями, жертвовали логической послѣдовательностью требованіямъ минуты. Англія имѣла въ рукахъ своихъ для выполненія дѣла орудіе весьма неполное и несовершенное; но ясно, что законодатель жестоко бы ошибся, если бы вздумалъ передѣлывать это орудіе на основаніи какой либо общей теоріи. Самое существо политическаго учрежденія, нами изучаемаго, среда, въ которой оно должно было дѣйствовать, никакимъ образомъ не допускали приложенія разумнаго и логическаго механизма. Пытаться ввести такой механизмъ значило бы разстроить прежній, безъ надежды потомъ его поправить; придать направленіе его дѣйствію въ общей политикѣ было въ такой же степени трудно; механизмъ, несмотря на всѣ свои недостатки, дѣйствовалъ

съ успѣхомъ именно потому, что двигатели его ни мало не приходили въ смущеніе отъ сознанія его несовершенства; было въ высшей степени необходимо не обращать слова въ дѣло, не заключать отъ начала къ послѣдствіямъ. Никакой логическій выводъ не могъ повести отъ учрежденія чисто торговаго къ прямому или непрямому владычеству надъ двумя стами милліонами подданныхъ.

Государственнымъ англійскимъ людямъ помогали еще кромѣ того конституціонныя теоріи: онѣ давали имъ возможность понимать странныя политическія фикціи, бывшія въ обычаяхъ у народовъ Индіи. Положеніе Вильгельма Оранскаго, послѣ революціи 1688 года, въ сущности не различалось отъ положенія индійскихъ и мусульманскихъ государей, сохранявшихъ всю внѣшность власти и не имѣвшихъ ея въ дѣйствительности. Ни одинъ другой народъ Европы не могъ бы въ эту эпоху принять подобнаго противорѣчія. Не принять же его, не принять порядка вещей, котораго это противорѣчіе было основою, значило вступить во вражду съ туземными учрежденіями и создать себѣ множество препятствій и опасностей на каждомъ шагу.

Эта сообразность англійскаго духа съ обстоятельствами, посреди которыхъ онъ былъ при-

званъ дѣйствовать, составляетъ истинную причину успѣховъ Англіи въ Индіи. Здѣсь должно искать этой причины, а вовсе не въ томъ сверхъестественномъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, искусствѣ, помощію котораго Англія приготовила или произвела происшествія, или образовала правленіе, близкое къ совершенству.

КНИГА ПЯТАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Финансовыя учрежденія.

ГЛАВА I.

О приложеніи административной системы Индіи къ сбору налоговъ.

Сказанное нами о состояніи собственности подъ индійскимъ и мусульманскимъ правленіемъ дало намъ, кажется, достаточное понятіе о важности поземельнаго налога въ Индіи: тѣмъ не менѣе считаемъ неизлишнимъ остановиться на этомъ нѣсколько болѣе. Нужно объяснить, какимъ образомъ увеличеніе этого налога имѣло слѣдствіемъ сосредоточеніе въ рукахъ правительства власти, какую мы и представить не можемъ по нашимъ европейскимъ понятіямъ, какъ оно дало ему огромное вліяніе на цѣлое общество.

Въ нашихъ европейскихъ государствахъ поземельный налогъ равняется вообще пятой или шестой части чистаго дохода съ земли. Но предположимъ, что вслѣдствіе постепенныхъ увеличеній налогъ этотъ уравняется съ цѣлостью самаго дохода, что правительство конфискуетъ въ свою пользу то, что, при настоящемъ состояніи дѣлъ, составляетъ прибыль или доходъ владѣльца. Что изъ этого выйдетъ? Этотъ классъ наконецъ уничтожится, совершенно исчезнетъ, не въ одинъ день разумѣется, не въ одну минуту, но исчезнетъ необходимо, неизбѣжно. Богатѣйшіе и промышленнѣйшіе изъ людей, его составляющихъ, болѣе или менѣе долгое время будутъ бороться съ жестокой необходимостью; но настанетъ роковая для всѣхъ минута; поземельная собственность не станетъ давать имъ ни малѣйшаго дохода. Вмѣсто того, чтобы отдавать ее въ наймы земледѣльцамъ или фермерамъ, они мало по малу принуждены будутъ обработывать ее собственными руками; они будутъ, можетъ быть, продолжать еще жить въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но уже не на прежнемъ основаніи, не на прежнихъ условіяхъ: они будутъ получать развѣ только поденную плату за свой собственный трудъ: владѣльцы и притомъ прежде богатые владѣльцы, обратятся въ земледѣльцевъ, въ простыхъ поденщиковъ. Единственнымъ собственникомъ будетъ правительство.

Этотъ переворотъ не останется притомъ безъ послѣдствій; за нимъ послѣдуетъ не менѣе значительный переворотъ общественный. Предположимъ, что страна, въ которой совершился такой переворотъ въ собственности, есть по существу своему земледѣльческая, что почти все, или даже рѣшительно все ея общественное богатство извлекается изъ земли; что земля одна доставляетъ средства существованія жителямъ, что ни торговлею, ни промышленностью страна не можетъ вознаградить убытковъ, понесенныхъ ею отъ увеличенія налоговъ; понятно, въ какой степени значителенъ и радикаленъ будетъ переворотъ. Общественная іерархія мало по малу исчезнетъ для толпы, борющейся съ одинаковыми нуждами, съ одинаковыми трудностями. Бездна общаго раззоренія поглотитъ самыя неровныя имущества. Частныя сдѣлки, имѣвшія предметомъ распоряженіе собственностью, т. е. вещію болѣе несуществующею, отношенія частныхъ лицъ между собою, раждающіяся изъ этихъ сдѣлокъ, покровительство, которое оказывало имъ правительство посредствомъ различнаго роду установленій, все это совершенно исчезнетъ.

Общество, единственно только вслѣдствіе увеличенія налога, должно будетъ принять совершенно новую организацію. Во главѣ его будетъ правительство, представляемое, въ каждомъ

округѣ или каждой области, сборщикомъ податей; съ другой стороны будетъ масса народа, т. е. обработывателей. Между двумя этими крайностями уничтожатся всѣ постепенности чиновъ, различные роды занятій, разные роды чиновниковъ, обязанныхъ защищать интересы всѣхъ и каждаго. Сборщики податей будутъ единственными посредниками, единственною связью между двумя крайностями общаго великаго зданія.

Поземельный налогъ будетъ основнымъ налогомъ этого новаго общества; онъ будетъ также и единственнымъ фактомъ, имѣющимъ вліяніе на это общество. Мы предположили, что онъ дошелъ до уничтоженія цѣлости чистаго дохода съ земли. Если онъ перейдетъ еще наконецъ и за эти границы, для народонаселенія увеличится трудъ безъ вознагражденія, лишенія всякаго рода; его будутъ ожидать, говоримъ ни мало не преувеличивая, бѣдность и смерть. Если же напротивъ правительство отступится нѣсколько отъ своихъ требованій, наступитъ минутное облегченіе. У государя будетъ слѣдственно въ рукахъ власть исполинская, огромная, страшная; дѣйствіе этой власти на управляемое имъ общество будетъ безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра. Въ рукахъ правительства будетъ бѣдность или довольство, жизнь или смерть нѣсколькихъ милліоновъ людей.

Различныя средства облегченія налога будутъ поэтому имѣть тогда огромную важность, какъ въ сферѣ политической, такъ и въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ. Учрежденія общественныя, политическія, административныя, всѣ, болѣе или менѣе, относятся тогда къ сбору налога. Всякое измѣненіе въ существующей системѣ, сколько нибудь важное, имѣетъ слѣдственно важныя послѣдствія.

Лишенное торговли, промышленности, однимъ словомъ, всякаго средства улучшенія своего положенія, народонаселеніе находится совершенно въ его рукахъ; посредствомъ этого сильнаго орудія, налога, правительство можетъ передѣлывать, организовать народъ по своему произволу: ежели оно въ меньшемъ количествѣ рукъ сосредоточиваетъ власть сбора податей, оно создаетъ аристократію: если же напротивъ раздробляетъ власть, оно дѣйствуетъ въ направленіи демократическомъ.

И эта общая гипотеза, нами изложенная, не выходитъ нисколько изъ предѣловъ истины; въ этомъ убѣдятъ насъ факты и подробности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ.

Но не безполезно можетъ быть обозрѣть вообще весь этотъ порядокъ вещей. Умствен-

ныя очи; равно какъ и физическія, должны сперва попривыкнуть нѣсколько къ предмету, лежащему предъ ними: притомъ же, общественный міръ, въ который мы теперь вступаемъ, совершенно новый.

Въ Индіи, подъ англійскимъ управленіемъ, въ первый разъ съ самаго начала исторіи, явился этотъ странный политическій феноменъ: поземельный налогъ, равняющійся цѣлости дохода съ земли.

ГЛАВА II.

О поземельномъ налогѣ при индійскомъ и мусульманскомъ правительствѣ.

Послѣ буксарскаго сраженія (1765) императоръ могольскій изъ подъ опеки своего визиря перешелъ подъ опеку англичанъ.

Уступка англичанамъ девани (12 авг. 1755), т. е. генеральнаго фермерства въ трехъ провинціяхъ: Бенгаліи, (въ земномъ раѣ, по выраженію императорскаго фирмана), Багарѣ и Орис-

сѣ, была первымъ послѣдствіемъ новаго порядка вещей. Съ этихъ поръ, англійское правительство стало въ описанное нами отношеніе къ этимъ тремъ провинціямъ. Оно въ дѣйствительности получило собственность надъ ихъ территоріями. Это былъ въ высшей степени важный шагъ на пути завоеваній и завладѣній, которымъ давно уже шли англичане. Клейвъ и калькуттскій совѣтъ писали по этому поводу къ директорамъ: „вы теперь не только собиратели, но даже владѣльцы доходовъ набоба на всемъ пространствѣ его владѣній. Такъ было уже на фактѣ, но нужно было подтвердить это и правомъ (*).“

Англійское правительство преувеличивало, можетъ быть, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, важность императорской уступки; притомъ, должно отдать ему справедливость, оно начало пользоваться своею властію съ большимъ благоразуміемъ и съ большою умѣренностью; не измѣняя ничего въ существовавшихъ до тѣхъ поръ формахъ администраціи, оно передавало набобу условленныя суммы. Разница замѣчалась только въ томъ, что деванъ былъ не лице, не чиновникъ могольскій или индійскій, а существо собирательное, называе-

(*) См. Histoire de la conquête, Томъ II, стр. 413.

мое компанiею. Примѣръ подобной благоразумной осмотрительности былъ прежде того поданъ мусульманами, но эти послѣднiе устояли въ ней, чего не сдѣлала компанiя. Свыкшись довольно скоро съ положенiемъ, сначала ее удивлявшимъ, она пожелала извлечь изъ него бóльшiя выгоды, чѣмъ ея предшественники. Въ теченiе семи лѣтъ продолжая дѣйствовать въ ихъ духѣ, она захотѣла, употребляя такъ часто повторявшееся выраженiе, дѣйствовать какъ деванъ, т. е. не ограничиваться однимъ сборомъ налога, посредствомъ старыхъ формъ администрацiи, но вводить новыя, собственнаго изобрѣтенiя. Цѣлiю ея, какъ мы уже сказали, было сдѣлать налогъ болѣе производительнымъ.

Мусульмане сохранили туземный способъ собиранiя налоговъ. Десъ адикары, подъ новымъ именемъ земиндаровъ, стали посредниками между ними и между сельскимъ управленiемъ. Притомъ строго сохраняя административныя формы, т. е. способъ сбора налога, бывшiй въ обычаѣ при туземномъ правительствѣ, мусульмане вовсе не были умѣренны въ отношенiи къ количеству налога; съ другой стороны Акбаръ, котораго царствованiе такъ блестяще въ исторiи Востока, хотѣлъ дать сбору податей новую основу, основу общаго кадастра. Китай, говорятъ, давно уже обладалъ подоб-

нымъ учрежденіемъ. Неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ Акбаръ или самъ изобрѣлъ новую основу; какъ бы то ни было, кадастрованіе съ величайшею дѣятельностію производилось въ его царствованіе; тщательно опредѣлена была мѣра длины и за нею опредѣлилась мѣра поверхности (*). Съ помощію этихъ мѣръ земли были размежеваны, измѣрены, подведены подъ различныя категоріи; потомъ уже, на основаніи этихъ данныхъ, тщательно былъ опредѣленъ налогъ на каждую мѣстность. Maximum при прежнемъ, туземномъ правительствѣ равнялся четверти грубаго дохода, платимаго натурою; это была такса на время войны, слѣдственно, такса, которую мусульмане застали при своемъ прибытіи. Акбаръ увеличилъ ее, доведя до трети грубаго дохода или произведеній.

Изо всѣхъ налоговъ, налогъ натурою, пропорціональный грубому валоводу, можетъ сдѣлаться самымъ несправедливымъ и неравнымъ, если при опредѣленіи его будутъ позабыты и не приняты во вниманіе нѣкоторыя условія. Причина этому самая простая. При этомъ налогѣ, пропорціональномъ доходу валовому, а не чистому, не принимаются во вниманіе издержки воздѣлыванія.

(*) „Его величество опредѣлилъ длину гуца, тупабъ и проч. См. Айенъ-Акбери стр. 309. лондонское изданіе 1800

Тотже самый налогъ можетъ быть слѣдственно, то пятою частію, то половиною истиннаго, т. е. чистаго дохода (*). Эта причина не избѣжала вниманія мусульманскихъ экономистовъ. „У каждой страны, говоритъ Абдулъ Фазилъ, есть свой особенный характеръ. Извѣстныя земли даютъ произведенія какъ бы сами собою, другія требуютъ усилія, труда и искусства. Близость или отдаленность воды имѣетъ на это очень много вліянія; близость или отдаленность городовъ точно также должна быть принимаема во вниманіе. Чиновники правительства должны слѣдственно смотрѣть на всѣ эти обстоятельства и по нимъ соразмѣрять

(*) Два земледѣльца собственника имѣютъ разныя культуры. Одинъ обработываетъ посредственныя земли, приносящія хлѣбъ: его издержки обработыванія простираются круглымъ числомъ до 8000 франковъ; валовой доходъ съ земли равняется 12000 франковъ; у него слѣдственно, отъ 3 до 4 тысячь чистаго дохода. Сосѣдъ его владѣетъ лугами и лѣсами, съ ежегоднымъ валовымъ доходомъ въ 12000 франковъ; но издержки его равняются только 1000 франковъ: чистый доходъ его, круглымъ числомъ, простирается слѣдственно до 10,000 франковъ.

Закономъ положенъ налогъ въ 12 процентовъ съ произведеній земли, каковы бы эти произведенія ни были. Такимъ образомъ, у одного берется $\frac{1}{4}$ его дохода, когда у другаго только $\frac{1}{10}$ ибо чистый доходъ его 10,000 франковъ. Ж. Б. Сей. Economie politique, томъ III. гл. 10.

требованія государства.“ Земли раздѣлены были на четыре класса: 1-е земли недолженствующія оставаться незасѣяшыми (подъ плугомъ), 2-е земли, долженствующія оставаться незасѣянными для отдохновенія, 3-е земли, оставляёмыя необработанными въ теченіе пяти лѣтъ или болѣе, 4-е земли трехъ родовъ: хорошія, посредственныя, дурныя; каждый изъ классовъ былъ обложенъ различнымъ налогомъ.

Первоначально распредѣленіе налога дѣлалось ежегодно. Но этотъ способъ таксаціи земель былъ вскорѣ оставленъ. Абдулъ Фазилъ объясняетъ намъ причину этого: „когда границы государства, говоритъ онъ, значительно расширились, благодаря искусной политикѣ императора, тогда стало очень трудно знать цѣну хлѣбныхъ произведеній на всѣхъ базарахъ имперіи: неудобства для опредѣленія налога весьма увеличились. Чтобы помочь затрудненію, императоръ установилъ распредѣленіе налоговъ въ каждыя десять лѣтъ. Для этого сложили ежегодныя таксы съ 15 до 24 года его царствованія, взяли 10-й процентъ отъ суммы и это была такса на десять слѣдующихъ лѣтъ.“

Отъ Акбара до Оуренгъ-Зеба, количество и образъ взиманія налоговъ оставались одинаковыми. Но этотъ послѣдній былъ не такъ умѣренъ; количество налога дошло въ его царствованіе до половины получаемыхъ отъ

земли произведеній или грубаго дохода; тѣмъ не менѣе впрочемъ, въ дѣйствительности, казна принуждена была отступаться частію отъ своихъ требованій. Рѣдко налогъ достигалъ до такой таксы и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, обработываніе земли было дешево (*).

Земиндаръ, поставленный между правительствомъ и сельскимъ управленіемъ, былъ для того и другаго посредникомъ. Самъ онъ входилъ въ сношеніе съ облагаемымъ податью или земледѣльцемъ только черезъ другаго посредника: потайля или поттеля каждаго мѣста. Оба вмѣстѣ, при помощи нѣсколькихъ поселянъ, выбранныхъ жителями села, опредѣляли по правиламъ, прежде установленнымъ, количество налога, который должна платить деревня. За основу оцѣнки они принимали количество обработыванныхъ земель, свойство произведеній и т. д. Хотя и чиновникъ наслѣдственный, поттель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ представитель правительства. Опредѣливши количество налога, онъ, вмѣстѣ съ другими членами общиннаго управленія, приступалъ къ его разложенію на

(*) Съ сахарнаго тростника, опіума, вбиря и другихъ произведеній, требующихъ особенныхъ трудовъ при поливкѣ, платилась только четвертая часть произведеній натурою; съ другихъ произведеній, требовавшихъ еще болѣе издержекъ, платилась только восьмая часть. См. Брайггса, стр. 127.

жителей. Время, обычай, сильная, хотя и ограниченная народными понятіями, власть, положеніе, прикрѣпленное глубокими корнями къ прошедшему, все это давало ему огромное вліяніе, дѣлало его въ высшей степени способнымъ къ выполненію этой обязанности.

Сельское учрежденіе подъ мусульманскимъ владычествомъ вообще сохранило всю свою силу; селенія, повторимъ еще разъ, были земледѣльческими общинами; они имѣли цѣлію обрабатываніе извѣстнаго пространства земли съ наибольшею выгодою. Семейства имѣли извѣстную собственность, но эта собственность была тоже, что частный капиталъ въ общественномъ фондѣ, употребляемомъ на какое-либо предпріятіе. Время конечно принесло съ собою нѣсколько измѣненій: въ извѣстныхъ селеніяхъ, поземельная собственность стала принадлежностью то нѣсколькихъ семействъ, то одного семейства (*). Но такихъ селеній было гораздо меньше, чѣмъ тѣхъ, гдѣ сохранилось еще первобытное устройство, т. е. селеній, гдѣ право собственности принадлежало нераздѣльно всѣмъ жителямъ вмѣстѣ. Притомъ это были неважныя различія, нисколько не имѣвшія вліянія на самую сущность и особенный характеръ учрежденій, которыя, не смотря на это, все-таки

(*) Риккардсъ. India и проч.—Enquête 1832, томъ III, стр. 581.

оставались настоящими земледѣльческими общинами.

Двѣ главныхъ черты всей этой системы сбора налоговъ были: 1-е сборъ налога натурою; 2-е предоставленіе правительствомъ сельскому управленію заботъ о разложеніи его на жителей.

Эта система сбора была еще въ полной своей силѣ въ то время, когда англичане получили главное фермерство въ Бенгаліи, Багарѣ и Ориссѣ. Уорренъ Гестингсъ, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, занялъ, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, мѣсто генералъ-губернатора. Всѣ его мѣры направлены были къ одной цѣли, къ узнанію вполнѣ состоянія страны и къ сохраненію покамѣстъ существующей системы администраціи. По его приказанію, чиновники компаніи объѣхали всѣ три провинціи. Они были уполномочены, изучая настоящее состояніе дѣлъ, сбирая какъ можно болѣе свѣдѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ заключать новые контракты на земли, впрочемъ сообразные съ существомъ прежнихъ. Уорренъ Гестингсъ въ тоже самое время учреждалъ въ Калькуттѣ отдѣленіе доходовъ, которое должно было разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся этой важной вѣтви администраціи.

Вопросъ о правѣ поземельной собственности началъ съ тѣхъ поръ занимать умы. Мнѣніе Клейва, приписывавшаго право соб-

ственности императору и потомъ на основаніи уступки, компаніи, долго было господствующимъ. Но съ тѣхъ поръ явились два новыя мнѣнія. Одно (безъ малѣйшаго впрочемъ основанія) приписывало право собственности на землю земиндарамъ, другое райотамъ или земленаемщикамъ. Что касается до собирательной собственности селеній, это казалось для европейскихъ глазъ слишкомъ новымъ и страннымъ и никто еще объ этомъ не догадывался.

Приписывавшіе право собственности земиндарамъ и райотамъ съ большимъ жаромъ защищали свои мнѣнія. Тѣ и другіе не менѣе энергически возставали противъ противуположнаго мнѣнія. Вообще большинство любитъ рѣзкія разрѣшенія политическихъ вопросовъ. Къ томуже, почти математическое выраженіе такихъ рѣшеній придаетъ имъ видъ истины. Но вообще они лишены всякаго историческаго основанія. Нѣкоторыя кажущіяся противорѣчія, впрочемъ чудеснымъ образомъ примиряемыя теченіемъ времени и силою обстоятельствъ, существуютъ во всѣхъ историческихъ задачахъ; но только необыкновенные умы могутъ понять или угадать это. Уорренъ Гестингсъ былъ изъ числа такихъ людей. Онъ понялъ, что права земиндаровъ и права райотовъ, какъ ни кажутся они противорѣчащими, равно имѣютъ свое основаніе, что неизвѣстно только разрѣшеніе этого видимаго противорѣчія. Онъ

предложилъ поэтому, до новаго порядка, держаться старыхъ, утвержденныхъ положеній, стараясь впрочемъ объяснить ихъ сколько возможно. „Я не стану заниматься, говорилъ онъ совѣту, различными мнѣніями о правѣ собственности надъ землями: для меня достаточно того, что пока райотъ платитъ доходъ земиндару, земиндаръ не имѣетъ никакого права лишить его владѣнія; съ другой стороны, что земиндаръ не имѣетъ никакого законнаго основанія требовать отъ него дохода больше того, который опредѣленъ по контракту (поттахъ) (*).“ Это взаимное отношеніе, введенное между земиндарами и райотами теченіемъ времени и силою обстоятельствъ, одно только имѣло какую-либо важность для англійскаго правительства. Сельское учрежденіе, повторяемъ опять, было еще закрыто отъ глазъ новыхъ обладателей Бенгаліи, Багара и Ориссы.

Уорренъ Гестингсъ оставилъ Индію задолго еще до разъясненія вопроса. При его отъѣздѣ, дѣла находились еще въ томже положеніи, какъ подъ управленіемъ великаго Могола (**); это и было главною цѣлью его управленія. Его замѣнилъ Мекъ Ферсонъ, тотъ самый

(*) Депеша Уоррена Гестингса, ноябрь 1776.

(**) Коллекторы, посланные въ провинціи, возобновили контракты въ 1772 году на прежнихъ условіяхъ; они сдѣлали это и въ 1777, 1778, 1779, 1780 годахъ.

Мекъ Ферсонъ, искусная и ученая рука котораго, раздвигая туманъ преданія, придала почти дѣйствительное бытіе шотландскому барду. Мекъ Ферсонъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Индіи, зналъ точно также, какъ и его предшественникъ, всѣ трудности поземельнаго вопроса; подобно ему, онъ понялъ всю необходимость собрать свѣдѣній болѣе, нежели сколько было ихъ до тѣхъ поръ у правительства. Но осмотрѣвши обстоятельно вопросъ, онъ, по собственному его выраженію, дошелъ до заключенія: „что прежніе способы сбора налога по всей вѣроятности еще неизвѣстны въ своихъ существенныхъ подробностяхъ новымъ владѣльцамъ девани (главнаго фермерства) (*),“ но, что̀ можно сказать утвердительно, прибавлялъ онъ нѣсколько дальше, такъ это то, что нѣтъ ничего пріятнѣе, полнѣе, правильнѣе, систематичнѣе стараго способа сбора налоговъ въ этой странѣ; сборъ этотъ былъ именно то самое, что было нужно для защиты отъ угнетенія всѣхъ платившихъ налогъ, обезпечивая вмѣстѣ съ тѣмъ за государемъ полное пользованіе его правами (**).“ Мекъ Ферсонъ начертилъ тогда вкратцѣ систему сбора податей, о которой мы говорили. Онъ заключалъ предложеніемъ возстановленія нѣкоторыхъ долж-

---

(*) Депеша отъ 4 іюля 1786. Брайггсъ. Landax и проч.

(**) Брайггсъ, стр. 157, 158.

ностей, составлявшихъ прежде часть этой системы (*). Прежде всего, онъ хотѣлъ поддержанія и возстановленія стараго порядка. „Всего лучше, говорилъ онъ по этому поводу, собрать и связать вмѣстѣ всѣ звѣнья старой цѣпи (**).“ Довольно уже и того, говорилъ онъ, что намъ извѣстно, какъ мы мало знаемъ и какъ много остается намъ узнать въ отношеніи къ мѣстнымъ правамъ и обычаямъ (***).

Этотъ періодъ исторіи англійской администраціи въ Индіи заслуживаетъ особеннаго замѣчанія. Это единственная эпоха, когда индійское народонаселеніе насладилось какимъ-либо благосостояніемъ съ роковой минуты покоренія его Англіею и до нашихъ дней. И Уорренъ Гестингсъ и потомъ Мекъ-Ферсонъ владѣли довольно обширнымъ умомъ для того, чтобы понимать, что каждый народъ создаетъ себѣ свойственныя ему учрежденія; что учрежденія всѣхъ народовъ не влагаются Провидѣніемъ въ одну форму, которая бы должна быть навязана всѣмъ; что индійцы, равно какъ и англичане, должны быть управляемы народными установленіями, что будущее народа никогда

(*) Такъ напримѣръ должности скришадара который былъ нѣчто въ родѣ туземнаго министра финансовъ; ему посылалась вѣдомость о доходахъ, которую онъ повѣрялъ и т. д.
(**) Депеша отъ 3 іюля 1786.
(***) Id. ibid.

не можетъ быть вполнѣ отдѣлено отъ его прошедшаго, что только глубоко изучивши это послѣднее, овладѣвши имъ, такъ сказать, позволительно писать уставы для будущаго. Минута эта еще не пришла: Уорренъ Гестингсъ, которому въ этомъ случаѣ благоразумно подражалъ его преемникъ, оставилъ, сколько это было возможно, всѣ дѣла въ томъ состоянiи, въ какомъ они были до англiйскаго владычества. Этотъ механизмъ существующихъ учрежденiй, передѣланный временемъ, обычаемъ, необходимостью, былъ употребленъ Гестингсомъ въ пользу Англiи; онъ не ломалъ его и не создавалъ новаго. Это было единственное средство облегчить для народонаселенiя этихъ несчастныхъ странъ бремя новаго завоеванiя, прибавившееся къ бремени, и такъ уже тяжелому, прежняго завоеванiя.

ГЛАВА III.

О нововведенiяхъ англичанъ въ отношенiи къ способу сбора налоговъ.

Двадцать лѣтъ прошло со времени прiобрѣтенiя англичанами главнаго фермерства въ Бенгалiи, Багарѣ и Ориссѣ; англiйское правительство осталось между тѣмъ въ своемъ прежнемъ невѣдѣнiи относительно всѣхъ вопросовъ

о поземельномъ налогѣ. Настоящее существо дохода, взаимное отношеніе различныхъ классовъ, занимавшихся обработываніемъ земли, истинная система взиманія налоговъ, существо собственности, все это были загадки, которыхъ разрѣшенія не зналъ никто.

Лордъ Корнуаллисъ, котораго управленіе въ отношеніи къ внѣшней политикѣ уже нами разсказано, имѣлъ цѣлію разрѣшить всѣ эти спорные пункты. Мы уже говорили, что Индія была для лорда Корнуаллиса міромъ совершенно новымъ. Учрежденія, нравы, обычаи народовъ полуострова все это были вещи, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и которыя изучить не было для него никакой возможности. Онъ былъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда умъ, если только этотъ умъ не высшаго разряда, не принимаетъ болѣе новыхъ свѣдѣній, когда онъ хочетъ судить о томъ, что передъ его глазами, на основаніи того, что онъ уже видѣлъ; лордъ же Корнуаллисъ вовсе не былъ одаренъ высшимъ умомъ; значительныя должности, которыя онъ перешелъ въ Европѣ, скорѣе служили ему помѣхою для хорошаго отправленія обязанности генералъ-губернатора въ Индіи. Новость обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, обратила во вредъ самую прошедшую его опытность. Мы видѣли, какъ онъ прилагалъ европейскія

идеи къ политической системѣ Индіи и всѣмъ жертвовалъ этой химерѣ; мы покажемъ, какъ онъ неустрашимо проводилъ подобную же систему во внутреней администраціи.

Частная собственность давно уже исчезла въ Индіи, поглощена была, такъ сказать, бездною налога. Что касается собственно до права собственности, по этому поводу существовало множество различныхъ мнѣній; одно приписывало это право государю, другое заминдарамъ, третье наконецъ райотамъ или земледѣльцамъ. Фактически вопросъ былъ рѣшенъ давно уже въ пользу императора; тѣмъ не менѣе, предполагалось, что признаніе права собственности за тѣмъ или другимъ претендентомъ повлечетъ за собою важныя финансовыя или даже политическія и общественныя послѣдствія. Защитники права заминдаровъ и права райотовъ или земледѣльцевъ равно желали получить отъ правительства подтвержденіе своей теоріи.

Лордъ Корнуаллисъ поспѣшилъ разрѣшить вопросъ въ пользу заминдаровъ. Эти послѣдніе были торжественно объявлены собственниками округовъ или имуществъ, которыми управляли они до тѣхъ поръ, какъ казенные агенты; но въ тоже самое время ихъ обязали платить ежегодно правительству въ своемъ новомъ званіи владѣльцевъ туже самую сумму, какую они платили прежде въ своемъ первомъ званіи.

Однимъ словомъ, земиндары стали собственниками, но ихъ собственность была обложена 45-ю процентами. Съ перваго разу кажется, что ничего кромѣ имени не перемѣнилось въ ихъ положеніи; но этотъ взглядъ очень ошибоченъ и опровергается цѣлостью законодательныхъ распоряженій, слѣдовавшихъ за этимъ признаніемъ собственности. Но укажемъ сперва на нѣкоторыя обстоятельства, побудившія лорда Корнуаллиса къ этой важной мѣрѣ.

Земиндары, агенты казны, банкиры, посредники между правительствомъ и обложенными налогомъ, сначала смѣняемые, потомъ несмѣняемые, мало по малу стали наслѣдственными. Правительство первое находило выгоду въ этой наслѣдственности. Въ эпоху, когда англичане получили главное фермерство въ трехъ провинціяхъ, не было примѣра смѣны кого-либо изъ земиндаровъ. Съ другой стороны, могольское правительство, возлагая на нихъ отвѣтственность за количество доходовъ или налога, сборъ котораго порученъ былъ имъ, вручало имъ и всѣ средства собиранія. Земиндаръ въ своемъ округѣ судилъ, имѣлъ власть полицейскую, имѣлъ войска, множество агентовъ и слугъ, жилъ окруженный извѣстнымъ блескомъ. Остатки отъ фондовъ, переходившихъ черезъ его руки, обработываніе въ свою пользу извѣстной части земли, различныя позволенныя и

непозволительныя средства добыванія себѣ денегъ, все это часто весьма обогащало его. Эта-то сторона положенія земиндара закрыла отъ лорда Корнуаллиса все остальное. Агентъ казны исчезъ въ его глазахъ за высокимъ барономъ, за поземельнымъ владѣльцемъ. Объявивши земиндара собственникомъ земли, лордъ Корнуаллисъ думалъ только признать существующій фактъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ придать еще больше значенія и блеска должности земиндара.

Лордъ Корнуаллисъ, разумѣется, былъ далекъ отъ мысли желать, чтобы выгоды, данныя имъ земиндару, повредили другимъ классамъ землевладѣльцевъ. Права райота на обработываніе и занятіе (въ селеніяхъ, гдѣ общественныя условія допускали наслѣдственную собственность) были священны на ровнѣ съ другими; райотъ, пока онъ платилъ цѣну условленную контрактомъ, не могъ быть лишенъ владѣнія и передавалъ землю своимъ дѣтямъ. Лордъ Корнуаллисъ увеличилъ еще это покровительство. По новымъ уставамъ, земиндары обязаны были остаться при прежней подати, платимой землѣдѣльцемъ по контракту и имъ воспрещено было увеличивать эту цѣну на будущее время. Кромѣ того еще, *minimum* продолженія контракта положено десять лѣтъ; онъ могъ быть возобновленъ только на десятомъ году. Наконецъ, многія другія ограниченія положены были

въ томже родѣ и съ цѣлію воспрепятствованія тому, чтобы новыя или признанныя права земиндаровъ не были тягостны земледѣльцамъ. Однимъ словомъ, въ тоже самое время, какъ земиндаръ былъ окончательно признанъ собственникомъ земли, райотъ или земледѣлецъ съ другой стороны получалъ возможность жить на обработываемой имъ землѣ, передавать ее своимъ дѣтямъ, на тѣхже условіяхъ, на какихъ самъ онъ ею пользовался.

Поземельный налогъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: съ грубаго дохода земли правительство брало 45 процентовъ, земиндаръ 15; остальное, т. е. 40 процентовъ принадлежало райоту или земленаемщику (*). Налогъ по этой таксѣ былъ вѣченъ и неизмѣненъ; правительство обѣщалось не увеличивать его въ случаѣ, еслибы увеличились доходы земиндаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не соглашалось ни на какое уменьшеніе въ противуположномъ случаѣ, полагая, что хорошіе годы вознаграждаютъ всегда за дурные. Право собственности на земли, еще необработанныя въ окрестностяхъ каждой деревни, предоставлено было земиндарамъ съ правомъ обрабогывать ихъ, безъ увеличенія за это налога.

(*) Брайггсъ, стр. 173. Замѣтимъ что 33 процента представляютъ собою издержки обработыванія и что слѣдственно часть райота равнялась только 7 процентамъ.

Оставалось опредѣлить средства поддержанія этого состоянія дѣлъ, т. е. дать тремъ сторонамъ, участвовавшимъ въ договорѣ, способы защищать другъ отъ друга, въ случаѣ нужды, свои права; другими словами, отвѣчать на слѣдующіе вопросы: „какъ долженъ дѣйствовать губернаторъ для понужденія земиндара въ случаѣ замедленія платежа налога? какъ поступать земиндару съ райотомъ въ подобномъ же случаѣ? какъ наконецъ райотъ можетъ защищаться отъ несправедливыхъ притязаній земиндара?

Лордъ Корнуаллисъ, разумѣется, постарался отвѣчать на эти вопросы; потому что отвѣтъ на нихъ долженъ былъ, такъ сказать, освятить упомянутыя нами распоряженія.

Вслѣдствіе этого положено было, что въ случаѣ неплатежа налога земиндаромъ, правительство имѣетъ право непосредственно приступить къ продажѣ съ публичнаго торга части земель, равняющихся цѣнностью неуплаченной суммѣ, продажѣ, которая должна воспослѣдовать послѣ мѣсяца отсрочки и не могла быть остановлена никакого рода формальностью (*); что земиндаръ въ случаѣ замедленія платы налога райотомъ, долженъ обращаться къ судамъ (тоже установленнымъ лордомъ Корнуалли-

(*) Милль, стр. 439.

сомъ) гдѣ дѣло должно идти обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ (*); наконецъ, что райоты должны въ этихъ же судахъ искать защиты отъ земиндаровъ.

Такимъ образомъ, правительство предоставляло себѣ всѣ средства скораго и полнаго удовлетворенія: земиндарамъ же и райотамъ предстояли всѣ заботы, проволочки, безчисленныя формальности обыкновенныхъ судовъ.

Президентство бенгальское было поприщемъ нововведеній лорда Корнуаллиса; въ немъ хотѣли сдѣлать испытаніе, прежде примѣненія этой мѣры къ другимъ президентствамъ. Но президентство мадрасское, сначала подъ управленіемъ полковника Рида, потомъ сэра Томаса Монро, сдѣлалось поприщемъ опытовъ новой системы, основанной на совершенно другомъ началѣ и имѣвшей столь же значительные результаты.

Изобрѣтатели этой новой системы сбора смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія, совершенно противуположной взгляду лорда Корнуаллиса. Вопросъ о правѣ поземельной собственности въ президентствѣ бенгальскомъ былъ рѣшенъ въ пользу земиндаровъ, въ мадрасскомъ въ пользу райотовъ или земленаемщиковъ. Въ

(*) Id. ibid. Это распоряженіе было впослѣдствіи измѣнено. Земиндары получили въ 1799 году право требовать отъ райотовъ платежа путемъ болѣе краткимъ, но первое распоряженіе уже принесло всѣ свои плоды.

президентствѣ бенгальскомъ права земиндаровъ исключительно обратили на себя вниманіе законодателя, покрайней мѣрѣ, преимущественно передъ всѣми другими правами. Правительство сначала прямо сносилось съ ними, не входя въ разсмотрѣніе правъ землепаемщиковъ. Въ президентствѣ мадрасскомъ напротивъ, все вниманіе было преимущественно устремлено на права райотовъ; правительство, отдаляя всякій посредствующій классъ между нимъ и этими послѣдними, рѣшилось прямо сноситься съ ними; оно предположило каждаго изъ нихъ утвердить во владѣніи частію земли, соотвѣтствующею его средствамъ обработыванія, на которой лежалъ налогъ въ 45 процентовъ, платимый правительству, и 10 процентовъ, платимыхъ за издержки администраціи; такимъ образомъ, часть райота заключала не болѣе 45 процентовъ. Покамѣстъ онъ платилъ, онъ оставался владѣльцемъ обработываемой имъ земли и положеніе его равнялось положенію земиндара въ президентствѣ бенгальскомъ. Единственное различіе было въ меньшемъ пространствѣ земли. Притомъ же здѣсь, какъ и въ Бенгаліи, вопросъ о собственности, былъ давно уже разрѣшенъ фактически; собственность совершенно поглощена была огромностью налога.

Но для достиженія своей цѣли, правительство хотѣло начать съ оцѣнки предмета. Эта

цѣль была достигнута посредствомъ кадастра на всемъ пространствѣ земли президентства мадрасскаго; всѣ обработываемыя земли были измѣрены, раздѣлены потомъ на множество категорій, оцѣнены наконецъ по количеству доставляемыхъ ими произведеній. Землемѣры исполнили первую часть этого дѣла, цѣновщики вторую. Являясь въ деревнѣ, оцѣнщики призывали къ себѣ поттелля и казначея деревни. Они дѣлили потомъ земли на три класса: земли сухія, земли влажныя и сады. Цѣнность каждаго поля (полемъ называлось извѣстное пространство земли, способное къ обработыванію сохою) была опредѣляема по принадлежности его къ той или другой категоріи. Въ случаѣ, когда оцѣнщики правительства и начальники деревни не были согласны въ оцѣнкѣ, извѣстное число жителей сосѣднихъ деревень были призываемы и помогали разрѣшить вопросъ. Другіе оцѣнщики являлись вслѣдъ за первыми и ревизовали ихъ трудъ. Наконецъ, во время жатвы, новая ревизія повѣряла первую; чиновники правительства ѣздили по землямъ и рѣшали окончательно, будетъ ли количество ихъ произведеній соотвѣтствовать уже сдѣланной оцѣнкѣ.

Сборщикъ или коллекторъ каждаго округа, снабженный всѣми этими справками, сносился прямо съ райотами. Съ каждымъ изъ нихъ заключалъ онъ контрактъ (поттахъ) опредѣляв-

шій пространство, количество обработываемыхъ райотомъ земель и налогъ, который онъ долженъ былъ платить правительству. На такихъ условіяхъ земледѣлецъ становился собственникомъ этого пространства земли; покрайней мѣрѣ его право занятія становилось неограниченнымъ. Право занятія принадлежащее земледѣльцу, было правда уважаемо въ Бенгаліи, но въ Мадрасѣ было положено еще нѣчто закономъ въ его пользу: право занятія не находилось въ столкновеніи съ правомъ собственности земиндара; земледѣлецъ заступалъ такимъ образомъ мѣсто этого послѣдняго и его право фактически равнялось праву собственности. Въ Мадрасѣ также какъ и въ Бенгаліи, налогъ былъ объявленъ постояннымъ. Правительство обязывалось не возвышать его: съ другой стороны, оно не хотѣло также и уменьшенія въ случаѣ дурной жатвы; здѣсь какъ и въ Бенгаліи предполагалось, что неурожайные годы вознаграждаются урожайными. Съ другой стороны, правительство, не столь щедрое здѣсь, какъ въ Бенгаліи, предоставляло себѣ право собственности на невоздѣланныя земли. Оно надѣялось отдавать ихъ въ послѣдствіи для обработыванія на тѣхже самыхъ условіяхъ, на какихъ отдавало уже обработанныя земли и предполагало брать налогъ со всей земли.

Ясно видна цѣль, которую предполагало себѣ правительство мадрасское, учреждая этотъ

новый способъ сбора налоговъ. Земиндаръ платилъ правительству около тысячи рупій, съ такого-то или такого-то пространства земли; предполагалось, что самъ онъ получалъ съ него не менѣе тысячи двухъ сотъ; правительство надѣялось обратить въ свою пользу эту прибыль. Для этого, оно уничтожило всѣхъ посредствующихъ агентовъ, стоявшихъ до тѣхъ поръ между нимъ и земледѣльцами, принимая на себя все дѣло.

ГЛАВА IV.

О пагубныхъ слѣдствіяхъ нововведеній англичанъ въ политико-экономическомъ отношеніи.

Періодъ англійской администраціи въ Индіи, до котораго мы теперь достигли, заслуживаетъ особенное наше вниманіе.

Ни одна политическая или законодательная мѣра, ни въ какое время и ни въ какой части свѣта, не повлекла за собою столь значительныхъ послѣдствій. Взаимное отношеніе различныхъ классовъ общества и слѣдственно самое общество въ своей цѣлости было совершенно потрясено въ двухъ президентствахъ, мадрасскомъ и калькуттскомъ. Самыя странныя и кровавыя времена нашихъ европейскихъ революцій не представляютъ ничего подобнаго

тому безпорядку, котораго Индія стала тогда театромъ. Взглянемъ сначала на Бенгалію.

Лордъ Корнуаллисъ обратилъ вниманіе только на два класса лицъ: на *земиндаровъ* и *земленаемщиковъ*; онъ разрушилъ сельское учрежденіе, бывшее между ними посредникомъ и связывавшее между собою эти два класса. Различные деревенскіе чиновники были вдругъ уничтожены, лишены жалованья, которое они до тѣхъ поръ получали, лишены всякаго средства существованія. Съ другой стороны, съ теченіемъ времени, извѣстныя измѣненія вкрались въ условія контрактовъ. Права обработыванія и занятія земли, о которыхъ мы часто говорили, сильнѣе держались въ нѣкоторыхъ странахъ; поэтому, извѣстные классы землевладѣльцевъ пользовались правами, обширнѣе правъ другихъ. Въ Бенгаліи былъ родъ земиндаровъ, менѣе важныхъ, нежели тѣ, съ которыми сносилось правительство, называемыхъ талукарами (*). Ихъ права были уничтожены безъ всякой пощады. Въ другихъ округахъ былъ классъ земледѣльцевъ, считавшихъ себя собственниками земли (**) и называемыхъ малеками; самое названіе (поарабски это слово значитъ хозяинъ, госпо-

(*) Риккардсъ, стр. 367. Брайггсъ.

(**) Между прочимъ, въ округѣ шагабадскомъ.

динъ) подкрѣпляло ихъ притязанія (*). Они возмутились противъ новаго устройства, объявляя, что согласны скорѣе потерять жизнь, чѣмъ отказаться отъ того, что они считали своимъ наслѣдственнымъ правомъ (**).

Изъ отставленныхъ деревенскихъ чиновниковъ особенно замѣчательны были два рода, которыхъ потеря имѣла важное вліяніе: патвари или завѣдывавшій счетною частію, имѣвшій прежде наслѣдственное право на часть произведеній земли, и потомъ еще *канунджи* или окружной писарь. Тѣ и другіе вдругъ были лишены собственности, переходившей изъ рода въ родъ, которую государство сочло за жалованье; уничтоживши эту собственность, оно разрушило надежды всѣхъ землевладѣльцевъ. Было много различно называвшихся земленаемщиковъ, которые считали себя равными въ правахъ земиндарамъ или даже высшими ихъ (***). Всѣ различные классы общества,

(*) *Маликъ* отъ *малъ*, поарабски собственность, богатство, въ особенности происходящее отъ земли; *маликъ* хозяинъ, господинъ.

(**) Риккардсъ, стр. 367.

(***) Эти разные роды земленаемщиковъ назывались маликами, ашрафами, бангдарами, путтидарами, мирасдарами, дженмиккарами, кавгатчикарами. Но были кромѣ того различнаго рода землевладѣльцы, или права, равнозначущія съ владѣніемъ; были малики, кудкаты, пайкасты, имѣвшіе каждый особыя права, залукары, путтидары, бліхары, малые земиндары сельскіе, большіе земиндары окружные, наконецъ земиндары, признанные новымъ правительствомъ. См. Брайггсъ, стр. 358, 359. Малики, въ подкрѣпленіе

порожденные временными и мѣстными потребностями, были уничтожены однимъ разомъ. Они составляли то, что можно назвать средними классами Индіи. Рука законодателя насильственно вырвала ихъ изъ общаго порядка, оставивши только два класса, которые одни обратили на себя его вниманіе: земиндаровъ и райотовъ или землснаемщиковъ.

Но эти два класса нисколько не были приготовлены къ положенію, въ которое они такъ неожиданно были поставлены. Ихъ отношенія, нисколько не смягченныя посредствующими звѣньями, созданными рукою времени, скоро обратились въ насильственныя и враждебныя и все это произошло отъ предосторожностей, принятыхъ законодателемъ для предотвращенія подобнаго зла, т. е. отъ его желанія опредѣлить съ точностью права того и другаго класса. До этой минуты дѣйствительно ничего не было съ точностью опредѣлено во взаимныхъ отношеніяхъ земиндаровъ и райотовъ, но между ними находилось сельское учрежденіе, которое, смягчая права тѣхъ и другихъ, часто соглашало ихъ требованія. Въ случаѣ усиленія требованій земиндара, сель-

своихъ жалобъ приводили доказательства, что земиндары покупали у нихъ земли и деревни, что подтверждало ихъ право владѣнія; они требовали уничтоженія этихъ покупокъ, говоря, что принуждены были къ продажѣ деспотизмомъ прежнихъ земиндаровъ. См. Риккардсъ, томъ I, стр. 363, 366, 367. Enquête.

ское учрежденіе удвоивало дѣятельность, чтобы по возможности облегчить бремя для земледѣльца; иногда земиндаръ грозился не отдавать землю въ наемъ, райотъ не обработывать ее, но все оканчивалось обыкновенно сдѣлками, какія мы видимъ вездѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Подъ вліяніемъ новаго законодательства дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Земиндары и райоты, по естественному разладу человѣческихъ страстей и интересовъ, сдѣлались непримиримыми врагами между собою.

Земиндаръ принужденъ былъ слѣдственно прибѣгать къ обыкновеннымъ судамъ, съ просьбою объ отдачѣ ему должнаго. До произнесенія приговора требуемая сумма оставалась въ рукахъ райота и въ этомъ самомъ выказывалось уже предпочтеніе этого послѣдняго: поэтому едва только одинъ земленаемщикъ не платилъ ежегодной подати, примѣру его слѣдовало множество другихъ. Всѣ дѣла одно за другимъ шли на рѣшеніе суда. Недостатокъ судей, возрастающая многочисленность тяжбъ, медленность и нескончаемая формальность англійскаго судопроизводства были причиною, что едва прошло два года со времени приложенія къ дѣйствительности новаго законодательства, какъ ходъ правосудія былъ замедленъ, остановленъ; лучше сказать, всякая дѣятельность правосудія прекратилась; въ непродолжительномъ времени дошло бы до того, что самой долгой человѣческой жизни

было недостаточно для того, чтобы тяжущіеся могли дождаться, когда ихъ процессъ будетъ выслушанъ.

Земиндаръ, кредиторъ неплатившаго ему земленаемщика, самъ становился наконецъ должникомъ правительства. Это послѣднее непосредственно прибѣгало къ способу сокращеннаго судопроизводства, захватывало сперва одну часть земель просрочившаго, потомъ другую, потомъ третью, по мѣрѣ большей и большей просрочки; такъ что наконецъ все земиндарство распродавалось по частямъ; несчастный владѣлецъ лишался владѣній за сумму, не составлявшую часто и десятой доли (*) того, что ему должны были земленаемщики, на которыхъ онъ не имѣлъ никакого средства дѣйствовать. Самый ничтожный долгъ доводилъ его до крайней бѣдности въ то самое время, какъ у него были огромныя суммы въ долгахъ на земленаемщикахъ. Онъ умиралъ съ голоду тамъ, гдѣ предки его жили покняжески, и оставлялъ въ наслѣдство одно только множество нескончаемыхъ тяжбъ.

Въ три года разрушилась вся политическая и административная организація, при-

(*) Генералъ Брайггсъ между прочимъ упоминаетъ о собственности, приносившей ежегоднаго дохода до 90,000 рупій (9,000 фунтовъ стерлинговъ), проданной за просрочку 1,000 рупій (100 фунтовъ стерлинговъ).

вязашая корнями къ глубокой древности, къ самому началу исторіи Индіи, и отъ этой организаціи ничего не уцѣлѣло передъ концемъ этого кратковременнаго трехлѣтняго періода. Количество земель, продаваемыхъ за просрочку платежа налоговъ, равнялось уже третьей части всей территоріи Бенгаліи, Багара и Ориссы. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы прогрессія не остановилась, а еще увеличилась. Владѣнія или земиндарства самыя значительныя, попались въ добычу нѣсколькимъ калькуттскимъ спекуляторамъ и авантюристамъ; земли стали предметомъ ажіотажа, какъ нѣкогда національныя имущества во Франціи. Общественныя связи были разорваны, отношенія, существовавшія до тѣхъ поръ между различными классами общества насильственно извращены; лучшія имущества раззорены изъ за небольшой просроченной суммы. Всѣ владѣнія, или по крайней мѣрѣ, бо́льшая часть ихъ перешла въ руки капиталистовъ, чужестранцевъ, живншихъ далеко и потому самому безжалостно поступавшихъ съ землепаемщиками. Законодательство прибѣгало къ нѣкоторымъ мѣрамъ для возстановленія прежнихъ отношеній между земиндарами и райотами, но это было уже тщетно. Песчинка, брошенная рукою ребенка, можетъ разрушить систему ученѣйшимъ образомъ разчисленнаго равновѣсія; но возстановленіе этого равновѣсія требуетъ множества неисчислимыхъ

выкладокъ. Часто это возстановленіе бываетъ выше силъ человѣка.

Англійскіе суды, въ небольшемъ числѣ случаевъ, когда они вступались въ дѣла, не поправляли ихъ, а только развѣ запутывали. Право фактическаго владѣнія или обработыванія, числившееся за райотомъ, прежде было гарантируемо сельскимъ учрежденіемъ; но съ другой стороны, это учрежденіе закрывало, такъ сказать, это право отъ глазъ чужеземцевъ: никогда неоспориваемое, право это никогда ярко и рѣзко не проявлялось; другаго рода дѣло при новомъ законодательствѣ. Земленаемщикъ, ставши врагомъ земиндара, долженъ былъ браться за всякое орудіе, находившееся у него подъ рукою. Земледѣлецъ десять, пятнадцать лѣтъ, напримѣръ, платилъ ежегодно по 100 рупій; извѣстныя несчастныя для него обстоятельства, падежъ скота, смерть дѣтей, родственниковъ, помогавшихъ ему, пониженіе цѣнъ на хлѣбъ сдѣлали для него подъ конецъ такую ежегодную уплату невозможною. Земиндаръ, какъ собственникъ, выгонялъ его, но земледѣлецъ противился, приписывая себѣ право собственности надъ землею, полученною имъ отъ предковъ; признавая всю невозможность нанимать землю на прежнихъ условіяхъ, онъ требовалъ права заложить свою собственность кому либо другому. Жители деревни, призы-

ваемые на судъ, подкрѣпляли такое его требованіе; судъ, разумѣется, находился въ сомнѣніи. Новое законодательство повелѣло ему съ одной стороны признавать въ земиндарѣ собственника земли, съ другой стороны, съ такою же строгостью велѣло защищать земледѣльца отъ всякаго угнетенія и насилія, отъ всякаго несправедливаго притязанія этого новаго собственника; наконецъ, множество голосовъ было въ этомъ случаѣ въ пользу земледѣльца, противъ земиндара: судьи давали слѣдственно самыя произвольныя и противорѣчащія одно другому рѣшенія. Тамъ слѣдовательно, гдѣ дѣятельность правосудія не вовсе прекратилась, гдѣ оно не уничтожалось, не поглощалось множествомъ дѣлъ, оно вносило безпорядокъ и безначаліе.

Классъ земиндаровъ, богатый и цвѣтущій въ эпоху прибытія лорда Корнуаллиса въ Индію, пересталъ уже существовать. Разскажемъ о гибели его словами тѣхъ, которые ближе это видѣли. „Главными лицами страны, говоритъ уже приведенный нами юрисконсультъ (*), были мусульманскіе начальники и индійскіе земиндары; теперь эти классы раззорены и уничтожены.“ Въ другомъ мѣстѣ: „ихъ почти всѣхъ постигла неизбѣжная гибель; если и остались еще

(*) Сэръ Генри Стречи. Enquête.

нѣкоторые изъ нихъ, то они находятся въ такомъ же далекомъ разстояніи отъ своихъ новыхъ властителей, какъ и райоты самыхъ низшихъ классовъ.“ (*) Кто не пойметъ, что подобное состояніе было слѣдствіемъ страданій, раззореній, бѣдствій всякаго рода!

Коллекторъ одного изъ значительнѣйшихъ округовъ президентства бенгальскаго писалъ по этому поводу въ своей оффиціальной депешѣ (1802): „Всѣ земиндары, съ которыми я находился въ сношеніяхъ въ этомъ округѣ и въ другихъ, имѣютъ совершенно одинаковый взглядъ на господствующую теперь систему сборовъ; они утверждаютъ единогласно, что никогда не было болѣе утѣснительной системы, что старая система въ сравненіи съ этой была исполнена снизхожденія, что эта новая система, въ немного лѣтъ, довела до крайней бѣдности, до нищеты, богатѣйшихъ и древнѣйшихъ земиндаровъ Бенгаліи, Багара и Ориссы.“

Мадрасскіе нововводители, системою, очерченною нами вкратцѣ, достигли столь же мало удовлетворительныхъ результатовъ, какъ и бенгальскіе.

Законодатель въ Мадрасѣ смотрѣлъ, какъ мы уже сказали, съ совершенно другой точки

(*) Письмо бурдуанскаго коллектора въ отдѣленіе доходовъ, 5-й раппортъ, стран. 58.

зрѣнія, чѣмъ калькуттскій. Лордъ Корнуаллисъ уничтожилъ средніе классы общества и оставилъ только земиндаровъ; въ Мадрасѣ, полковникъ Ридъ и потомъ сэръ Томасъ Монро, обратили все свое вниманіе на райотовъ или земленаемщиковъ; они уничтожили высшіе классы въ пользу этихъ послѣднихъ. Въ Калькуттѣ законодательство вычеркнуло все, что стояло ниже земиндаровъ, въ Мадрасѣ напротивъ, оно зачеркнуло все, что было выше простаго райота, непосредственнаго обработывателя земли. То и другое значило ровно разрушать исторію, и странное дѣло! результаты этихъ двухъ родовъ реформъ, столь діаметрально противуположныхъ въ своемъ началѣ, были равно пагубны, равно печальны.

Творецъ новаго законодательства въ Калькуттѣ, безпощадно поражая общественный порядокъ, надѣялся покрайней мѣрѣ найдти себѣ опору въ земиндарахъ; онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ орудіями общественной реформы. Но мадрасскіе нововводители не щадили ничего; они смѣлою рукою разрушили общественное зданіе, разбили его на части и думали, что нѣтъ ничего легче, какъ построить новое по новому плану; небольшое число европейскихъ коллекторовъ съ придаными имъ въ помощники туземными агентами, казались имъ достаточными орудіями для исполненія этого дѣла. Каждый изъ коллекторовъ имѣлъ подъ своимъ

управленіемъ округъ изъ 3,772 деревень, съ 800,000 народонаселенія, занимавшій 3,248 квадр. миль. Шесть тусильдаровъ, или туземныхъ сборщиковъ податей, помогали ему въ отправленіи его обязанностей. Дѣло, поручаемое ему, состояло въ томъ, чтобы отдавать въ наймы эти огромныя пространства земель, заключать контракты съ каждымъ изъ нанимающихъ. Уничтоженіе посредниковъ между такимъ чиновникомъ и обработывателемъ было бы нелѣпостью и въ управленіи большимъ частнымъ имуществомъ; можно себѣ представить, къ чему приводило оно въ такихъ исполинскихъ размѣрахъ! коллекторъ находился въ положеніи генерала, который, начальствуя стотысячною арміею, уничтожилъ бы главный штабъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и проч., который бы разрушилъ всякую іерархію, всякую организацію, смѣшалъ дивизіи, бригады, батальйоны, роты, сдѣлалъ бы изъ арміи, однимъ словомъ, толпу, массу безъ связи и безъ порядка и потомъ захотѣлъ бы командовать, управляться съ нею, съ помощію однихъ адъютантовъ.

Но это только взглядъ съ одной матеріальной точки зрѣнія. Съ высшей точки, трудность увеличивается и дѣло представляется еще запутаннѣе. Бросивши сколько нибудь философическій взглядъ на политическія общества,

нельзя не поразиться тѣмъ фактомъ, что лучшая, большая, можетъ быть, часть силъ, дающихъ жизнь и движеніе народу, ускользаетъ отъ глаза и осязанія, сокрыта въ глубокой тайнѣ, въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ политической, общественной, административной организаціи народа. Кто можетъ опредѣлить все вліяніе богатаго владѣльца, живущаго въ имѣніи, доставшемся ему отъ предковъ, деревенскаго священника, врача, нотаріуса? это вліяніе огромно, обильно положительными результатами, и съ тѣмъ вмѣстѣ неуловимо; это тоже, что капля масла, которой не видно въ механизмѣ машины, но безъ которой не сталъ бы двигаться механизмъ.

Это-то и было совершенно пренебрежено изобрѣтателями новой системы сборовъ въ Мадрасѣ. Разрушивши общество, они думали, что для постройки его вновь, кромѣ матеріала, нужны только плотническія орудія; что для хартіи его достаточно только чернилъ и бумаги. Опытъ жестоко обманулъ всѣ эти предположенія.

Нововводители ошибались еще въ одномъ, очень важномъ пунктѣ: въ предположеніи платежа постояннаго денежнаго налога, превосходящаго извѣстную мѣру. Время измѣняетъ дѣйствительную цѣнность и количество произведеній земли; тысяча обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть, измѣняютъ отношеніе чистаго дохода, на которомъ основанъ налогъ, къ до-

ходу грубому: издержки обработыванія тоже подвержены большимъ измѣненіямъ, сбытъ произведеній то стѣсняется, то расширяется. Тотъ же самый налогъ, который въ одинъ годъ будетъ только десятою частью чистаго дохода, на слѣдующій годъ станетъ его половиною, такъ что можно сказать, что лучшее средство получать налогъ измѣняющійся заключается именно въ намѣреніи сдѣлать его опредѣленнымъ и неподвижнымъ. Но къ несчастію, онъ измѣняется тогда въ противность здравому смыслу, т. е. увеличивается въ то самое время, какъ чистый доходъ владѣльца подвергается сильнѣйшему уменьшенію. Въ Европѣ, умѣренность налога, равняющагося 20 или 24 процентамъ грубаго дохода, дѣлаетъ это неудобство незамѣтнымъ; но въ Индіи, гдѣ онъ превосходитъ половину, совсѣмъ другое дѣло; налогъ остается одинаковымъ, а доходъ уменьшается; онъ поглощаетъ наконецъ средства существованія обработывателя и подвергаетъ его раззоренію, бѣдности, голоду (*).

Налогъ мадрасскій не достигалъ никогда до предназначенной ему цифры. Тогда замѣтили, что общій кадастръ земель можетъ много помочь утвержденію поземельнаго налога, но что одного этого средства недостаточно, особенно когда налогъ великъ. Съ самаго перваго года

(*) Смитъ.

множество причинъ, въ родѣ указанныхъ нами, имѣли вліяніе на измѣненіе цѣнности произведеній земли. Съ самаго перваго года надобно было для облегченія этого бремени прибѣгнуть къ уменьшенію налога; распредѣленіе подобныхъ облегченій было совершенно предоставлено на волю коллекторовъ, т. е. ежегодно надобно было прибѣгать къ огромному труду переоцѣнки земель. Количество налога, опредѣляемое ежегодно въ общей сложности правительствомъ, превышало средства земленаемщиковъ. Изобрѣтатели системы (должно отдать имъ эту справедливость) тронутые бѣдствіями, отъ того происходившими, требовали уменьшеній болѣе тѣхъ, какія передъ тѣмъ были дѣлаемы правительствомъ. Сэръ Томасъ Монро предложилъ понизить налогъ на 33 процента, т. е. на четверть суммы, платимой земледѣльцемъ. Но предложеніе это не было принято. „Нужды правительства, отвѣчалъ совѣтъ директоровъ, не позволяютъ пожертвовать не только 25-ю, но даже 15-ю процентами противъ прежде опредѣленной суммы (*).“

Вслѣдствіе этого, мадрасскіе земленаемщики пришли въ ужасное положеніе. Налогъ, слишкомъ превосходившій ихъ средства, давилъ ихъ постоянно своей тяжестью; уменьшенія и облегченія не значили ровно ничего, а только отдавали земледѣльцевъ на произволъ

(*) Рикардсъ, стр. 48.

туземныхъ агентовъ коллектора. Сельское учрежденіе, въ которомъ находили они прежде помощь, оборону, покровительство, болѣе не существовало. Каждый долженъ былъ одинъ выполнять то, что было выше усилій многихъ.

Сельское учрежденіе разрушилось среди всѣхъ этихъ бѣдствій, въ президентствахъ калькуттскомъ и мадрасскомъ. Пронесши на себѣ все иго могольскаго завоеванія, оно пало подъ ударами англійской реформы.

Лордъ Корнуаллисъ первый началъ разрушать его и первый проложилъ путь мадрасскимъ нововводителямъ; онъ совершилъ въ Индіи переворотъ страннѣе и радикальнѣе того, котораго театромъ была Франція назадъ тому за пятдесятъ лѣтъ; трудно представить себѣ весь безпорядокъ, послѣдовавшій за приведеніемъ въ дѣйствіе этихъ новыхъ его мѣръ. Предположимъ огромный общественный переворотъ, вслѣдствіе котораго перы, мирные судьи, богатые владѣльцы великобританскіе, обратились бы въ простыхъ поденщиковъ; тогда только мы можемъ получить понятіе о томъ, что вслѣдствіе другихъ, конечно, обстоятельствъ, произошло въ президентствахъ бенгальскомъ и мадрасскомъ. Притомъ же, реформы, предпринимаемыя лордомъ Корнуаллисомъ, были согласны съ англійскими мнѣніями и англійскими предразсудками, со взгля-

домъ англичанина на судебную администрацію, на установленіе отношеній между различными классами общества. И это было не одно только такъ называемое общественное мнѣніе, это вѣчное заблужденіе массы; люди важные, люди государственные хотѣли судить чуждое имъ по мѣркѣ того, что они знали. И здѣсь представляется одно изъ самыхъ странныхъ историческихъ зрѣлищъ.

Англія чтила лорда Корнуаллиса, какъ благодѣтеля Индіи, и преслѣдовала Уоррена Гестингса, какъ грабителя и утѣснителя. Между тѣмъ индіецъ на каждомъ шагу проклиналъ лорда Корнуаллиса и до нашихъ дней еще съ благоговѣніемъ произноситъ имя Уоррена Гестингса. Индіецъ ненавидѣлъ въ лордѣ Корнуаллисѣ капризнаго тирана и деспота, который, не уважая никакого права, игралъ самыми священными вещами, давилъ и людей и обстоятельства подъ гнетомъ желѣзной воли; напротивъ того въ Уорренѣ Гестингсѣ, управлявшемъ имъ по его привычкамъ, понятіямъ, законамъ, онъ чтилъ чадолюбиваго государя, по преданіямъ пользовавшагося властію. Лордъ Корнуаллисъ нарушилъ спокойствіе семействъ, лишилъ будущаго дѣтей, отравилъ всею горечью нищеты послѣдніе дни старца, сдѣлалъ безплоднымъ трудъ, нарушилъ священныя права каждаго. При Уорренѣ Гестингсѣ наслѣдство

переходило отъ отца къ дѣтямъ, спокойствіе жило въ хижинѣ земледѣльца, каждый пользовался тѣмъ, что онъ посѣялъ, дневнаго труда доставало на слѣдующій день.

И между тѣмъ обвиненный Уорренъ Гестингсъ десять лѣтъ защищалъ свою честь, жизнь, имущество противъ вѣтренаго краснорѣчія Фокса, неистовыхъ выходокъ Борке, злыхъ эпиграммъ Шеридана, а лорда Корнуаллиса называли законодателемъ имперіи, основанной мечемъ Клейва! — странная иронія судьбы!

ГЛАВА V.

О выгодахъ прежней системы сбора податей съ политико-экономической точки зрѣнія.

Слѣдствія приложенія къ дѣйствительности этихъ двухъ новыхъ системъ сбора налоговъ, безъ сомнѣнія, достаточны для того, чтобы заставить отдать предпочтеніе третьей системѣ сбора по деревнямъ. Притомъ огромное число фактовъ свидѣтельствуетъ объ удобствахъ этого третьяго способа сбора.

Путешественникъ, проѣзжающій эту страну, можетъ съ перваго вздляда видѣть, какая система имѣетъ въ ней преимущество: калькуттская, мадрасская или прежняя сельская система. Тамъ, гдѣ уцѣлѣла эта послѣдняя, страна вообще гораздо лучше обработана, народонаселеніе менѣе бѣдно, гораздо меньше лицъ, истощенныхъ голодомъ и скорбію (*). Налоги между тѣмъ здѣсь нисколько не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Все зависитъ слѣдственно отъ способа ихъ распредѣленія. „Гузаратскія земледѣлѣцы, говоритъ часто приводимый нами писатель, соглашаются платить и дѣйствительно платятъ ежегодно сумму, равную половинѣ грубаго дохода по обыкновенной рыночной цѣнѣ и нисколько не раззоряются; но налогъ денежный въ 45 процентовъ въ округахъ, уступленныхъ президенству мадрасскому, такъ тягостенъ, что не проходило года, когда бы не нужно было дѣлать для земледѣльцевъ облегченій, отдаваемыхъ на произволъ коллектора и его помощниковъ, облегченій дѣлаемыхъ для предупрежденія оставленія земель (**). „Съ другой стороны вездѣ, гдѣ жителей спрашивали, какого способа взиманія налога они желаютъ,

---

(*) Геберъ.

(**) Брайггтъ — стр. 372.

они единогласно были за налогъ по деревнямъ (*).“

Слѣдственно множество весьма важныхъ свидѣтельствъ говорятъ за систему сбора по деревнямъ; докажемъ это въ немногихъ словахъ.

Съ этою цѣлію, мы разсмотримъ сначала сельское учрежденіе въ отношеніи къ сельскому хозяйству. Позднѣе мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ о политическихъ и общественныхъ выгодахъ этого учрежденія.

Существуютъ двѣ земледѣльческія системы, система большаго и малаго воздѣлыванія; различными средствами, каждая изъ нихъ стремится къ разрѣшенію слѣдующей трудной задачи политической экономіи, отъ которой зависитъ судьба бо̀льшей части человѣческаго рода: „извлечь все возможное изъ даннаго участка земли, заставить землю дать все, что только она можетъ произвести при хорошемъ трудѣ земледѣльца“. Та и другая система имѣютъ за себя многихъ агрономовъ и экономовъ.

Большое воздѣлываніе употребляетъ ученыя методы, машины способствуютъ въ немъ хозяйственности и производительности труда; оно имѣетъ многія вспомогательныя операціи, дающія произведеніямъ земли всю цѣнность,

(*) Риккардсъ.

какую только способны они имѣть; ни малѣйшая частица земли не остается въ этой системѣ не плодоносною; различныя работы земледѣльческія получаютъ отъ одной, управляющей ими, руки единое, однообразное, разумное направленіе. Эта система опирается на великое начало раздѣленія труда, но прилагаетъ его къ земледѣлію только въ извѣстной степени; ибо хотя начало это производитъ чудеса въ мануфактурной промышленности, но и въ соединеніи труда заключаются тоже свои выгоды для земледѣлія: такъ напримѣръ полезно въ большомъ земледѣліи имѣть своихъ мастеровъ земледѣльческихъ орудій и проч., которые бы впрочемъ не исключительно занимались своимъ мастерствомъ; съ нѣкоторыми земледѣльческими фермами могутъ быть съ большимъ удобствомъ соединены мѣльница, красильня и проч. Въ нижней Бретани не было ни одной фермы, на которой не ткали бы полотна. Большое воздѣлываніе сохраняетъ значительное количество рукъ, предотвращаетъ множество издержекъ въ отношеніи къ жилью, дровамъ, приготовленію пищи и проч.; оно позволяетъ упростить всѣ операціи продажи и купли, производить то и другое въ выгодное время и съ сохраненіемъ времени, однимъ словомъ, оно доставляетъ самыя лучшія условія. Все это потому, что большое воздѣлываніе управляется всемогущимъ

двигателемъ — разумомъ и имѣетъ въ рукахъ самое вѣрное средство — деньги.

Малое воздѣлываніе поставлено въ совершенно противуположныя условія. Одинъ и тотъ же человѣкъ обязанъ производить множество операцій, въ которыхъ силы его тратятся часто безъ всякой пользы. То двѣ руки занимаются дѣломъ, для котораго едва нужна сила ребенка, то одинъ долженъ дѣлать съ величайшимъ усиліемъ то, для чего нужно содѣйствіе многихъ. Незначительный фермеръ обязанъ къ исчисленіямъ многочисленнымъ и въ высшей степени запутаннымъ, отнимающимъ у него столько же времени, сколько нужно на управленіе самыми значительными предпріятіями. Даже жена его отягощена множествомъ работъ: она должна готовить пищу, заботиться о дѣтяхъ, кормить ихъ, шить, прясть, вязать и проч. Нѣтъ ни отдыха, ни, разумѣется, постоянства усилій. Постоянно отягощенное нуждами, небольшое хозяйство подвергается множеству неудобствъ въ куплѣ и продажѣ: малѣйшее несчастіе, малѣйшій заемъ становится для него невыносимою тяжестью; множество силъ и множество времени тратятся совершенно безъ пользы. Артёръ Юнгъ смотря на рынки нижней Бретани, гдѣ въ цѣлые дни продавались по полдюжинѣ яицъ, занялся исчисленіемъ того, во сколько цѣнность потеряннаго времени превосходила цѣнность про-

даваемыхъ предметовъ; разница была огромная. Однимъ словомъ, хозяинъ небольшой земледѣльческой фермы не имѣетъ въ рукахъ главнаго и могущественнѣйшаго средства, денегъ. Онъ можетъ конечно обладать великимъ двигателемъ, разумомъ; но этотъ разумъ долженъ вращаться въ слишкомъ тѣсной сферѣ.

Небольшое хозяйство одарено впрочемъ свойственною ему энергіею, которая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволяетъ ему спорить съ большимъ; иногда даже, ему удается превзойдти это послѣднее, покрайней мѣрѣ, въ отношеніи къ грубому доходу (*). Поденщикъ, употребляемый хозяиномъ большой земледѣльческой фермы, не интересуется результатами

(*) Представимъ примѣръ этого. Стóитъ только сравнить почву двухъ провинцій Франціи, La Beauce и La Brie, гдѣ преимущественно преобладаетъ большое воздѣлываніе, съ почвою нѣкоторыхъ кантоновъ нижней Бретани, гдѣ малое хозяйство доведено до послѣдней крайности; результатъ будетъ вотъ какой: фермы упомянутыхъ провинцій отдаются въ наемъ по 40 франковъ за гектаръ, фермы нѣкоторыхъ кантоновъ нижней Бретани по 120 и иногда даже по 180 франковъ. Бретонскіе кантоны, о которыхъ мы говоримъ, составляютъ исключеніе, но и остальная часть провинціи должна же имѣть съ ними сходство; во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ можетъ дать понятіе о производительности малаго обработыванія, когда обстоятельства ему благопріятствуютъ.

предпріятія; въ слѣдствіе этого онъ вноситъ въ свои занятія извѣстную часть бездѣйствія, которой нельзя опредѣлить въ точности, но которая тѣмъ не менѣе довольно значительна; въ небольшомъ хозяйствѣ совершенно иное явленіе; нѣтъ ни одного усилія, которое бы не вознаграждалось, ни одного уголка, который бы укрылся отъ вниманія хозяина. Небольшой фермеръ ведетъ по самой необходимости постоянную борьбу съ землею и употребляетъ отчаянныя усилія, чтобы выйдти изъ этой борьбы побѣдителемъ. Совмѣстничество подстрекаетъ его еще болѣе. Сжатый въ тѣсныя границы, не имѣя возможности расширить поверхности земли, онъ старается вознаградить себя за это глубиною и вмѣсто плуга беретъ заступъ, который роетъ глубже, доходитъ до богатаго пл ста почвы (*). Съ помощію этого орудія, онъ утрояетъ, учетверяетъ нѣкоторымъ образомъ принадлежащую ему почву.

Большое и малое земледѣліе имѣютъ слѣдственно каждое свои особенныя выгоды и не-

---

(*) Плугъ роетъ землю на 4, 6, 8 дюйімовъ глубины, заступъ на 18, 20, 24; заступъ слѣдовательно дорывается до почвы втрое или вчетверо болѣе производительной; хозяину небольшаго земледѣлія можно это дѣлать, хозяину же большаго нельзя.

выгоды (*); но нѣтъ ли третьей системы, третьяго способа воздѣлыванія, который соединялъ бы въ себѣ выгоды двухъ системъ и устранялъ ихъ невыгоды?

Этой третьей системой можно считать обработываніе сообща извѣстнаго владѣнія, которое нераздѣльно принадлежитъ многимъ семействамъ или многимъ лицамъ.

Но индійское селеніе, отъ временъ отдаленнѣйшихъ до нашихъ, представляло собою обширнѣйшее приложеніе этой теоріи. Оно умѣло соединить въ себѣ выгоды большаго и малаго обработыванія.

(*) Мы смотримъ на двѣ эти системы только въ одномъ отношеніи, въ отношеніи къ ихъ производительности или къ ихъ грубому доходу. Если смотрѣть на вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія, въ отношеніи къ положенію страны, то безъ всякаго сомнѣнія системѣ большаго хозяйства должно будетъ отдать предпочтеніе. Этой системою оставляется для торговли и промышленности значительное количество рукъ. Раздробленіе же собственности и малое хозяйство, какъ его слѣдствіе, несогласны съ благоденствія страны.

ГЛАВА VI.

О трехъ способахъ сбора налоговъ, какъ объ учрежденіяхъ политическихъ.

Мы уже пытались объяснить, какъ вслѣдствіе особенныхъ, свойственныхъ Индіи обстоятельствъ, всякое измѣненіе въ способѣ сбора налоговъ влекло за собою измѣненіе въ самомъ существѣ собственности; другими словами, общественный или политическій переворотъ.

Съ другой стороны, мы изслѣдовали способы налоговъ въ Индіи съ точки зрѣнія экономической; теперь мы постараемся изучить эти различныя системы администраціи въ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ послѣдствіяхъ, которыя изъ нихъ произошли; другими словами, разсмотрѣвши ихъ какъ средства финансоваго управленія, взглянуть на нихъ, какъ на учрежденіе политическое.

Древность, въ началѣ историческихъ временъ, представляетъ намъ чудесное зрѣлище, происхожденіе первыхъ обществъ. Полубаснословные законодатели, которымъ признательность народовъ приписала божественное призваніе, создаютъ обряды богослуженія, даютъ законы разсѣяннымъ людямъ; они установляютъ собственность, происхожденіе и условіе

всякаго общества, они, такъ сказать, передѣлываютъ по своему общественный матеріалъ еще мягкій, не установившійся, не получившій упругости, сообщаютъ ему жизнь, облекаютъ его формою по произволу и ставятъ на приготовленное ими для него основаніе; здѣсь установляютъ сильную аристократію Спарты, тамъ блестящую демократію Аѳинъ, въ другомъ мѣстѣ строятъ вѣчный городъ, заключивши въ стѣнахъ его два начала, долженствовавшія вести между собою борьбу на смерть. Собственость, установленная ими, которою они распоряжаются по нѣкотораго роду божественному праву, служитъ основаніемъ созданнаго ими общества.

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, законодатель въ Индіи поставленъ былъ въ такое положеніе, какому никогда не было примѣровъ. Тамъ огромные пространства земель не имѣли законныхъ хозяевъ или по крайней мѣрѣ, право собственности подвергалось сомнѣнію съ теоретической точки зрѣнія, и въ рукахъ правительства находилась возможность располагать этими землями. Законодатель, по своей волѣ, могъ сосредоточить поземельную собственность въ рукахъ государя или дать это право аристократіи, какъ основу всякой настоящей аристократіи; или могъ раздробить наконецъ эту землю на частицы, раздѣливши ее между возможно бо́льшимъ коли-

чествомъ лицъ, создать однимъ словомъ владѣльческую демократію; и дѣйствительно, всѣ эти различные результаты были неизбѣжными послѣдствіями тѣхъ измѣненій, которымъ подвергался тогда сборъ налога въ Индіи.

Лордъ Корнуаллисъ не могъ, разумѣется, не чувствовать желанія создать аристократію. Въ эту эпоху Великобританія не достигла еще конечно той вершины славы и могущества, которой она достигла впослѣдствіи; но она уже была и славна и могущественна. Въ Англіи же, крѣпко организованная и владѣющая почти всею землею, аристократія извлекала изъ этой земли всевозможную пользу; въ землѣ заключался источникъ ея могущества, богатства, славы; вспомоществуя ей въ этомъ, многочисленное земледѣльческое народонаселеніе процвѣтало и пользовалось несравненно бо́льшими правами, чѣмъ какой либо другой народъ Европы. Поземельная собственность, то, что на языкѣ англійской политической экономіи называется *estate*, была основою и рычагомъ этого положенія дѣлъ, и поземельныя владѣнія имѣли въ Англіи огромные размѣры. Каждое изъ нихъ было огромною земледѣльческою фермою и употребляло всѣ средства, которыя наука и промышленность давали богатымъ владѣльцамъ. Вліяніе ихъ на многочисленныхъ фермеровъ, замѣнивши мало по малу феодальную власть, создало

между двумя классами отношенія покровительства съ одной стороны, подчиненія и уваженія съ другой; благія послѣдствія такихъ отношеній были неисчислимы.

Лордъ Корнуаллисъ, надобно отдать ему справедливость, былъ исполненъ самыхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ намѣреній въ отношеніи къ обширной имперіи, которою онъ былъ призванъ управлять. Онъ желалъ, въ высшей степени искренно, возвести ее на ту степень благосостоянія, которой наслаждалась тогда старая Англія. Онъ естественно наклоненъ былъ думать, что важнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было идти тѣмъ же путемъ, какимъ шла Великобританія, употреблять тѣ самыя орудія, которыя съ успѣхомъ употребляла эта послѣдняя, однимъ словомъ создать въ Индіи собственность по образцу и по условіямъ своего отечества.

Поэтому, лордъ Корнуваллисъ ни мало не сомнѣвался ни въ законности, ни въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ предположилъ себѣ создать смѣло и, такъ сказать, съ разу, могущественную и сильную аристократію и положить ей въ основу право собственности поземельной. Онъ думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ основать въ Индіи сильную общественную іерархію и положить начала земледѣльческому благосостоянію, начала, которыя долженствовали, по его мнѣнію, скоро принести плодъ свой. Онъ писалъ съ одной

стороны: „нигдѣ столь не необходима, какъ въ Индіи, постепенная лѣстница чиновъ для поддержанія порядка въ гражданскомъ обществѣ (*).“ Съ другой стороны, въ тоже время: „Индостанъ, котораго третью часть составляютъ лѣса съ дикими звѣрями, скоро покроется полями, обильными жатвою (**).“ Этимъ лордъ Корнуаллисъ самымъ искреннимъ образомъ выражалъ свою мысль; что касается до успѣха принимаемыхъ имъ мѣръ, то ему и въ голову никогда не приходило сомнѣваться въ немъ. Какъ можно было думать, чтобы учрежденія, которымъ Англія обязана своимъ величіемъ и благосостояніемъ, были безсильны и безполезны для Индіи? какимъ образомъ сѣмена, произраставшія обильный плодъ на берегахъ Темзы, могли бы пропасть на берегахъ Гангеса? — Этого никакъ не могъ понять лордъ Корнуаллисъ, и надобно сказать, что этого не понимали даже многіе изъ государственныхъ людей, ему современныхъ.

Законодатель мадрасскій, въ реформахъ, вводимыхъ имъ въ этомъ президентствѣ, выходилъ изъ точки, діаметрально противуположной точкѣ лорда Корнуаллиса; онъ принялся создавать владѣльческую демократію съ тойже

(*) Письмо лорда Корнуаллиса совѣту директоровъ, 2 августа 1789.

(**) Id. ibid.

ревностью, съ какою тотъ создавалъ или мечталъ создавать поземельную аристократію.

Но законодатель мадрасскій, мы должны замѣтить это, дѣйствуя такимъ образомъ, гораздо менѣе отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, чѣмъ лордъ Корнуаллисъ. Аристократическій духъ старой Англіи вострепеталъ бы отъ одной мысли о подобномъ результатѣ. Но мы сказали уже, какимъ образомъ, изобрѣтатели новой системы сбора налоговъ не признавая никакого права, предшествующаго правамъ ими созданнымъ, прямо сочли все общественное зданіе разрушеннымъ; какъ они не признали никакого различія званій и классовъ общества, какъ они зачеркнули все, что стояло выше земледѣльца; какъ общежитіе было раздроблено, такъ сказать, на свои основныя частицы: изъ этихъ разрозненныхъ личностей законодатель предполагалъ создать совершенно новое общежитіе; тѣмъ охотнѣе онъ убѣдилъ себя въ этомъ, что обстоятельства, единственныя въ исторіи міра, въ которыя онъ былъ поставленъ, позволяли ему дать этому обществу основу самую прочную, поземельную собственность, которою онъ располагалъ по произволу.

Но, странное дѣло, странная ошибка человѣческой мудрости! законодатель калькуттскій и законодатель мадрасскій достигли каждый совершенно противуположной цѣли, нежели той, къ которой они стремились. Въ президен-

ствѣ калькуттскомъ пагубное столкновеніе двухъ родовъ судопроизводствъ, вражда, созданная вдругъ между двумя классами общества, привели за собою раззореніе прежнихъ земиндаровъ. Черезъ два или три года древняя аристократія, или покрайней мѣрѣ, то что ее замѣняло, уничтожилась; она была поглощена большинствомъ, различія были стерты и явилась насильственная и мятежная демократія. Въ Мадрасѣ осуществился совершенно противуположный результатъ. Въ этомъ президенствѣ коллекторъ не могъ видѣть всего собственными глазами, самъ сноситься съ каждымъ изъ земленаемщиковъ, которымъ онъ отдавалъ въ наймы землю; ему необходимо нужны стали помощники и агенты; между нимъ, представителемъ правленія, власти, и простымъ земледѣльцемъ, устанавливался постепенно посредствующій классъ; лица этого класса сдѣлались въ каждомъ мѣстѣ судьями заключаемыхъ контрактовъ и, разумѣется, пользовались этимъ для своей собственной выгоды: наконецъ земледѣльцы стали совершенно зависимыми отъ этихъ второстепенныхъ владѣльцевъ. Вмѣсто демократіи, которая должна была бы выйдти изъ мысли законодателя мадрасскаго, явилась на этомъ основаніи совершенно новая аристократія.

Способъ сбора налога по селеніямъ, сохраняя во всей неприкосновенности и цѣлости

общинное учреждение, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и политическую важность, равную его финансовой важности.

Какъ бы то ни было, но нѣтъ, можетъ быть, во всей исторіи человѣческаго рода страницы достойной интереса и сочувствія болѣе той, на которой написана исторія этихъ небольшихъ индійскихъ общинъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ можно слѣдить за ними съ первой минуты ихъ происхожденія, сокрытаго во мракѣ первыхъ вѣковъ исторіи, посреди перемѣнъ индійскаго общества, котораго они служатъ основою, потомъ посреди бѣдствій могольскаго завоеванія, оставившаго ихъ неповрежденными, до роковой минуты, когда они, по крайней мѣрѣ большею частію, падаютъ подъ губительными ударами европейскихъ нововведеній.

ГЛАВА VII.

О недостаточности налоговъ, платимыхъ торговлею и промышленностью. Взглядъ на промышленное и торговое состояніе Индіи.

Невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ правительство не облегчитъ тяжкаго бремени налога, какимъ образомъ, если государственныя нужды дѣлаютъ невозможнымъ та-

кое облегченіе, оно не обратится за средствами помочь злу къ торговли и промышлености?

Но въ рукахъ ли англійскаго правительства находятся эти средства? Земледѣліе, промышленность и торговля суть три источника государственнаго богатства, употребленіе которыхъ никакъ не можетъ быть произвольнымъ: напротивъ, употребленіе двухъ послѣднихъ необходимо подчинено употребленію перваго. Частію вслѣдствіе состоянія земледѣлія, частію вслѣдствіе другихъ причинъ, торговля и промышленность не могутъ доставить правительству средствъ, которыя ему нужны; завладѣвши этими двумя орудіями и употребляя ихъ исключительно въ свою пользу, англичане едва окончательно ихъ не уничтожили. Они прилагали вездѣ одну систему: брать какъ можно больше и оставлять какъ можно меньше.

Индія считалась прежде мануфактурною страною и до извѣстной степени была дѣйствительно такою. Она отправляла напримѣръ въ Европу превосходную кисею, великолѣпныя полотна, отличные ситцы и проч. Впрочемъ, мануфактуры ея, если только можно назвать этимъ именемъ мѣста, изъ которыхъ выходили эти драгоцѣнные продукты, вовсе не соотвѣтствовали ихъ изяществу и великолѣпію. Дрянная землянка, покрытая соломой, въ двад-

цать или тридцать шаговъ длиною и въ семь или восемь шириною, гдѣ работникъ разставлялъ свой станокъ и работалъ, окруженный своей семьей, коровой и домашними птицами (*)," вотъ что такое была индійская мануфактура, изъ которой европейское воображеніе создавало себѣ соперницу манчестерской и ливерпульской: способъ производствъ вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣсту; у ткача, съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ явились португальцы, и до нашего времени, никогда не было ничего кромѣ простаго станка; одинъ человѣкъ могъ съ величайшею удобностью перенести на себѣ всѣ инструменты.

Нѣсколько многочисленныхъ колѣнъ не могли заниматься никакимъ другимъ ремесломъ. Но члены этихъ колѣнъ были всегда слишкомъ бѣдны, чтобы самимъ доставать себѣ средства существованія; они по необходимости подвергались зависимости отъ купцовъ, доставлявшихъ имъ эти средства. Эти послѣдніе являлись къ нимъ съ деньгами, снабжали ихъ необходимымъ матеріаломъ, условливались съ ними въ цѣнѣ, въ качествѣ и количествѣ тканей и часто платили часть денегъ впередъ. Потомъ, разумѣется, они не выпускали мастеровыхъ изъ виду, надзирали

(*) Аббатъ Дюбуа, томъ I, стр. 97.

за ними ежеминутно. Капиталъ, находившійся у нихъ въ распоряженіи, былъ весьма незначителенъ; каждый изъ нихъ давалъ работу весьма небольшему количеству станковъ; но умѣренность индійца простирается до крайности, искусство его владѣть своимъ орудіемъ изумительно; онъ доставлялъ себѣ пропитаніе, доставлялъ даже нѣкоторыя выгоды мануфактуристамъ, употреблявшимъ въ дѣло его промышленость, торговцамъ, вывозившимъ за границу его произведенія.

Промышленность была въ такомъ состояніи въ эпоху, когда владычество надъ Индіею перешло въ руки англичанъ. Чрезмѣрное увеличеніе поземельнаго налога и переворотъ, происшедшій отъ этого въ самой собственности, нанесли ей первый ударъ: капиталы были уничтожены, но скоро послѣдовали другіе удары, еще болѣе пагубные, еще болѣе странные. Англійская промышленность, уже царствовавшая въ мірѣ со всею своею силою, со всѣмъ превосходствомъ своей организаціи, возстала подлѣ этой слабой и незначительной промышлености, остававшейся въ своемъ продолжительномъ дѣтствѣ; она явилась на поле битвы съ новымъ, оружіемъ: машинами. Всемогущество этого орудія извѣстно всѣмъ: машины въ десять, во сто разъ увеличиваютъ человѣческія силы. Терпѣніе, умѣрен-

ность, удивительная ловкость индійца, скоро оказались неспособными выдерживать борьбу. Бумага, вывозимая изъ Индіи въ Англію, опять ввозилась изъ Англіи въ Индію черезъ нѣсколько времени; англичане дешевле туземцевъ стали продавать мануфактурныя произведенія Индіи, и, разумѣется, удѣломъ туземцевъ стало конечное раззореніе. Работникъ манчестерскій, бирмингемскій, гласговскій, при помощи страшнаго оружія, даннаго ему цивилизаціею, остался побѣдителенъ на этомъ новомъ полѣ битвы; самъ едва не умирая съ голоду, онъ уморилъ съ голоду работника суратскаго и даккскаго (*). Машины внесли въ промышлен-

(*) „О торговлѣ суратской, говоритъ Геберъ, въ настоящую минуту смѣшно говорить: она состоитъ только въ небольшомъ количествѣ непряденой бумаги, нагружаемой на суда, отправляющіяся въ Бомбей. Всѣ мануфактурныя произведенія страны гораздо дешевле продаются англичанами, кромѣ шалей, требованія на которыя весьма ограниченно. Ужасное раззореніе стало удѣломъ туземныхъ купцовъ." Геберъ, томъ II, стр. 175.

Въ Даккѣ тоже самое зрѣлище поразило Гебера. „Торговля Дакки въ семдесятъ разъ уменьшилась противъ прежняго; всѣ ея великолѣпныя зданія, дворцы ея основателя и Ишанджира, великолѣпная мечеть, построенная имъ, дворцы древнихъ набобовъ, факторіи, церкви французовъ, датчанъ, португальцевъ все это теперь въ развалинахъ. Геберъ, томъ II, стран. 141.

ность такіе же перевороты, какъ изобрѣтеніе пороха въ военное дѣло.

По всему предыдущему можно уже судить о торговомъ состояніи Индіи. Вывозъ и ввозъ находятся между собою всегда въ необходимомъ отношеніи. Не производя ничего, что́ бы можно было продавать, т. е. вывозить, Индія не можетъ ничего и покупать, т. е. ввозить. Но допустивши даже возможность бороться, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, съ такими неблагопріятными обстоятельствами, представляется еще другое препятствіе. Первое правило всякой торговли, т. е. всякаго размѣна, заключается въ томъ, чтобы обѣ торгующія стороны были равны между собою. „Если же и должно быть какое либо преимущество, то покрайней мѣрѣ на сторонѣ слабаго (*).“

Въ отношеніи къ Индіи Англія держалась совершенно противуположнаго правила. Всѣ благопріятныя обстоятельства: сильные капиталы, организація промышленности и проч. были на ея сторонѣ; ей было этого недовольно. Въ 1813 году, парламентскимъ актомъ ограничена была такъ называемая свобода торговли въ Индіи, т. е. положены были нѣкоторыя границы монополіи компаніи. Но наложивши на англійскіе товары, ввозимые въ Индію, пош-

(*) Тёрнтонъ. India, its stat and prospects. — стр. 84.

шлину въ $2\frac{1}{2}$ процента, этотъ актъ обложилъ товары, вывозимые изъ Индіи въ Англію пошлиною въ 25 и 50 процентовъ (*). Торговая промышленность Индіи получила отъ этого ударъ, отъ котораго она не могла оправиться; остатки этой промышленности уцѣлѣли совершенно случайно и не могли имѣть вліянія на положеніе народа.

Англія ввозила въ Китай огромное количество опіуму; но всѣми выгодами отъ этого пользовалось индійское правительство. Это была такса, наложенная на чужую землю въ пользу индобританскаго правительства, ни мало не имѣвшая вліянія на состояніе полуострова. Французская торговля ввозитъ въ Индію извѣстное количество вина, большею частію через посредство англійскихъ негоціантовъ, но и эта вѣтвь торговли касается только небольшаго числа европейцевъ, живущихъ въ имперіи. Индійская торговля съ другими восточными государствами почти совершенно ничтожна; англійскіе товары проходятъ правда черезъ Индію, но отправляются въ средоточіе Азіи для соперничества съ товарами русскими. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, народонаселеніе Индіи остается совершенно чуж-

---

(*) Брайггсъ, стр. 458—9. Тёрнтонъ, стр. 84. Монтгоммери Мертинъ Enquete.

дымъ торговлѣ; Индія только дорога для Англіи; Америка и Франція покупаютъ только шелкъ, селитру и индиго.

Изъ этихъ различныхъ вѣтвей торговли значительнѣе всѣхъ индиго; англійскіе капиталы въ Индіи, употребленные на его воздѣлываніе, принесли большую выгоду; старинныя индійскія методы для производства индиго весьма усовершенствованы. Въ извѣстныхъ мѣстахъ результаты этого воздѣлыванія были благопріятны земледѣльческому народонаселенію ибо „одно только это дало ему средства платить огромный поземельный налогъ (*).“ Но съ другой стороны, эта вѣтвь торговли кажется, достигла уже теперь точки, на которой она должна остановиться: „ибо потребленіе индиго, прежде увеличивавшееся во Франціи, давно уже остановилось въ одномъ положеніи и нѣтъ причинъ предполагать его увеличенія (*).“

Не мѣсто здѣсь входить въ бо́льшія подробности. Мы хотѣли только показать, почему торговля и промышленность не могли помочь земледѣльческому народонаселенію Индіи, почему они не могли доставить правительству части требуемаго имъ налога.

(*) Enquête. Томъ III. Minutes of evidence, стр. 101.

ГЛАВА VIII.

Общій очеркъ финансовой системы индобританской имперіи. Какъ вся она проявляется въ одномъ расчетѣ, въ чрезмѣрности поземельнаго налога.

Мы говорили уже довольно пространно о поземельномъ налогѣ, но нельзя не остановиться еще нѣсколько минутъ на этомъ предметѣ. Положеніе Индіи все объясняется, такъ сказать, чрезмѣрностію этого налога. Подлѣ этого важнаго общественнаго факта всѣ другіе теряютъ свое значеніе. На какую точку зрѣнія ни стать для разсмотрѣнія состоянія Индіи, повсюду видѣнъ, повсюду владычествуетъ поземельный налогъ.

Поземельный налогъ въ Индіи нисколько не походитъ на что либо существующее въ другихъ мѣстахъ, ибо названія въ этомъ случаѣ далеко не соотвѣтствуютъ предметамъ. Всякій грубый доходъ съ земли раздѣляется на три части: издержки воздѣлыванія, содержаніе и прокормленіе земледѣльца, доходъ владѣльца, т. е. 33 раза взятая треть каждой изъ этихъ частей. Но поземельный налогъ, требуемый правительствомъ британской Индіи, составляетъ 45 процентовъ. Предположимъ, напримѣръ, что владѣлецъ земли въ Европѣ, получающій съ

земли 15,000 франковъ, принужденъ платить 20,000.

Это уже достаточно поясняетъ намъ важность поземельнаго налога. Тотъ же фактъ проявится быть можетъ еще ярче, вслѣдствіе простаго сближенія извѣстныхъ цыфръ.

Бюджетъ доходовъ индобританской имперіи въ 1833 году выражался числомъ 20,189,730 фунтовъ стерлинговъ, суммою, которая могла быть разложена на три отдѣльныя и различныя группы: поземельный налогъ, 13,242,347 фунтовъ стерлинговъ, монополіи соли, табаку и опіума 3,517,294 фунтовъ стерлинговъ, всѣ другіе, косвенные налоги съ потребленія и проч 3,429,889 фунтовъ стерл. (*).

Поземельный налогъ, самъ по себѣ, слѣдственно, вдвое больше суммы остальныхъ налоговъ; но извѣстно съ другой стороны, что доходъ съ опіума не имѣетъ никакого отношенія къ положенію страны: онъ есть не что иное, какъ подать, платимая Китаемъ индобританскому правительству. Налогъ на соль есть налогъ, положенный на предметъ первой необходимости, безъ котораго нельзя почти обойтись. Тоже можно сказать о монополіи табаку; въ нѣкоторыхъ болотистыхъ округахъ Индіи табакъ тоже составляетъ предметъ первой необходимости. Косвенные налоги и съ

(*) См. таблицу въ концѣ тома.

потребленія (таможенныя пошлины, акцизъ и проч.) подаютъ напротивъ по своимъ доходамъ вѣрное понятіе о финансовомъ положеніи страны. Если они значительны, положеніе страны цвѣтущее, и на оборотъ. Но ихъ незначительность въ Индіи поразительна. Общая сумма поземельнаго налога въ четверо больше суммы этихъ различныхъ налоговъ. Слѣдственно она составляетъ бо́льшую и лучшую часть бюджета доходовъ индобританской имперіи. Мы уже видѣли, не прибѣгая къ цыфрамъ, что иначе и быть не могло.

Правительство въ трехъ президентствахъ требуетъ 45 процентовъ, но этимъ еще не выражаются всѣ тяжести, лежащія на землевладѣльцѣ: прибавьте еще къ этому издержки администраціи въ трехъ системахъ сбора. Мы не будемъ говорить о системѣ сбора по деревнямъ: она покрайней мѣрѣ вознаграждаетъ за требуемыя ею издержки множествомъ удобствъ. Но въ системѣ мадрасской или въ системѣ поголовнаго сбора, земледѣлецъ обязанъ платить 10 процентовъ на издержки администраціи, въ Калькуттѣ 15 процентовъ въ пользу земиндара, т. е. суммы, платимыя имъ ежегодно правительству или посредникамъ правительства, составляютъ 55 процентовъ въ Мадрассѣ и 60 въ Калькуттѣ; издержки воздѣлыванія необходимо падаютъ на землепаемщика; мы видѣли, что они равняются $33\frac{1}{3}$ процентамъ; если

прибавить это число къ предыдущему, получатся $88\frac{1}{3}$ для издержекъ мадрасскаго земледѣльца, $93\frac{1}{3}$ для издержекъ калькуттскаго. Разность этихъ двухъ суммъ изъ 100, представляющихъ собою цѣлый доходъ земли, составитъ слѣдственно часть земледѣльца, т. е. земледѣльцу мадрасскому останется $11\frac{2}{3}$, Калькуттскому $6\frac{1}{2}$, или $\frac{12}{100}$ первому, $\frac{5}{00}$ второму.

Мы говорили уже, что треть грубаго дохода вездѣ и всѣми экономистами считалась частію дохода съ земли, необходимою для прокормленія, содержанія земледѣльца: европейскіе земледѣльцы получаютъ эту часть. Но земледѣлецъ мадрасскій имѣетъ изъ этой части только около трети, калькуттскій около пятой части. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о положеніи земленаемщика въ Индіи потому, что у насъ передъ глазами, мы должны прибѣгнуть къ гипотезѣ. Должно предположить, что въ странахъ, гдѣ малое хозяйство понизило въ высшей степени цѣну земледѣльческаго труда, земледѣльцы принуждены уменьшить на двѣ трети или четыре пятыхъ свои издержки разнаго рода; слѣдственно, втрое или впятеро уменьшить свою пищу, точно также и въ такомъ же размѣрѣ уменьшить издержки содержанія и проч., потомъ чистыми деньгами уплачивать разницу въ пользу владѣльца. То-

кда только мы получимъ понятіе о поземельномъ налогѣ въ Индіи, о томъ положеніи до котораго доводитъ онъ индійскаго земледѣльца.

Состояніе дѣлъ, изложенное нами, безъ всякаго сомнѣнія удивительно. Правда, что оно измѣнялось нѣсколько въ дѣйствительности, но никогда не улучшалось значительно; тысячи свидѣтельствъ это доказываютъ. „Что касается до умѣренности въ требованіи податей, говоритъ Брайггсъ, которая безпрестанно рекомендуется въ депешахъ директоровъ, то признаюсь, что я не вижу никакихъ мѣръ, которыя были бы для этого приняты.“ „Я не могъ, прибавляетъ онъ еще, найдти вовсей Индіи налога, который бы составлялъ только треть грубаго дохода, т. е. цѣлость дохода земледѣльца (*).“ Когда сэръ Томасъ Монро, тронутый бѣдностью, которую встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу и которой онъ самъ былъ нѣкоторымъ образомъ виновникомъ, просилъ совѣтъ директоровъ понизить налогъ 12 процентами, чѣмъ бы налогъ только уравнялся съ цѣлостью дохода владѣльца, ему отвѣчали очень сухо, что нужды правительства не позволяютъ принять этого предложенія.

Противорѣчіе между предлагаемой директорами умѣренностью, о которой говоритъ Брайггсъ, и ихъ отвѣтомъ сэру Томасу Монро,

(*) Брайггсъ стр. 312.

дѣйствительно встрѣчается во всѣхъ ихъ депешахъ, относящихся къ этому предмету.

Какъ бы то ни было, изъ всего предшествовавшаго намъ понятна сущность финансовыхъ отношеній Индіи съ Англіею. Поземельный налогъ лишаетъ народонаселеніе всѣхъ его земледѣльческихъ доходовъ; промышленность встрѣчаетъ страшное сопротивленіе и соперничество въ промышлености англійской, подавляющей ее силою капиталовъ и машинъ. Всякое соперничество становится невозможнымъ, всѣ промышленныя выгоды принадлежатъ англійской торговлѣ. Составятся ли какіе либо капиталы, покровительствуемые исключительными обстоятельствами, пожелаютъ ли ихъ вывезти изъ предѣловъ индобританской имперіи для того, чтобы обращать на рынкахъ Англіи: они обложены пошлиною въ 25 и въ 30 процентовъ, составляющею для нихъ послѣднее непредолимое препятствіе.

КНИГА ШЕСТАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Учреждения судебныя.

ГЛАВА I.

О трудности создать для индѣйскаго народа систему законодательства и судебнаго устройства.

При индомусульманскомъ правленіи правосудіе было соединено съ финансовымъ управленіемъ. Англичане, по прибытіи своемъ въ Индію, нашли дѣла въ этомъ положеніи.

Англійское правительство преобразовало совершенно бывшіе до него способы сбора налоговъ; это заставило его подобнымъ же образомъ измѣнить и судебное устройство, и это была вовсе нелегкая часть задачи, возложенной на него судьбою; законодатель, приступаю-

цій къ подобнымъ учрежденіямъ, окруженъ огромными трудностями даже и посреди народа, котораго вѣрованія онъ раздѣляетъ, котораго бытъ и исторія ему извѣстны. Посреди же чужеземныхъ племенъ, лишенный всѣхъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, онъ борется, такъ сказать, съ невозможностью.

Какъ бы то ни было, законодатель въ этомъ положеніи долженъ обратить вниманіе преимущественно на два предмета: на сочиненіе и обнародованіе законовъ и на средства ихъ приложенія, т. е. собственно на законодательство гражданское и уголовное и потомъ на устройство судовъ; то и другое сопряжено съ великимъ трудомъ.

„Законы, говоритъ Монтескьё, суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей." Философія XVIII вѣка жестоко нападала на это опредѣленіе; по ея мнѣнію, должно было прежде узнать о рукѣ, написавшей законъ, а потомъ уже признать ея законность. Тѣмъ не менѣе въ этомъ опредѣленіи, подъ его историческимъ безпристрастіемъ, сокрытъ глубокій философскій смыслъ. Откуда въ самомъ дѣлѣ могутъ проистекать отношенія вещей между собою, какъ не изъ внутреннѣйшей природы, не изъ самой сущности вещей? Законы, свойственные народу, по мнѣнію Монтескьё, опредѣляются слѣдственно, основою, сущностью этого народа, т. е. нравами, исторіей, вѣрова-

ніями, народнымъ духомъ. Они суть какъ бы результатъ всѣхъ этихъ различныхъ силъ и обнимаютъ всѣ эти отношенія. По этому, трудно, или лучше сказать невозможно, приложить законы одного народа къ другому; ясно, что множество опасностей и препятствій грозятъ въ подобномъ случаѣ законодателю.

Востокъ столь же различенъ отъ Европы въ организаціи власти судебной, какъ и власти политической.

Какимъ же образомъ можно было европейскіе законы и европейскую судебную организацію приложить къ народу, противуположному въ своихъ воззрѣніяхъ?

Законы, намъ особенно нужные, судебныя формальности, служащія для насъ лучшею гарантіею защиты, въ глазахъ индійца смѣшны или стѣснительны; онъ не понимаетъ ихъ смысла и значенія.

Между тѣмъ самая необходимость положенія заставила англійское правительство взяться за подобное дѣло. Оно хотѣло преобразовать судебную организацію въ Индіи. Разсмотримъ мѣры, принятыя имъ для достиженія этой цѣли.

Но сперва мы должны говорить о различныхъ системахъ законодательства, которыя нужно было прилагать.

ГЛАВА II.

О различныхъ системахъ законодательства, управляющихъ индобританскою имперіей.

Тому же лорду Корнуаллису, который оставилъ такіе глубокіе слѣды во внѣшней политикѣ и въ финансовой системѣ, выпала великая задача устроенія правосудія въ Индіи. Лордъ Корнуаллисъ пытался было сдѣлать нѣчто бо́льшее, взять на себя первую часть дѣла законодателя. Онъ предполагалъ слить въ одно систематическое и правильное уложеніе безчисленное множество религіозныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ управляющихъ Индіею. Онъ писалъ по этому поводу: „существенно необходимо для будущаго благосостоянія англійскаго правительства въ Индіи, чтобы всѣ уставы и законодательныя распоряженія, какимъ бы то ни было образомъ относящіяся къ лицамъ и къ собственности, собраны были въ правильный кодексъ, и чтобы кодексъ этотъ напечатанъ былъ съ переводомъ на туземные языки и съ объясненіемъ причинъ, побудившихъ къ этому правительство; съ кодексомъ этимъ должны сообразоваться судебныя мѣста (*)."

(*) Лордъ Корнуаллисъ, предисловіе къ его индійскимъ уставамъ.

Далѣе лордъ Корнуаллисъ говоритъ еще: „кодексъ, изданный на основаніи этихъ началъ, познакомитъ туземцевъ съ законами, которымъ они должны повиноваться, равно какъ и со средствами получить скорѣе правосудіе въ случаѣ всякаго нарушенія. Суды должны прилагать эти законы въ томъ духѣ, въ какомъ они написаны. Правительства, послѣдующія за существующимъ нынѣ, сдѣлаютъ въ этихъ законахъ нужныя измѣненія (*).“

Лордъ Корнуаллисъ впрочемъ не преслѣдовалъ этого плана. Индія, послѣ какъ и прежде его администраціи, продолжала быть управляема четырьмя системами законодательства: законами браминскими, законами мусульманскими, законами и уставами генералъ-губернаторовъ, англійскимъ законодательствомъ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ.

Законы Мену и ихъ многочисленные комментаторы составляли законодательство, подъ которымъ жило народонаселеніе индійскаго происхожденія и браманской вѣры.

Коранъ существовалъ для народонаселенія мусульманской вѣры и мусульманскаго происхожденія и былъ для нихъ тѣмже, чѣмъ веды и законы Мену для индусовъ.

(*) Id. ibid.

По содержанію этой священной книги немногія мѣста ея были приложимы къ обыкновеннымъ обстоятельствамъ жизни; поэтому, коранъ имѣлъ множество комментаторовъ, суннитскихъ или шіитскихъ; индійцы слѣдовали суннитскимъ толкователямъ, но главное толкованіе, какъ мы говорили, предоставлено было судьѣ (*).

Уставы генералъ-губернаторовъ прибавили къ этому новое законодательство. Они опредѣлили законъ уголовный и отношенія, возникшія между туземнымъ народонаселеніемъ и новыми властителями Индіи.

Они также измѣняли нѣкоторые туземные законы, какъ индусскіе, такъ и мусульманскіе. Духъ европейской цивилизаціи совершенно отказывался понять возможность приложенія нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ. „Слѣдственно правительство англійское, продолжая слѣдовать заблужденіямъ могольскаго правительства, предоставило себѣ право дѣлать измѣненія въ гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ, сообразныя съ духомъ человѣколюбія (**).“ Изъ этихъ измѣненій, многія были весьма важны. По мусульманскому за-

(*) Въ Индіи имѣютъ судебную силу толкованія Абу Ганифы и учениковъ его: Абу Юсуфа и Имама Магомета См. 5-й раппортъ, стр. 103.

(**) 5-й раппортъ и проч. стр. 103.

кону, наказаніе за смертоубійство опредѣлялось смотря по орудію, которымъ оно совершено. Англичане привели или старались привести наказаніе въ соотношеніе съ степенью ожесточенія, обнаруживаемаго виновнымъ. Они перемѣнили также изувѣченіе, предписанное индусскимъ и мусульманскимъ законодательствомъ, на болѣе или менѣе продолжительное заключеніе въ тюрьму; они приняли предосторожности для того, чтобы замѣнить небрежность наслѣдниковъ въ преслѣдованіи смертоубійцъ, опредѣлили строгое взысканіе за ложное свидѣтельство и клятвопреступленіе, столь общія въ Индіи. Наконецъ, въ 1807 году, англійское правительство измѣнило мусульманскій законъ въ отношеніи къ разбоямъ шайками, весьма неясный въ этомъ случаѣ (*).

Мусульманскій законъ главнѣйшимъ доказательствомъ виновности считаетъ признаніе самаго виновнаго. Но вездѣ, всего труднѣе добиться этого доказательства, тѣмъ болѣе въ Индіи: поэтому, мусульманское законодательство довольно часто прибѣгало къ пыткамъ. Къ чести англійскаго правительства должно замѣтить, что оно съ самаго начала, даже для собственныхъ своихъ выгодъ, не употребляло этого варварскаго средства; суды впрочемъ смотрѣли сквозь пальцы на приложеніе его ко многимъ случаямъ. „Величайшая трудность

(*) Id. ibid.

встрѣтилась при уничтоженіи этого обычая; туземные судьи, добиваясь непремѣнно собственнаго признанія виновнаго даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ противъ него существовали полнѣйшія доказательства, исторгало это признаніе всѣми, во власти ихъ находившимися, средствами (*).“ Такимъ образомъ, заботливость закона о виновномъ обращалась во вредъ этому послѣднему. Англійскіе судьи, чтобы помочь злу, положили закономъ принимать съ большими предосторожностями собственное признаніе обвиняемыхъ и притомъ только тогда, когда оно будетъ подтверждено другими свидѣтельствами.

Кромѣ этихъ трехъ системъ законодательства, о которыхъ мы уже говорили, существовало еще англійское. Независимо отъ своихъ насильственнымъ завладѣній, о которыхъ мы будемъ имѣть случай упоминать, оно имѣло еще великую силу. Собственно ему подлежали одни только англичане, но ихъ интересы все болѣе и болѣе смѣшивались съ интересами туземцевъ; четыре системы законовъ, четыре рода законодательныхъ распоряженій, въ одно и тоже время существовали въ Индіи; это, разумѣется, было источникомъ величайшихъ безпорядковъ. Но это было еще не все. Англійскій законъ не-

(*) Тѣритонъ, India its state и проч. стр. 189—191.

опредѣленъ, не написанъ; онъ основанъ весь на преданіяхъ; точно тоже въ нѣкоторой степени было съ индусскимъ и мусульманскимъ законодательствомъ; многочисленность, сбивчивость, взаимная противуположность всѣхъ этихъ, имѣвшихъ различное происхожденіе, законодательныхъ распоряженій, все это, въ извѣстномъ отношеніи, было хуже отсутствія всякаго законодательства.

Лордъ Корнуаллисъ былъ пораженъ этимъ; онъ возъимѣлъ мысль новаго уложенія, гдѣ бы слиты были воедино всѣ эти различныя законодательныя распоряженія. Одинъ изъ историковъ англійской Индіи, Милль, неистощимъ въ похвалахъ этой мысли. По поводу нѣсколькихъ словъ генералъ губернатора, онъ восклицаетъ: „слова въ высшей степени важныя для интересовъ человѣчества, важнѣе всѣхъ, когда либо выходившихъ изъ человѣческихъ устъ (*).“

Изложивши нововведенія лорда Корнуаллиса въ судебномъ устройствѣ, нововведенія, о которыхъ мы разскажемъ, онъ прибавляетъ еще: „предметъ, съ котораго надобно было начать, какъ вслѣдствіе логическаго порядка, такъ и вслѣдствіе его собственной важности, состоялъ въ опредѣленіи правъ каждаго и нарушеній этихъ правъ, которыя должно предупреждать и на-

---

(*) Милль.

казывать; другими словами, надобно было начать съ изданія яснаго и опредѣленнаго кодекса для гражданскаго и уголовнаго правосудія (*).“

Но не ошибается ли здѣсь страннымъ образомъ историкъ, въ другихъ случаяхъ жестоко нападающій на нововведенія лорда Корнуаллиса? Нововведенія его касались только судоустройства, т. е. орудія приложенія закона, орудія матеріальнаго, для всѣхъ видимаго; но результатъ этихъ нововведеній былъ весьма печальный; едва ли былъ бы счастливѣе нововводитель въ измѣненіи, созданіи и обработаніи кодекса законовъ, т. е. въ сферѣ умственной. Онъ бы коснулся здѣсь жизни, души, внутреннѣйшей и сокрытой стороны народнаго духа, преданій и привычекъ народа. Результатъ этихъ преобразованій, по всей видимости, былъ бы еще печальнѣе.

Къ счастію лордъ Корнуаллисъ удержался отъ этой попытки, хотя вѣроятно не отдавалъ себѣ отчета во всѣхъ ея трудностяхъ. Покидая Индію, онъ оставилъ законодательство въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ его нашелъ и удовольствовался только измѣненіемъ существовавшаго тамъ судоустройства.

(*) Милль. Томъ V. стран. 433.

ГЛАВА III.

О различномъ устройствѣ судовъ, первоначально установленныхъ и постепенно преобразованныхъ англичанами.

Судебная администрація въ Индіи составлена изъ двухъ частей, изъ двухъ стихій; мы должны показать ихъ происхожденіе и раздѣльно проходить ихъ развитіе.

Одна имѣетъ цѣлію отправленіе обязанностей правосудія для индійскихъ и мусульманскихъ туземцевъ; она есть послѣдствіе владычества Англіи надъ индійскимъ полуостровомъ; предметъ другой судъ по англійскимъ законамъ для британскихъ подданныхъ, находящихся въ Индіи.

Въ первыя времена власть компаніи надъ ея чиновниками была властію господина надъ слугами. Она располагала нѣкоторымъ образомъ неограниченно ихъ имуществомъ и личностью. Всякій англичанинъ, почему бы то ни было живущій въ Индіи, былъ равно подчиненъ ея власти; она могла арестовать его, заключить въ тюрьму, силою отвезти назадъ въ Англію; могла располагать не только имуществомъ и свободою, но и самою жизнію, „ибо

для европейца смерть есть почти необходимое послѣдствіе продолжительнаго заключенія подъ индійскимъ небомъ (*).“ Съ первыхъ временъ своего существованія, компанія имѣла даже власть военнаго суда, ибо нужно было, чтобы войска всегда ей повиновались. Карлъ II-й, хартіею 1661 года, далъ губернаторамъ и совѣтамъ факторій право гражданскаго и уголовнаго суда въ восточныхъ владѣніяхъ компаніи; только въ отправленіи этого суда они должны были сообразоваться съ англійскими законами.

Хартія 1726 года дала этому положенію дѣлъ болѣе широкое и болѣе правильное основаніе. Въ каждомъ изъ трехъ президентствъ компаніи она учредила судъ или дворъ изъ мера и девяти альдерменовъ, предоставивши ему право судить дѣла всякаго рода; это была первая инстанція суда, на которую можно было подавать аппелляцію другому суду, составленному изъ президента и совѣта; послѣдніе составляли еще ассизный судъ по всѣмъ дѣламъ, исключая государственной измѣны. Подсудны этимъ различнымъ судамъ были только британскіе подданные.

Вторая часть судебной организаціи существовала съ самаго начала имперіи. Компанія,

---

(*) Больцъ.

въ качествѣ земиндара, владѣла извѣстнымъ пространствомъ земли въ окрестностяхъ Калькутты. Въ своихъ границахъ, какъ и всѣ другіе земиндары, она имѣла право гражданскаго и уголовнаго суда въ извѣстныхъ данныхъ случаяхъ. Для этого, она учреждала три суда: одинъ для уголовныхъ дѣлъ (*), другой для гражданскихъ (**) и третій для всѣхъ дѣлъ, относящихся къ сбору доходовъ (***).

Но эта первоначальная организація скоро измѣнилась въ своихъ двухъ основныхъ частяхъ, т. е. въ англійской и въ индійской.

Дѣла компаніи въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣли важность, превзошедшую всякое ожиданіе. Чиновники правительства, британскіе подданные, живущіе почему либо въ Индіи, удивительно размножились. Попытки жить тамъ безъ позволенія компаніи умножились въ такой же пропорціи. Все это повело компанію къ тому что она почувствовала нужду въ большей власти относительно въ англійскимъ подданнымъ. Съ другой стороны, эти послѣдніе не хотѣли отказаться отъ преимуществъ, даваемыхъ имъ англійскимъ закономъ. Они думали найти на этой вновь завоеванной почвѣ, въ законахъ и

(*) Phousdarry-court.

(**) Cuttchery-court.

(***) Collector-court.

толкователяхъ законовъ тоже покровительство, какъ и въ старой Англіи. Они тѣмъ болѣе желали этого, что компаніи, какъ мы уже сказали, дана была чрезмѣрная власть.

Парламентъ принялъ во вниманіе эти представленія и учредилъ высшую инстанцію надъ судами компаніи, инстанцію, зависѣвшую отъ короны. Этотъ судъ получилъ названіе верховнаго суда, обозначавшее обширность его обязанностей, полноту его власти и достоинство его происхожденія; въ немъ соединялись власти, принадлежащія въ Англіи различнымъ судебнымъ мѣстамъ (*). Онъ былъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ для всѣхъ британскихъ подданныхъ; вѣдомству его подлежали всѣ требованія и жалобы англійскихъ подданныхъ на компанію и обратно, также споры между британскими подданными и туземцами, когда тяжущіеся уговорились отдать дѣло на рѣшеніе этого суда и проч. Въ уголовномъ отношеніи судебная власть этого мѣста простиралась на всѣ упомятутыя нами лица, кромѣ того на всѣхъ туземцевъ, находившихся прямо или косвенно въ службѣ компаніи или въ услуженіи у кого либо изъ британскихъ подданныхъ во время

(*) Это былъ и обыкновенный гражданскій судъ и вмѣстѣ судъ *oyer and delivery, and gaol delivery*, судъ духовный, адмиральтейскій. Милль. Томъ IV, стр. 267.

совершенія преступленія. Судъ этотъ составляли первый или великій судья (chief-justice) и трое судей. Всѣмъ было назначено большое жалованье, но они не получали доли изъ штрафовъ, опредѣляемыхъ ихъ приговорами (*).

Слѣдственно, власть этого суда была весьма обширна и нисколько не уступала власти верховнаго совѣта; за то пространство его власти было очень ограничено законодателемъ; власть его первоначально простиралась только на Калькутту и на окрестности Калькутты, но скоро, какъ мы увидимъ, это ограниченіе было снято.

Вторая часть, вторая стихія судебной организаціи, скоро получила еще большее развитіе. Въ могольской имперіи начальникомъ гражданскаго правосудія былъ деванъ (генералъ-фермеръ), начальникомъ уголовнаго набобъ. Англійское правительство, въ 1765 году, получило, какъ мы уже сказали, главное фермерство въ трехъ провинціяхъ Бенгаліи, Багарѣ и Ориссѣ; лордъ Клейвъ, тогда губернаторъ президенства бенгальскаго, въ слѣдующемъ году, въ званіи девана, т. е., главы гражданскаго правосудія, присутствовалъ при церемоніи годичнаго открытія сбора податей. Набобъ бен-

(*) Ограниченіе это, не существовавшее для другихъ судовъ, имѣло цѣлію придать больше независимости верховному суду.

гальскій занялъ мѣсто подлѣ Клейва въ качествѣ главы уголовнаго правосудія или назима. Но набобъ скоро предоставилъ отправленіе своихъ обязанностей помощнику (называемому наибъ-назимомъ); этотъ мало по малу сдѣлалъ тоже самое и скоро сталъ только государственнымъ пенсіонеромъ. Гражданское и уголовное правосудіе соединились тогда, одно по праву, другое фактически, въ рукахъ англійскаго правительства (*).

Компанія, въ первыя времена пріобрѣтенія главнаго фермерства, не рѣшалась сама собою исправлять обязанностей: она отдала управленіе туземцу, который принялъ титулъ вице-девана (наибъ-деванъ) и сталъ такимъ образомъ главою гражданскаго правосудія. Также поступила она и въ отношеніи къ уголовному правосудію и назначила вице-назима (наибъ-назимъ), ставшаго главою этой части судоустройства.

Впрочемъ, ничто не измѣнилось въ составѣ этихъ двухъ вѣтвей судебной организаціи; только одна изъ нихъ поручена была вице-девану, другая вице-назиму, замѣнившимъ девановъ и назимовъ. Надъ этими двумя главными чиновниками и ихъ подчиненными надзи-

---

(*) 3-й рапортъ спеціальнаго комитета, стр. 5 и 6.

рали контролёры или генералъ инспекторы, объѣзжавшіе съ этою цѣлію страну.

Семь лѣтъ продолжась эта система; потомъ англійское правительство сочло возможнымъ измѣнить это положеніе дѣлъ, на которое всѣ жаловались. Оно уничтожило вице-девановъ и вице-назимовъ (*) и дало ихъ власть коллектору каждаго финансоваго округа, который сталъ начальникомъ двухъ судовъ: гражданскаго (**) и уголовнаго (***); кромѣ коллектора, первый составляли финансовый агентъ и другіе чиновники туземныхъ судовъ; второй кади, муфти, два моглава или толкователя закона. Вѣдомству перваго изъ этихъ судовъ подлежали всѣ тяжбы, касающіяся собственности, наслѣдствъ, брака, кастъ, взысканія долговъ, споры по контрактамъ и платежу процентовъ, если предметъ тяжбы превышалъ цѣнностью десять рупій; дѣла ниже цѣнностью подлежали начальникамъ пергумановъ, гдѣ жили обѣ тяжущіяся стороны и рѣшались ими безъ аппелляціи. Коллекторъ отправлялъ обязанности такъ называемаго магистрата на всемъ пространствѣ своего округа.

Два подобныхъ же, только аппелляціоныхъ, суда учреждены были въ резиденціи пре-

---

(*) History of judicial system и проч.

(**) Называемаго мофуссалъ девани адавлутъ.

(***) Называемаго фуседарри адавлутъ.

зидентства. Первый (*) состоялъ изъ президента, членовъ совѣта и изъ нѣсколькихъ туземныхъ членовъ администраціи. Второй (**) находился подъ предсѣдательствомъ туземнаго чиновника назначавшагося генералъ губернаторомъ и исполнявшаго всѣ обязанности, принадлежавшія прежде главѣ уголовнаго правосудія.

Эта система, съ весьма немногими измѣненіями, продолжалась около 20 лѣтъ. Власть, сосредоточенная въ рукахъ одного человѣка, была чрезмѣрна. Коллекторъ, агентъ финансовъ, какъ показывало самое названіе, былъ и гражданскимъ и уголовнымъ судьею и кромѣ того еще магистратомъ (послѣдняя должность, хотя въ бо́льшемъ размѣрѣ, соотвѣтствуетъ должности европейскихъ комиссаровъ или генералъ-комиссаровъ полиціи). Въ рукахъ его находилась вся власть. Проще было бы объявить всякаго коллектора верховнымъ государемъ округа; это было бы справедливѣе, а дѣла между тѣмъ остались бы въ томъ же самомъ положеніи. Скажемъ еще болѣе, смѣшеніе этихъ властей въ рукахъ коллекторовъ, было дѣйствіемъ могольскаго, а не англійскаго правительства; послѣднее въ этомъ случаѣ толь-

---

(*) Называемый деванн суддеръ адавлутъ и низамутъ суддеръ адавлутъ.

(**) Называемый дараго адавлутъ.

ко поддержало заведенный первымъ порядокъ. Коллекторъ въ каждомъ округѣ замѣнилъ девана или назима и дѣйствовалъ какъ они же, окруженный тѣми же самыми лицами. Во всякомъ случаѣ, судебная организація была разстроена въ своихъ высшихъ областяхъ. Но такъ какъ заминдары сохраняли свою гражданскую и уголовную судебную власть, такъ какъ сельское учрежденіе продолжало еще существовать, неудобства были значительно устраняемы; неудобства эти были болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, болѣе теоретическія, чѣмъ практическія.

Лордъ Корнуаллисъ былъ однако весьма пораженъ несовершенствами этой организаціи. Совокупленіе различныхъ властей въ рукахъ коллектора, неудовлетворительность всякой системы для достиженія цѣли, въ особенности его поразили. Онъ писалъ о первомъ: „въ настоящей системѣ, безопасность туземцевъ не основана ни на чемъ другомъ, кромѣ личнаго характера правителя. Тамъ, гдѣ коллекторъ человѣколюбивъ и справедливъ, даже при дурномъ управленіи, народъ непремѣнно будетъ защищаемъ. Но такъ какъ бо́льшею частію, коллекторъ человѣкъ совершенно другаго характера, то народъ остается подверженъ всѣмъ возможнымъ несправедливостямъ. Коллекторъ судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ; если онъ

рѣшилъ несправедливо, то къ кому же обратиться съ жалобою (*)? Что касается до втораго пункта, до неудовлетворительности судовъ, лордъ Корнуаллисъ думалъ помочь этому тѣмъ, что хотѣлъ доставить каждому жителю Бенгаліи средство получать правильно правосудіе и притомъ такъ, чтобы отдаленность истца не была никогда препятствіемъ къ полученію этого правосудія; предметъ, въ такой степени важный, что онъ есть главная основа всѣхъ учрежденій хорошаго правительства (**).

Лордъ Корнуаллисъ, для достиженія этой двоякой цѣли, отнялъ у коллекторовъ судебную власть; онъ предоставилъ ее особенному сословію европейскихъ судей; каждый изъ нихъ обязанъ былъ отправлять правосудіе на пространствѣ одногу округа.

Администрація гражданскаго правосудія приняла слѣдующую форму. Въ каждомъ округѣ или коллекторатѣ (зиллахъ на языкѣ туземцевъ) былъ судья, считавшійся старше коллектора; ему вспомоществовали то одинъ, то два чиновника компаніи, выбранныхъ изъ молодыхъ людей, писарь и еще туземецъ, обязанный толковать ему въ нужномъ случаѣ индійскій или

(*) Письмо лорда Корнуаллиса совѣту директоровъ. Второй рапортъ спеціальнаго комитета 1810 года. Приложеніе № 9.

(**) Милль, томъ V.

мусульманскій законъ. Туземцы округа были подчинены ему безъ ограниченій. Этому суду подлежали притомъ дѣла, цѣнностію выше 200 рупій; всѣ другія дѣла до 50 рупій, рѣшались актуаріусомъ суда; дѣла ниже этой цѣнности, подлежали туземнымъ судьямъ. На два этихъ послѣднихъ суда шла аппелляція въ окружный судъ, а оттуда въ четыре другихъ суда въ Калькуттѣ, Паттѣ, Даккѣ и Муршедабадѣ, состоявшіе каждый изъ трехъ европейскихъ судей. Право аппелляціи давалось только въ тяжбахъ, превосходившихъ цѣнностью извѣстную сумму. Наконецъ третья и послѣдняя ступень суда состояла изъ суда, гдѣ засѣдали губернаторъ и члены верховнаго совѣта (*); но этотъ судъ принималъ аппелляцію только въ дѣлахъ на сумму выше 1000 рупій.

Администрація уголовнаго правосудія состояла изъ четырехъ трибуналовъ, сходныхъ съ аппелляціонными, съ тѣмъ же числомъ актуаріусовъ, ассессоровъ, туземныхъ чиновниковъ. Эти суды засѣдали въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ какъ и аппелляціонные, и оттуда въ извѣстныя эпохи, по извѣстнымъ правиламъ, переѣзжали въ главныя мѣста округовъ. Аппелляція на эти суды шла къ верховному трибуналу, состояв-

(*) Называемаго суддеръ девани адавлутъ.

шему также изъ генералъ-губернатора и верховнаго совѣта, изъ кади, муфти и проч. (**).

Слѣдственно измѣненія, внесенныя въ судебную организацію лордомъ Корнуаллисомъ, были весьма значительны: лучше сказать, онъ создалъ совершенно новую организацію. Передъ его прибытіемъ, коллекторъ каждаго округа былъ вмѣстѣ и коллекторомъ, и судьею и магистратомъ: онъ отнялъ у нихъ двѣ послѣднихъ власти и передалъ въ руки новыхъ, созданныхъ имъ судей. Такимъ образомъ онъ уничтожилъ частію смѣшеніе трехъ властей, но это смѣшеніе существовало еще въ различныхъ обязанностяхъ судьи и англійскаго магистрата. Дѣйствуя такимъ образомъ, лордъ Корнуаллисъ слѣдовалъ европейскимъ понятіямъ. Съ логической точки зрѣнія, онъ осуждалъ это смѣшеніе различныхъ властей въ рукахъ коллектора; онъ не видѣлъ, что это смѣшеніе было необходимымъ результатомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, не понималъ, что часть неудобствъ учрежденія уничтожалась самою средою, въ которой учрежденіе это дѣйствовало.

Притомъ это составляетъ самую неважную часть судебныхъ преобразованій лорда Корнуаллиса: въ особенности важно не то, что имъ создано, но что уничтожено. Мы сказали уже, что коллекторъ въ своемъ округѣ

(*) Называемому въ то время низамутъ адавлутъ.

замѣнялъ нѣкоторыхъ туземныхъ чиновниковъ; притомъ въ низшихъ частяхъ древней судебной администраціи ничего не измѣнилось. Трибуналы земиндаровъ продолжали существовать съ прежнимъ объемомъ власти; третейскіе суды или пунчайты удержались въ каждомъ селеніи; правда, во всѣ суды проникло крайнее развращеніе, почти неизбѣжное въ странѣ, гдѣ верховная власть давно уже была игрушкою событій. Но вмѣсто того, чтобы подумать о средствахъ поправить подобное состояніе дѣлъ, лордъ Корнуаллисъ рѣшился лучше его уничтожить. Учреждая изложенную нами организацію, онъ уничтожилъ однимъ взмахомъ пера всѣ туземные суды; это значило разрушить весь механизмъ, не подумавши даже его поправить. Онъ вдругъ оторвалъ 70 или 80 милліоновъ человѣкъ отъ подсудности судамъ, существовавшимъ у нихъ нѣсколько вѣковъ, и отдалъ ихъ въ руки сотнѣ англійскихъ купцовъ, обязанныхъ отправлять для индійцевъ долгъ правосудія и нисколько къ тому не приготовленныхъ, незнакомыхъ большею частію, не только съ языками и обычаями Индіи, но даже и съ англійскимъ законодательствомъ. Мѣра эта была во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ продолженіемъ его финансовыхъ нововведеній. Уничтоженіе туземныхъ судовъ заслуживало слѣдовать за уничтоженіемъ сельскихъ учрежденій Индіи.

Верховный судъ, и послѣ реформъ лорда Корнуаллиса, остался тѣмже, чѣмъ былъ и до нихъ.

ГЛАВА IV.

О пространствѣ власти различныхъ судовъ, о судопроизводствѣ, о законовѣдцахъ.

Мы изложили главныя черты судебной организаціи, созданной лордомъ Корнуаллисомъ, описали самое орудіе; но какимъ рукамъ поручено было управлять этимъ орудіемъ, какія границы положены были его дѣйствію? Теперь обратимся къ разсмотрѣнію этого вопроса.

Индійскій судья изъ чиновниковъ компаніи; это *купецъ* по самому оффиціальному своему названію и онъ призванъ къ отправленію обязанностей правосудія; прежде не требовалось никакого приготовленія къ этой важной должности; теперь онъ достигаетъ ея только послѣ полнаго курса ученія сперва въ Англіи, въ училищѣ гелесберійскомъ, потомъ въ Калькуттѣ. Къ несчастію въ обоихъ заведеніяхъ гораздо больше времени употребляется на изученіе языковъ Индіи, чѣмъ на изученіе ея быта. Выходя изъ училища, купецъ становится помощ-

никомъ коллектора (съ 1833 года магистрата). Тамъ цѣлый день онъ судитъ мелкія тяжбы, принадлежащія, говоря по нашему, къ вѣдомству исправительной полиціи; едва едва успѣваетъ онъ узнать законы, относящіяся къ этимъ дѣламъ: такъ проходятъ три или четыре года, послѣ чего онъ становится старшимъ помощникомъ (chief assistant) коллектора.

Въ томъ случаѣ, когда отъ всего этого остается ему еще свободное время, его употребляютъ для кадастра, межеванія, разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, относящихся къ доходамъ. Потомъ, онъ въ свою очередь становится коллекторомъ и магистратомъ (*); дальше проходитъ различныя степени судебныхъ должностей, т. е. становится судьею округа, потомъ судьею аппелляціонныхъ судовъ гражданскаго и уголовнаго (**), наконецъ иногда, членомъ отдѣленія доходовъ.

Судебная власть различныхъ судовъ простирается на всѣ мѣста, заключающіяся въ границахъ ихъ округовъ. Имъ подлежатъ туземцы и европейцы, какой бы націи они ни были, за исключеніемъ британскихъ подданныхъ. Эти послѣдніе, употребляемые компаніею въ гражданской и военной службѣ его величества или

(*) Здѣсь онъ такъ занятъ текущими дѣлами, что едва можетъ усвоить себѣ положенія законодательства относительно полиціи и поземельнаго налога. Сэръ Джонъ Шоръ.

(**) Соддеръ девани адавлутъ. Низамутъ адавлутъ.

просто живущіе въ Индіи по особенному позволенію совѣта директоровъ, подлежатъ напротивъ верховному суду, находящемуся въ Калькуттѣ: но если они живутъ дальше, чѣмъ за десять миль отъ этого города, они должны быть подвѣдомственны окружнымъ судамъ (зиллахамъ) во всякой тяжбѣ, цѣнность которой не превышаетъ 500 рупій.

Офицеры, чиновники, служители набобовъ остались также подвѣдомственны этимъ судамъ, которымъ было только внушено обращать во всякомъ случаѣ вниманіе на прежнія права набоба (*).

Суды прилагаютъ къ дѣламъ различные законы: законъ индійскій, когда тяжущіеся браминскаго происхожденія, и законъ мусульманскій въ противномъ случаѣ. При каждомъ судѣ находятся туземные ассистенты, объясняющіе англійскому судьѣ текстъ закона, относящагося къ дѣлу; объясненія дѣлаются посредствомъ письменныхъ отвѣтовъ на письменные же вопросы. Туземные ассистенты должны приводить самые тексты, на которыхъ основывается ихъ мнѣніе. Тяжба ведется также письменно; она состоитъ 1) изъ просьбы или жалобы истца, 2) отвѣта, 3) возраженія, 4) втораго отвѣта или отвѣта на возраженіе. Если истецъ опустилъ какое либо важное обстоя-

(*) 5-й раппортъ, стр. 82.

тельство въ первой ли просьбѣ, въ отвѣтѣ или защитѣ, тогда, но только однажды, допускается дополнительное объясненіе въ томъ и въ другомъ случаѣ. Прежде тяжбы производились по желанію тяжущихся на персидскомъ или индостанскомъ языкѣ; недавно оба эти языка замѣнилъ языкъ англійскій; свидѣтели отвѣчаютъ изустно и публично; отвѣты ихъ тотчасъ же записываются, прежде на одномъ изъ двухъ упомянутыхъ языковъ, теперь англійскомъ. Привиллегія аппелляціи соразмѣрна всегда съ важностію спорнаго предмета.

Въ извѣстныя эпохи судья объѣзжаетъ свой округъ. На каждой станціи магистратъ подаетъ ему списокъ всѣхъ обвиненныхъ, заключенныхъ въ тюрьмы или отданныхъ на поруки. Процедура идетъ тогда слѣдующимъ порядкомъ: „читается обвиненіе, потомъ признаніе обвиненнаго, которое всегда должно быть принимаемо съ снизхожденіемъ и осмотрительностью, въ случаѣ, когда оно можетъ вредить подсудимому (*).“ Потомъ читаются свидѣтельства, на которыхъ основывается обвиненіе. За симъ слѣдуютъ защищеніе подсудимаго, свидѣтельства, которыя онъ можетъ привести за себя, наконецъ, дополненія, которыя онъ считаетъ нужными. Кади, муфти или пундитъ, присутствующій въ засѣданіи, пишетъ

(*) Таковъ общій духъ англійской юриспруденціи.

между тѣмъ въ это время въ настольный реестръ *фетву*, т. е. положеніе мусульманскаго или индійскаго закона, которое онъ считаетъ приложимымъ къ дѣлу, подъ которымъ онъ долженъ подписаться и приложить свою печать. Фетва есть вмѣстѣ и мнѣніе его о невинности или виновности подсудимаго. Въ томъ случаѣ, если мнѣніе судьи согласно съ мнѣніемъ, прописаннымъ въ фетвѣ, если притомъ онъ имѣетъ право рѣшить дѣло, не обращаясь къ высшему суду, судья тотчасъ же передаетъ приговоръ свой магистрату для исполненія; если же мнѣніе судьи различно отъ мнѣнія прописаннаго въ фетвѣ, если наказаніе, опредѣленное въ фетвѣ, есть смерть или вѣчное заключеніе, судья передаетъ дѣло на рѣшеніе верховнаго суда. Что касается до способа процедуры и до приведенія въ исполненіе приговоровъ этого послѣдняго суда, они совершенно одинаковы съ способомъ, употребляемыхъ вообще въ англійскихъ уголовныхъ судахъ (*).

Судебная организація, разрушенная лордомъ Корнуаллисомъ, отличалась своею чрезвычайною простотою; организація, учрежденная имъ, ввела напротивъ безконечное множество формальностей и всю запутанность англійскаго судопроизводства. Тяжущіеся не могли болѣе

(*) 5-й раппортъ, стр. 19, 112.

вести дѣлъ сами, какъ прежде. Явился классъ законниковъ или туземныхъ адвокатовъ, называемыхъ векилями, что собственно значитъ повѣренный. Обязанности этихъ законниковъ заключаются въ писаніи просьбъ за ихъ кліентовъ, въ опроверженіи просьбъ ихъ противниковъ (*). Они назначаются судами, въ которыхъ должны имѣть хожденіе. Плата имъ, опредѣляемая по судебному приговору, заключается въ извѣстномъ количествѣ процентовъ съ предмета тяжбы; сумму эту тяжущіеся отдаютъ въ судъ прежде еще, чѣмъ векиль началъ свои дѣйствія, но она отдается ему только по окончаніи процесса (**). Многіе изъ этихъ туземныхъ законниковъ, говорятъ, сравнялись весьма скоро своимъ искусствомъ съ своими знаменитѣйшими европейскими собратами: они пріобрѣли умѣнье съ удивительнымъ искусствомъ выпутываться изо всѣхъ трудностей англійскаго судопроизводства (***).

(*) Тёритонъ. стр. 181.

(**) Векиль получаетъ пять процентовъ со всякой суммы въ 5,000 рупій и выше; эта пропорція идетъ уменьшаясь до 80,000 рупій; съ тяжбъ сверхъ этой суммы онъ получаетъ 1000 рупій и ничего болѣе. Этотъ способъ вознагражденія довольно страненъ тѣмъ, что трудъ адвоката несоразмѣренъ съ цѣнностью предмета тяжбы.

(***) 5-й раппортъ, стр. 92. Векили отличались отъ европейскихъ адвокатовъ тѣмъ, что они не имѣли права обращаться прямо къ суду. Тёритонъ, стр. 181.

ГЛАВА V.

Быстрое расширеніе судебной власти верховнаго суда. Борьба судебной власти съ политическою.

Судебная организація, которой мы изложили главныя черты, въ своемъ практическомъ приложеніи имѣла результаты, которыхъ не подозрѣвали даже ея творцы.

Верховный судъ, учрежденный парламентскимъ актомъ 1773 года, при самомъ открытіи его въ Индіи, нанесъ политической власти страшный ударъ; безопасность, мало того, самое существованіе англійскаго владычества подверглись колебанію.

Судебная власть верховнаго суда, по точному смыслу учредившаго его акта, ограничена была территоріею въ 10 миль длины и въ 5 ширины, съ народонаселеніемъ въ 200,000 душъ, европейцевъ и туземцевъ; она простиралась впрочемъ на англичанъ и на слугъ англичанъ на всемъ пространствѣ полуострова. Но считая возможнымъ для себя опредѣлить границы судебной власти верховнаго суда, парламентъ принималъ дѣло, превосходившее его власть.

Извѣстныя юридическія аксіомы, освященныя англійской юриспруденціей, скоро опровергли самымъ печальнымъ и страшнымъ образомъ притязанія парламента.

Эта юриспруденція опредѣляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ мѣстопребываніе лицъ по-

средствомъ того, что называется въ ней *„constructive inhabitancy,“* т. е. опредѣляетъ это мѣстопребываніе, такъ сказать, посредствомъ законной фикціи. Такъ напримѣръ, извѣстное лице она предполагаетъ имѣющимъ мѣстопребываніе вездѣ, гдѣ оно владѣетъ какою либо недвижимою и движимою собственностью, какъ бы ни малозначительна была эта собственность, сама ли по себѣ или по отношенію къ остальному имуществу, или вездѣ, гдѣ есть у него малѣйшія, хотя бы даже случайныя, сношенія съ лицами, подвѣдомственными британскому суду (*). Она предполагаетъ также, что собственность лица, подлежащаго англійскому суду, тоже подлежитъ этому суду, гдѣ бы она ни находилась. Отсюда происходятъ самыя странныя, самыя важныя и, можно сказать, самыя непредвидѣнныя послѣдствія (**).

Индусъ или мусульманинъ жилъ напримѣръ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ провинцій индобританской имперіи и никогда не бывалъ ближе 150 или 200 миль отъ Калькутты; но посредствомъ торговой сдѣлки или по наслѣдству, онъ пріобрѣталъ извѣстную движимую или недвижимую собственность, какъ бы малоцѣнна

(*) Тёрнтонъ, стр. 176.

(**) Не только парламентъ, но самые законники не предвидѣли этихъ послѣдствій. Никто не можетъ предвидѣть слѣдствій перенесенія судебнаго или политическаго учрежденія на чужеземную почву.

она ни была, въ Калькуттѣ или въ окрестностяхъ Калькутты; онъ становился предполагаемымъ, фиктивнымъ жителемъ Калькутты и, какъ таковой, былъ подсуденъ англійскому закону, т. е. верховному суду, не только въ отношеніи ко всякой сдѣлкѣ, относящейся къ этой собственности, но ко всякой сдѣлкѣ, касающейся какой бы то ни было собственности въ границахъ британскихъ владѣній въ Индіи (*).

Житель верхней Канады, наслѣдующій или пріобрѣтающій по другому какому либо способу какую нибудь собственность въ Англіи, въ силу этого начала предполагается закономъ жителемъ Лондона. Какъ таковой, онъ подлежитъ вѣдомству тамошнихъ судовъ во всякой своей собственности въ верхней Канадѣ (**).

Другая аксіома тойже юриспруденціи еще болѣе произвела безпорядка. Индусъ, мусульманинъ, житель верхней Канады, вступая подъ вѣдомство англійскихъ судовъ, могъ пользоваться знаменитымъ положеніемъ „*habeas corpus*,“ освящающимъ личную свободу; въ прошедшемъ и въ настоящемъ онъ освобождался отъ подсудности, подъ которой жилъ прежде; магистратъ, который бы привелъ въ исполненіе

(*) Шоръ, томъ I. стр. 295.

(**) Id. ibid.

приговоръ суда верхней Канады, подлежалъ тогда преслѣдованію за произвольное нарушеніе правъ личности и собственности британскаго подданнаго (*). Точно также подвергается преслѣдованію всякій чиновникъ, который бы привелъ въ исполненіе приговоръ прежнихъ туземныхъ судовъ или судовъ, учрежденныхъ компаніею.

Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ, третья аксіома давала верхному суду еще болѣе могущественное оружіе. Смотря на индійскіе суды, какъ на дѣйствующіе именемъ компаніи, онъ прилагалъ къ нимъ начало: „*delegatus non potest delegare*" (повѣренный не можетъ переповѣрять). Все, что въ судебной сферѣ исполнялось какими либо агентами компаніи, не имѣло законной силы.

Верховный судъ прежде всего приложилъ аксіому о предполагаемомъ мѣстопребываніи.

Онъ началъ считать земиндаровъ подлежащими своему вѣдомству, предположивши ихъ жителями Калькутты, или какъ слугъ компаніи или какъ владѣльцевъ какой либо собственности въ Калькуттѣ и въ ея окрест-

---

(*) Id. ibid. Начало *constructive residence* нигдѣ не выражено письменно, какъ и всѣ другія положенія англійскаго законодательства, но оно принято всѣми англійскими легистами, которые единогласно подтвердили его въ знаменитомъ патнскомъ дѣлѣ, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить.

ностяхъ. Судъ объявилъ, что всѣ, приносящіе на нихъ жалобу, найдутъ у него заступничество по обыкновеннымъ формамъ англійскаго правосудія.

Райоты или земледѣльцы, связанные контрактами съ земиндарами, сами собою становились такимъ образомъ подвѣдомственны верховному суду; они, разумѣется, бросились на эту новооткрытую дорогу. Всѣ кредиторы земиндаровъ, всѣ имѣвшіе съ ними споры по просрочкамъ платежа, начали съ ними процессы. Судъ позывалъ безпрестанно къ суду; земиндары принуждены были оставлять дѣла, являться въ Калькутту, искать поручителей для сохраненія свободы или сидѣть въ тюрьмѣ до рѣшенія дѣла. По простому заявленію (въ англійской юриспруденціи *affidavit*) земиндара безъ предварительнаго слѣдствія брали изъ дому, везли за 500 миль и часто сажали въ тюрьму: въ случаѣ признанія его невинности, онъ былъ тотчасъ же освобождаемъ, но безъ всякаго вознагражденія. Съ другой стороны это имѣло для него самыя печальныя послѣдствія. Всѣ землевладѣльцы, его должники, переставали платить ему, ожидая съ нетерпѣніемъ конца процесса и надѣясь избѣжать исполненія своихъ обязанностей. Кредитъ земиндара часто былъ поколебанъ; за этимъ слѣдовало совершенное раззореніе; во всякомъ случаѣ, онъ подвер-

гался тому, что по индусскимъ понятіямъ считалось безчестіемъ и былъ униженъ на всю жизнь въ глазахъ своихъ соотечественниковъ заключеніе въ тюрьму, даже незаслуженное и кратковременное, считалось въ Индіи неизгладимымъ безчестіемъ. Все, что принуждены были терпѣть земиндары, падало на компанію; сборъ доходовъ вездѣ былъ замедленъ, общественная казна не получала денегъ.

Верховный судъ не уважилъ и той части судебной власти, которая была въ рукахъ туземцевъ.

Вмѣстѣ съ генеральнымъ фермерствомъ, какъ мы уже сказали, въ руки компаніи перешла администрація гражданскаго правосудія; правосудіе уголовное оставалось въ рукахъ набоба: отсюда произошли суды, которые именемъ его должны были отправлять правосудіе и назывались низамъ адавлутъ. Верховный судъ не признавалъ ихъ существованія; набобъ, по мнѣнію суда, не существовалъ въ глазахъ англійскаго законодательства; не признавая его, онъ не признавалъ и всякой власти, получавшей отъ него начало. Одинъ изъ президентовъ (*), первый судья, *chief justice* верховнаго суда, говорилъ: „парламентскій актъ, которымъ учрежденъ верховный судъ, не признаетъ государемъ Муберрика-Доула; слѣд-

(*) М. Гаїдъ.

ственно судебная власть суда должна простираться на всѣ его владѣнія (*). Другой говорилъ: „что касается до этого призрака, до этой соломенной куклы, Муберрика-Доула, то судъ оскорбилъ бы здравый смыслъ, разсуждая о его владычествѣ. Какъ это выраженіе происходитъ отъ генералъ губернатора и его совѣта, то я слишкомъ уважаю ихъ и потому не могу считать его иначе, какъ за шутку; но, признаюсь, выше моихъ силъ принять его серьезно.“ Третій: „что такое областной начальникъ и начальникъ Дакки? Это предметы, не существующіе въ глазахъ закона. Начальникъ и областной совѣтъ Дакки имѣютъ только воображаемое существованіе; кто либо можетъ придти и сказать намъ, что онъ получилъ приказаніе отъ царицы фей, или сказать, что ему даны повелѣнія областнымъ совѣтомъ Дакки: законъ равно не признаетъ ни той, ни другаго (**).“

Извѣстные суды, долженствовавшіе рѣшать вопросы, касающіеся дохода до времени преобразованій лорда Корнуаллиса, подверглись подобнымъ же дѣйствіямъ, со стороны верховнаго суда.

Прежняя власть туземныхъ судовъ въ отношеніи къ сбору доходовъ перешла къ этимъ судамъ, называвшимся областными и

(*) 15 Янв. 1776. Милль. Шоръ.
(**) Шоръ, томъ I, стр. 284.

находившимся подъ предсѣдательствомъ коллектора. Ихъ дѣлопроизводство, сходное съ дѣлопроизводствомъ прежней власти, было дешево, кратко, даже произвольно; по крайней мѣрѣ, нисколько не похоже на медленный и болѣе правильный ходъ англійскаго судопроизводства. Верховный судъ былъ недоволенъ этимъ способомъ дѣйствія, не понимая причинъ его, связанныхъ съ общественнымъ состояніемъ страны. Землевладѣльцамъ, просрочившимъ платежъ податей, т. е. должникамъ правительства, было объявлено, что они найдутъ у верховнаго суда помощь и покровительство противъ областныхъ судовъ. Когда землевладѣлецъ просрочивалъ уплату, областные суды прибѣгали къ средствамъ, перешедшимъ къ нимъ по наслѣдству отъ могольскаго правительства, посылали къ нему на постой гарнизонныхъ солдатъ: они надзирали за землевладѣльцемъ, жили на его счетъ и держали его въ его собственномъ домѣ какъ бы въ заключеніи, до тѣхъ поръ, пока онъ не уплачивалъ своего долга. Такимъ должникамъ внушено было просить у верховнаго суда защиты *habeas corpus*; этимъ средствомъ они возвращали свою свободу подъ извѣстнымъ поручительствомъ. Финансовая администрація, т. е. правительство, принуждено было подавать апелляцію верховному суду о сборѣ податей, подвергаться всемъ сложнымъ и запутаннымъ формамъ англій-

скаго судопроизводства, а между тѣмъ число просрочекъ умножалось и всѣ средства правительства истощались. Сборъ налоговъ обращался въ тяжбу между правительствомъ и обложенными налогомъ, въ тяжбу почти безконечную по медленности судопроизводства.

Это были еще не единственныя неудобства приложенія англійскаго закона и судопроизводства въ Индіи; не зная нисколько законовъ, обычаевъ, нравовъ Индіи, верховный судъ дѣлалъ вещи еще болѣе пагубныя. Должно привести нѣсколько примѣровъ.

Раджа коссиджурскій, одинъ изъ значительнѣйшихъ земиндаровъ президентства, держалъ въ Калькуттѣ для наблюденія за ходомъ своихъ дѣлъ агента. Этотъ агентъ, по имени Косситутъ Бабу, началъ тяжбу съ раджею. Верховный судъ, считая земиндаровъ, по извѣстному началу, жителями Калькутты, объявилъ, что дѣло подлежитъ его вѣдѣнію. По заявленію (affidavit) Косситута Бабу, раджа долженъ былъ или явиться или представить за себя въ видѣ поручительства 25,000 фунтовъ стерлинговъ. Раджа скрылся. Судъ опредѣлилъ секвестровать его земли, движимость, собственность всякаго рода; такимъ образомъ раджа поставленъ былъ въ совершенную невозможность отправлять обязанности земиндара. Отрядъ въ шестдесятъ человѣкъ былъ отправленъ для приведенія въ исполненіе при-

говора верховнаго суда. Домъ раджи былъ разграбленъ, отдѣленіе женъ отворено и обыскано; многіе изъ слугъ его, хотѣвшихъ воспротивиться насилію, избиты, ранены, нѣкоторые довольно тяжело. Генералъ-губернаторъ, понимая пагубныя послѣдствія такихъ происшествій, пытался помочь злу: онъ принялъ мѣры, чтобы остановить на дорогѣ вооруженный отрядъ, шедшій для исполненія повелѣній суда; по несчастію, это неудалось. Въ Бенгаліи началось сильное волненіе, едва не воспослѣдовалъ общій мятежъ мусульманскаго и индусскаго народонаселеній, соединившихся въ этомъ случаѣ.

Уорренъ Гестингсъ прибѣгъ въ этомъ положеніи къ самой смѣлой мѣрѣ. Онъ внушилъ земиндарамъ и всѣмъ ихъ чиновникамъ не считать себя подвѣдомственными верховному суду. Военные чиновники получили приказаніе отказываться отъ исполненія приказаній верховнаго суда. Верховный судъ требовалъ къ отвѣту генералъ-губернатора и верховный совѣтъ, возлагалъ на нихъ отвѣтственность за долгъ раджи и обязанность заплатить протори и убытки, понесенные Коссинутомъ Бабу. Въ этомъ смѣшеніи, безпорядкѣ, хаосѣ, правленіе совершенно исчезало. Уорренъ Гестингсъ спасъ его, но только посредствомъ своего искусства, мужества и хладнокровія.

Верховный судъ, перейдя всѣ границы, напалъ въ лицѣ англійскаго правительства на

самое начало верховной власти. Онъ отказался признавать компанію генералъ фермеромъ трехъ провинцій, что составляло сущность и основу ея власти.

Президентъ или первый судья формально объявилъ, что генералъ-губернаторъ высказалъ въ совѣтѣ весьма ошибочное мнѣніе, дѣлая различіе между положеніемъ компаніи восточныхъ Индій, дѣйствующей какъ деванъ, и обыкновеннымъ положеніемъ всякой другой торговой компаніи; что онъ, по закону, по разуму и по справедливости, не видитъ никакой разницы между компаніею восточныхъ Индій, какъ торговою, и компаніею восточныхъ Индій, какъ деваномъ провинцій Бенгаліи, Багара и Ориссы; что дѣйствія компаніи въ отношеніи къ доходамъ подлежатъ королевскому суду; что неповиновеніе королевскимъ приказамъ влечетъ за собою равное наказаніе, какъ для самой компаніи, такъ и для ея чиновниковъ; что судъ, въ случаѣ отказа въ повиновеніи ему, будетъ преслѣдовать ихъ какъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ (*).

Верховный судъ не остановился на одной теоріи: онъ возвратилъ свободу лицамъ, арестованнымъ по рѣшенію областныхъ судовъ, назначенныхъ компаніею; онъ отнесъ къ своему вѣдомству всѣ тяжбы, подлежавшія этимъ

(*) Галлоуэ, стр. 305. Милль, томъ IV.

судамъ, подвергъ преслѣдованію всѣхъ судей, которыхъ дѣйствія казались ему несогласными съ дѣйствіями англійскихъ судовъ. Еще болѣе: онъ требовалъ отчета въ участіи, принятомъ въ дѣйствіяхъ этихъ судовъ калькуттскимъ правительствомъ, и для этого приказывалъ секретарю совѣта сообщить ему всѣ бумаги правительства, копіи съ его корреспонденціи, дипломатическихъ сношеній и проч. Секретарь отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого по формальному запрещенію генералъ-губернатора, объявленному въ совѣтѣ. Верховный судъ требовалъ отъ него наименованія членовъ совѣта, подавшихъ голоса за сообщеніе и противъ онаго. Каждаго изъ подавшихъ голоса противъ, судъ объявилъ отвѣчающимъ частнымъ своимъ имуществомъ за всѣ протори и убытки (*).

Правительство видѣло, что дѣятельность его остановлена. Можно было думать даже, что оно разрушится совершенно, что и было бы, если бы такое состояніе дѣлъ продлилось или если бы Гестингсъ не нашелъ средства положить ему конецъ. Средство, употребленное имъ, было довольно грубое и не требовало даже особеннаго искусства. Какъ генералъ-губернаторъ, онъ былъ председателемъ аппелляціоннаго суда (**) по дѣламъ доходовъ. Онъ от-

(*) Галлоуэ, стр. 305.
(**) Суддеръ девани адавлутъ.

казался отъ этой должности, отговариваясь своими многочисленными занятіями и предложилъ ее сэру Эли Эмпи, тогда первому судьѣ (1781). Гестингсъ положилъ за эту должность 7,000 фунтовъ стерлинговъ жалованья и на разныя издержки 800 фунтовъ и предоставилъ себѣ право назначенія на это мѣсто. Сэръ Эли Эмпи поспѣшилъ принять предложенія Гестингса и съ тѣхъ поръ сталъ усерднѣйшимъ слугою компаніи. Корыстолюбіе человѣка побѣдило въ сэрѣ Эмпи фанатизмъ легиста. Если бы онъ былъ не такъ своекорыстенъ, англійское владычество непремѣнно погибло бы въ этомъ безпорядкѣ и хаосѣ.

Столкновенія подобнаго рода происходили до извѣстной степени изъ самой природы вещей. Въ наши времена (1828) судьи верховнаго бомбейскаго суда едва не возобновили тѣхъ же самыхъ безпорядковъ, на основаніи билля, извѣстнаго въ Англіи подъ именемъ *habeas corpus*. Они требовали права вызывать къ суду не только всякаго, кто находился въ границахъ вѣдѣнія суда, но всякаго, живущаго на пространствѣ поземельныхъ владѣній компаніи. Судебная власть суда, по мнѣнію этихъ легистовъ, въ отношеніи къ этому акту (носящему во англійской юриспруденціи великолѣпное названіе *prerogative write*) должна быть значительнѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому; границами этой власти должны быть

только границы владѣній компаніи и она должна простираться на всѣхъ живущихъ на этомъ пространствѣ земли. Сэръ Джонъ Мэлькольмъ былъ тогда бомбейскимъ губернаторомъ. Онъ воспротивился такому неосновательному толкованію учрежденій верховнаго суда: ему легко было показать всѣ неудобства практическаго приложенія такихъ понятій (*). Между тѣмъ, въ продолженіи спора скончались и первый и второй судья. Этотъ второй судья, даже въ такую торжественную минуту, убѣждалъ своего преемника быть вѣрнымъ доктринѣ суда. Сэръ Джонъ Грентъ, какъ назывался послѣдній, былъ вѣренъ этой просьбѣ, согласной вѣроятно съ личнымъ его убѣжденіемъ.

(*) Отвѣчая верховному суду, основывавшемуся на нѣкоторыхъ парламентскихъ актахъ, по которымъ туземцы сравнены были въ правахъ съ британскими подданными и имѣли одинаковыя съ ними привиллегіи, онъ замѣчалъ весьма справедливо, что это значитъ низпровергать всѣ существующія учрежденія; что было общаго и сходнаго между положеніемъ провинцій, завоеванныхъ въ Индіи, и положеніемъ британскихъ подданныхъ въ самой ли Англіи или въ колоніяхъ? И если доказано, что первые имѣютъ часть правъ, обезпеченныхъ англійской конституціей за англичанами, то почему же отказывать имъ въ другой? Отъ чего и подъ какимъ предлогомъ не дать имъ права представительства въ палатѣ и права быть судимыми равными себѣ?“ Мэлькольмъ стр. 147.

Случай приложить къ дѣлу доктрину суда не замедлилъ представиться. Двое туземцевъ были посажены въ тюрьму по приказу судовъ компаніи. Судъ въ защиту ихъ издалъ декретъ *habeas corpus*. Совѣтъ правительства, подъ предсѣдательствомъ сэра Джона Мэлькольма, воспротивился приведенію въ исполненіе декрета. Отданъ былъ приказъ всѣмъ судамъ компаніи не повиноваться подобнымъ приказаніямъ верховнаго суда. Сэръ Джонъ Грентъ принялъ съ своей стороны не менѣе сильную мѣру: онъ закрылъ верховный судъ. Всякая дѣятельность правосудія была остановлена. Общественная и судебная власть снова враждебно встрѣтились въ Бомбеѣ, какъ нѣкогда встрѣтились онѣ въ Бенгаліи.

Дѣло пошло на судъ королевскаго совѣта; рѣшеніе его благопріятствовало мѣрамъ принятымъ бомбейскимъ правительствомъ (*); но затрудненіе можетъ встрѣтиться каждую минуту, ибо оно происходитъ, какъ мы уже сказали, отъ самаго свойства дѣлъ.

(*) Тайный королевскій совѣтъ рѣшилъ, что судъ не имѣетъ права издавать декретовъ habeas corpus за границею пространства своей судебной власти, развѣ только въ томъ случаѣ, когда лица прямо подвѣдомственны его подсудности, хотя и не живутъ въ ея границахъ. Мэлькольмъ, стр. 130.

ГЛАВА VI.

О несообразностяхъ англійскаго законодательства въ отношеніи къ лицамъ и частнымъ интересамъ.

Мы обозначили несообразности англійскаго законодательства въ отношеніи къ политической власти: не менѣе многочисленны эти несообразности въ отношеніи къ лицамъ.

Каждый народъ имѣетъ притязаніе ставить свои законы и обычаи выше законовъ и обычаевъ всѣхъ другихъ народовъ. Англичане, по признанію самыхъ англійскихъ писателей, отличаются этимъ въ особенности, и, можетъ быть, нигдѣ не проявилось это такъ ярко и рѣзко какъ въ Индіи. Мы сказали уже какимъ образомъ всемогущество Англіи доставило ея легистамъ случай безпрепятственно выказать свое фанатическое поклоненіе англійскому законодательству, свое наивысшее и довольно грубое презрѣніе всякой другой системы законовъ и обычаевъ. Мы видѣли, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ повело это и какъ оно соединялось съ совершеннымъ незнаніемъ законовъ, правовъ и обычаевъ народовъ Индіи.

И дѣйствительно, могло ли не имѣть пагубныхъ послѣдствій необдуманное приложеніе англійскаго закодательства и судо производства къ быту этихъ народовъ?

Народы столь различныхъ цивилизацій, каковы индусская и англійская, не имѣли между собою никакой связи, никакихъ точекъ сближенія, однимъ словомъ, ничего общаго. То, что у англичанина называется гарантіею, покровительствомъ, законностью, для индуса есть утѣсненіе, произволъ, тираннія; тамъ, гдѣ первые видѣли признаніе драгоцѣнныхъ для нихъ правъ и пользованіе этими правами, другіе видѣли только злоупотребленіе силы. Однимъ словомъ, англійскою мѣрою нельзя было измѣрять индусскаго быта; то англійскій законъ превышалъ требованія, то онъ былъ недостаточенъ, то оказывалъ безполезное покровительство, то отказывалъ въ самомъ необходимомъ. На Востокѣ на примѣръ, распоряжаются женщинами съ такою свободою, что всякій восточный бракъ, могъ бы въ Англіи подать поводъ къ тяжбѣ за похищеніе и за нарушеніе личной свободы; съ другой стороны, женщины въ извѣстныхъ отношеніяхъ окружены почтеніемъ, какимъ никогда не пользуются онѣ въ Европѣ. Индусы и мусульмане охраняютъ своихъ женъ, съ строгостью, освященною закономъ и непонятною для европейскаго законодательства (*); по мусульман-

(*) Ничто, говоритъ одинъ изъ историковъ Бенгаліи, не повредило такъ Суффраръ Хану, одному изъ первыхъ субагдаровъ Бенгаліи, какъ его положеніе въ отношеніи къ

скимъ и индусскимъ понятіямъ, напримѣръ, отдѣленіе дома, гдѣ живутъ женщины, считается священнымъ и ненарушимымъ убѣжищемъ. При взятіи города приступомъ, при разграбленіи дворца, часто случалось, что солдаты, покрытые кровью мужа, останавливались на порогѣ женъ и удалялись съ трепетомъ.

Это святилище, уважаемое даже солдатами, было не разъ оскорбляемо англійскими агентами; дѣйствовавшими именемъ англійскаго суда. Повторяемъ: ни въ понятіи о вознагражденіи и наказаніи, ни въ понятіи о защитѣ закономъ, не было ничего общаго между восточными и европейскими народами. Слѣдующій примѣръ лучше всякихъ разсужденій докажетъ это своей страшностью.

Индіецъ, находившійся въ услуженіи у агента компаніи, по смерти его, былъ подкупленъ товарищами покойнаго; онъ выкралъ въ ихъ пользу нѣкоторыя бумаги. Законный наслѣдникъ засталъ его на дѣлѣ и, по самой странной фантазіи, заставилъ его проглотить въ наказаніе ложку бульону. Съ перваго разу

Джаггутъ Ситу, одному изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ его подданныхъ. Сынъ послѣдняго женился на красавицѣ: Суффраръ Ханъ непремѣнно захотѣлъ ее видѣть, потомъ отослалъ ее, нисколько не оскорбивши; но это было принято за непростимую обиду. Scrafton - Vereltz.

это кажется только смѣшнымъ, фантастическимъ, страннымъ; но слѣдствія были ужасны для несчастнаго индуса. Едва стало извѣстно безчестіе, которому онъ подвергся, какъ онъ былъ изгнанъ изъ своей касты, другими словами, потерялъ всякое званіе, все общественное существованіе; семейство и прежніе друзья стали удаляться отъ него, какъ отъ предмета омерзенія и ужаса, какъ отъ прокаженнаго; онъ принужденъ былъ скитаться и жить съ калантрусами, т. е. говоря словами автора, у котораго мы заняли этотъ фактъ „посреди сброда, котораго нельзя назвать кастою, ибо онъ состоитъ изъ того, что отвергается всѣми кастами, посреди толпы несчастныхъ, обреченныхъ бѣдности и безчестію съ самаго рожденія, исполняющихъ самыя жалкія обязанности въ обществѣ, погребающихъ мертвыхъ, очищающихъ улицы отъ нечистоты; въ Малабарѣ къ нимъ питаютъ такое отвращеніе, что если кто либо изъ нихъ, даже невольно, прикоснется къ члену высшихъ кастъ, послѣдній зарѣжетъ и изрубитъ его безъ всякаго состраданія и безъ всякаго угрызенія совѣсти.“(*) Такимъ образомъ, за маловажный проступокъ, англичанинъ могъ наказать своего слугу также тя-

---

Vereltz. *A view of the rise, progress, etc.; of the english governement in Bengale*, стр. 142.

жело, какъ у насъ наказываютъ ссылкою на каторгу или на галеры.

Клейвъ, услыхавши объ этомъ дѣлѣ, пригласилъ браминовъ на совѣтъ. Онъ спросилъ ихъ, нѣтъ ли какого либо средства помочь несчастному индусу, поправить это, совершенно невольное съ его стороны, нарушеніе закона. Послѣ долгихъ разсужденій брамины нашли наконецъ средство возстановленія, приложимое къ подобному случаю; но они не смѣли взять на себя вторичнаго его приложенія; несчастному индусу не сдѣлано было ни малѣйшаго облегченія.

Гражданскій англійскій законъ, въ малѣйшихъ приложеніяхъ своихъ, влечетъ за собою безчисленные безпорядки другаго рода. Въ Англіи, напримѣръ, если кто либо утверждаетъ, что то или другое лице должно ему такую-то сумму, не дѣлаютъ никакого предварительнаго изслѣдованія, не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности; — должникъ, или предпологаемый должникъ, тотчасъ же, по судебному приговору или арестуется или долженъ представить за себя поруку. Но законъ не даетъ кредитору никакихъ средствъ доказать его требованіе и, съ другой стороны, не опредѣляетъ никакого наказанія въ случаѣ, если бы требованіе его оказались ложнымъ, если только должникъ, самъ не начнетъ тяжбы за протори и убытки; но

этотъ процессъ ведетъ за собою значительныя издержки, законодатель въ этомъ случаѣ оказываетъ довѣріе къ силѣ и святости клятвы въ общественномъ мнѣніи. Но, въ Индіи, клятва и въ особенности клятва, данная передъ чужеземною властью, не имѣетъ ни этой силы, ни этой святости; туземецъ, повинуясь чрезвычайной подвижности впечатлѣній, всегда расположенъ поразить или удалить своихъ непріятелей, не думая ни мало о неудобствахъ, которыя родятся для него вслѣдъ за этимъ. Представьте же себѣ, что можетъ произойдти въ томъ случаѣ, когда мусульманинъ или индусъ, оторванный отъ своего жилища, вдругъ будетъ перевезенъ за 200 или 300 миль, по простому обвиненію врага. „Огромные убытки, совершенное раззореніе постигнутъ его и ему нѣтъ никакихъ средствъ защиты, кромѣ процесса съ невѣрнымъ результатомъ, процесса который всегда тяжелъ и убыточенъ (*).“

(*) Шоръ. Тоже самый сэръ Джонъ Шоръ разсказываетъ, что онъ видѣлъ свидѣтеля въ самомъ простомъ полицейскомъ дѣлѣ, арестованнаго за нѣсколько дней до свидѣтельства по простому доносу ложнаго кредитора: это было сдѣлано съ намѣреніемъ устранить свидѣтельство. Обвиненный спросилъ судъ, какимъ средствомъ онъ можетъ требовать вознагражденія за такой поступокъ. Судъ отвѣчалъ ему; „тяжбою на вашѣ счетъ за ложную клятву.“ А самыя первыя издержки въ этомъ случаѣ были не менѣе 200 фунтовъ стерлинговъ. Суды компаніи

Таковы несообразности гражданскаго закона; несообразности уголовнаго еще хуже. Въ Англіи судебныя издержки не падаютъ на обвинителя; съ другой стороны бѣдность обвиняемаго всегда есть препятствіе къ признанію его невинности. Явился ли онъ въ судъ, которымъ обвиненъ, бѣднякъ, если не найдетъ поручительства, долженъ сидѣть въ тюрьмѣ до начатія суда; судебныя же засѣданія бываютъ въ Англіи только весною и лѣтомъ. Только въ послѣднее время англійскій судья уполномоченъ изслѣдовать свидѣтельства, приводимыя въ свою пользу обвиненнымъ и отдавать его подъ судъ только въ случаѣ вѣроятности преступленія или проступка: прежде онъ не могъ этого дѣлать. Въ такомъ случаѣ всѣ издержки очной ставки съ свидѣтелями падаютъ на обвиняемаго, а также всѣ издержки привода свидѣтелей въ случаѣ отдачи его подъ судъ (*). Однимъ словомъ, законъ даетъ обвиненному всѣ гарантіи только въ томъ случаѣ, когда онъ можетъ понести на себѣ значительныя издержки; тогда только онъ окружаетъ его нѣкоторыми защитительными формально-

---

должны были нѣсколько измѣнить въ этомъ случаѣ англійскій законъ. Эти суды назначаютъ арестъ за долги не иначе, какъ тогда, когда начнется въ нихъ настоящая тяжда за требуемую сумму. Шоръ.

(*) Шоръ. Томъ I, стр. 377.

стями. Да и можетъ ли быть иначе? Судебный порядокъ не составляетъ ли части общественнаго англійскаго порядка, этого гордаго порядка, въ полномъ смыслѣ слова построеннаго на денежномъ фундаментѣ? Но что можетъ быть несовмѣстнѣе произвольнаго приложенія этой системы къ бѣдной и разоренной Индіи?

Одинъ отличный англійскій легистъ, Фильдингъ, сказалъ: „англійскій законъ ясно имѣетъ главною цѣлію безопасность воровъ и мошенниковъ.“ Другой знаменитый легистъ, сэръ Джонъ Шоръ, говоритъ, что это слишкомъ одностороние и что должно прибавить: „безопасность и защиту богачей.“ Что касается до бѣднаго, говоритъ сэръ Джонъ, законъ знаетъ или не знаетъ о его существованіи, или сберегаетъ для него всю свою строгость (*).

Множество другихъ неудобствъ произошло также отъ приложенія англійскаго законодательства. Мусульманинъ, напримѣръ, оставляетъ большую часть своего имущества сыну любимой жены. Этотъ послѣдній пользуется нѣсколько лѣтъ имуществомъ съ полнымъ спокойствіемъ и съ совершеннаго согласія всѣхъ его окружающихъ. Но англійскій законъ уничтожаетъ бракъ матери, объявляетъ его недѣйствительнымъ, ибо ему пред-

(*) Шоръ. Томъ I. стр. 377.

шествовалъ другой бракъ, единственный имѣющій въ глазахъ его цѣну, дѣти отъ котораго суть единственные законные наслѣдники. Необходимость поддержанія общественнаго кредита въ Англіи заставила положить смертную казнь за поддѣлку: — но не должно-ли возмутиться общественное сознаніе при одной мысли приложенія этого наказанія тамъ, гдѣ нѣтъ породившей его необходимости? Законы, опредѣляющіе отношеніе подданныхъ къ правительству также представляли въ своемъ приложеніи не менѣе трудностей. Должно ли смотрѣть на компанію, какъ на государя? Законы объ оскорбленіи величества съ ихъ 160 случаями фелоніи или государственной измѣны, существующіе въ Англіи и признанные парламентомъ (*), приложимы ли въ ея пользу? но въ такомъ случаѣ, 9 туземцевъ изъ 10, 99 изъ 100 должны быть признаны виновными (**). Приведемъ въ примѣръ знаменитое патнское дѣло.

Одинъ довольно знатный мусульманинъ, умирая, оставилъ вдову и племянника. Этотъ послѣдній жилъ у покойнаго на правахъ усыновленнаго и наслѣдника. Вдова требовала все-

---

(*) Шоръ, томъ I, стр. 377.

(**) Verelst. стр. 131.

го наслѣдства, приводя въ свою пользу завѣщаніе. Племянникъ опровергалъ завѣщаніе въ двухъ отношеніяхъ — во первыхъ въ отношеніи къ его законной силѣ, во вторыхъ въ отношеніи умственнаго состоянія покойнаго, доказывая, что тотъ былъ не въ здравомъ умѣ въ эпоху написанія завѣщанія. Такъ какъ тяжущіеся принадлежали къ мусульманскому вѣроисповѣданію, областной судъ, разсмотрѣвъ дѣло, поручилъ кади и муфтію составить рѣшеніе. Рѣшеніе этихъ послѣднихъ было совершенно противъ и притязаній вдовы и притязаній племянника. Имущество покойнаго, по рѣшенію ихъ, раздѣлено было на четыре части: одна дана вдовѣ, другая отцу племянника, двѣ остальныхъ другимъ родственникамъ. Областной судъ утвердилъ рѣшеніе; онъ пошелъ даже дальше: по простому подозрѣнію въ подлогѣ завѣщанія, вдова была заключена въ тюрьму вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ служителей и должна была подвергнуться суду по этому обвиненію.

Вдова противилась сколько могла выполненію различныхъ судебныхъ формальностей, какъ то опечатанію и т. д., и притомъ противилась не законными средствами, но всѣми, какія внушены были ей раздраженіемъ и неудовольствіемъ. Не смотря на требованія суда, она отказалась поручить свое дѣ-

ло векилю (туземному адвокату); однимъ словомъ противодѣйствовала всѣми способами приведенію въ исполненіе судебныхъ опредѣленій. Рѣшившись наконецъ очистить домъ, она искала убѣжища въ сосѣдствѣ, но увела съ собою рабовъ, захватила всѣ документы и проч.

Племянникъ между тѣмъ началъ искъ въ областномъ судѣ. Онъ требовалъ, чтобы вдова его дяди принуждена была сдать въ первобытномъ состояніи жилище мужа, отпустить рабовъ, возвратить акты и проч. Кади приказалъ ей повиноваться; она отказалась. Тогда по обычаю страны, она отдана была подъ присмотръ пристава, который, не входя въ домъ, держалъ его тѣмъ не менѣе въ секвестрѣ шесть недѣль, но это средство, хотя и энергическое, не побѣдило ея упорства.

Тогда обстоятельства вдругъ перемѣнили видъ. По совѣту, данному ей по всей вѣроятности англійскимъ легистомъ, вдова начала въ верховномъ судѣ искъ противъ племянника своего мужа, кади и двухъ муфти; она требовала за убытки и за проценты около 600,000 рупій, т. е. около 1,500,000 франковъ. Племянникъ отказывался отъ подсудности верховному суду — верховный судъ впрочемъ не принялъ этого во вниманіе, ибо онъ былъ финансовый чиновникъ, служитель компаніи, слѣдственно подвѣдомственъ суду — при томъ же

онъ никогда не приближался къ Калькуттѣ даже на сто верстъ. Кади и муфти явились къ суду. Они сослались на приказаніе областнаго суда, которому повиновались, говоря, что судья, дѣйствовавшій въ качествѣ судьи, ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ за убытки, происшедшія вслѣдствіе судебнаго рѣшенія. Какъ ни справедливо казалось это возраженіе, судъ его отвергнулъ. Онъ привелъ въ свою очередь знаменитую аксіому англійской юриспруденціи—delegatus non potest delegare, что уничтожало всякую власть, данную областнымъ судомъ кади и муфтіямъ.

Послѣ этого общаго рѣшенія, судъ разсматривалъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, подвергъ кади и муфти взысканію въ 25,000 фунтовъ стерлинговъ въ видѣ проторей и убытковъ. Арестованные въ Патнѣ и привезенные въ Калькутту, они должны были или отправиться въ тюрьму или представить за себя поручительство въ 400,000 рупій. Кади и двое муфти никогда и во снѣ не видали подобной суммы; поручительство было имъ также не возможно достать. Кади, человѣкъ старыхъ лѣтъ, умеръ на дорогѣ, отъ усталости или отъ безпокойства. Муфти были посажены въ калькуттскую тюрьму. Генералъ-губернаторъ и совѣтъ, безпокоясь о происшедшемъ, боялись впечатлѣнія, которое могли

сдѣлать эти событія на воображеніе туземцевъ; они понимали что съ ними подвергается большой опасности самый сборъ налоговъ. Они сдѣлали приговоръ „что заключенные преслѣдуемы были за исполненіе судебнаго приговора и слѣдственно, должны быть вознаграждены правительствомъ за всѣ убытки, понесенные ими вслѣдствіе этого приговора. Муфти тѣмъ не менѣе остались въ калькуттской тюрьмѣ до 1781 года, когда парламентскимъ актомъ велѣно было ихъ освободить и дать имъ въ вознагражденіе убытковъ и заключенія значительную сумму денегъ.

Верховный судъ не призналъ себя побѣжденнымъ. Вдова и племянникъ, опять по совѣту англійскихъ легистовъ, подали ему исковое прошеніе объ убыткахъ противъ президента и двухъ членовъ патнскаго областнаго суда. Верховный судъ принялъ эту жалобу и присудилъ истцамъ сумму въ 15 тысячъ рупій, которая и была заплачена компаніею.

Процессъ Нункомара, знаменитый въ судебныхъ лѣтописяхъ Индіи, имѣлъ основою другую аксіому юриспруденціи, мѣстопребываніе по предположенію закона (constructive inhabitancy), о которой мы уже говорили.

Нункомаръ былъ человѣкъ очень важный, раджа и земиндаръ. Подстрекаемый большин-

ствомъ верховнаго совѣта, находившагося тогда въ явной враждѣ съ генералъ-губернаторомъ, Уореномъ Гестингсомъ, онъ началъ противъ него судебный искъ и обвинилъ его въ лихоимствѣ; но Нункомару не достало времени для доказательства этого обвиненія. Онъ самъ былъ позванъ къ верховному суду по обвиненію въ поддѣлкѣ. Нункомаръ былъ индіецъ, но имѣлъ въ Калькуттѣ собственность, и судъ считалъ его жителемъ этого города по законной фикціи и слѣдственно подвѣдомственнымъ его судебной власти: англійскій законъ осуждалъ его на смерть, и онъ былъ повѣшенъ. Повѣсить индійца за подлогъ значило все равно что повѣсить мусульманина за многоженство; — ибо подлогъ вообще весьма легко наказывается индійскими законами: между тѣмъ, когда объ этомъ кровавомъ эпизодѣ узнали въ Англіи, поведеніе сэра Эли Эмпи, тогда перваго судьи (chief-justice), было единогласно одобрено сословіемъ легистовъ. Начало Constructive inhabitancy оправдывало для нихъ фактъ въ самомъ ненавистномъ его результатѣ.

Въ этомъ трагическомъ эпизодѣ должно различать двѣ стороны — государственную мѣру и судъ. Государственная мѣра принадлежитъ Гестингсу, но она можетъ быть оправдана той странной необходимостью, въ которую онъ былъ поставленъ. Безпорядокъ и

анархія царствовали между 60,000,000 жителями Бенгаліи, государственное зданіе было въ опасности, когда Уорренъ Гестингсъ поддержалъ его продажными руками сэра Эли и трупомъ Нункомара. Самый же судъ остался однимъ изъ ужаснѣйшихъ примѣровъ пагубныхъ послѣдствій приложенія англійскаго закона къ народонаселенію Индіи.

Публицистъ, (*) у котораго взяли мы этотъ разсказъ, влагаетъ его самъ въ уста старика туземца, который разсказываетъ о несчастіяхъ и безпорядкахъ, принесенныхъ въ Индію англійскимъ закономъ, приложеннымъ въ высшей степени неблагоразумно. Но цѣлое народонаселеніе, вся Индія говоритъ устами этого мусульманскаго мудреца. „При одномъ имени англійскаго закона, индійцы чувствуютъ себя окруженными страшною опасностью.“ (**) Англійскій законъ для нихъ нѣчто въ родѣ ужаснаго привидѣнія. Цѣлые области разбѣгаются при одномъ только слухѣ о приложеніи къ нимъ англійскаго закона: жители оставляютъ дома, поля, движимость, домашній уголъ. Землевладѣльцы про-

(*) Галлоуе.

(**) Шоръ, томъ I. стр. 303.

винціи Бахара, вслѣдствіе одного только подобнаго слуха, послали къ генералъ-губернатору просьбу, въ которой прямо высказали это. „Многіе изъ округовъ тоже думали написать такія просьбы въ подобномъ случаѣ.“ (*) Появленіе самаго незначительнаго чиновника англійскаго суда во внутреннихъ городахъ страны наводитъ такой же ужасъ, какой наводило нѣкогда появленіе чиновника инквизиціи въ испанской деревнѣ. Жители не глядятъ другъ на друга, бѣгутъ отъ сосѣдей, молчатъ, запираются въ домахъ.

Англійскіе законы, не сообразные съ привычками, обычаями, нравами Индіи влекли подобные безпорядки при всякомъ приложеніи. Способъ приложенія увеличивалъ это еще болѣе благодаря невѣжественному, загрубѣлому въ предразсудкахъ духу членовъ верховнаго суда, которому неизвѣстны были ни религія, ни политическія и общественныя учрежденія народовъ Индіи. Не зная ихъ, они не могли ихъ уважать, не могли оставить ихъ въ покоѣ. Съ другой стороны они были энтузіастическіе, фанатическіе поклонники англійскаго закона — это была ихъ религія, столь же священная, какъ для

(*) Id. ibid.

мусульманъ исламизмъ. Они объявили ожесточенную войну законамъ и судебнымъ учрежденіямъ народовъ, посреди которыхъ жили, своими аксіомами англійской юриспруденціи, они ниспровергали законы и учрежденія и оставались холодными и безчувственными ко всѣмъ пагубнымъ послѣдствіямъ своихъ дѣйствій.

Положеніями своей юриспруденціи они ниспровергаютъ то финансовое учрежденіе компаніи (*), то ея суды (**), то наконецъ произвольно распоряжаются свободою, имуществомъ и жизнію лицъ (***).

Парламентъ и тайный совѣтъ нѣсколько разъ старались обуздать притязанія верховнаго суда. Они хотѣли заключить его власть въ законно и строго опредѣленныхъ границахъ, но англійская юриспруденція есть нѣчто живое и одушевленное: она ускользаетъ, когда вы думаете ее оковать. Посредствомъ трехъ упомянутыхъ аксіомъ, она на трехъ пунктахъ перешла границы, въ которыя думала

(*) Посредствомъ двухъ началъ: Habeus corpus и Delegatus non potest delegare.

(**) Посредствомъ constructive inhabitancy.

(***) Приложеніемъ начала constructive inhabitancy къ дѣлу Нункомара, начала delegatus къ патнскому дѣлу и проч.

заключить ее политическая власть; тѣми же средствами перешагнетъ она и всякій другой пунктъ.

Лучшее направленіе судей, посылаемыхъ теперь въ Индію, подаетъ надежду, что этого не будетъ уже болѣе, но нисколько не гарантируетъ этой надежды: обозначенныя нами несообразности лежатъ въ самомъ существѣ англійской юриспруденціи.

ГЛАВА VII.

О недостаточности судебной организаціи, существующей въ индо-британской имперіи.

Мы привели собственныя слова лорда Корнуаллиса по поводу судебныхъ преобразованій, которыхъ онъ былъ творцемъ. Онъ предполагалъ себѣ цѣлію, по его собственному выраженію, доставить каждому жителю Бенгаліи средства правильнымъ образомъ получать во всѣхъ случаяхъ положительное судебное опредѣленіе, притомъ такъ, чтобы отдаленіе не было никогда препятствіемъ къ по-

лученію этого опредѣленія. Любопытно видѣть, какъ практическое приложеніе системы соотвѣтствовало мысли ея виновника. Дѣло въ томъ, что думая облегчить тяжущимся доступъ къ правосудію, лордъ Корнуаллисъ сдѣлалъ путь къ нему совершенно непроходимымъ.

Туземное правосудіе было самое краткое. Кромѣ того, организація пунчайстовъ или судовъ по выбору деревень не позволяла, чтобы процессы начинались безъ достаточныхъ причинъ. Судьи жили тамъ же гдѣ и тяжущіеся, слѣдственно знали дѣла прежде чѣмъ начинались тяжбы. Нельзя судиться безъ основаній передъ сосѣдями, передъ друзьями. Отношеніе къ этимъ судамъ было притомъ такое же, какъ и ко всѣмъ вещамъ, къ которымъ человѣкъ привыкъ, къ которымъ прибѣгаетъ онъ только въ случаѣ нужды, которыя однимъ словомъ перестали имѣть для него привлекательность новости.

Но не таково было отношеніе къ судамъ, учрежденнымъ лордомъ Корнуаллисомъ. Они имѣли въ себѣ весьма могущественный интересъ новости. Ничего не было извѣстно о ихъ дѣйствіяхъ, о границахъ ихъ дѣятельности; каждый могъ ожидать отъ нихъ совершенно иныхъ результатовъ, нежели какія давались ими дѣйствительно. Это было какъ бы новое орудіе

владѣть которымъ нужно было научиться, но которымъ каждый надѣялся владѣть въ свою пользу.

Индійцы спѣшили овладѣть новымъ орудіемъ, которое такъ неблагоразумно было отдано имъ въ руки; они толпами являлись въ самые суды, заводили въ нихъ множество тяжбъ, которыхъ не смѣли отдать на рѣшеніе своихъ судовъ; каждая пустая причина казалась имъ достаточною для заведенія тяжбы передъ новыми судами, которыхъ пространства дѣятельности, повторяемъ мы опять, они не знали. Въ одномъ округѣ, именно бурдванскомъ, число процессовъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возвысилось до 30,000. Срокъ, назначенный для доклада послѣднихъ изъ дѣлъ, превосходилъ продолженіе самой долгой человѣческой жизни (*). Съ другой стороны, какъ рѣшеніе процессовъ, относящихся къ доходамъ, было отнято у коллекторовъ и передано новымъ судамъ, то изъ этого произошло новое неудобство, котораго не подозрѣвалъ законодатель, именно то, что сборъ доходовъ пострадалъ неменѣе интересовъ частныхъ лицъ.

(*) Письмо бурдванскаго коллектора отдѣленію доходовъ 22 февр. 1789. Приложенія къ 5-му раппорту спеціальнаго комитета о дѣлахъ Индіи въ 1812. 5-й раппортъ, стр. 167.

Другіе округи Индіи скоро пришли въ одинакое положеніе съ бурдванскимъ; законодатель, чтобы помочь такому состоянію дѣлъ, прибѣгъ ко многимъ, но вообще довольно незначительнымъ средствамъ. Одно только имѣло нѣкоторое дѣйствіе, это было положеніе штрафа на всякаго, что заведетъ процессъ. Каждый тяжущійся долженъ былъ платить извѣстную сумму суду, передъ которымъ онъ долженъ былъ явиться; этимъ изъ суда устранялись всѣ тяжбы, предметъ которыхъ цѣнностью своею былъ ниже этой суммы; всѣ тяжущіеся, которые не хотѣли рисковать этою суммою или не были въ силахъ заплатить и проч. Чтобы распоряженіе это было дѣйствительно, ему дано было обратное дѣйствіе, оно приложено было ко всѣмъ процессамъ, поступившимъ уже въ суды, чѣмъ и устранено было бо́льшее число этихъ процессовъ.

При всемъ этомъ законодатель не достигъ цѣли: вопреки этому распоряженію и другимъ подобнымъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ послѣдствіи, число процессовъ со дня на день увеличивалось, ходъ правосудія затруднялся (*).

(*) 5-й раппортъ спеціальнаго комитета. — Всѣ предосторожности законодателя были недостаточны для достиженія предположенной имъ цѣли; въ 1801 году число дѣлъ было еще невѣроятно велико; въ 1802, число дѣлъ въ

правительство бенгальское писало совѣту директоровъ 30 сентября 1803. „Не смотря на всѣ наши усилія, не возможно уменьшить числа дѣлъ въ судахъ до того, чтобы рѣшеніе ихъ стало удобно (*).“ Директоры, удивленные этимъ непредвидѣннымъ фактомъ отвѣчали, что подобнаго никогда неслучалось въ европейскихъ судахъ; (**) намекая на этотъ же самый фактъ, они писали: „Мы говоримъ съ сожалѣніемъ, но видя скопленіе такого количества процессовъ, нельзя не предложить себѣ вопроса: не лучше ли было бы оставить туземцамъ ихъ обыкновенные суды, чѣмъ вредить ихъ интересамъ безконечными проводами, чѣмъ оставить

апелляціонныхъ судахъ простиралось до 882, въ судахъ зиллаховъ или городскихъ до 12,262, въ судахъ сельскихъ до 17,906, въ судахъ туземныхъ до 131,529. Съ 1795 до 1803 апелляціонные суды рѣшили 667 дѣлъ городскіе 8,528, сельскіе 14,124, туземные суды 328,064; — самыя цифры достаточно показываютъ ошибочность распоряженіи законодателя. Въ депешѣ бенгальскаго правительства совѣту директоровъ 30 сент. 1803, встрѣчаются слѣдующія слова: „Невозможно уменьшить количество дѣлъ такъ, чтобы тяжущіеся получили скорѣе рѣшеніе; дѣла скопились въ судахъ зиллаховъ Тирхута, Дакки, Джеллальпура и Бехаса; число вступающихъ дѣлъ превосходитъ число рѣшенныхъ или отосланныхъ въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ.

(*) 5-й раппортъ спеціальнаго комитета, стр. 149—150.

(**) Депеша отъ 14 сент. бенгальскому правительству.

однимъ словомъ всѣ тяжбы безъ суда подъ предлогомъ болѣе просвѣщеннаго правосудія (*).“

Коммиссаръ одного изъ важнѣйшихъ округовъ бенгальской провинціи, отвѣчая на вопросъ директоровъ, писалъ съ своей стороны: „тюремныя заключенія за волненія, происшедшія вслѣдствіе затрудненій на границахъ собственностей, другіе споры родившіеся изъ поземельной собственности, должны быть приписаны большому и къ сожалѣнію неизбѣжному застою дѣлъ въ судахъ. Отсрочки на многіе годы рѣшенія процессовъ приводятъ въ совершенное отчаяніе тяжущихся; онѣ заставляютъ ихъ прибѣгать къ самоуправству, не ожидая окончанія тяжбы, которая по всей вѣроятности продолжительнѣе всякой человѣческой жизни (**).“ Тамъ гдѣ нѣтъ законной защиты, нѣтъ ничего естественнѣе какъ прибѣгнуть къ самоуправству.

Новыя учрежденія и въ уголовномъ правосудіи повлекли столь же тягостныя послѣдствія, какъ въ гражданскомъ; судья былъ окруженъ тамъ еще большими трудностями; орудіе, данное ему, было столь же несовершенно какъ первое, и притомъ, онъ дѣйствовалъ имъ

(*) 5-й Раппортъ стр. 191.

(**) Раппортъ г. Сейтона, окружнаго судьи въ Патнѣ, 20-го іюня 1798; 5-й раппортъ, стр. 173.

съ большею робостью; здѣсь надобно было опредѣлять весьма тяжкія наказанія, иногда назначать смертные приговоры и часто основываясь на свидѣтельствахъ весьма неубѣдительныхъ. Многообразіе преступленій, вѣроломный характеръ жителей страны, ихъ наклонность ко лжи, дѣлали задачу судьи въ высшей степени трудною и даже неудобоисполнимою: богачи всегда могли смѣяться надъ правосудіемъ. Если богачь заключаемъ былъ въ тюрьму и если по дѣлу его начиналось слѣдствіе, ему представлялись два средства окончанія: онъ могъ привести двадцать свидѣтелей, которые готовы были поручиться за кого угодно, или деньгами подкупить своего обвинителя (*).

Смѣшеніе англійскихъ и мусульманскихъ формъ судопроизводства, противорѣчія во многихъ случаяхъ двухъ законодательствъ окружали судью непроницаемою темнотою, порождали въ немъ сомнѣнія на каждомъ шагу. Но это еще не все: обвиненія въ преступленіяхъ, по которымъ начиналось уже слѣдствіе, оказывались часто выдуманными враждою старинныхъ непріятелей; туземцы употребляли уголовный судъ какъ орудіе во всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

(*) 5 ii рапортъ, прилож. стр. 584.

Посреди подобныхъ обстоятельствъ, дѣло судьи становилось въ высшей степени труднымъ. Разбои, которые еще до организаціи европейскихъ судовъ были многочисленны въ Индіи, еще болѣе усилились. Первою заботою правительства было, разумѣется, принять противъ нихъ мѣры, но мѣры эти оказались безъуспѣшными; по поводу ихъ безполезности окружной комитетъ писалъ: „поврежденія, нанесенныя разбойниками землямъ, свирѣпства ихъ въ отношеніи къ жителямъ Бенгаліи съ этого времени (съ организаціи новыхъ судовъ) стали предметомъ новыхъ жалобъ и повидимому значительно увеличились въ послѣдніе года (*).“ Одинъ судья писалъ также: „преступленія по разбоямъ увеличились со времени введенія англійскаго правосудія. Число обвиненныхъ; заключенныхъ теперь въ шести судахъ этого округа, не менѣе 4,000; девять десятыхъ изъ нихъ посажены за это преступленіе. Нѣсколько сотъ человѣкъ уже осуждены въ послѣдніе года. Притомъ, какъ ни велико кажется это число заключенныхъ, оно вѣроятно ниже числа лицъ, дѣйствительно виновныхъ въ этомъ преступленіи (**).“ Другой судья писалъ еще:

(*) Депеша комитета совѣту директоровъ: 5-ій рапортъ стр. 185.

(**) Сэръ Генри Стречи. См. его рапортъ; онъ былъ окружнымъ судьею въ 1802 году. Милль, томъ I, стр. 466.

„Доказано уже, что разбой есть преступленіе, чаще всего совершаемое въ Бенгаліи; но если бы знали, до какой степени это справедливо, если бы убійства, пожары, безчисленные ужасы и жестокости, которыхъ страна эта стала театромъ, во всей истинѣ и наготѣ представлены были правительству, думаю, что оно употребило бы съ своей стороны всѣ средства для предотвращенія этого зла (*).“ Наконецъ, одинъ секретарь правительства (**) говорилъ: „если бы я могъ исчислить только тысячную долю бѣдствій, причиняемыхъ разбоями, происходящими отъ бѣдности и страданій народа, если бы даже я употреблялъ о ворахъ самыя слабыя выраженія и тогда бы еще не повѣрили моему разсказу.“

Списки обвиненныхъ, доставляемые бенгальскому правительству, ежегодно представляли значительное увеличеніе. И между тѣмъ судья одного важнаго округа Барельи, въ 1805 году, доносилъ генералъ-губернатору: „нельзя вѣрить спискамъ представляемыхъ судами, ибо множество случаевъ не доносятся до судей, по небреженію или послабленію полицейскихъ чиновниковъ и по

(*) 5-й раппортъ, стр. 586.

(**) Додсвелль. Депеша директорамъ 1809. Приложеніе къ 5-му раппорту.

отвращенію жителей къ начатію процессовъ (*)." И дѣйствительно, по словамъ другаго судьи, которыя онъ приводитъ по этому поводу, „со времени приведенія въ дѣйствіе преобразованій лорда Корнуаллиса число преступленій всякаго рода значительно увеличилось и продолжаетъ еще увеличиваться (**)."

Ходъ уголовнаго правосудія остановился точно также какъ и ходъ гражданскаго: продолжительность и запутанность процесса, многочисленность дѣлъ содѣйствовали къ произведенію этого слѣдствія. Увеличились и количество и важность преступленій; съ другой стороны обокраденные и обиженные, боясь уголовнаго суда, терпѣли, а не жаловались (***). Прибавьте къ этому еще трудность добыть и оцѣнить свидѣтельства: новая судебная организація, при всемъ этомъ, могла существовать только по имени.

Къ этому прибавилось наконецъ еще болѣе значительное препятствіе (****). Одинъ изъ важныхъ индійскихъ чиновниковъ говоритъ

(*) Депеша окружнаго судьи Барельи.

(**) Сэръ Генри Стречи.

(***) 5-й раппортъ. Приложеніе стр. 552.

(****) Люди очень важные въ обществѣ не стыдятся обвинять себя взаимно въ ужасныхъ преступленіяхъ, подтверждаютъ ихъ клятвами и не краснѣютъ когда ихъ обличатъ во лжи. 5-й раппортъ, стр. 181.

объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „мы не можемъ изучить духа народа въ его собственной сферѣ дѣятельности, мы слишкомъ мало знаемъ о домашней жизни туземцевъ, о ихъ умственномъ образованіи, о ихъ занятіяхъ и удовольствіяхъ. Ихъ разные роды промышленности, ихъ касты, все, относящееся къ ихъ личному и народному характеру, все однимъ словомъ, что мы должны знать для болѣе хорошаго ознакомленія съ народомъ, все это намъ равно неизвѣстно. Каждый день мы узнаемъ что либо новое и удивительное, и намъ не чѣмъ инымъ руководствоваться въ изслѣдованіи фактовъ, какъ только недовѣріемъ къ нашему собственному мнѣнію, сознаніемъ нашей собственной неспособности судить о томъ, что вѣроятно и невѣроятно (*).“ Сэръ Генри Стречи, человѣкъ въ высшей степени замѣчательный, говорилъ въ этомъ случаѣ отъ своего собственнаго имени; онъ зналъ достаточно Индію для того, чтобы сознать свои незнаніе; но такое сознаніе не могло быть удѣломъ большинства. Напротивъ большая часть англійскихъ судей имѣли величайшее довѣріе къ своему собственному мнѣнію, довѣріе къ своей собственной способности судить „о томъ, что вѣроятно и невѣроятно.“ Слѣдствія этой увѣ-

(*) Сэръ Генри Стречи. 5-й раппортъ, стр. 179.

ренности были въ высшей степени пагубны для Индіи.

Двѣ новыя цитаты дополнятъ и пояснятъ предшествовавшія.

Одну беремъ мы у г. Додселля, секретаря бенгальскаго президентства, другую у часто приводимаго нами сэра Генри Стречи.

Первый писалъ: „въ Индіи не безопасна ни личность, ни собственность (*).“

Второй: нельзя отрицать факта, что въ Индіи не оказывается покровительства ни лицамъ, ни собственности; что несчастный механизмъ нелѣпой системы судебной администраціи существуетъ только по имени (**).

Нельзя полнѣе и вмѣстѣ короче выразить того, что мы старались объяснить въ подробностяхъ.

(*) 5-й раппортъ.

(**) Шоръ, томъ I. стр. 248—9.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе того же предмета. Жизнь англійскаго судьи въ Индіи. Приключенія индійскаго истца.

Въ предшествовавшей главѣ мы старались объяснить судебныя учрежденія Индіи съ теоретической точки зрѣнія.

Но этого не можетъ быть достаточно для полнаго понятія предмета. Чтобы узнать орудіе, недовольно понять его механизмъ, надобно видѣть, какъ оно дѣйствуетъ, надобно въ дѣйствительности разсмотрѣть производимые имъ результаты.

Ничто не мѣшаетъ намъ разсмотрѣть эту другую сторону предмета. Мы попытаемся представить себѣ жизнь и занятія англійскаго судьи въ Индіи и положеніе туземца, находящагося въ необходимости имѣть дѣло съ англійскимъ правосудіемъ, долженствующаго подчиниться судебному порядку, который данъ ему законодателемъ (*).

Судья магистрата встаетъ рано утромъ. Онъ садится на верховную лошадь, но не для прогулки и удовольствія: онъ ѣдетъ осма-

(*) Эти подробности беремъ мы у сора Джона Шора, который самъ былъ долгое время судьею.

тривать домъ или поле, подлежащіе спору или бывшіе театромъ какого либо уголовнаго дѣла, или ѣдетъ осматривать работу на новой дорогѣ, т. е. каторжниковъ, употребляемыхъ для этой работы. Соотечественники его, живущіе въ сосѣдствѣ, возлагаютъ на него же отвѣтственность за цѣлость самихъ себя и своихъ экипажей.

По возвращеніи, онъ находитъ у себя полицейскихъ агентовъ, шпіоновъ и другихъ подобныхъ людей, которые расказываютъ ему о преступленіяхъ, воровствахъ, полицейскихъ проступкахъ и проч. совершенныхъ наканунѣ. Такъ проходитъ время передъ завтракомъ и потомъ до часу, когда онъ долженъ отправиться въ судъ, т. е. около девяти часовъ. Дорогой его осаждаетъ множество людей, требующихъ правосудія; онъ не слушаетъ никого изъ нихъ и это очень понятно: прослушавши одного, должно прослушать всѣхъ; придетъ еще новая толпа и въ этомъ пройдетъ цѣлый день. Между тѣмъ всѣ жалуются на одно и тоже: что „ждутъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы, недобившись даже выслушанія дѣла.“ Судья знаетъ, что все это правда, но онъ знаетъ также, что съ этимъ нечего дѣлать; разумѣется онъ зажимаетъ уши и бѣжитъ.

Вошелъ онъ въ судъ; въ судѣ такая же толпа народу, какъ въ ассизномъ судѣ самаго

населеннаго графства Англіи. Онъ спѣшитъ къ своему мѣсту.

Уголовныя дѣла, даже просто полицейскія, всегда считались важнѣе чисто-гражданскихъ; слѣдовательно судья займется первоначально ими. Онъ слушаетъ всѣ рапорты агентовъ полиціи и по нѣкоторыхъ изъ нихъ диктуетъ рѣшенія. За тѣмъ слѣдуютъ доклады о различныхъ воровствахъ, которыхъ виновники и свидѣтели приводятся передъ присутствіе.

Докладъ о преступленіяхъ рѣдко бываетъ въ день самаго ихъ совершенія; обыкновенно онъ дѣлается черезъ недѣлю или черезъ двѣ и весьма рѣдко обвиненные допрашиваются самимъ судьею. Рапорты агентовъ полиціи, показанія обвинителей, свидѣтелей, обвиненныхъ передаются туземцамъ, засѣдающимъ или въ самомъ судѣ или въ сосѣдней комнатѣ. Эти послѣдніе спрашиваютъ ихъ по-индостански, потомъ переводятъ ихъ показаніе по-персидски. Дѣло остается тогда обслѣдованнымъ и подлежащимъ докладу на другой день или черезъ нѣсколько дней, смотря потому какъ будетъ свободно судьѣ. Въ ожиданіи этого, обвинители и свидѣтели должны жить по близости суда и часто снискивать себѣ пропитаніе прошеніемъ милостыни. Обвиненнымъ въ этомъ отношеніи гораздо лучше: они получаютъ содержаніе во время заключенія.

Судья магистратъ приступаетъ наконецъ къ исполненію своихъ обязанностей; онъ выслушиваетъ дѣла, приготовленныя къ докладу наканунѣ или за нѣсколько дней до того; приводятъ обвиненныхъ, тащатъ къ суду обвинителей и свидѣтелей, даютъ имъ въ руки коранъ или бутылку съ грязною водою, будто бы гангесскою (*). Показанія каждаго наскоро прочитываются по персидски судьѣ; на этихъ показаніяхъ и основывается его рѣшеніе. Судья требуетъ поясненій и рѣшаетъ дѣло, если находитъ его довольно полнымъ. Обвинителей и свидѣтелей толкаютъ вонъ чупрассы (констебли или чиновники для порядка, привода свидѣтелей и проч.) Назиръ (родъ шерифа) каждому изъ осужденныхъ читаетъ приговоръ. Иногда вокругъ суда собирается такая толпа, что свидѣтель успѣваетъ добраться до мѣста только къ концу чтенія его показанія: ему суютъ коранъ или бутылку и потомъ отталкиваютъ, чтобы дать мѣсто другому.

Но даже и такимъ образомъ отправляя свои обязанности, судья магистратъ не можетъ сосредоточить своего вниманія. Едва пять ми-

(*) Индійцы клянутся водою Гангеса, мусульмане кораномъ.

нутъ проходятъ безъ перерывовъ. Шерифъ гражданскаго суда шепчетъ ему на ухо съ правой стороны, шерифъ уголовнаго съ лѣвой. Атторней по какому либо гражданскому дѣлу, пробивается черезъ толпу, проситъ на минуту вниманія и требуетъ ордера, который по его словамъ, долженъ спасти его клiента отъ конечнаго раззоренія; во все это время читается между тѣмъ докладъ объ обвиненномъ. „Постойте! говоритъ иногда судья, не слыхалъ.“ Ему повторяютъ. — „Очень хорошо; продолжайте!“ Потомъ пробирается къ нему англійскій писарь и проситъ инструкціи для отвѣта на какую нибудь депешу отдѣленія доходовъ, которое дѣлаетъ выговоръ за помощь, оказанную судомъ какой нибудь пятидесятилѣтней, слѣпой и умирающей съ голоду старушкѣ, пришедшей издалека для свидѣтельства, или вниманія судьи требуетъ осужденный. Но это еще не все: не пройдетъ для судьи дня, когда бы онъ не получилъ съ полдюжины писемъ отъ разныхъ англійскихъ джентльменовъ, съ неважными и часто пустыми просьбами, требующими нарушенія формъ администраціи правосудія въ пользу ихъ клiентовъ, слугъ; нетерпѣливые послы ждутъ отвѣтовъ. Во все это время, бумаги разнаго рода, приказы, объявленія въ полъаршина длины, лежатъ на столѣ судьи, ожидая его подписи, которую онъ дѣлаетъ машинально, не

привычкѣ; ему, разумѣется, некогда смотрѣть на подписываемое имъ, для этого мало цѣлаго дня (*).

Во все продолженіе засѣданія, толпа безпрестанно тѣснится вокругъ маленькаго стола судьи. Толкотня, шумъ, болтовня на разныхъ языкахъ, едва слышенъ голосъ докладчика. Англичанинъ, присутствующій при этомъ, понимаетъ тогда народную шутку, очень извѣстную въ Индіи, о судьѣ, который говорилъ: „молчать! я рѣшаю уже третье дѣло, не слыхавши ни слова (**)!“

Проведши такимъ образомъ цѣлый день, уставши отъ зрѣлища низости, мерзостей всякаго рода, мучимый мыслію, что не смотря на всѣ его усилія, тысяча людей имѣютъ право на него жаловаться, судья въ шесть часовъ вечера уѣзжаетъ домой.

Дорогою, его, какъ утромъ, осаждаютъ просьбами и, разумѣется, также безъуспѣшно; едва онъ возвратился, какъ долженъ слушать новую толпу низшихъ чиновниковъ суда полицейскихъ, шпіоновъ, отдавать приказы о людяхъ, арестованныхъ днемъ за преступленія, совершенныя во время засѣданія. Потомъ

(*) Шоръ, томъ I, стр. 236—242.

(**) Id. ibid. стр. 241.

онъ опять садится на лошадь, чтобы разыскивать дѣла на мѣстѣ. Вечеръ его проходитъ также весь въ подобныхъ занятіяхъ. Въ первыя времена, въ первыя недѣли или мѣсяцы, судья, можетъ быть, старался добросовѣстно выполнять свою должность, но наконецъ, при видѣ невозможности, отчаяніе овладѣваетъ имъ; равнодушіе и апатія замѣняютъ ревность и становятся новымъ препятствіемъ къ отправленію правосудія.

Главныя черты этой картины взяты нами у одного знаменитаго публициста. Народная фантазія присоединяетъ къ этому легенду, въ которой расказываются безчисленныя бѣдствія туземца, имѣющаго дѣло съ англійскимъ правосудіемъ. Это часть жизни ткача Пиръ Бокша; цѣлая легенда обнимаетъ всѣ отношенія туземцевъ къ англійскому правительству.

ГЛАВА IX.

О двухъ родахъ неудобствъ, свойственныхъ всей судебной организацiи имперiи.

Послѣ всего сказаннаго нами о слѣдствiяхъ судебной системы, которой творцемъ былъ лордъ Корнуаллисъ, нечего удивляться, что одинъ чиновникъ компанiи говорилъ прямо парламенту: „въ Индiи дверь правосудiя не открыта, а едва только отворена.“

Тѣмъ не менѣе на многiя мысли наводитъ изученiе результатовъ практическаго приложенiя этого учрежденiя. Основная идея лорда Корнуаллиса была слѣдующая: „замѣнить прежнiя судебныя учрежденiя Индiи судами, составленными изъ европейцевъ, которыхъ честность была бы обезпечена достаточнымъ жалованьемъ, поставить ихъ выше подкуповъ; цѣль его была: „дать туземцамъ средства всегда и во всякое время прибѣгать къ правосудiю (*).“ Это слова лорда Корнуаллиса лучшая критика его системы.

(*) Письмо лорда Корнуаллиса совѣту директоровъ. 2-й рапортъ комитета 1810 г. Приложенiе N0 9.

Причины пагубныхъ послѣдствій законодательныхъ распоряженій, сдѣланныхъ съ благородной и возвышенной цѣлію, весьма многоразличны.

Прежде всего орудіе было несоразмѣрно съ дѣломъ, котораго требовалъ отъ него законодатель. Округъ есть часть земли, среднимъ числомъ въ 70 миль длины и въ 60 ширины, съ огромнымъ числомъ городовъ и селеній, съ народонаселеніемъ отъ 1 милліона до 1,200,000 душъ. Есть ли для судьи возможность рѣшить безконечное множество представляющихся дѣлъ? Вообразимъ себѣ нѣчто подобное же во Франціи: предположимъ, что одинъ судья долженъ отправлять правосудіе въ трехъ департаментахъ, рѣшать всѣ процессы, всѣ споры жителей невозможность дѣла кидается прямо въ глаза. Но эта невозможность, если только невозможное можетъ имѣть степени, еще сильнѣе въ Индіи; она увеличивается отъ различія нравовъ, языка, обычаевъ и проч. Прибавьте къ этому, что это только половина судейскихъ обязанностей, что на судьѣ же лежала до настоящаго времени судебная и административная полиція, что онъ былъ въ тоже самое время и магистратомъ (*); эти послѣд-

(*) Англійскіе магистраты соотвѣтствуютъ Французскимъ главнымъ комиссарамъ полиціи.

нія обязанности въ многосложности и запутанности не уступаютъ обязанностямъ судьи.

Идея, по которой организовано правленіе индо-британской имперіи, слишкомъ неполно осуществилась въ дѣйствительности. Три элемента, какъ мы уже видѣли, входили въ составъ этого правленія: сборъ доходовъ, правосудіе, полиція. Отсюда три рода общественныхъ чиновниковъ: коллекторы, судьи, магистратъ. Каждая изъ этихъ обязанностей, для хорошаго исполненія въ каждомъ изъ округовъ или поземельныхъ подраздѣленій Индіи, требуетъ большаго числа чиновниковъ. И между тѣмъ, въ каждомъ изъ этихъ округовъ не только обязанности эти отправлялись однимъ чиновникомъ компаніи, но всѣ три поручались одному и томуже лицу; лордъ Корнуаллисъ поручилъ однимъ рукамъ обязанность судьи и обязанность магистрата. Послѣдняя реформа (1833) соединила эти обязанности съ обязанностью коллектора; смѣшеніе пагубное само по себѣ, но все таки, по мнѣнію свѣдущихъ людей, менѣе вредное, нежели предшествовавшее. Англійскій магистратъ въ Индіи долженъ всегда ѣздить верхомъ, объѣзжать безпрестанно разныя дороги своего округа. Его родъ жизни, сходный съ родомъ жизни коллектора, совершенно противуположенъ образу жизни судьи, тѣмъ не менѣе, соединеніе власти судьи

съ властію магистрата существовало съ самаго начала новаго учрежденія, до 1833 года и его можно считать однимъ изъ главныхъ неудобствъ судебной организаціи.

Это впрочемъ только, такъ сказать, матеріальныя неудобства нововведеній. Мусульмане не тронули административныхъ и судебныхъ учрежденій Индіи, или покрайней мѣрѣ, измѣнили столько сколько нужно для сбора доходовъ. Англичане напротивъ, съ перваго разу хотѣли явиться преобразователями, законодателями народа, котораго они не знали ни религіи, ни учрежденій, ни обычаевъ; они разрушали все, что имъ, по ихъ европейскимъ понятіямъ, казалось противулогическимъ. Они не подумали, что время сглаживаетъ всѣ злоупотребленія и исправляетъ все, что сохраняетъ; и съ другой стороны, что учрежденія истинно народныя въ самой древности своей почерпаютъ силу, замѣняющую внѣшнюю симметрію и правильность.

Учрежденія же, такъ сказать, импровизованныя англичанами, введенныя въ Индію насильственно, вдругъ, представляютъ совершенно противуположныя неудобства. Они не имѣли никакой моральной силы, не были освящены ни индійскими, ни мусульманскими правами. Туземцы подчинялись имъ, какъ роковой необходимости, и употребляли ихъ какъ сред-

ства для своихъ интересовъ или для своихъ страстей. Отсюда хаосъ и бездна, поглотившія всякое правосудіе въ Индіи.

Туземное судебное устройство конечно представляло множество недостатковъ въ эпоху, когда лордъ Корнуаллисъ вздумалъ замѣнить его новымъ. Разврать и продажность туземныхъ судовъ были ясны, но, по мнѣнію свѣдущихъ людей, этому легко было помочь посредствомъ постояннаго надзора, который поправилъ бы испортившійся механизмъ.

Лордъ Корнуаллисъ поступилъ иначе: онъ сдѣлалъ, какъ человѣкъ, который, не умѣя поправить часовъ, бросаетъ ихъ и разбиваетъ, надѣясь найти какія либо другія средства узнавать время.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе къ стран. 40.

Надиръ-Шахъ въ Дели.

Надиръ идетъ къ Дели. Этотъ городъ отворяетъ ему свои ворота. Въ два первые дня, строжайшая дисциплина соблюдается персіянами, величайшій порядокъ царствуетъ въ городѣ: но на второй день ночью страннымъ образомъ распространяется слухъ, будто Надиръ-Шахъ убитъ. Несчастные жители думаютъ, что настала удобная минута освободиться отъ персіянъ и отомстить имъ — они стремятся къ оружію; ночью городъ становится добычею бунта и грабежа. Утромъ, Надиръ всходитъ на высокое мѣсто, которое до сихъ поръ еще показываютъ въ Дели; оттуда онъ разсы-

ластъ въ различныхъ направленіяхъ свои войска. По его приказаніямъ персіяне умерщвляютъ все, что находятъ, безъ различія возраста и пола; съ восхода солнца и до полудня не уставая и безпощадно работаютъ мечи, копья и кинжалы. Кровь течетъ по улицамъ, по площадямъ, по крыльцамъ дворцевъ. Вопли бѣшенства и отчаянія раздаются отовсюду, смѣшиваясь съ свистомъ пламени, ибо городъ былъ вдругъ зажженъ съ четырехъ концевъ. На террасѣ дворца, съ мечемъ въ рукѣ, Надиръ, какъ ангелъ истребитель, управлялъ втайнѣ этимъ кровопролитіемъ. Наконецъ, утомленный убійствами, онъ велѣлъ прекратить побоище: тотчасъ же, такова была его власть, ярость воиновъ стихаетъ, мечи вложены въ ножны и спасена остальная часть несчастнаго города Дели. До ста тысячь труповъ завалили улицы, загромоздили площади.

Посреди этого страшнаго безпорядка, Надиръ прежде всего захватилъ императорскую казну и то, что принадлежало императору: посуду, движимость, драгоцѣнности, паланкины и проч.; цѣнность всего простиралась до 40 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. до 1000 милліоновъ франковъ. Банкиры, негоціанты и дру-

тія богатыя лица были подвергнуты пыткѣ для узнанія отъ нихъ, гдѣ и что ими скрыто: огромная контрибуція наложена была на городъ и требуема съ неумолимою строгостью; множество богачей прибѣгли къ самоубійству, чтобы избѣжать мукъ, которымъ подверглись другіе. Къ этому бѣдствію присоединились еще голодъ и моровая язва, происшедшая отъ множества непогребенныхъ и валявшихся труповъ. Не довольствуясь этой огромной добычею, Надиръ требовалъ кромѣ того, какъ условія мира, чтобы всѣ провинціи на западѣ Инда, Кабулъ, Татта и часть Мультана были отданы ему великимъ моголомъ. Приведши всѣ эти мѣры въ исполненіе, Надиръ возвратилъ Магомету верховную власть, пренебрегая самъ его престоломъ. 14 апр. 1739, выступая въ обратный походъ, онъ оставилъ Дели, находившійся въ его владѣніи 37 дней. Саидутъ Ханъ, первый подавшій ему совѣтъ идти на Индію, умеръ въ это время отъ рака въ спинѣ. Въ исторіи встрѣчается немного бѣдствій подобныхъ тѣмъ, которыя были слѣдствіемъ страшнаго вторженія Надиръ Шаха въ Индостанъ. Одинъ дервишъ, пораженный въ своемъ уединеніи воплями отчаянія и бѣд-

ствіями всякаго рода на пути завоевателя, имѣлъ достаточно мужества, чтобы выйдти изъ своего уединенія, явился къ Надиру и сказалъ ему: „если ты Богъ, дѣйствуй какъ Богъ; если ты пророкъ, веди людей путемъ спасенія; если ты царь, твори милость народамъ.“ Завоеватель отвѣчалъ: „Дервишъ, я не Богъ, чтобы дѣйствовать какъ Богъ, я не пророкъ, чтобы вести людей путемъ спасенія, я не царь, чтобы творить милость народамъ. Я тотъ, кого Богъ посылаетъ къ народамъ, когда во гнѣвѣ своемъ Онъ рѣшилъ посѣтить ихъ.“

* *
*

Сраженіе при Панипутѣ.

Боу расположился на равнинѣ близъ селенія Панипутъ и укрѣпился тамъ; валъ, защищаемый пушками, и ровъ шириною въ 50 шаговъ и глубиною въ 12 окружали и лагерь его и вмѣстѣ селеніе Панипутъ. Съ своей стороны, Ахмедъ-Шахъ занялъ нѣсколько далѣе позицію, которую укрѣпилъ срубленными деревьями. Войско Ахмедъ-Шаха состояло изъ 42,000 человѣкъ конницы, 38,000 пѣхоты и 70 пушекъ; это была регулярная армія; иррегулярная простиралась почти до такого же чи-

сла. Маратты считали 55,000 человѣкъ конницы, 15,000 пѣхоты и 200 пушекъ; иррегулярнаго войска было у нихъ, какъ увѣряютъ, болѣе 200,000. Каждый день бывала стычка между мараттами и афганами; преимущество оставалось часто на сторонѣ послѣднихъ. Они пытались нѣсколько разъ вызвать Ахмедъ-Шаха на генеральное сраженіе, но тотъ постоянно избѣгалъ его; онъ зналъ, что его враги начинали уже страдать отъ жестокаго голоду и рѣшился не нападать на нихъ до тѣхъ поръ, пока голодъ совершенно не ослабитъ ихъ силъ. Давно уже привыкшіе къ большому изобилію, маратты сдѣлались неспособны переносить лишенія; между ними распространилась убійственная зараза и скоро болѣзнь и голодъ, соединившись вмѣстѣ, пожрали больше жертвъ, чѣмъ могли бы сразить сабли афгановъ. Голькаръ, начавши сношенія съ Ахмедъ-Шахомъ, хотѣлъ еще нѣсколько времени избѣжать рѣшительнаго дѣла, но весь лагерь ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты сраженія. Всѣ солдаты кричали, что лучше умереть на полѣ битвы, чѣмъ терпѣть муки и страданія голода, терзавшія ихъ и ихъ семейства. Начальники, призванные на совѣтъ Боуомъ,

были согласны съ мнѣніемъ солдатъ. Боу распустилъ совѣтъ съ обычными обрядами, т. е., раздавши бетель. Отданъ былъ приказъ готовиться на слѣдующій день къ сраженію; войскамъ раздано было все небольшое количество хлѣба, находившееся въ магазинахъ, въ надеждѣ, что пища, которой они нѣсколько времени были лишены, возвратитъ имъ силы. Вся остальная часть ночи проведена была въ безмолвныхъ приготовленіяхъ.

7-го янв. 1760 г., за часъ до восхода солнца, маратты вышли изъ своихъ окоповъ: артиллерія шла впереди колонны, остальная часть войска сзади, раздѣленная на множество корпусовъ, каждый подъ командою отличнаго начальника. Они медленно подошли къ лагерю Ахмедъ-Шаха; въ знакъ траура верхушки чалмъ падали имъ на плеча, лица были раскрашены желтою краской; видъ ихъ скорѣе показывалъ отчаянную преданность судьбѣ, чѣмъ благородную довѣренность къ силамъ войска, увѣреннаго заранѣе въ побѣдѣ. Одинъ изъ солдатъ войска Суджи-адъ-Доула, стоявшій на караулѣ, увидалъ ихъ при первыхъ лучахъ солнца и поспѣшилъ увѣдомить Ахмедъ-Шаха. Этотъ по-

слѣдній спалъ глубокимъ сномъ, но осѣдланная лошадь стояла у его ставки; пробужденный, онъ спрашиваетъ, что случилось, садится на лошадь и чтобы увидать непріятеля, ѣдетъ за милю впередъ отъ лагеря. Не видя сначала ничего, онъ начиналъ уже сомнѣваться въ истинѣ донесенія: но вдругъ раздался общій залпъ артиллеріи маратговъ; Ахмедъ-Шахъ, курившій въ это время персидскую трубку, оборотился къ Суджѣадъ-Доула, который за тѣмъ слѣдовалъ. „Да, сказалъ онъ, вѣсти твоего слуги справедливы,“ потомъ съ такимъ же спокойствіемъ скомандовалъ: впередъ. Въ серединѣ линіи Ахмедъ-Шаха находились великій визирь и афганы; на правомъ и на лѣвомъ флангахъ рогилласы и начальники союзниковъ. Артиллерія шла на нѣсколько шаговъ впередъ. Боу посреди маратговъ и съ нимъ большое народное знамя, стояли прямо противъ визиря. Ахмедъ-Шахъ, во главѣ не многочисленнаго, но избраннаго корпуса, стоялъ нѣсколько позади своего главнаго корпуса; сраженіе началось общей канонадой. Скоро обѣ арміи оставили позади себя свою артиллерію: раздается военный кличь маратговъ и они вторгаются въ средину непріятельской

арміи. За этимъ послѣдовалъ кровавый рукопашный бой. Пыль и безпорядокъ были таковы, что сражающихся можно было различить другъ отъ друга только по крикамъ: „Аллахъ и Данъ“ съ одной стороны и съ другой Гурръ, Гурри, кличь мараттовъ. Великій визирь, хотя и сбитъ былъ съ коня, но окруженный храбрыми всадниками, мужественно выдерживалъ нападеніе. Видя, что солдаты его бѣгутъ, онъ кричалъ имъ: „куда вы товарищи? родина далеко, до нея не дойдете!“ Правое крыло афгановъ было разорвано какъ и центръ: только лѣвое оставалось еще нетронутымъ.

Ахмедъ-Шахъ въ эту критическую минуту выказалъ рѣшительность великаго полководца; онъ послалъ подкрѣпленіе правому крылу; оно, по его приказу, начало дѣйствовать наступательно и съ 10,000 кавалеріи сдѣлало новое нападеніе на непріятеля. Маратты сражались храбро, но ихъ слабое сложеніе погубило ихъ въ рукопашномъ бою, послѣдовавшемъ за этимъ нападеніемъ. Мульхаръ Рао-Голькаръ, обвиняемый нѣкоторыми въ измѣнѣ, если и былъ невиненъ, какъ можно по всему полагать, дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ съ величайшею сла-

бостью; онъ весьма рано удалился съ поля битвы и скоро между его воинами распространились безпорядокъ и ужасъ. Маратты, оставивъ всякое сопротивленіе, предались бѣгству; стараясь возвратиться въ лагерь, они толпами бросались во рвы и погибали тамъ тысячами. Мужчины, лишенные силъ сражаться, женщины и дѣти собрались въ деревнѣ Паниипутъ, которая ночью была окружена непріятелями. Съ разсвѣтомъ дня афганы взяли въ плѣнъ и раздѣлили между собою, какъ добычу, дѣтей и женщинъ; у мужчинъ отрѣзаны были головы и разставлены пирамидами по лагерю. Сочтено было, что 200,000 челов. арміи Боу погибло въ этомъ сраженіи, одномъ изъ кровопролитнѣйшихъ; какія когда либо были. Мараттскому могуществу нанесенъ былъ здѣсь ударъ, отъ котораго долго не могло оно оправиться. Но Ахмедъ-Шахъ не воспользовался вполнѣ побѣдой; онъ пробылъ нѣсколько времени въ Дели, призналъ императоромъ Али Гогура подъ именемъ шаха Алаума II, потомъ возвратился въ Кабулъ, свою столицу. Но это сраженіе можетъ считаться минутой окончанія могольской имперіи; она раздѣлилась и скоро разрушена была мечемъ и политикой Англіи.

Примѣчаніе къ стран. 75.

Вотъ названіе двѣнадцати баловтаевъ и двѣнадцати аловтаевъ, по общему мнѣнію маратовъ, не всѣми впрочемъ признаваемому. Первый баловтай, начальникъ двѣнадцати другихъ, плотникъ, второй кузнецъ, третій башмачникъ и кожевникъ; четвертый мхаръ или дхеръ; этотъ послѣдній принадлежитъ къ самымъ низшимъ классамъ шункерджати, за исключеніемъ манга. По его обязанности тѣмъ не менѣе важны въ сельской администраціи. Мхаръ вмѣстѣ и шпіонъ, и вожатый, и ночный сторожъ; онъ заботится о лошадяхъ путешественниковъ, обязанъ въ случаѣ нужды переносить ихъ багажъ, онъ главный охранитель сельскихъ границъ. Въ Магараттрѣ они вообще люди дѣятельные, полезные, разумные. Мангъ вьетъ веревки плѣти и проч. онъ часто служитъ вачменомъ (ночнымъ сторожемъ), онъ воръ и палачь по ремеслу, часто убійца по найму. Манги впрочемъ не такъ смѣтливы, какъ мгары; тѣ и другіе питаются падалью. Шестой горшечникъ; седьмой цырюльникъ, восьмой водоносъ; девятый чуру; этотъ послѣдній имѣетъ обязанностью мыть и укра-

шать деревенскаго идола; въ день общественнаго пира готовить патровли или листья, употребляемыя индійцами вмѣсто блюдъ и тарелокъ. Гуру вмѣстѣ съ тѣмъ и трубачи и какъ таковые употребляются часто въ маратскомъ войскѣ. Десятый джонги или астрологъ; это браминъ, присутствующій при рожденіи дѣтей, предсказывающій счастливые и несчастные дни и проч. одиннадцатый бардъ или поэтъ; двѣнадцатый мулана или мусульманскій мулла, называемый такъ маратами. Удивительно странно, что онъ принадлежитъ къ числу баловтаевъ въ индійскомъ селеніи. Если бы онъ принадлежалъ къ аловтаямъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, это было бы менѣе странно, особенно, если мы допустимъ, какъ допускается часто, что учрежденіе аловтаевъ гораздо позднѣе учрежденія баловтаевъ; по тѣмъ не менѣе это только простая догадка. Мулана заботится о мечетяхъ, о гробницахъ магометанскихъ святыхъ, управляетъ землями (энамъ) имъ принадлежащими. Онъ совершаетъ церемоніи магометанскихъ браковъ, исполняетъ всѣ должности муллы и встрѣчается часто въ такихъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ мусульманскихъ семействъ

кромѣ его собственнаго. У маратттовъ онъ рѣжетъ козъ и барановъ, приносимыхъ въ жертву на поляхъ и въ храмахъ, для умилостивленія божествъ, присутствующихъ при большихъ раздѣлахъ земель (стуллъ) въ деревнѣ. Мулана рѣжетъ часто барановъ и за галика, котораго совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ мясникомъ, хотя правда, что онъ готовитъ мясо для продажи. Въ награду, мулани получаетъ два писа (небольшая мѣдная монета) и кромѣ того сердце всякаго убиваемаго имъ животнаго. Вообще маратты не ѣдятъ мяса безъ того, чтобы мулана не произнесъ формулу, *Пейтъ*, дѣлающую мясо животнаго *Гуллалъ*; т. е. способнымъ къ употребленію. Мулана пользуется преимуществами, общими съ другими баловтаями.

Аловтаи суть: сонаръ или золотыхъ дѣлъ мастеръ, онъ же пробощикъ монеты и въ тоже самое время дѣлаетъ всѣ золотыя и серебряныя украшенія, употребляемыя богатыми жителями деревни; джунгумъ или гуру секты лингапистовъ; портной, кули или водоносъ, тураль или йескуръ, родъ мгара, но преимущества, ему принадлежащія, отличаются отъ преимуществъ мгара, принадлежащаго къ баловтаямъ.

Турель находится въ обязанности оставаться въ деревнѣ и никогда не переходить за ея границы. Онъ постоянно находится въ распоряженіяхъ потейля, но главная его обязанность провожать иностранцевъ, заботиться о путешественникахъ съ минуты прибытія ихъ въ деревню до ихъ выхода. Когда деревня окружена стѣнами, на немъ лежатъ еще обязанности привратника. Онъ доставляетъ иностранцамъ всѣ нужныя имъ свѣдѣнія и часто бываетъ имъ полезенъ. Обязанности его весьма разнообразны. Довре госави лице, употребляемое при богослуженіи для того, чтобы бить въ дуръ, родъ маленькаго барабана. Гурси. Этотъ происходитъ, говорятъ, отъ первобытныхъ жителей Дундъ-Карнига, лѣса, лежащаго между истоками Бама и Кавери. Рамуни или бгиль: эти послѣдніе, хотя обязанности ихъ одинаковы въ сельскомъ управленіи, принадлежатъ къ различнымъ кастамъ, но весьма сходны привычками; тѣ и другіе отъявленные воры. Рамуни принадлежатъ въ особенности къ Магарактрѣ. Бгили, на всемъ пространствѣ маратскаго владычества, встрѣчаются только въ Кандейшѣ и въ горахъ Сигадри, на сѣверѣ Джунере. Въ селе-

ніяхъ они занимаютъ вообще обязанности ватчменовъ и въ этомъ отношеніи, являются дѣятельными помощниками полиціи; но за то, при слабомъ правленіи, во время анархіи, они оставляютъ свои жилища и становятся ворами и разбойниками. Рамуси носятъ саблю и мушкетъ; бгили обыкновенно лукъ и стрѣлу. Бгилей много на сѣверѣ Нербудды и въ большой части Гузерата. Какъ члены сельскаго учрежденія, они называются въ этой исторіи Буртенеасъ. За ними слѣдуютъ: тели или продавецъ масла, тамбовли или продавецъ кожъ и гонедуллъ или музыкантъ, играющій на тамбгутѣ (родѣ большаго барабана).

(Grant's, history of the Mahrattes, томъ I, стран. 31).

Приложеніе къ стран. 342.

Совѣтъ раздѣляется на слѣдующіе комитеты: 1) тайный, 2) корреспонденціи, 3) казначейства, 4) войскъ и продовольствія, 5) судопроизводства, 6) военной части, 7) отчетовъ, 8) зданій, 9) магазиновъ, 10) India House, 11) покупокъ, 12) частной торговли, 13) гражданскаго училища, 14) военнаго училища.

Обязанности каждаго изъ этихъ комитетовъ опредѣляются отчасти самымъ ихъ названіемъ; тѣмъ не менѣе не безполезно обозначить ихъ вѣдомство.

1. *Тайный комитетъ.* Это кабинетъ, министерство компаніи; обязанности его опредѣлены парламентскомъ актомъ. Онъ состоитъ изъ президента, вице президента и старшаго изъ директоровъ. Онъ разсуждаетъ обо всѣхъ депешахъ, какой бы они ни были важности, относящихся къ миру, къ войнѣ, ко внѣшнимъ сношеніямъ, обо всѣхъ особенно важныхъ отношеніяхъ компаніи въ Англіи. Онъ разсуждаетъ обо всемъ этомъ съ контрольнымъ отдѣленіемъ, оффиціально подписываетъ депеши этого отдѣленія и одинъ за нихъ отвѣтствуетъ. Члены и чиновники комитета даютъ присягу въ соблюденіи тайны. Нѣкоторыя дѣла съ 1814 года и до нашего времени (до 1833) еще не сообщены совѣту директоровъ.

2. *Комитетъ корреспонденціи* Комитетъ постоянный для производства общихъ дѣлъ Индіи. Его вѣдомству подлежатъ огромные рапорты и депеши, относящіяся къ правленію Индіи, идутъ ли они изъ Индіи или изъ кон-

трольнаго отдѣленія. Ему же подлежитъ назначеніе числа кораблей, писцовъ и помощниковъ хирурговъ, о чемъ онъ доноситъ совѣту. Комитетъ состоитъ изъ президента и девяти старшихъ директоровъ.

3. *Комитетъ казначейства.* Его вѣдомству подлежатъ расходы и доходы компаніи въ Англіи, займы и вся финансовая часть. Составъ его одинаковъ съ предшествовавшимъ.

4. *Комитетъ содержанія войскъ.* Онъ заботится обо всемъ, что нужно для морскихъ и сухопутныхъ силъ его величества въ Индіи, о ликвидаціи, и составленъ какъ предшествовавшій.

5. *Комитетъ судопроизводства.* Занимается всѣми спорными дѣлами, касающимися компаніи въ Англіи или въ Индіи. Онъ совѣтуется съ законодательнымъ совѣтомъ компаніи и отсылаетъ свое мнѣніе на утвержденіе совѣта директоровъ. Составленъ какъ предшествующій.

6. *Комитетъ военный.* Выслушиваетъ прошенія ветерановъ индійской арміи, женъ и дѣтей тѣхъ, которые погибли въ службѣ компаніи. Ему подлежатъ всѣ счеты фондовъ, называемыхъ фондами лорда Клейва. Состоитъ изъ

президента, девяти старшихъ и трехъ младшихъ директоровъ.

7. *Комитетъ счетный.* Состоитъ изъ президента, вице президента и шести младшихъ директоровъ.

8, *Комитетъ покупокъ.* Занимается покупками для Индіи и для Китая. Составленъ какъ предыдущій.

9. *Комитетъ India House.* На его обязанности лежатъ содержаніе, поправка и проч. зданіи Лиденгольстрита и проч. Составленъ какъ предшествующій.

10. *Комитетъ навигаціи.* Завѣдываетъ кораблями и всѣмъ до нихъ относящимся; состоитъ изъ президента, вице президента и семи младшихъ директоровъ.

11. *Комитетъ частной торговли.* Занимается преимущественно надзоромъ за тѣмъ, чтобы не были переступаемы границы коммерческихъ привилегій, данныхъ чиновникамъ компаніи. Составленъ какъ предшествующій.

12. *Комитетъ гражданскаго училища.* Наблюдаетъ за училищемъ компаніи въ Уейлесбери. Состоитъ изъ президента, шести старшихъ и четырехъ младшихъ директоровъ.

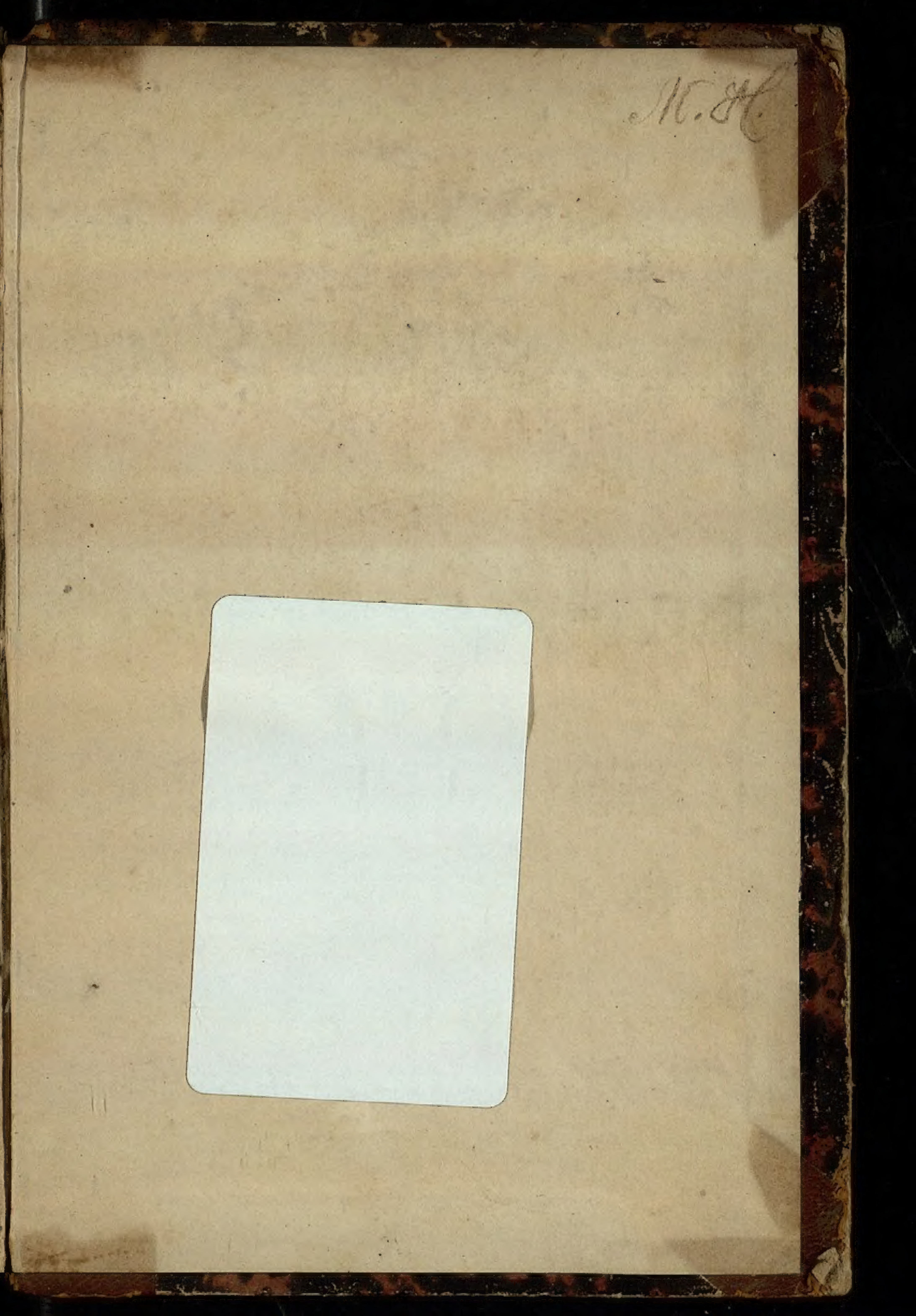
13. *Комитетъ военнаго училища.* Занимается такимъ же надзоромъ за училищемъ въ Элпскомбѣ. Состоитъ изъ президента, пяти старшихъ и шести младшихъ директоровъ.

Къ стран. 451.

Таблица доходовъ компаніи.

Какіе доходы.	Бенгалія.	Мадрасъ.	Бомбей.	Вся Индія.
	ф. стерл.	ф. стерл.	ф. стерл.	ф. стерл.
Позем. налогъ.	8,070,000	3,644,116	1,528,431	13,242,547
Фермы и позволенія	„	26,391	„	26,391
Соль	1,689,391	356,640	22,730	2,068,761
Опіумъ	1,389,186	„	„	1,389,186
Транзитъ	84,564	включ. въ таможн. сборы.		84,564
Тамож. сборы и акцизъ	723,395	589,154	433,859	1,746,408
Базар. и рынки	54,458		207,155	844,969
Водка	407,013	176,343		
Таксы на ремесла	„	121,620	„	121,620
Таксы на кареты	„	„	3,745	3,745
Так. на табакъ.	„	59,347	„	59,347
Почты	89,559	32,191	12,696	134,446
Герб. бумага	314,551	55,256	10,299	380,106
Таксы на пилигримовъ	53,993	33,647	„	87,640

И того 20,189,730 ф.


M. H.